

**Вестник Южно-Российского
государственного технического
университета (НПИ).**

**Серия:
Социально-экономические
науки**

**Bulletin
of the South Russian
State Technical
University (NPI).
Series:
Socio-Economic Sciences**

Научный журнал

**2022 год Том 15 Выпуск 2
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2**

Учредитель и издатель

Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия

Главный редактор

Воденко Константин Викторович,
доктор философских наук, профессор
vodenkok@mail.ru

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ №ФС 77-37943

Издается с 2008 года
Выходит 6 раз в год

В номере:

Социология
Экономика
Философия

Журнал включён ВАК при Минобрнауки
РФ в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс в каталоге агентства
«Пресса России» — 10228

ISSN 2075-2067

Ответственный секретарь

И. И. Сальникова

Верстка и редакция

В. Г. Рыжкова, Е. Н. Азарова

Адрес редакции и издателя

346428, Россия, Ростовская обл.,
г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
vestnik-npi@yandex.ru

Выход в свет 28.04.2022 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (главный редактор);

Абакумова Ирина Владимировна, академик РАО, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Архипова Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, Высшая школа экономики, Москва, Россия;

Ван Лэй, PhD, Чанчуньский инженерно-технологический институт, Чанчунь, Китай;

Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Голенко-Гинзбург Дмитрий Исаакович, доктор технических наук, профессор, Университет имени Бен-Гуриона провинции Негев, Беер-Шева, Израиль;

Дергачева Елена Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор РАН, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Иванченко Ольга Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (зам. главного редактора);

Ивушкина Елена Борисовна, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Комиссарова Мария Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Мемпель-Снежик Анна, PhD, Вроцлавский экономический университет, Вроцлав, Польша;

Нижегородцев Роберт Михайлович, доктор экономических наук, доцент, Института проблем управления РАН, Москва, Россия;

Осмонова Нургул Исраиловна, доктор философских наук, профессор, Российско-Киргизский славянский университет, Бишкек, Киргизия;

Попкова Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, Институт научных коммуникаций, Волгоград, Россия; Российский экономический университет имени В. Г. Плеханова, Москва, Россия;

Почтовюк Андрей Борисович, доктор экономических наук, профессор, Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского, Кременчуг, Украина;

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Московский государственный социальный университет, Москва, Россия;

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия;

Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия;

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Сорвиоров Борис Владимирович, д. э. н., профессор, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Белоруссия;

Степан Каван, PhD, Университет Южной Богемии в Ческе-Будеевице, Ческе-Будеевице, Чехия;

Сухарев Олег Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН, Москва, Россия;

Тихоновская Светлана Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Череповицын Алексей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Черных Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Щербакова Лидия Ильинична, доктор социологических наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Юлиус Раманаускас, Dr. hab., Университет имени А. Стуглинскаса, Каунас, Литва;

Сальникова Инна Ивановна, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (ответственный секретарь).

**ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (НПИ)
СЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

2022 год Том 15 Выпуск 2

Содержание

Contents

Теоретическая и прикладная социология	Theoretical and Applied Sociology
Письменная Е. Е., Рязанцев С. В., Смирнов О. О., Мирязов Т. Р., Смирнов А. В. Влияние миграции на человеческий капитал и интеллектуальный потенциал населения регионов Российской Федерации.....7	Pismennaya E. E., Ryazantsev S. V., Smirnov O. O., Miryazov T. R., Smirnov A. V. The Impact of Migration on the Human Capital and Intellectual Potential of the Population of the Regions of the Russian Federation.....7
Гурба В. Н. Терроризм в контексте истории и практики украинского национализма.....24	Gurba V. N. Terrorism in the Context of the History and Practice of Ukrainian Nationalism.....24
Касаткин Е. В. Маскулинность в фокусе современной социологии гендера.....34	Kasatkin E. V. Masculinity in Focus of Modern Sociology of Gender.....34
Кузьмичева Л. Н., Харитонова И. О. Игра и ее роль в социально- психологическом развитии ребенка.....43	Kyzmicheva L. N., Kharitonova I. O. The Game and Its Role in the Socio- Psychological Development of the Child.....43
Сусименко Е. В., Литвиненко Е. Ю. Влияние консьюмеризации общества на систему высшего образования.....50	Susimenko E. V., Litvinenko E. Yu. The Impact of the Consumerization on Higher Education System.....50
Тищенко Ю. Г., Ковалева Н. Ю., Тищенко И. А. Конструкты маскулинности и	Tishchenko Yu. G., Kovaleva N. Yu., Tishchenko I. A. Constructs of Masculinity

феминности в гендерных представлениях современной студенческой молодежи.....	59	and Femininity in Gender Representations of Modern Students.....	59
--	----	--	----

Чернов И. В., Пономарев П. А. Цифровые инструменты управления уровнем физического развития и здоровья молодёжи.....	67	Chernov I. V., Ponomarev P. A. Digital Tools for Managing the Level of Physical Development and Health of Young People.....	67
---	----	---	----

Чистяков А. В., Иващенко М. В. Социальное самочувствие молодых учителей в среднем российском городе.....	74	Chistyakov A. V., Ivashchenko M. V. Social Well-Being of Young Teachers in an Average Russian City.....	74
---	----	--	----

Экономика и управление

Economics and Managment

Абакумова, Дятлов А. В., Воденко К. В. Принятие управленческих решений: математика и психология.....	84	Abakumova, Dyatlov A. V., Vodenko K. V. Managerial Decision-Making: Mathematics and Psychology.....	84
---	----	--	----

Белошицкий А. В., Череповицын А. Е. К вопросу формирования сценариев устойчивого развития нефтесервисной отрасли.....	95	Beloshitskiy A. V., Cherepovitsyn A. E. To the Question of the Formation of Scenarios for the Sustainable Development of the Oilfield Services Industry.....	95
---	----	--	----

Боязитов Д. Р. Высокоэффективное государственное управление экономикой регионов как основа санкционной устойчивости России.....	107	Bayazitov D. R. Highly Effective State Management of the Regional Economy as the Basis of Russia's Sanctions Stability.....	107
--	-----	--	-----

Бринк И. Ю., Северина Е. М. Исследование семантики термина «эффективность» в контексте теории управления.....	114	Brink I. Y., Severina E. M. Research on the Semantics of the Term «Efficiency» in the Context of Management Theory.....	114
---	-----	---	-----

Глазунова В. В. Региональная политика инвестирования инфраструктуры и стимулирования экономического роста.....	125	Glazunova W. V. Regional Policy for Investing in Infrastructure and Promoting Economic Growth.....	125
--	-----	--	-----

Долматова Л. Г. Особенности обследовательских работ на территории сельскохозяйственных предприятий в контексте рационального использования пахотных земель и устойчивого экономического развития.....	140	Dolmatova L. G. Features of Survey Works on the Territory of Agricultural Enterprises in the Context of Rational Use of Arable Land and Sustainable Economic Development.....	140
--	-----	--	-----

Кузнецов В. П., Романовская Е. В., Бакулина Н. А. Императивы совершенствования производственно-хозяйственной деятельности предприятия в современных условиях.....146	Kuznetsov V. P., Romanovskaya E. V., Bakulina N. A. Imperatives of Improving the Production and Economic Activity of the Enterprise in Modern Conditions.....146
Марушко Н. И., Куликов М. М. Влияние кластеров на промышленный комплекс Южного федерального округа...154	Marushko N. I., Kulikov M. M. Influence of Clusters on the Industrial Complex of the South Federal District.....154
Попов Н. Е., Кузьминов А. Н. Группировка продуктов для оптимизации производственных процессов в условиях промышленных предприятий.....163	Popov N. E., Kuzminov A. N. Grouping of Products to Optimize Production Processes in Industrial Enterprises.....163
Сухарев О. С., Клыпин А. В. Стратегическое управление наукой в России: проблемы и перспективы.....173	Sukharev O. S., Klypin A. V. Strategic Governance of Science in Russia: Problems and Prospects.....173
Тимонина В. И. Противоречия энергетического рынка: основная суть и развитие.....192	Timonina V. I. Contradictions in the Energy Market: Core Issues and Development.....192
Шумская Е. Н., Филиппов С. В., Терновский О. А. Мотивация и стимулирование труда управленческих кадров на предприятии...199	Shumskaya E. N., Filippov S. V., Ternovsky O. A. Motivation and Stimulation of Management Personnel in the Enterprise.....199
Череповицына А. А. Арктические нефтегазовые проекты: будущее в условиях энергетического перехода.....212	Cherepovitsyna A. A. Arctic Oil and Gas Projects: Future in the Era of Energy Transition.....212

Философская инноватика

Philosophical innovation

Дашкова Е. В. Этнокультурный туризм в контексте формирования и развития патриотизма.....225	Dashkova E. V. Ethnocultural Tourism in the Context of the Formation and Development of Patriotism.....225
Дергачева Е. А., Колесник Т. А. Научно-философские проблемы образования в системе Цифровой Земли...233	Dergacheva E. A., Kolesnik T. A. Scientific and Philosophical Problems of Education in the Digital Earth System.....233
Дуйшоев Э. К. Концепция евразийства: становление и развитие социального учения.....247	Duishoev E. K. The Concept of Eurasianism: the Formation and Development of Social Teaching.....247

Майснер Т. Н. Биоцентризм как мировоззренческая модель устойчивого развития современного города.....255	Meisner T. N. Biocentrism as a World Outlook Model of Sustainable Development of a Modern City.....255
Римский А. В., Любченко В. С. Право и социальная справедливость: парадоксы современного общества.....263	Rimskiy A. V., Lyubchenko V. S. Law and Social Justice: Paradoxes of Modern Society.....263
Тихоновская М. П. Антропологический кризис как предмет философского дискурса: специфика и основные тенденции.....273	Tikhonovskova M. P. Anthropological Crisis as a Subject of Philosophical Discourse: Specificity and Main Trends.....273
Штофер Л. Л., Шевченко О. М. Перспективы и риски цифровизации как тренда социального развития: культура и образование.....281	Shtofer L. L., Shevchenko O. M. Prospects and Risks of Digitalization as a Trend of Social Development: Culture and Education.....281
Научная жизнь	Scientific life
Бринк И. Ю. «Терра-Политех» — инновации в открытом университете.....291	Brink I. Yu. Terra-Polytech — Innovations at the Open University.....291

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY

Научная статья

УДК 314.748

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-7-23

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Елена Евгеньевна Письменная¹, Сергей Васильевич Рязанцев²✉,
Олег Олегович Смирнов³, Тимур Робертович Мирязов⁴, Алексей Викторович Смирнов⁵*

^{1, 2, 3, 4, 5}Институт демографических исследований

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

¹Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

²Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел РФ (МГИМО МИД РФ), Москва, Россия

¹nikitar@list.ru, ORCID: 0000-0002-0401-2071, AuthorID РИНЦ: 124770,

AuthorID Scopus: 8731444800

²riazan@mail.ru ✉, ORCID: 0000-0001-5306-8875, AuthorID РИНЦ: 77673,

AuthorID Scopus: 22136228700, WoS Research ID: F-7205-2014

³olegsmirnov54@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2684-2217, AuthorID РИНЦ: 994469

WoS Research ID: A-6430-2019, SPIN-код: 1330-9163

⁴miryazov_timur@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9143-1740, AuthorID РИНЦ: 1025136,

AuthorID Scopus: 57209221088, WoS Research ID: AAY-1530-2021

⁵sofetel@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6559-1679, AuthorID РИНЦ: 1068065,

AuthorID Scopus: 57219713206

Аннотация. Целью исследования является оценка влияния миграционного притока и оттока населения на человеческий капитал и интеллектуальный потенциал российских регионов в целом и их отдельные социально-демографические характеристики.

Методология исследования строится на основе материалов социологического опроса экспертов и данных статистики Росстата по миграции населения.

Результаты исследования. Было выявлено, что только 16 субъектов Российской Федерации (около 19%) имеют положительное сальдо миграции. В остальных российских регионах (81%) отмечается миграционная убыль населения. Выделено три типа российских регионов по вкладу миграции в формирование демографического потенциала: с преобладающей ролью миграции в формировании демографического потенциала региона, с паритетным балансом миграционного прироста и естественной убыли населения, с частично компенсаторным вкладом миграционного прироста в общий прирост населения.

На основе анализа данных статистики о структуре миграционного прироста по уровню образования выделено пять типов регионов: активно «стягивающие» значительное количество мигрантов с высшим профессиональным образованием, в том числе людей

с ученой степенью кандидата и доктора наук; в большей степени привлекающие людей с высшим профессиональным образованием, чем их теряющие; с нулевым приростом мигрантов с высшим профессиональным образованием; с оттоком людей с высшим профессиональным образованием; с активным «вымыванием» населения с высшим профессиональным образованием.

На основе социологического опроса 100 экспертов из числа представителей ученых, государственных служащих, бизнесменов в 85 субъектах Российской Федерации выявлена роль миграции в формировании человеческого капитала и интеллектуального потенциала.

Общий вывод исследования заключается в том, что миграция неоднозначно влияет на данные параметры: не только миграционный отток, но иногда и миграционный приток населения оказывают отрицательное влияние на человеческий потенциал регионов, однако, делают они это с разной степенью интенсивности.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении влияния миграции на человеческий потенциал регионов России.

Ключевые слова: человеческий (демографический) капитал, интеллектуальный потенциал, миграция, миграционный прирост, миграционный приток, миграционный отток населения

Для цитирования: Письменная Е.Е., Рязанцев С.В., Смирнов О.О., Мирязов Т.Р., Смирнов А.В. Влияние миграции на человеческий капитал и интеллектуальный потенциал населения регионов Российской Федерации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 7–23. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-7-23>.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07352 мк.

Original article

THE IMPACT OF MIGRATION ON THE HUMAN CAPITAL AND INTELLECTUAL POTENTIAL OF THE POPULATION OF THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

*Elena E. Pismennaya¹, Sergey V. Ryazantsev²✉,
Oleg O. Smirnov³, Timur R. Miryazov⁴, Alexey V. Smirnov⁵*

*^{1, 2, 3, 4, 5}Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

¹Financial University under the Government of Russia, Moscow, Russia

*²Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia*

*¹nikitar@list.ru, ORCID: 0000-0002-0401-2071, AuthorID RSCI: 124770,
AuthorID Scopus: 8731444800*

*²riazan@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-5306-8875, AuthorID RSCI: 77673,
AuthorID Scopus: 22136228700, WoS Research ID: F-7205-2014*

*³olegsmirnov54@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2684-2217, AuthorID RSCI: 994469
WoS Research ID: A-6430-2019, SPIN: 1330-9163*

*⁴miryazov_timur@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9143-1740, AuthorID RSCI: 1025136,
AuthorID Scopus: 57209221088, WoS Research ID: AAY-1530-2021*

⁵sofetel@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6559-1679, AuthorID RSCI: 1068065,
AuthorID Scopus: 57219713206

Abstract. *The aim of the study is to assess the impact of migration inflow and outflow of population on human capital and intellectual potential of Russian regions as a whole and their individual socio-demographic characteristics.*

The methodology of the study *is based on the materials of a sociological survey of experts and data from Rosstat statistics on population migration.*

Research result. *It was revealed that only 16 subjects of the Russian Federation (about 19%) have a positive migration balance. In the rest of the Russian regions (81 %), there is a migration decline in the population. Three types of Russian regions are distinguished according to the contribution of migration to the formation of demographic potential: with the predominant role of migration in the formation of the demographic potential of the region; with a parity balance of migration growth and natural population decline; with a partially compensatory contribution of migration growth to the total population growth.*

Based on the analysis of statistical data on the structure of migration growth by level of education, five types of regions were identified: regions that actively «pull in» a significant number of migrants with higher professional education, including people with a candidate and doctoral degree; attracting people with higher professional education to a greater extent than losing them; with zero growth of migrants with higher professional education; with the outflow of people with higher professional education; with active «washout» of the population with higher professional education.

Based on a sociological survey of 100 experts from among representatives of scientists, civil servants, businessmen in 85 constituent entities of the Russian Federation, the role of migration in the formation of human capital and intellectual potential was revealed.

The general conclusion of the study is that migration has an ambiguous effect on these parameters: not only migration outflow, but sometimes migration inflow of the population negatively affect the human potential of the regions, but they do this with varying degrees of intensity.

We see prospects for further research *of the problem in a more detailed study of the impact of migration on the human potential of Russian regions.*

Keywords: *human (demographic) capital, intellectual potential, migration, migration growth, migration inflow, migration outflow of population*

For citation: *Pismennaya E. E., Ryazantsev S. V., Smirnov O. O., Miryazov T. R., Smirnov A. V. The impact of migration on the human capital and intellectual potential of the population of the regions of the Russian Federation // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 7–23. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-7-23>.*

Acknowledgements: *the reported study was funded by RFBR, project number № 19-29-07352 мк.*

Теоретический аспект: миграция, человеческий капитал и интеллектуальный потенциал. Появлению понятия «человеческий капитал» предшествовали работы классиков экономики о производительных способностях человека. Так, У. Петти, родоначальник «политической арифметики»,

к физическим богатствам страны включил еще и людей: «... однако весь род людской имеет такую же стоимость, как и земля...» [4, с. 82]. А. Смит в своей работе «Исследовании о природе и причинах богатства народов» выделил три фактора: а) с момента разделения труда возникают высокие компетенции ра-

ботников в конкретных сферах; б) богатством страны является не конкретно сам человек, а его способности выполнять ту или иную работу; в) инвестиции, потраченные на образование, должны окупиться в течение жизни человека. Человека, изучившего «... с затратами большого труда и времени какую-либо из профессий, требующих ловкости и искусства, можно сравнить ... с дорогой машиной. Следует ожидать, что труд, которому он обучался, возместит ему сверх обычной заработной платы за простой труд все расходы на обучение, с обычной, по меньшей мере, прибылью на капитал, равный сумме расходов» [6, с. 13].

Окончательно теория человеческого капитала была сформирована к 1960-м годам, значительный вклад внесли Т. Шульц, Г. Беккер, Дж. Кендрик, М. Блауг, Р. Перлмен, У. Боуэн, М. Фишер, М. Блауг и др. Отечественные авторы проявили интерес к данной теме в 1970–1980-х годах, но по большей части статьи носили критический характер буржуазных теорий человеческого капитала [1]. В 1992 г. была присуждена Нобелевская премия профессору по экономике и социологии Чикагского университета К. Беккеру за работы по человеческому капиталу. Вскоре часть его работ была переведена на русский язык, поскольку данная тематика стала актуальной среди российских специалистов.

В научной литературе под человеческим капиталом понимается «совокупность знаний, умений, навыков, использующихся для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом» [2, с. 6]. Каждый капитал обладает определённой спецификой, исключением не стал и человеческий капитал. Во-первых, это накопленный с течением времени ресурс. Во-вторых, это багаж знаний, умений, навыков, который используется человеком в конкретной сфере производства, благодаря чему способствует росту производительности труда. В-третьих, эффективное и правильное использование человеческого капитала ведет к увеличению доходов. В-четвертых, рост доходов и появление на горизонте новых перспектив стимулирует работника на «расширение» своего человеческого капитала путем дополнительных вложений в образование.

Человеческий капитал обладает рядом особенностей, чем отличается от физического капитала:

— во-первых, человеческий капитал не может существовать отдельно от индивида, поэтому продаются и покупаются только услуги человеческого капитала;

— во-вторых, инвестиционный период человеческого капитала составляет 12–20 лет, а возможно, и более, чем в разы превосходит по времени инвестиции в физический капитал. Доходность от инвестиций в человеческий капитал обычно растет со временем до окончания трудоспособного возраста, а потом начинает уменьшаться [6, 1, 7].

Расходы на инвестиции в человеческий капитал делятся на следующие классы:

— здравоохранение, которое поддерживает «материальный носитель» человеческого капитала и обеспечивает высокую продолжительность жизни. Стоит отметить, что речь идет именно о здоровом уровне жизни, поскольку разница и польза от людей при одинаковом числе прожитых лет, если один занят активным трудом, а второй прикован к поддерживающей жизнь аппаратуре в больнице, будет, скорее всего, значительной [8];

— образование, которое улучшает качество жизни, обеспечивает накопление знаний, умений и опыта человека. Страны, которые не могут обеспечивать своему населению доступ к качественному образованию, скорее всего, обречены. В современном мире капитал и земля становятся пассивным фактором, уступая место людям, обладающим знаниями и навыками — активным факторам, обеспечивающим экономический рост [7]. По мнению американского экономиста Э. Денисона, самым важным фактором роста производительности труда является образование [2];

— рождение и воспитание детей, что обеспечивает непрерывность в производстве человеческого капитала;

— миграция и поиск информации, где труд лучше оплачивается, т.е. мест, где цена на услуги человеческого капитала выше [1, 8].

Интеллектуальный потенциал представляет собой одну из важнейших характеристик человеческого потенциала страны или региона. Наиболее доступно интеллектуальный потенциал измерять численностью и долей людей с высшим образованием в струк-

туре населения страны или региона. Образовательный состав мигрантов в российской и зарубежной статистике не всегда хорошо учитывается. Например, в российской официальной статистике Росстата можно обнаружить данные по образовательному составу мигрантов, которые приезжают в Россию на 9 и более месяцев. По мигрантам, которые въезжают на срок менее 9 месяцев, такие данные отсутствуют, хотя они также представляют собой значительный демографический потенциал.

В свою очередь в научной литературе, посвященной человеческому капиталу, мало внимания уделяется миграции. Благодаря различным формам миграции (на постоянное место жительства, образовательной, трудовой) страна (регион) за относительно короткое время может повысить уровень человеческого капитала с минимальными издержками. Вклад миграции в интеллектуальный потенциал представляет собой более сложный и долгосрочный процесс. Люди с высшим образованием, как правило, имеют более сложную мотивацию на переезд, при этом их адаптация и интеграция в принимающее общество, как правило, более успешна. Трудовая миграция может оказывать и положительное влияние на качество человеческого капитала в стране исхода. Поскольку денежные переводы сказываются положительно на экономике стран, есть возможность заплатить за образование детей и не использовать детский труд [10].

В научной литературе широко исследуется проблема «утечки умов». Эмиграция квалифицированных кадров создает неравенства на страновом уровне. Богатые страны, привлекающие к себе такого уровня мигрантов, становятся еще богаче, увеличивая человеческий капитал, а бедные страны — еще беднее. Стоит отметить, что в основном уезжают люди в молодых репродуктивных возрастах, что также негативно сказывается на демографическом потенциале страны-донора [9]. За период с 2002 по 2015 годы из России эмигрировало от 1,9 до 2,5 млн. чел. с высшим образованием, в том числе от 7,2 до 9,6 тыс. кандидатов и докторов наук [5]. Безусловно, это потери не только человеческого капитала страны, но и расходы государства на данных спе-

циалистов. В 2020 году государственные расходы на 1 обучающегося в дошкольном образовании составили 135 тыс. руб., общем образовании — 109 тыс. руб., среднем профессиональном образовании — 135 тыс. руб., а в высшем — 393 тыс. руб. [3].

Источники информации и методика исследования. Статья основана на двух основных источниках информации, полученных в ходе полевых исследований. Первый источник — результаты социологического опроса 100 экспертов из числа представителей ученых, государственных служащих, бизнесменов, опрошенных онлайн-методом в 85 субъектах Российской Федерации. Инструментарий путеводителя интервью включали как закрытые, так и открытые вопросы и ставили в качестве цели выявление влияния миграционных процессов на формирование человеческого капитала и интеллектуального потенциала.

Основное обсуждение строилось вокруг числовой оценки респондентами влияния миграционного притока и оттока населения на составляющие части человеческого капитала и интеллектуального потенциала. Оценка производилась по шкале от 1 до 10, где в общих случаях 1 означало существенную негативную оценку влияния, а 10 — крайне положительную (более подробное толкование шкал по каждому из вопросов см. табл. 3). Для упрощения анализа можно считать оценку 5 как отсутствие влияния, оценку <5 — отрицательное влияние, >5 — положительное влияние. Результаты интервью по вопросам, которые предполагают числовые оценки, приведены в таблице 1 в виде среднего значения среди всех регионов каждой из групп и в общей оценке по всем группам.

Второй источник информации — статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата) по миграции и естественному движению населения в 2020 году. На основе этих статистических данных была разработана типология регионов Российской Федерации по вкладу миграции в формирование человеческого (демографического) потенциала, а также типология регионов по структуре миграционного прироста на основе уровня образования.

Таблица 1
 Table 1

Ответы респондентов по вопросам, предполагающие числовую оценку
Respondents' answers to questions involving numerical evaluation

Тип влияния	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	5 группа	Общая оценка
<i>Миграционный отток населения</i>						
Влияние на общий интеллектуальный уровень в регионе	4,86	3,86	3,33	3,05	4	3,82
Влияние на распространённость людей с талантами, знаниями, навыками	5,31	4	4,5	3,59	3,91	4,26
Влияние на достижения / результаты выпускников	4,13	4,43	2,82	3,62	3	3,6
Влияние на общую квалифицированность работников	4,56	4,14	3,25	3,67	3,36	3,8
Влияние на количество ключевых для жизни объектов	5,63	4,71	4	4,19	4,5	4,61
Общее влияние на составляющие человеческого капитала	4,9	4,23	3,58	3,62	3,76	4,02
<i>Миграционный приток населения</i>						
Влияние на виды преступности и общую криминогенность	4,24	4,71	4,58	4,72	4,27	4,51
Влияние на частоту возникновения эпидемиологически опасных заболеваний	4,18	4,43	4,58	4,61	4,33	4,43
Влияние на уровень профессионализма местных жителей	4,77	5,29	5,75	4,73	4,42	4,99
Влияние на качество конечного продукта и предоставления услуг	4,56	5,71	5,67	4,86	4,64	5,09
Влияние на качество городской среды	5,06	4,14	5,25	4,81	4,83	4,82
Общее влияние на составляющие человеческого капитала	4,56	4,86	5,17	4,75	4,5	4,77

Роль миграции в формировании человеческого (демографического) потенциала российских регионов. Роль миграции в формировании населения Российской Федерации была значительной на протяжении всей постсоветской истории. В 2020 году миграционный прирост компенсировал 17,7% естественной убыли населения: 124,5 тыс. и –702 тыс. человек соответственно. Однако в результате страна в целом не вышла даже на нулевой прирост населения — общая убыль населения в 2020 году составила –577,6 тыс. человек.

В региональном разрезе роль миграционного прироста (убыли) в 2020 году была очень дифференцированной. Отмечается, что только в 16 субъектах Российской Федерации (около 19%) из 85 миграция имела положительную результативность, то есть миграционный приток превышал миграционный отток населения (см. рис. 1 и таблица 2). В ос-

тальных 81% российских регионов отмечалась естественная убыль населения. Можно выделить три типа российских регионов по вкладу миграции в формирование демографического потенциала.

Первый тип — *регионы с преобладающей ролью миграции в формировании демографического потенциала региона*. Абсолютным рекордсменом стал город Севастополь, в котором миграция перекрыла на 2954,3% естественную убыль населения. В Калининградской, Ленинградской и Московской областях, а также в Краснодарском крае миграция компенсировала на 247%, 213,7%, 153,6% и 137,2% естественную убыль населения соответственно, то есть миграционный прирост был в 2,5; 2; 1,5 и 1,4 раза большее естественной убыли.

Второй тип — *регионы с паритетным балансом миграционного прироста и естественной убыли населения*, то есть миграция

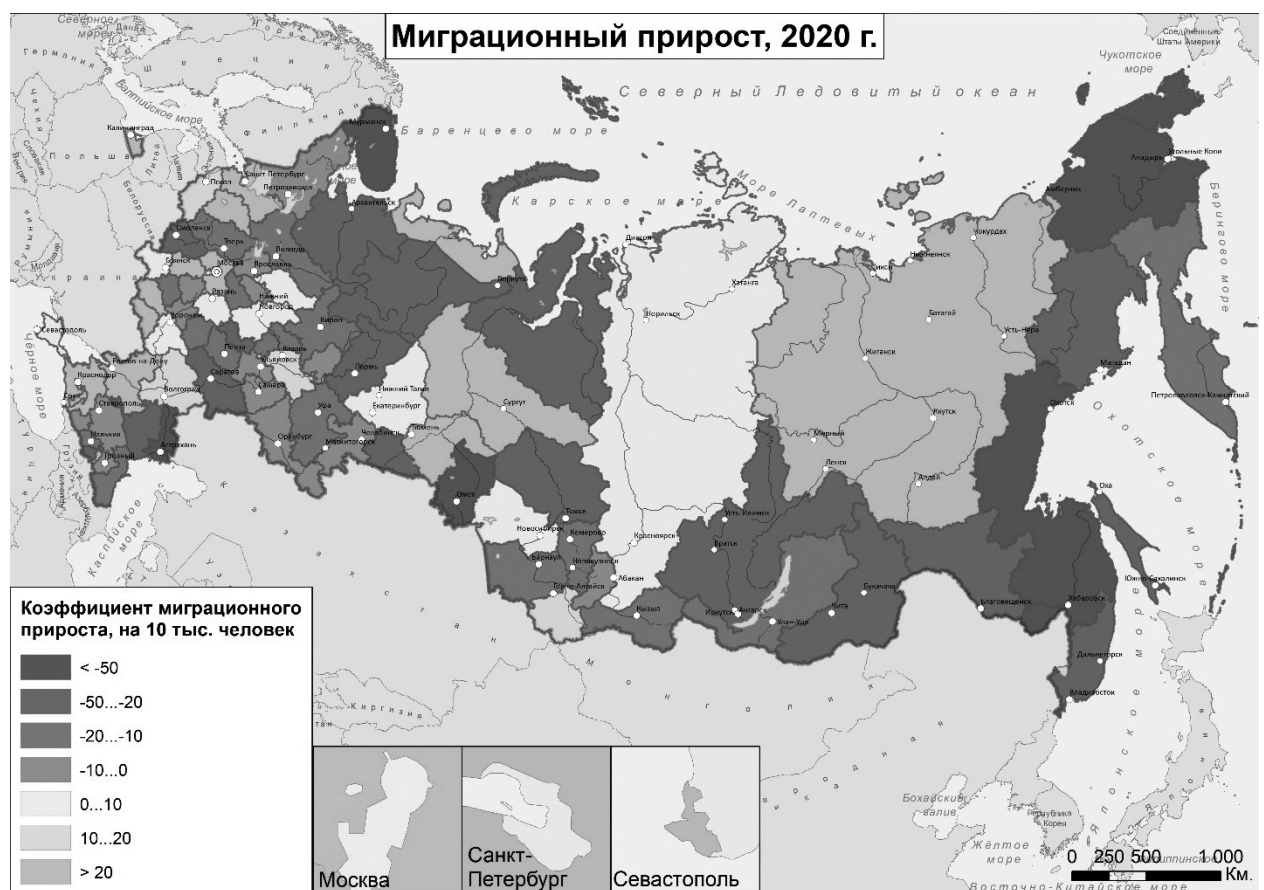

Рис. 1. Миграционный прирост по регионам России¹

Fig. 1. Migration growth by regions of Russia

¹ Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Таблица 2

Table 2

Вклад миграции в формирование численности населения в регионах РФ в 2020 году²
The contribution of migration to the formation of the population
in the regions of the Russian Federation in 2020

Группы регионов	Число субъектов	Субъекты Российской Федерации, входящие в группу
<i>Число субъектов Российской Федерации, в которых население сократилось</i>		
Всего	67	
в том числе за счет:		
естественной убыли и миграционного оттока населения	45	Республики Башкортостан, Калмыкия, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Северная Осетия-Алания, Удмуртская, Хакасия и Чувашская; Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Пермский, Приморский, Ставропольский и Хабаровский края; Амурская, Архангельская (без Ненецкого автономного округа), Астраханская, Владимирская, Вологодская, Ивановская, Иркутская, Кемеровская, Кировская, Курганская, Липецкая, Магаданская, Мурманская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Сахалинская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тульская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская и Еврейская автономная области
превышения естественной убыли над миграционным приростом	19	Республики Крым и Татарстан, Красноярский край, Белгородская, Брянская, Волгоградская, Воронежская, Калужская, Костромская, Курская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Свердловская области, города федерального значения Москва и Санкт-Петербург
превышения миграционного оттока над естественным приростом	3	Республики Бурятия, Карачаево-Черкесская, Чукотский автономный округ
<i>Число субъектов Российской Федерации, в которых население увеличилось</i>		
Всего	16	
в том числе за счет:		
естественного и миграционного приростов	5	Республики Ингушетия, Алтай, Саха (Якутия), Тюменская область без автономных округов, Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра
превышения естественного прироста над миграционным оттоком	5	Республики Дагестан, Кабардино-Балкарская, Тыва, Чеченская, Ямало-Ненецкий автономный округ
превышения миграционного прироста над естественной убылью	6	Республика Адыгея, Краснодарский край, Калининградская, Ленинградская, Московская области, город федерального значения Севастополь

² Источник: Данные Федеральной службы государственной статистики.

практически полностью «гасила» негативную ситуацию с сокращением населения в результате воспроизводства населения. Сюда относится Республика Адыгея — 104,6%.

Третий тип — *регионы с частично компенсаторным вкладом миграционного прироста в общий прирост населения*. Миграция хотя и имела позитивную результативность, но компенсировать естественную убыль не смогла. К числу данных регионов относились Санкт-Петербург — 23,5%, Новгородская область — 31,7%, Псковская область — 15,1%, Республика Крым — 7,5%, Волгоградская область — 16,6%, Ростовская область — 42,3%, Республика Татарстан — 32,5%, Нижегородская область — 4,5%, Свердловская область 13,4%, Красноярский край — 12,9%, Новосибирская область — 11,7%.

Роль миграции в формировании интеллектуального потенциала населения российских регионов. Социально-демографическая структура миграционного прироста имеет важное значение с точки зрения характеристик человеческого потенциала регионов, в том числе интеллектуального потенциала. Миграционный прирост населения с высшим образованием можно считать достаточно эффективным показателем степени развития региона, своеобразной «лакмусовой бумажкой» социально-экономического развития.

За счет международной миграции Российская Федерация в 2020 году получила миграционный прирост объема 88 тыс. человек старше 14 лет, в том числе 19,4 тыс. людей с высшим образованием (см. таблица 3). Причем положительный миграционный прирост по людям с высшим образованием

Таблица 3
Table 3

Распределение мигрантов (международных и внутрироссийских) в возрасте 14 лет и старше по уровню образования в Российской Федерации в 2020 году, человек³
Distribution of migrants (international and domestic) aged 14 years and older by the level of education in the Russian Federation in 2020, people

	Прибывшие мигранты	Выбывшие мигранты	Миграционный прирост
Миграционный прирост лиц в возрасте 14 лет и старше, в том числе имели образование:	6832866	6656810	176056
высшее профессиональное (высшее)	1479962	1441008	38954
из них имели ученую степень, в том числе			
доктора наук	2876	2778	98
кандидата наук	9424	8960	464
неполное высшее профессиональное (незаконченное высшее)	526480	471926	54554
среднее профессиональное (среднее специальное)	1641808	1543994	97814
начальное профессиональное	197526	165730	31796
среднее общее (полное)	1446086	1217682	228404
основное общее (среднее общее неполное)	517090	470338	46752
начальное общее (начальное) и не имеющие образования	121988	110262	11726
уровень образования не указан	901926	1235870	–333944

3 Источник: составлено авторами по данным Росстата.

отмечался как со странами СНГ (18,6 тыс.), так и с другими странами (880 человек). Наибольший положительный миграционный приток людей с высшим образованием происходил из Украины (10,8 тыс.), Таджикистана (2,2 тыс.), Казахстана (1,7 тыс.), Беларуси (1,6 тыс.), Армении (1,2 тыс.). Среди других стран наибольший приток мигрантов с высшим образованием отмечался из КНР (187), Турции (164), Грузии (161), Сербии (111), Индии (90), Вьетнама (84), Афганистана (56). Миграционная убыль по людям с высшим образованием отмечалась в обмене с Германией (–451), Израиль (–67), Эстония (–48), Финляндия (–43), США (–43 человека).

На уровне макрорегионов Российская Федерация в 2020 году разделилась достаточно четко на две зоны — миграционного притока людей с высшим образованием (Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа) и миграционного оттока (Северо-Кавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа). В целом эта картина симметрична ситуации с миграцией всего населения.

На основе анализа данных статистики структуры миграционного прироста по уровню образования предлагается типология регионов Российской Федерации.

Первая группа — *регионы, активно «стягивающие» значительное количество мигрантов с высшим профессиональным образованием, в том числе людей с ученой степенью кандидата и доктора наук*. К данному типу регионов относятся Ленинградская область (22,4 тыс.), Московская область (20,5 тыс.), Краснодарский край (12,7 тыс.), Москва (10,5 тыс.), Калининградская область (5,6 тыс.), Севастополь (9,5 тыс.), Ростовская область (4 тыс.), Республика Татарстан (2,7 тыс.), Новосибирская область (2,5 тыс. человек). Как правило, это экономически привлекательные территории с притоком инвестиций, успешным социально-экономическим развитием, общим миграционным притоком населения. В регионах находятся крупные образовательные и научные центры, сами по себе регионы являются «интеллектуальными ядрами» и, как «магниты», притягивают еще больший интеллектуальный потенциал из других регионов России и из-за рубежа.

Вторая группа — *регионы, в большей степени привлекающие людей с высшим профессиональным образованием, чем их теряющие*. Положительные значения миграционного прироста здесь не превышают от 500 до 2000 человек: Воронежская область (1848), Курская область (1,6 тыс.), Ингушетия (1406), Самарская (1432), Адыгея (1216), Нижегородская (1218), Брянская (886), ХМАО (714), Рязанская (546), Белгородская (500 человек). И хотя в данных регионах положительная результативность миграционных процессов, здесь отток людей с высшим образованием также заметен. Но учитывая, что социально-экономическое состояние данных регионов лучше, чем соседних, они притягивают мигрантов из менее благополучных территорий страны или из-за границы.

Третья группа — *регионы с нулевым приростом мигрантов с высшим профессиональным образованием* (то есть объемы притока и оттока людей с высшим образованием примерно одинаковы, а миграционный прирост колеблется около нуля в большую или меньшую сторону в диапазоне от 500 до –500 человек). К данной группе территорий можно отнести Республику Хакасия (414), Новгородскую область (248), Республику Алтай (242), Карелию (228), Ненецкий автономный округ (126), Дагестан (84), Республику Саха (Якутия) (–8), Костромскую область (–24), ЯНАО (–52), Псковскую область (–64), Смоленскую область (–86), Камчатский край (–168), Тюменскую область (–202), Калмыкию (–246), Чеченскую Республику (–290), Республику Бурятия (–302).

Четвертая группа — *регионы с оттоком людей с высшим профессиональным образованием*. В этой группе регионов миграционный отток гораздо значительнее, чем миграционный приток в регион. Абсолютные значения миграционной убыли находятся в диапазоне от –500 до –2000 человек. Большинство регионов данной группы являются экономически отстающими: КЧР (–330), Свердловская область (–376), Марий Эл (–422), Еврейская автономная область (–498), Орловская область (–506), Магаданская область (–518), Ставропольский край (–536), Амурская область (–560), Чукотский автономный округ (–576), Кировская область (–602), Кабардино-Балкария (–620), Ярос-

лавская область (–630), Сахалинская область (–632), Тамбовская область (–638), Ивановская область (–662), Тыва (–662), Удмуртия (–674), Липецкая область (–746), Пензенская область (–846), Оренбургская область (–894), Курганская область (–906), Мордовия (–980), Ульяновская область (–1198), Тверская область (–912), Тульская область (–1140), Волгоградская область (–1144), Томская область (–1164), Вологодская область (–1180), Северная Осетия (–1326), Чувашия (–1334), Владимирская область (–1334), Алтайский край (–1388), Хабаровский край (–1474), Архангельская область (–1514), Астраханская область (–1614), Красноярский край (–1730), Калужская область (–1806), Коми (–1924).

Пятая группа — *регионы с активным «вымыванием» населения с высшим профессиональным образованием*. Интересно, что среди таких регионов не только и не столько депрессивные территории, но и достаточно развитые в экономическом отношении. Однако при этом им свойственна значительная эмиграция за границу или в более крупные мегаполисы людей с высшим образованием. В 2020 году к числу данных территорий относились Приморский край (–2002), Пермский край (–2106), Забайкальский край (–2350), Челябинская область (–2634), Иркутская область (–2878), Мурманская область (–2902), Саратовская область (–3058), Кемеровская область (–3140), Санкт-Петербург (–3246), Башкортостан (–3352), Омская область (–4586).

Результаты социологического опроса экспертов показывают, что для первой группы общее влияние миграционного оттока населения на человеческий капитал следует считать незначимым (4,90), что можно обосновать развитостью таких регионов и, следовательно, отсутствием заметного оттока образованного населения. Противоречивым является положительное влияние оттока населения на количество людей с уникальными знаниями (5,31) и на количество ключевых для жизни объектов (5,63). Первое может быть связано с высококонкурентной средой в таких регионах, которая вынуждает оставаться лучших и уезжать менее образованных, второе — с общей тенденцией на повышение количества и качества социальных объектов в целом по стране, что, вероятно, не зависит от миграции населения напрямую.

Для второй группы влияние миграционного оттока населения на человеческий капитал носит более заметный негативный характер (4,23). Регионы этой группы соревнуются с городами первой группы в попытке привлечения мигрантов к себе, которые затем при появившейся возможности стараются переместиться в города уже первой группы. Как отмечают респонденты, высока чувствительность миграционного оттока населения, негативнее всего отражающаяся на уровне интеллекта населения (3,86), количестве людей с уникальными знаниями и навыками (4,00) и общей квалифицированности работников (4,14).

Для третьей группы характерно серьёзное негативное влияние миграционного оттока населения на человеческий капитал (3,58). Это прослеживается в наиболее низких среди остальных групп оценках по влиянию на результаты выпускников (2,82) и квалифицированность работников (3,25). Такое уязвимое положение среди остальных групп регионов респонденты обосновывают низкой образованностью прибывающего населения, которое перемещается в регионы данной группы, как правило, из субъектов Российской Федерации с низким человеческим капиталом в целом.

Для четвертой группы ситуация с точки зрения влияния миграционного оттока населения на человеческий капитал практически не отличается от третьей группы (3,62). Ответы респондентов не проясняют причины такого сходства. Можно лишь выдвинуть предположение, что регионы этих групп имеют различные этапы одного и того же состояния: отсутствие значительного миграционного оттока образованного населения и нулевой прирост населения — схожие процессы, и потому они схожим образом влияют на человеческий капитал.

Для пятой группы же ситуация уже иная — регионы с «вымыванием» населения активно покидают не только образованные молодые, но и люди от 35 до 50 лет и выше. Однако это не отражается на оценке респондентов должным образом — ожидалось наиболее негативные оценки влияния оттока населения на человеческий капитал. В результате общая оценка этой группы даже выше, чем оценка третьей группы (3,76). Отталкиваясь от мнения респондентов, можно

сделать вывод, что это связано с ярко выраженной специализацией большей части регионов пятой группы. С одной стороны, образованные люди действительно уезжают, с другой — это не происходит в одностороннем виде, как в регионах из третьей и четвёртой группы, поскольку взамен уехавших людей на реализацию крупных проектов едут люди со схожим человеческим капиталом из регионов второй и даже первой группы.

По мнению экспертов, миграционный отток населения из регионов в общем виде влияет на человеческий капитал негативно (4,02). В наибольшей степени страдают интеллектуальный уровень населения (3,82), общий уровень квалификации местного населения (3,80) и достижения/результаты выпускников школ в связи с оттоком преподавательского состава (3,60).

Примечательно, что миграционный приток людей в регионы также влияет на человеческий капитал негативно, как и отток, хотя и не в такой степени (4,77). Этот результат не следует абсолютизировать в силу характера выбранных для оценки составляющих человеческого капитала. Респонденты отмечают, что негативнее всего приток населения сказывается на эпидемиологической ситуации (4,43) и криминогенности (4,51) в регионе. При этом отмечается незначимое влияние на качество продукта и предоставляемых услуг (5,09).

Для первой группы приток нового населения является скорее негативным явлением (4,56) — этот процесс отрицательно влияет на эпидемиологию (4,18) и преступность (4,24), что, по мнению респондентов, обуславливается в том числе трудовой международной миграцией в регионы первой группы. Этим фактом можно объяснить в целом отсутствие положительного влияния притока населения на человеческий капитал в этой группе.

Для второй группы приток населения влияет на человеческий капитал положительно (4,86). Примечательно, что наиболее негативно прирост населения повлиял на качество городской среды (4,14) — респонденты отмечают, что мигранты в этих регионах напрямую участвуют в процессах строительства и благоустройства городов, а это при их более низкой квалификации,

чем в городах из регионов той же первой группы, действительно может негативно сказаться на состоянии городской среды. Факт того, что приток населения позитивно влияет на качество товаров и услуг (5,71) и уровень профессионализма местных жителей (5,29), в регионах второй группы демонстрирует зависимость от прибывающих кадров, поскольку они делают эти регионы более конкурентоспособными.

Для третьей группы эта зависимость прослеживается ещё больше — миграционный приток населения положительно влияет на составляющие человеческого капитала сильнее, чем во всех остальных группах (5,17). Это относится и к профессионализму местных жителей (5,75), и качеству предоставляемых товаров и услуг (5,67), а также качеству городской среды (5,25), что косвенно ранее подтверждалось крайне отрицательным влиянием оттока населения на человеческий капитал в третьей группе в целом. В результате регионы третьей группы оказываются основным бенефициаром в ситуации притока населения среди всех рассматриваемых групп. Для мигрантов эти регионы не являются местом продолжительного пребывания, поэтому любое влияние от притока будет положительным. Отдельно стоит ответить на вопрос, почему здесь влияние на качество городской среды выше среди всех групп (5,25): противоречие не возникает в силу отсутствия конкуренции, как это есть между регионами первой и второй групп. Регионы третьей группы удалены от регионов первой группы, где планка качества среды высока, и любое улучшение качества среды здесь воспринимается крайне положительно.

Для четвёртой группы общая оценка влияния миграционного притока населения на человеческий капитал чуть хуже, чем во второй (4,75), что говорит о схожести процессов в регионах с оттоком образованного населения и в регионах с его притоком. Однако различия всё же есть — в первую очередь нет такого сильного влияния на профессионализм местного населения (4,73) и качество предоставляемых товаров и услуг (4,86).

Для пятой группы общая оценка (4,50) схожа с первой группой, что аналогично ситуации выше — по каким-то причинам миг-

рационный приток населения влияет на человеческий капитал в регионах как со значительным приростом образованных людей (первая группа), так и в регионах с существенным их оттоком (пятая группа) похожим образом. Наиболее схоже влияние на общую криминогенность, эпидемиологию и качество предоставляемых товаров и услуг.

Противоречие в одновременном негативном влиянии миграционного притока и оттока населения (хотя и разной степенью этого влияния) на человеческий капитал может быть связано с личным отношением респондентов к мигрантам в целом. По мнению экспертов, миграция в регионы первой, второй и пятой групп во многом приводит к повышению социальной напряженности и криминогенности на этих территориях. Причинами являются недостаточный уровень развития социальной инфраструктуры при высокой плотности населения и высокий уровень прироста трудовых мигрантов, которым требуется время для адаптации и интеграции в принимающее общество. За последние три года к этому фактору прибавилась сложная эпидемиологическая обстановка, которая не улучшалась с притоком населения. Данные два фактора являются основными в формировании недоверия к мигрантам.

Помимо этого, респондентами во всех пяти группах отмечается преобладание доли низкоквалифицированных кадров в структуре притока населения. Это объясняет скорее негативное влияние прибывающего населения на качество конечных товаров и услуг и профессионализм местного населения. Таким образом, напряжение действительно существует — мигранты занимают строительные, транспортные сферы и ниши общественного питания, демпингуют заработную плату, формируют локальные культурные сообщества, что вкуче и даёт общие отрицательные оценки экспертов по влиянию прироста населения на человеческий капитал в российских регионах. В то же время преобладание этих оценок над оценками миграционного оттока населения объясняется экспертами тем, что миграционный приток способствует активному жилищному строительству, развитию и поддержанию городской среды в нормативном состоянии (особенно в регионах первой, второй и третьей группы).

Выводы. При сравнении результатов между группами регионов прослеживается ряд закономерностей. Во-первых, и миграционный приток (4,77), и миграционный отток населения (4,07) в общих случаях отрицательно влияют на человеческий капитал регионов (значения <5). Такой результат объясняется отбором показателей и их интерпретацией респондентами. Поэтому здесь следует говорить скорее о степени этого влияния — закономерно, что отток населения негативнее отражается на человеческом капитале региона, чем приток, что и подтверждают оценки респондентов.

Во-вторых, чем регион активнее «стягивает» образованных людей, тем меньше отток населения влияет на общий интеллектуальный уровень уже проживающих. Это объясняется тем, что миграционный приток образованных в развитые регионы замещает как коренное население, так и компенсирует существующий отток. Такая ситуация характерна для всех групп, кроме пятой — значение оценок планомерно снижается от первой (4,86) до четвертой группы (3,05) и резко повышается в пятой (4,00).

В-третьих, влияние миграционного оттока населения на человеческий капитал отражается таким образом, что между регионами, которые активно принимают образованное население и активно его теряют, образуется «подкова» — от первой группы регионов к третьей оценки понижаются, а затем от третьей группы к пятой, наоборот, повышаются.

В-четвертых, при влиянии миграционного притока населения ситуация иная — между регионами, которые активно принимают образованное население и активно его теряют, образуется обратная «подкова». Иными словами, от первой группы регионов к третьей оценки повышаются, а затем от третьей группы к пятой, наоборот, понижаются.

В-пятых, миграционный приток населения, видимо, может стимулировать улучшение качества предоставляемых услуг. Однако низкая значимость оценок не позволяет сделать однозначный вывод.

В-шестых, миграционный приток населения схожим образом влияет на человеческий капитал в регионах, где приток больше миграционного оттока (вторая группа), и регионах, которые теряют население (четвертая группа).

Аналогичным образом обстоит дело в регионах, которые «стягивают» образованное население (первая группа) и из которых это население «вымывается» (пятая группа). Причём для первой пары групп регионов это более положительное влияние, чем для второй.

Список источников

1. Добрынин А. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб.: Наука, 1999. 309 с.

2. Москвин В. А. Человеческий капитал — сущность, формирование, развитие: монография. М.: КУРС, 2019. 272 с.

3. Образование в цифрах: 2021: краткий статистический сборник / Л. М. Гохберг, О. К. Озерова, Е. В. Саутина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021.

4. Петти У. Экономические и статистические работы. Пер. под ред. Смит М. М.: Государственное социально-эк. Издательство, 1940. 152 с.

5. Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Эмиграция ученых и высококвалифицированных специалистов из России: тенденции, последствия, государственная политика // Социология. 2016. №4. С. 18–27.

6. Симкина Л. Г. Человеческий капитал в инновационной экономике. СПб.: СПбГИЭА, 2000. 152 с.

7. Человеческий капитал в российском измерении / Н. И. Боенко, Н. В. Домбровская, Е. В. Гаранина и др. Под ред. Н. И. Боенко. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2004. 212 с.

8. Человеческий капитал и экономико-демографическое развитие: сборник статей / Под. ред. А. А. Соградова. М.: МАКС-Пресс, 2002. 96 с.

9. Diaconu L., Maxim A., Popescu C. C. [Electronic resource] The impact of migration on human capital and economic development // Economy and management. Vol. 3. URL: CCI3 (researchgate.net) (date accessed: 17.02.2022).

10. Olimova S. The Impact of Labour Migration on Human Capital: The Case of Tajikistan // Migrations en Asie centrale et au Caucase. 2010. Vol. 26. №3. P. 181–197.

References

1. Dobrynin A. I., Djatlov S. A., Cyrenova E. D. Chelovecheskij kapital v tranzitivnoj ekonomike: formirovanie, ocenka, jeffektivnost' ispol'zovanija [Human capital in a transitive economy: formation, evaluation, efficiency of use]. Saint Petersburg: Nauka, 1999. 309 p. (In Russ.).

2. Moskvina V. A. Chelovecheskij kapital — sushhnost', formirovanie, razvitie: monografiya [Human capital — essence, formation, development: monograph]. Moscow: KURS, 2019. 272 p. (In Russ.).

3. Obrazovanie v cifrah: 2021: kratkij statisticheskij sbornik [Education in numbers: 2021: a brief statistical collection]. L. M. Gohberg, O. K. Ozerova, E. V. Sautina; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». Moscow: NIU VShJe, 2021. (In Russ.).

4. Petti U. Jekonomicheskie i statisticheskie raboty [Economic and statistical works]. Per. pod red. Smit M. [In Smith M. (eds.)]. Moscow: Gosudarstvennoe social'no-jek. Izdatel'stvo, 1940. 152 p. (In Russ.).

5. Rjazancev S. V., Pis'mennaja E. E. Jemigracija uchenyh i vysokokvalificirovannyh specialistov iz Rossii: tendencii, posledstviya, gosudarstvennaja politika [Emigration of scientists and highly qualified specialists from Russia: trends, consequences, state policy]. Sociologija [Sociology]. 2016; (4): 18–27. (In Russ.).

6. Simkina L. G. Chelovecheskij kapital v innovacionnoj ekonomike [Human capital in the innovative economy]. Saint Petersburg: SPb-GIJeA, 2000. 152 p. (In Russ.).

7. Chelovecheskij kapital v rossijskom izmerenii [Human capital in the Russian dimension]. N. I. Boenko, N. V. Dombrovskaja, E. V. Garaniina i dr. Pod red. N. I. Boenko [In N. I. Boenko (eds.)]. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 2004. 212 p. (In Russ.).

8. Chelovecheskij kapital i jekonomiko-demograficheskoe razvitie: sbornik statej [Human capital and economic and demographic development: a collection of articles]. Pod. red. A. A. Sogradova [In A. A. Sorogradov (eds.)]. Moscow: MAKSPress, 2002. 96 p. (In Russ.).

9. Diaconu L., Maxim A., Popescu C. C. [Electronic resource] The impact of migration on human capital and economic development //

Economy and management. Vol. 3. URL: CCI3 (researchgate.net) (date accessed: 17.02.2022). Migrations en Asie centrale et au Caucase. 2010. Vol. 26. №3. P. 181–197.
10. Olimova S. The Impact of Labour Migration on Human Capital: The Case of Tajikistan //

Статья поступила в редакцию 27.02.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 21.03.2022.
The article was submitted on 27.02.2022; approved after reviewing on 15.03.2022; accepted for publication on 21.03.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Письменная Елена Евгеньевна — доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского центра Российской академии наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Elena E. Pismennaya — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Chief Scientific Officer, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Financial University under the Government of the Russia.

6 Fotievoy st., bld. 1, Moscow, Russia

Рязанцев Сергей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой «Демографическая и миграционная политика», Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ; директор Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Sergey V. Ryazantsev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head Department of Demographic and Migration Policy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Director of the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

6 Fotievoy st., bld. 1, Moscow, Russia

Смирнов Олег Олегович — младший научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Oleg O. Smirnov — Junior Research fellow, Institute for Demographic Research, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.
6 Fotievoy st., bld. 1, Moscow, Russia

Мирязов Тимур Робертович — младший научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Timur R. Miryazov — Junior Research fellow, Institute for Demographic Research, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

6 Fotievoy st., bld. 1, Moscow, Russia

Смирнов Алексей Викторович — младший научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Alexey V. Smirnov — Junior Research fellow, Institute for Demographic Research, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

6 Fotievoy st., bld. 1, Moscow, Russia

Вклад авторов:

Письменная Е. Е. — разработка концепции исследования; разработка социологического инструментария; подготовка разделов «Теоретический аспект: миграция, человеческий капитал и интеллектуальный потенциал» и «Роль миграции в формировании интеллектуального потенциала населения российских регионов»; формулирование выводов.

Рязанцев С. В. — разработка концепции исследования; проведение опроса экспертов; подготовка разделов «Роль миграции в формировании человеческого (демографического) потенциала российских регионов» и «Роль миграции в формировании интеллектуального потенциала населения российских регионов»; формулирование выводов.

Смирнов О. О. — разработка инструментария социологического исследования; обработка результатов опроса экспертов; описание методов сбора данных; подготовка раздела «Роль миграции в формировании интеллектуального потенциала населения российских регионов».

Мирязов Т. Р. — сбор и обработка статистических данных; подготовка картографических материалов; описание методов сбора данных.

Смирнов А. В. — сбор и обработка статистических данных; подготовка разделов «Теоретический аспект: миграция, человеческий капитал и интеллектуальный потенциал» и «Роль миграции в формировании человеческого (демографического) потенциала российских регионов».

Contribution of the authors:

Pismennaya E. E. — development of the research concept; development of sociological tools; preparation of sections «Theoretical aspect: migration, human capital and intellectual potential» and «The role of migration in the formation of the intellectual potential of the population of Russian regions»; formulation of conclusions.

Ryazantsev S. V. — development of the research concept; conducting a survey of experts; preparation of sections «The role of migration in the formation of the human (demographic) potential of Russian regions» and «The role of migration in the formation of the intellectual potential of the population of Russian regions»; formulation of conclusions.

Smirnov O. O. — development of tools for sociological research; processing of the results of a survey of experts; description of data collection methods; preparation of the section «The role of migration in the formation of the intellectual potential of the population of Russian regions».

Miryazov T. R. — collection and processing of statistical data; preparation of cartographic materials; description of data collection methods.

Smirnov A. V. — collection and processing of statistical data; preparation of sections «Theoretical aspect: migration, human capital and intellectual potential» and «The role of migration in the formation of human (demographic) potential of Russian regions».

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-24-33

ТЕРРОРИЗМ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ И ПРАКТИКИ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Владимир Николаевич Гурба

*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
social_rostov@mail.ru, AuthorID Scopus: 57217098825*

Аннотация. *Цель работы* — провести анализ терроризма как феномена в истории и практике украинского национализма.

Методология исследования определяется выбором конструктивистского подхода, включающего понимание нации как целостности (интегральности), которая является доминантой по отношению к основным сферам общественной жизни.

Результаты исследования. В рамках реализуемого исследования обоснованного, во-первых, связью идеи украинства с практиками терроризма как системы действий, направленных на агрессию против «чужих», которыми являются «инородные» этногруппы, определяется недопущение отступничества и сопротивления идеи украинства. Во-вторых, выявляется допустимость террора в качестве инструмента борьбы против «оккупации» и репрессий по отношению к оккупационным властям и «ренегатам» в украинском обществе. В-третьих, обоснована позиция украинского национализма в становлении авторитарного государства, подчиненного идее украинства.

Перспективы исследования. Обобщения и выводы, содержащиеся в статье, ориентируют на углубление анализа украинского национализма в рамках перехода к обществу позднего модерна и формирования «красных линий» во внутренней и внешней политике, связанных с развитием этнонационалистической доктрины государственного строительства и закреплением разрыва с культурно-цивилизационным единством русского, украинского и белорусского народов.

Ключевые слова: терроризм, украинский национализм, украинство, агрессия, интегральность, этнокофессиональный фактор

Для цитирования: Гурба В. Н. Терроризм в контексте истории и практики украинского национализма // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 24–33. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-24-33>.

Original article

TERRORISM IN THE CONTEXT OF THE HISTORY AND PRACTICE OF UKRAINIAN NATIONALISM

Vladimir N. Gurba

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
social_rostov@mail.ru, AuthorID Scopus: 57217098825

Abstract. *The purpose of the work is to conduct an analysis of terrorism as a systemic phenomenon in the history and practice of Ukrainian nationalism.*

The methodology of the research is determined by the choice of a constructivist approach, including the understanding of the nation as an integrity (integrality), which is dominant in relation to the main spheres of public life.

The results of the study. Within the framework of the ongoing research, justified, firstly, by the connection of the idea of Ukrainians with the practices of terrorism as a system of actions aimed at aggression against «strangers», which are «foreign» ethnic groups, the prevention of apostasy and resistance to the idea of Ukrainians is determined. Secondly, it reveals the permissibility of terror as an instrument of struggle against «occupation» and repression against the occupation authorities and «renegades» in Ukrainian society. Thirdly, the position of Ukrainian nationalism in the formation of an authoritarian state subordinated to the idea of Ukrainians is substantiated.

Research prospects. The generalizations and conclusions contained in the article focus on deepening the analysis of Ukrainian nationalism in the framework of the transition to a late modern society and the formation of «red lines» in domestic and foreign policy related to the development of the ethnocationalist doctrine of state-building and the consolidation of the gap with the cultural and civilizational unity of the Russian, Ukrainian and Belarusian peoples.

Keywords: terrorism, Ukrainian nationalism, Ukrainians, aggression, integrality, ethno-confessional factor

For citation: Gurba V.N. Terrorism in the context of the history and practice of Ukrainian nationalism // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 24–33. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-24-33>.

Актуальность. Есть ощущение «дежавю», когда речь заходит о феномене украинского национализма. Казалось бы, мы имеем дело с исхоженными «вдоль и поперёк тропами», с тем, что в общественном дискурсе российского общества прочно и, пожалуй, обоснованно утвердилась позиция резкого неприятия националистических интенций в украинском обществе, проекта этнонационального государства, который последовательно проводится на протяжении постсоветской истории Украины. Но вместе с тем вне внимания (и это имеет достаточно неприятные последствия в рамках российско-украинских отношений, да и ситуации в Европе в целом) не определены параметры национализма в украинском обществе как основанного на признании терроризма как инструмента для достижения ключевой идеи «украинства» [3].

Здесь следует отметить, что терроризм является системным феноменом общества модерна, и его возникновение и распростра-

нение характеризуется разнонаправленными тенденциями. Классически терроризм можно определить как стратегию и практику вмещения кризисных тенденций в общественно-политическую и государственную жизнь, как систему нагнетания тревог и страхов, направленных на дестабилизацию общества, недоверие к государству, дискриминацию и изгнание определенных этнических групп.

В рамках заявленной проблемы статьи важно подчеркнуть, что в российском политическом «бомонде» национализм на Украине воспринимался и воспринимается парадоксально. С одной стороны, активность украинских националистов по формированию «суверенного украинского государства» оценивалось и оценивается как вызов сложившимся историческим связям украинского и русского народов, славянскому братству. С другой стороны, недооценивается значимость националистической доктрины в ее решимости с использованием различных способов и методов, в том числе и террорис-

тических, для тактики «выжженной» земли. Признается, что после 2014 г. реализуется политика репрессий по отношению к «инакомыслящим», что стараниями Авакова, Коломойского, представляющих интересы бюрократических и олигархических групп, были кровью подавлены очаги сопротивления новому режиму на харьковщине, днепропетровщине, Одессе. Другими словами, в украинском обществе под лозунгом достижения суверенности Украины по пути движения к евро и интеграции сформировалась диктатура националистических кланов. И здесь очень важный исследовательский момент заключается в том, что реально был реконструирован террористический потенциал украинского национализма. Население восточно-украинских регионов не до конца осознавало ту жестокость и неразборчивость действий, которыми сопровождалось стремление создать Украину как антироссийский форпост на европейском пространстве.

Недоумение по поводу политики украинизации, инициируемой националистами, вытеснение украинского литературного языка на основе галичской версии, кадровая чистка по политико-языковому признаку являлись следствием непонимания украинского национализма как версии этнонационализма [1], основанной на практике террора по отношению к группам «сопротивления». Здесь можно было бы напомнить о том, что украинский национализм возникает в конце XIX в. — начале XX в. в условиях Галиции, региона Украины, который имеет сложную историю этно-национальных и этноконфессиональных отношений, является продуктом внедрения антироссийского проекта властями Австро-Венгрии, имевшим особенность в конфессиональном факторе (униатства) и сделавшим возможным рост экстремизма и ненависти по отношению к России и русским как врагам украинской самостоятельности и евреям и полякам, проводникам политики угнетения украинцев как этноконфессиональной группы [6].

Обращая внимание на данный факт, нужно определиться с тем, что вступление национализма на политическую сцену начиналось с утверждения позиции «избранности», веры в миссию униатства, сделавшего украинский народ, несмотря на дискриминацию, хозяином своей судьбы. Русские националисты

еще в конце XIX в., исходя из догмы имперского мышления, видели «троянского коня» в идее воссоединения украинского народа, подчеркивали, что Галиция является особым регионом Австро-Венгрии, родиной украинства в контексте последовательного преследования и ликвидации «промосковских» настроений, пространством нетерпимости и ненависти в отношении любых проектов, которые направлены на противодействие украинскому интегративному национализму, имеющему несомненное родство с идеологией нацизма.

В контексте вышесказанного важно определить, каким образом история и практика украинского национализма характеризуют, увы, не самый лучший сценарий в рамках российско-украинских отношений, судьбы русского населения на Украине и влияние на политический климат на европейском континенте.

Степень разработанности. Следует подчеркнуть, что украинский национализм подробно «анатомируется» со времен его возникновения. Русские исследователи, рассматривая национализм как идеологию национального раскола, что было связано с реальными тревогами по поводу русско-украинского единства и сохранения неделимости России, обращали внимание на то, что реальностью предстоящих десятилетий становится вопрос о национальных проблемах, среди которых украинство занимает ведущее место. А.М. Волконский, А.В. Стороженко, И.А. Линниченко, подчеркивая значения русской правой традиции, видели в украинстве источник сепаратизма и то, что происхождение украинского национализма имеет австрийские и польские корни и показывает ориентацию на ненависть к России, на жертвование «кацапской» нацией [17]. Эти предложения получили воплощения и в период реинтеграции Галичины в состав Советского Союза, когда на западно-украинских землях применялась политика террора против «москалей» и отступников, и в современной украинской истории, в которой доминирует националистический принцип «Украина как великая держава с непрерывной историей борьбы против оккупации» [11].

В советский период, отмеченный доминированием ленинской версии националь-

ного вопроса и политикой украинизации с целью создания проекта советской Украины в составе Советского Союза, накопленные исследования российских державников были не просто забыты, но и фактически вычеркнуты из возможности реального исследования украинского национализма. Следует отметить, что до сих пор мы ощущаем инерционность «советского наследия», которая выражается в несформированности консолидированной позиции относительно украинского национализма. Это подтверждается тем, что, несомненно, есть яркие результативные работы С.С. Белякова, Д.Ю. Степанова, А.В. Соловьева, П.П. Толочко, в которых аргументированно рассматриваются вопросы становления украинского национального самосознания через призму культуры, делается попытка определить влияние этноконфессионального фактора (униатства на проект украинства).

Есть, однако, повод для «грусти»: в стремлении определить строительство политической нации в соотношении с этнонационализмом, увидеть «в украинском вопросе» ловушки либерализма в российском общественном дискурсе. Признается логика «вопросов без ответов», так как современное украинское государство в определенной степени является зеркальным отражением российских проблем того обстоятельства, что перед лицом этнического и культурного плюрализма до сих пор не предложен рецепт формирования российской политической нации. Это связано с тем, что по отношению к постсоветскому пространству и прежде всего к Украине так и не выявлен способ постижения терроризма ни как системного политического риска, ни как практики насилия, которая имеет легитимность в выходе на дискурс «национального достоинства и национальной гордости».

По существу, признавая, что национализм создает ощущение безопасности и близости в обществе, переживающем перемены, не договаривается мысль о том, что национализм относится к украинству, ориентированному на национальное государство, более реализуемым является не государство либерального типа с идеологией толерантности и прав меньшинств, а этнонациональное государство, для строительства которого обя-

зательным является «возрождение» нации через практику этнических и социальных «чисток», «борьбу с чужими элементами», тотальная ассимиляция этнических меньшинств. В этом контексте украинский национализм не может рассматриваться неординарным, имея аналоги в предшествующей и современной истории человечества (национализм уставшей в Хорватии, национализм турецкой «нации», практики баскского национализма в Испании), но украинский национализм имеет особенность в том, что является не локально политическим, а европейским явлением, опирается на «богатую» историю польских и немецких националистов.

Работы зарубежных исследователей, среди которых можно выделить А. Спира, М. Брауна и особенно Дж. Армстронга, фиксируют крайние формы национализма, дающие возможность рассматривать украинский национализм не как феномен исторической исключительности, имеющий оправдания в борьбе за национальную независимость, а как имеющий предрасположенность к агрессии, нетерпимость и монологичность в утверждении национального дискурса во внесении раскола в общество с целью утверждения доктрины этнонационализма.

В этом контексте возникает актуальный вопрос о том, каким образом сторонники независимой и демократической Украины на Западе в упор не замечают не только мрачные страницы украинской истории, связанной с националистическим террором (исключением не являются исторические претензии Польши, но они отступают на второй план в перспективе создания антироссийской блока под лидерством польской правящей элиты). На наш взгляд, в западной исследовательской мысли проявляется, с одной стороны, позиция «благодущия», определяемая тем, что в условиях принятия европейских политических и правовых стандартов национализм ограничен во влиянии на общественный дискурс и постепенно трансформируется в маргинальную идеологию, с другой — это не менее существенно ярко выраженный антироссийский акцент, в котором политика насильственной ассимиляции и террора (идеологического, культурного, политического) принимается как инструмент блокирования российского влияния, дискриминации рус-

ских и других этнических групп (венгерский вопрос) для выстраивания украинского государства как антироссийского проекта. Это характерно не только для Украины, но и стран Балтии, где игнорируется политика дискриминации русских и русскоязычных с целью предотвращения риска российской «пятой колонны» [9].

Таким образом, разработанность проблемы украинского национализма не сформировалась системно, и что характерно — российские исследователи находятся под влиянием зарубежного и исследовательского дискурса, когда признают значимость работ Э. Геллнера [7] и Б. Андерсона [2]. Нельзя пройти мимо того, что реально обозначается как реабилитация украинского национализма, что выражено в работах Р. Шпорлюка, В. Кулыка. Развивая эту мысль, можно говорить о том, что если к российскому национализму применяется концепция кризиса идентичности и проявляется скепсис по отношению к перспективам российского многонационального государства, повторяются положения о политике русификации, то украинский национализм воспринимается естественной и оправданной позицией украинского народа, хотя и имеющей сложности в реализации сформулированного демократического проекта, но придающей живой импульс стремлению сделать политический режим режимом «украинской нации».

Таким образом, вне исследовательского дискурса остается то, что можно охарактеризовать особенностью, сформированной культурной и политической традицией украинского общества, и проанализировать терроризм в реализации идеи украинства, в последовательности совместить этатистские и этнонационалистические дискурсы в позиционировании государства, имеющего признаваемые в Европе отличия, в рамках политики эксклюзии, легитимирующий прошлое украинского национализма и этнонационалистические, но не демократические, приоритеты в государственном строительстве [15].

Методология исследования. Следует подчеркнуть, что традиционно в анализе и описании украинского национализма содержится историко-графический подход, который является вполне обоснованным

в контексте возникновения национализма как специфической идеологической схемы, связанной с идеей украинства. Не вдаваясь в подробности концепций, введенных в дискурс исследования национализма, можно говорить о том, что богатое конкурентное поле одновременно имеет ограничения и допущения, определяемые логикой становления и формирования украинского национализма, безусловного внимания к конкретному политическому и культурно-историческому фону, давшему толчок «украинскому национальному пробуждению».

На наш взгляд, существенным образом следует отметить такие обстоятельства, как «антиинтеллектуализм», связанный с отрицанием ядерного положения интеллигенции и упором на романтизм борьбы за свободу и независимость. Отсюда есть актуальность конструктивистского подхода к национализму [8], где решающую роль играют факторы этноконфессиональности (униатства) и «гидности» (достоинства), что подразумевало стержнеобразующим моментом заявку на непреклонность национальной борьбы, принятия террористических акций как безальтернативных в борьбе против оккупантов и чужаков.

К украинскому национализму можно применить метод деобъективации, основным положениями которого является определение субъектных смыслов и значений. Важно подчеркнуть, что предложенная методологическая схема укладывается в интерпретацию терроризма как доминирующей формы политического самоопределения. В украинском национализме закреплён статус исключительности, построенный на униатстве как схеме самоопределения. Казалось бы, уния способствовала развитию интеграции в европейское пространство, но в реальности ситуация сложилась таким образом, что униатство стало в большей степени символом конфронтации, неприятия чужаков и резко отрицательного отношении к заблудшим и отступникам, разделяющим атеистическую или православную догматику.

Таким образом, используя метод конструктивизма, который допускает религию как эссенциальный фактор, можно сделать вывод о том, что терроризм украинского национализма является не ситуативным, характери-

зует концентрированность усилий на борьбе, с одной стороны, с отступниками и изменниками, с другой — с внешними врагами, конкретизируемыми в этнических и социальных группах, стоящих барьером на пути реализации и украинства. Следует также подчеркнуть, что терроризм достаточно подробно описан как глобальное явление, имеющее социально-политические и социально-психологические параметры, в украинском национализме принимает форму воспроизводства и в этом смысле является заблуждением революции украинского национализма в мирной форме, отказом от легитимации насилия, когда постоянно в качестве ориентира конструируются внутренние и внешние враги.

Отмеченные методологические положения обладают необходимой аналитической и объяснительной направленностью для того, чтобы сделать обоснованные выводы об истории и актуальной практике украинского национализма.

Результаты исследования. Современный украинский национализм внешне не обладает значимым политическим статусом в украинском политическом классе, где демонстрирует свои «европейские качества» политики либерального и либерально-радикального типа, но характерно, что националистические организации являются наиболее сплоченными и активными в политической жизни Украины. В той же степени, несмотря на демократические механизмы и процедуры и стремление соответствовать евростандартам, проявляется тенденция дискриминации и недопущения политики реальных альтернатив националистов.

Можно говорить о том, что сложились отношения реальной зависимости политического класса от позиции националистов, имеющих несомненные рычаги влияния и сторонников, прежде всего, в силовых и идеологических структурах. Было бы ошибочно считать, что основной изъян политической жизни на Украине — влияние олигархических кланов в симбиозе с политической элитой. В реальности украинские олигархи, имея преимущества монополии на экономические и финансовые ресурсы, не в состоянии, да и не стремятся сделать политический «мейнстрим». Не только на уровне догадки,

но и в качестве реального суждения можно говорить о том, что действия олигархата заканчиваются ровно на границе сформированного политического порядка, а националисты являются не пешкой в политической игре, а определяют идеологию и политику, направленную на решение двойной задачи. С одной стороны, вступить в европейский клуб, получить доступ к ресурсам Евросоюза, как это успешно делает польская националистическая элита, с другой — завершить процесс формирования этнонационалистического государства, для которого нормы и стандарты украинства являются предпочтительными по отношению к политике, исходящей из Европы. Иными словами, обозначается повторение националистического дискурса, связанного с тем, чтобы построить Украину, скорее, не как государство европейских ценностей, а имеющую статус «фронтира» по отношению к России и православной цивилизации в целом [12]. С этим утверждением можно спорить относительно того, что на Украине осуществляется национализация православия. Но униатство было и является реальным идеологическим инструментом, диктующим бескомпромиссность и агрессивность по отношению к «отступникам»: прощение с православием в равной степени как и языковая ассимиляция русских и русскоязычных по схеме украинства как интегральной нации подразумевает приведение в действие системы «пурификации» общественного сознания, направленного на формирование молодых поколений, движимых не только подозрением и ненавистью к русскости и православию, но и выражающих дух неприемлемости европейской идеи толерантности. Поэтому национализм не только не сдает, но и укрепляет свои позиции в украинском обществе по двум основным факторам. Во-первых, в отличие от обывательских слоев населения, ориентированных на европейскую идеологию как потребительскую, националистическое ядро принципиально демонстрирует неприятие консюмеризма и высокую мобилизационную готовность для сохранения достигнутого во внутренней и внешней политике [5]. Во-вторых, хотя и не явно, обозначается возможность использования террористических акций, связанных как с устрашением и уничтожением политических оппонентов, так

и с подавлением очагов потенциального сопротивления нынешним украинским властям и проводимой ими политики. В стране практически демонтированы институты народного представительства, не работают профсоюзы, а проводимые выборы связаны с деятельностью электоральных партий, в то время как именно националисты имеют постоянную мобильную и широко разветвленную инфраструктуру, которая позволяет им «контролировать» ситуацию не только «на Западе» (как собственно и в отчине), но и в центральных, и восточных регионах, где основными являются окончательная дерусификация и десоветизация. Поэтому для борьбы с коммунистическим наследием националистические движения не только имеют инициативу проведения устрашения по отношению к «рудиментам» советского прошлого, но и выставляют «красные линии» по отношению к политическим группам, способным занять антинационалистические позиции. В этом смысле украинские националисты зачистили политическое пространство страны, изгнав из политики через деформации и агрессию левых и либералов. Действующие политические партии являются ревизионистскими, и можно быть уверенными в том, что в обозримом будущем националистическому движению будет дан «карт-бланш» в определении траектории политического развития Украины. Вероятно, антироссийский проект «Украина» воспринимается на коллективном Западе как событие невозвратного характера. И в этом смысле, несмотря на феномен нарочитой маргинализированности, украинский национализм при всех смысловых нюансах обладает наибольшей степенью консолидированности реализации идеи украинства и соответствующим образом перехода в отношениях с Россией и соседями на позициях украинской державности [19]. Еще раз напомним, что в основе украинского национализма — интегративный национализм, который является радикальной формой этнонационализма, рассматривающего террор как вполне обоснованный и допустимый в рамках реализации поставленных приоритетов украинизации государства и общественной жизни.

Важно отметить, что терроризм, хотя и свойственен националистическим движе-

ниям в эпоху модерна, не обретает такого масштабного и символического уровня, как это свойственно его украинскому варианту, точнее, нужно говорить о западно-украинской этноконфессиональной версии. Но если определить «Галичину» как политико-культурное пространство, можно основываться на том, что под влиянием политического этноконфессионального фактора сформировалась идеологическая система, свойственная замкнутым этнотерриториальным и этноконфессиональным общностям, ориентированная внешне на достижения национальной независимости и создания собственной государственности, но в реальности движимая идеями исключительности, построенной на нетерпимости и противодействии попыткам не столько русификации или полонизации украинского народа, сколько создания этнонации, воспроизводящей этноконфессиональность и этнокультурность в качестве обоснования практически всех сфер политики [20]. Стремление коммунистического руководства в 20-е гг. в контексте политики украинизации сформировать альтернативу украинскому буржуазному национализму имело в качестве последствий не только закладывание «мин» под единство и целостность Советского Союза [10], создание национальных элит, которые с одной стороны, ощущали «задвинутость» в рамках единого государства, с другой — впитали идею украинства через культурно-языковую сферу. При этом в «интеллигентском» сознании содержались элементы оправдания борьбы украинских националистов за возрождение украинского государства, которое представлялось непрерывным со времен Киевской Руси.

В этом же контексте «Галичина» оставалась пространством «готовности» к борьбе за Украину, и нельзя безусловно говорить о существовании ячеек националистов, но есть основания считать, что националистическое движение, переместившись в сферу исторической памяти на изгибах истории в 90-е гг. XX в., получило мощный импульс [16], и дело не только в том, что жители западной Украины практически участвовали в Майдане в 2014 г., проявляли признаки того, что можно охарактеризовать как «политика террора», устранение с политической сцены Украины «отступников» и «неудобных»

политиков, кто если и не стоял на позициях догматического интернационализма, мыслил категориями развития Украины как демократического государства, с вектором сотрудничества и на Западе, и на Востоке.

Националисты вступили в постсоветскую эпоху жизни Украины как наиболее организованная, использующая инструменты мобилизации и сплоченности сила: впечатление о том, что националисты никогда не придут к власти, а являются «массовкой», было ошибочным, и в этом смысле Россия попала в капкан иллюзии относительно нерушимости и долговечности российско-украинских связей. Была проделана колоссальная работа по внедрению идеи украинства не только в политической культурно-образовательной сфере. Не менее важно и пресекновение попыток даже «локального» сепаратизма. Националистам удалось реализовать основные параметры этнонационального государства, централизацию и моноязычие, не обращаясь к роли внешних факторов, где обнаруживается «след» Запада в истоках антироссийского «проекта Украина», в рамках внутренних политических процессов именно националисты, свободные от «предрассудков» быть демократическими и европейскими [17], проводили политику тотального террора в духовной жизни общества и точечного по отношению к неудобным лицам.

Этому способствовало воспроизводство ситуации, героизация национализма, исторического революционизма, связанного с переписыванием истории Украины и тем, что, несмотря на демократические институты и их роль в украинском обществе, является фасадным: можно сколько угодно спорить о роли и влиянии олигархических планов, доступе к экономическим ресурсам, но в ориентирах внутривнутриполитической жизни просматривалась и просматривается последовательность позиции, определяемой тем, что заложено в качестве стратегических целей украинского национализма, государственного образования, построенного на идее национальной исключительности [13], роли Украины как результата подвига украинской нации в борьбе за национальную независимость, утверждение своего уникального места в европейском сообществе как цивилизационного фронта на пути имперской и азиатской России [14].

В этом смысле не является удивительным, что в рамках оправдания политики террора по отношению к «чужим» польская «эпопея» оценивается как оправданная, хотя бы потому что польский национализм отказывал украинской нации этносуверенности. В настоящей ситуации, наверное, можно сделать вывод, что политика нынешнего польского руководства, движимая стремлением к лидерству на восточно-европейском пространстве, имела и будет иметь ограничения в дискурсе украинского национализма, содержащего террористический потенциал, способного действовать, опираясь на стратегию поддержки национально-ориентированных слоев населения, а это заметно по достигнутой позиции в украинизации центральной Украины и практическом уничтожении «русского мира». В качестве не столь далекого ориентира добиться признания антироссийского проекта стало уже реальностью на условиях неизменности формата украинской политики как схемы «национализации» идеологий, где терроризм возводится в качество национальной добродетели, «революционного подполья» в условиях оккупации и приоритета «общества» над государством с возможностью прессинга и давления, имеющей маркер терроризма как инструмент национального самоутверждения.

Заключение. Недооценка терроризма в истории и практике украинского национализма очевидна по намеренным или преднамеренным обстоятельствам и приводит к тому, что в российском обществе есть понимание деструктивного характера национализма в разрыве российско-украинских связей. Но не определяются факторы возведения национализма в государственную идеологию. Благодаря политике, проводимой националистами еще с конца XIX — начала XX вв., доминантой стала бескомпромиссность, недопустимость даже умеренных взглядов (ренегатство и отступничество) относительно трех ключевых понятий: униатства как национальной религии, украинства как национального самовыражения и сознания и исключительности как свойства, обретенного украинской нацией в период борьбы с «оккупацией», ассимиляцией украинского народа. Это является «красной линией»,

за которую не переступят националисты, несмотря на кажущийся фоновый характер их политических устремлений. Террор является не прошлым украинского национализма, это можно сказать, константа политической активности, которая выглядит упрощенной только на первый взгляд, в реальности обладающая характеристикой «врожденности».

Список источников

1. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: Российский гуманитарный университет, 2000. 367 с.
2. Андерсон Б. Воображаемые общества. М.: Канон-Пресс Ц, 2001. 288 с.
3. Армстронг Дж. Украинский национализм. Факты и исследования. М.: Центрополиграф, 2008. 368 с.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: «Медиум», 1995. 322 с.
5. Бурдые П. Начала. М.: Socio Logos, 1994. 288 с.
6. Вера. Этнос. Нация. М.: Культурная революция, 2007. 368 с.
7. Геллнер Э. Условия свободы. М.: Ad Marginem, 1995. 222 с.
8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние модерна. М., СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
9. Логос // Философско-литературный журнал. Нация и национализм. 2006. №2(53).
10. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.
11. Национализм в поздней и посткоммунистической Европе. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2010. 695 с.
12. Полоньска-Василенко Н. История України. Т. 2. К.: Либідь, 2002. 608 с.
13. Расизм. Ксенофобия. Дискриминация. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 384 с.
14. Севастьянов А. Н. Этнос и нация. М.: Книжный мир, 2008. 192 с.
15. Сергеев С. Пришествие нации? М.: «СКИМЕНЬ», 2010. 303 с.
16. Толочко П. П. Від Русі до України. К.: Абрис, 1997. 400 с.
17. Украинский сепаратизм в России. М.: Редакция журнала «Москва», 1998. 432 с.

18. Уолцер М. О терпимости. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 160 с.

19. Шпорлюк Р. Комунізм і Націоналізм. К.: Основи, 1998. 479 с.

20. National Security: Paradigmatic Fundamentals of Research Practices / Dyatlov A. V., Kumykov A. M., Lubsky A. V., Serikov A. V., Posukhova O. Yu. // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. №5 S4. P. 266–271.

References

1. Al'termatt U. Jetnonacionalizm v Evrope [Ethnonationalism in Europe]. Moscow: Rossijskij gumanitarnyj universitet, 2000. 367 p. (In Russ.).
2. Anderson B. Voobrazhaemye obshhestva [Imaginary communities]. Moscow: Kanon-Press C, 2001. 288 p. (In Russ.).
3. Armstrong Dzh. Ukrainskij nacionalizm. Fakty i issledovanija [Ukrainian nationalism. Facts and research]. Moscow: Centropoligraf, 2008. 368 p. (In Russ.).
4. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti [Social construction of reality]. Moscow: «Medium», 1995. 322 p. (In Russ.).
5. Burd'e P. Nachala [Beginnings]. Moscow: Socio Logos, 1994. 288 p. (In Russ.).
6. Vera. Jetnos. Nacija [Faith. Ethnic group. Nation]. Moscow: Kul'turnaja revolyucija, 2007. 368 p. (In Russ.).
7. Gellner Je. Uslovija svobody [Conditions of freedom]. Moscow: Ad Marginem, 1995. 222 p. (In Russ.).
8. Liotar Zh.-F. Sostojanie moderna [The state of Art Nouveau]. Moscow, Saint Petersburg: Aletejja, 1998. 160 p. (In Russ.).
9. Logos. Filososfsko-literaturnyj zhurnal. Nacija i nacionalizm [Philosophical and literary journal. Nation and nationalism]. 2006; 2(53). (In Russ.).
10. Martin T. Imperija «polozhitel'noj dejatel'nosti». Nacii i nacionalizm v SSSR, 1923–1939 [The empire of «positive activity». Nation and nationalism in the USSR, 1923–1939]. Moscow: ROSSPJeN, 2011. 855 p. (In Russ.).
11. Nacionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoj Evrope [Nationalism in Late and post-Communist Europe]. Vol. 2. Moscow: ROSSPJeN, 2010. 695 p. (In Russ.).

12. Polon'ska-Vasilenko N. Istorija Ukraini [History of Ukraine]. Vol. 2. Kiev: Libid', 2002. 608 p. (In Ukr.).
13. Rasizm. Ksenofobija. Diskriminacija [Racism. Xenophobia. Discrimination]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 384 p. (In Russ.).
14. Sevast'janov A.N. Jetnos i nacija [Ethnos and nation]. Moscow: Knizhnyj mir, 2008. 192 p. (In Russ.).
15. Sergeev S. Prishestvie nacji? [The coming of the nation?]. Moscow: «SKIMEN», 2010. 303 p. (In Russ.).
16. Tolochko P.P. Vid Rusi do Ukraini [From Russia to Ukraine]. Kiev: Abris, 1997. 400 p. (In Ukr.).
17. Ukrainskij separatizm v Rossii [Ukrainian separatism in Russia]. Moscow: Redakcija zhurnala «Moskva», 1998. 432 p. (In Russ.).
18. Uolcer M. O terpimosti [About tolerance]. Moscow: Dom intellektual'noj knigi, 2000. 160 p. (In Russ.).
19. Shporljuk R. Komunizm i Nacionalizm [Communism and Nationalism]. Kiev: Osnovi, 1998. 479 p. (In Ukr.).
20. National Security: Paradigmatic Fundamentals of Research Practices / Dyatlov A.V., Kumykov A.M., Lubsky A.V., Serikov A.V., Posukhova O. Yu. // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. №5 S4. P. 266–271.

Статья поступила в редакцию 27.01.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 12.02.2022.

The article was submitted on 27.01.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гурба Владимир Николаевич — доктор социологических наук, профессор, заместитель полномочного представителя Президента РФ в ЮФО, заведующий кафедрой «Конфликтология и национальная безопасность», Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, оф. 303

Vladimir N. Gurba — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Southern Federal District, Head of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., of. 303, Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 069.01

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-34-42

МАСКУЛИННОСТЬ В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ ГЕНДЕРА

Евгений Васильевич Касаткин

*Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия
j2580@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2705-6883, AuthorID РИНЦ: 833052, SPIN-код: 5325-0930*

Аннотация. *Целью исследования* является обоснование и выделение сущностного понимания маскулинности в современных гендерных исследованиях.

Методологическую базу исследования представляют классические труды Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, М. Мид, связанные с исследованием гендерных отношений в обществе. Исследование также базируется на социально-конструктивистском подходе П. Бергера и Т. Лукмана, социологии Э. Гидденса, в контексте которой он анализирует современные гендерные теории и теории гендерного порядка Р. Коннел. Конструктивно использованы работы российских исследователей гендера Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной и И. Кона.

Результаты исследования. Современные исследования гендера в общем и маскулинности в частности претерпевают концептуальные трансформации, что отражается на включение в гендерные исследования не только макроуровня, но и микроуровня гендерных отношений и диспозиций, не только уровень структур, но и уровень практик. Следовательно, гендерные исследования носят мультиплицидный характер, включающий рассмотрение маскулинности как подвижного феномена, иерархические типы которого подвергаются существенным изменениям в рамках презентации маскулинности, ее нормативности в социальных институтах, ранее выступавших регуляторами маскулинных ролей и маскулинного поведения, а также в контексте формирования субъективной маскулинной идентичности.

Перспективу исследования составляет дальнейший анализ трансформации маскулинности с акцентом на российскую действительность.

Ключевые слова: гендер, маскулинность, феминность, гендерные отношения, гендерный порядок, маскулинная иерархия, общество

Для цитирования: Касаткин Е. В. Маскулинность в фокусе современной социологии гендера // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, №2. С. 34–42. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-34-42>.

Original article

MASCULINITY IN FOCUS OF MODERN SOCIOLOGY OF GENDER

Evgeny V. Kasatkin

*Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia
j2580@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2705-6883, AuthorID RSCI: 833052, SPIN: 5325-0930*

Abstract. *The purpose of the study* is to substantiate the essence and allotment of essential understanding of masculinity in modern investigations of gender.

The methodological base of the study is presented by the classical works of E. Durkheim, T. Parsons, M. Mead, connected with gender investigations in the society. The study is also based on socio-constructive approach of P. Berger and T. Luckman, the structuration theory of A. Giddens, in the context of which he analyses modern gender theories and the theory of gender order, developed by R. W. Connel. Constructively are used the works of modern Russian investigators of gender A. A. Zdravomyslova, E. A. Tyomkina and I. Kon.

The results of the study. Modern studies of gender in general and masculinity in particular are undergoing conceptual transformations, that has reflection on the inclusion in gender investigations not only at macro level, but also at the micro level of gender relations and dispositions. Hence, gender studies refer to multiplicative character, including the consideration of masculinity as a moving phenomenon hierarchical types of which are undergoing essential changes within the framework of masculinity presentation, its normativity in the social institutions, which used to be the regulators of masculinity roles and masculinity behavior, and also from the view of subjective masculinity identity formation.

The prospect of the study is a further analysis of the masculinity transformation with the emphasis on Russian reality.

Keywords: gender, masculinity, femininity, gender relations, gender order, masculine hierarchy, society

For citation: Kasatkin E. V. Masculinity in focus of modern sociology of gender // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 34–42. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-34-42>.

Введение. Конец прошлого века и начало XXI века характеризуются небывалым всплеском гендерных исследований в социологии. Во многом данный тренд связан с тем, что дает возможность в новом ключе анализировать инновационные гендерные взаимоотношения, устанавливающиеся в обществе постмодерна, понять их зависимость от новой социальной реальности, а также увидеть нюансы гендерных отличий, что в перспективе дает возможность «деконструировать, казалось бы, неизблемые категории» [1, с. 178].

Следует отметить, что понятие «гендер», заимствованное из английского языка (gender), достаточно долго адаптировалось в русскоязычный дискурс. Например, в Словаре иностранных слов, изданном в России в 1982 г., отсутствует данное понятие. Изданный годом позже Оксфордский словарь современного английского языка указывает лишь на грамматическую характеристику данного слова как «грамматическую группировку слов по классам (существительные и местоимения), относящихся к маскулинности, феминности или нейтральному виду» [2, с. 267]. В большом

англо-русском словаре под общим руководством Гальперина понятие «гендер» несколько расширяется, так как помимо грамматического рода указывается, что это — в устной речи «сорт», «вид»; шутивное обозначение «пола», поэтическое значение — «порождать» [3, с. 668]. Однако постепенно, особенно с учетом расширяющихся гендерно ориентированных исследований, понятие «гендер» начинает трактоваться как «перформанс», что позволяет соотнести индивидов с определенной социальной группой (классом, сообществом), выступающим своеобразным «механизмом», конструирующим представления о маскулинности (феминности).

В дальнейшем в связи с ростом исследований гендера в рамках социологии гендер стал пониматься, прежде всего, как социальные взаимоотношения без фиксации на биологических характеристиках индивидов. Так, в толковом словаре по социологии подчеркивается, что гендер относится «к социальным и социально-психологическим атрибутам, ... в социологическом дискурсе гендер должен применяться тогда, когда касается социаль-

но созданного деления общества на тех, кто относится к женщинам, и тех, кто относится к мужчинам. ... “Мужское” и “женское” относится к сформированным культурой чертам поведения и видам темперамента, считающимися социально соответствующим полам. Эти черты изучаются посредством сложного и продолжительного процесса социализации» [4, с. 110]. Анализ современных определений гендера позволяет заключить, что его определение основывается, прежде всего, на отказе от биологического детерминизма, рассматривая данное понятие в рамках нормативности представлений в отношении маскулинности и феминности [5].

Большинство современных социальных теорий признают гендерные конструкты в качестве базовых категорий, которые детерминируют социальную повседневность, задавая ориентиры моделям маскулинного или феминного поведения, используемого в конкретном коммуникативном окружении, где представления о гендерной идентичности индивида строятся на основе гендерной асимметрии. Проблемы гендерной асимметрии впервые были затронуты в начале 30-х гг. ХХI века в работах социального антрополога М. Мид, описавшей различные типы маскулинности и феминности на примере традиционных культур (племена Новой Гвиней). Основываясь на включенном наблюдении, она описала влияние, которое оказывает культура различных племен на формирование представлений о маскулинных и феминных ролях и соответствующим им моделям поведения, выражающимся в выполнении функциональных обязанностей, чем опровергла биологическое представление об их предзаданности. В наблюдаемых М. Мид племенах маскулинные и феминные роли зачастую совершенно не соответствовали укорененным представлениям, ранее считавшимся «естественными для каждого пола» [6, с. 108].

Эссенциалистские тренды в исследовании маскулинности. Следует заметить, что большинство социальных теорий, включая марксизм, в определенной степени при анализе маскулинности и феминности использовали эссенциалистские принципы. Так, например, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Вместе с этим (ростом потребностей)

развивается и разделение труда, которое вначале было лишь разделением труда в половом акте, а потом — разделением труда, совершавшимся само собой или “естественно возникшим” благодаря природным задаткам (например, физической силе), потребностям, случайностям» [7, с. 30].

Эссенциалистская трактовка присутствует и в работах теоретиков структурного функционализма Э. Дюркгейма и Р. Липтона. В своей работе «О разделении общественного труда» Э. Дюркгейм настаивает на том, что социальная дифференциация общества возникает в результате естественного разделения социальных функций (разделения труда) по признаку пола [8, с. 58]. Но самым значительным подходом в контексте структурного функционализма является выдвинутый Т. Парсонсом поло-ролевой подход, где он на примере семей, принадлежащих в индустриальном обществе к среднему классу, показывает типичные маскулинные и феминные роли, исполняемые индивидами в рамках их домохозяйств, при этом феминные модели поведения внутри семейной системы Парсонс связывает с экспрессивностью, а маскулинные модели поведения — с инструментальными функциями в существовании семьи. Ролевые модели поведения интериоризируются индивидами в ходе социализации и задают нормативность ожидаемого поведения [9].

Поло-ролевой подход оказал сильное влияние на анализ маскулинности, где контент ролевых моделей долгое время трактовался как функционально обусловленный. Однако поло-ролевой подход вызвал и серьезную критику, в которой современные социологи, прежде всего, обратили внимание на ее нормативность, а на самом деле, по мнению Р. Коннелл, паттерны внутрисемейных моделей поведения в домохозяйствах во многом не соответствуют стереотипным представлениям, основанным на типичной форме «биологической дихотомии» [10, с. 263].

Социально-конструктивистский подход к исследованию маскулинности. Одним из самых влиятельных подходов к исследованию маскулинности следует отнести конструктивистский подход, где внимание переносится на микроуровень повседневных интеракций и идентификация с мужским и женским полом

определяется социокультурными факторами, а маскулинности (феминности) находятся под воздействием социально нормативных властных взаимоотношений и отсутствием гендерного равенства в повседневной жизнедеятельности. Социально-конструктивистская интерпретация гендерных отношений основывается на социально-конструктивистской теории П. Бергера и Т. Лукмана. Согласно данной теории окружающая индивидов социальная действительность может быть как объективной, так и субъективной, поскольку, с одной стороны, она существует независимо от человека, но в то же время в процессе повседневной деятельности не свободна от субъективных действий людей [11]. Как подчеркивает М. Киммел, «гендерная идентичность социально конструируется, ... наши идентичности — это текущие сочетания значений и типов поведения, каковые мы конструируем, исходя из ценностей, образов и предписаний, которые находим в окружающем мире» [12, с. 146]. При этом наши гендерные идентичности являются предметом свободного выбора с одной стороны, но с другой являются вынужденными в силу существующих в обществе нормативных требований, которые с детства внушаются индивидам. Говоря о дифференциации между маскулинностью и феминностью в контексте социального конструктивизма, Киммел выделяет следующие компоненты:

— понятия о маскулинности и феминности находятся под влиянием конкретной культуры;

— представления о маскулинности и феминности не представляют статического конструкта, видоизменяясь в каждой культуре в ходе социально-исторического развития;

— отношение и восприятие гендера в индивидуальной диспозиции также может видоизменяться в ходе жизненного цикла;

— дефиниции маскулинности и феминности трансформируются в контексте культурных представлений, расовой, этнической принадлежности, отнесенности к определенной демографической когорте, сексуальных предпочтений и т. д. [12].

Именно поэтому, согласно Киммелу, стоит говорить о маскулинностях и феминностях во множественном числе.

Социальный конструктивизм выступает теоретическим базисом в рассмотрении со-

здания и поддержания гендерных иерархий в современных гендерно-ориентированных исследованиях. По данному поводу российские ученые Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина говорят, что «социально-конструктивистская парадигма задает рамки исследования механизмов формирования и воспроизводства мужественности и женственности, гендерной культуры, “создания гендера” в повседневности, в публичной (экономике, политике, масс-медиа) и приватной сферах, а также способы формирования знания о них. Одновременно этот подход оставляет пространство для концептуализации социальных изменений гендерных отношений, являющихся результатом проблематизации конкретного опыта» [13, с. 19].

Исследования гендера в обществе постмодерна. Анализируя современные гендерные исследования, Э. Гидденс выделяет три основных подхода: теорию гендерной социализации, теорию социальной конструкции гендера и теорию гендерного порядка. Он подчеркивает, что теория гендерной социализации основывается на идеях функционализма, рассматривая мальчиков и девочек в контексте «изучения сексуальных ролей» и мужской-женской идентичности, то есть маскулинности и феминности. В процессе освоения ролей общество сопровождает данный процесс позитивными или негативными санкциями, прилагая усилия для вознаграждения или сдерживания определенного нормативного поведения. Так, например, мальчик может получить позитивную оценку своего поведения («Какой ты храбрый мальчик!»), возможна и негативная оценка («Мальчики не играют с куклами»). В случае если гендерное поведение не совпадает с общепринятыми взглядами, поведение такого индивида рассматривается как девиантное [14].

Однако теория социализации, казалось бы, не замечает того, что индивиды могут отвергать и/или модифицировать ожидаемые от них социальные роли. По этому поводу Коннел утверждает, что агенты социализации не в состоянии «производить механические эффекты» в растущей личности. Они могут приглашать ребенка к участию в социальных практиках в определенно заданных рамках. Это «приглашение» может

и часто сопровождается коэрцитивными действиями, сочетаясь с жестким давлением [15]. Поэтому Гидденс видит ограниченность теории гендерной социализации в том, что она в функционалистском ключе рассматривает индивидов как пассивных объектов, следующих установленному «гендерному программированию». Данное гендерное программирование обеспечивается различными социальными агентами, формирующими нормативность по отношению к маскулинности, а также особенностями той или иной культуры, устанавливающей соответствующие ей запреты (табу) в области гендерных взаимоотношений [14].

Вторая выделенная Гидденсом теория — это теория социального конструирования гендера. Данная теория нашла свое наиболее полное выражение в трудах Коннелл, Скотта и Морагана, Батлера. Суть ее сводится к тому, что понятия о маскулинности в обществе характеризуются физической силой и «жестким» отношением к маскулинности, поощряющей мужчин культивировать специфический имидж своего тела, а также набор маньеризмов, что выражается в том, что гендерные идентичности и различия по сексу неразрывно связаны внутри человеческого тела [15]. Вышеназванные авторы подчеркивают, что в феминистских исследованиях мало внимания уделялось вопросам маскулинности и мужской идентичности, поскольку основной акцент делался на анализе мужского подавления женщин и роли мужчин в поддержании патриархальности. Однако в связи с фундаментальными изменениями, в частности происходящими в обществе, трансформации роли женщины и паттернов семейных отношений стали подниматься вопросы, связанные с маскулинностью, особенно в отношении трансформирующихся маскулинных ролей, подрывающих ранее укорененные стереотипы. Наиболее часто поднимаемые проблемы можно представить следующим образом:

— имиджевые характеристики, приписываемые современным мужчинам, и их собственное отношение к соответствию заданным паттернам маскулинности;

— как стереотипные представления о маскулинном поведении коррелируют с изменениями, происходящими в обществе;

— происходит ли на самом деле кризис маскулинности и в чем он выражается.

Э. Гидденс подчеркивает, что социология стала интересоваться положением и опытом мужчин в контексте более широкого порядка, который окружает их в современной действительности, как мужские идентичности конструируются и каково влияние социально предзаданных ролей на мужское поведение [14]. Для ответов на поставленные вопросы достаточно продуктивной согласно Гидденсу является теория гендерного порядка, выдвинутая Р. Коннелл в известных трудах «Гендер и власть» (1987), «Мужчины и мальчики» (2001) и «Маскулинности» (2005). Данные работы уже считаются классическими в социологическом дискурсе зарубежной социологии, а их влияние объясняется тем, что Коннелл объединяет концепты патриархальности и маскулинность в интегрированном подходе, полагая, что маскулинности являются критической частью гендерного порядка, который не может быть полностью осознан без отнесенности к сохраняющейся патриархальности или в отрыве от феминностей, поскольку гендерные отношения являются продуктом повседневных интеракций и практик обычных людей, которые воспроизводят коллективные социальные договоренности, существующие в обществе. Данные договоренности непрерывно воспроизводятся в течение жизненного цикла индивидов и транслируются последующим поколениям, но могут подвергаться определенным изменениям [15].

Р. Коннелл также вводит понятие маскулинной иерархии, которая состоит из трех основных типов:

— гегемонная маскулинность («идеальный тип маскулинности»), определяемая как набор ценностей, устанавливаемых мужчинами, обладающими властью, которые функционируют для инклюзии (эксклюзии) и для установления в обществе неравного гендерного порядка. Она сочетает в себе несколько черт, а именно: иерархию маскулинностей, различный доступ среди мужчин к власти (по сравнению с женщинами и другими мужчинами), а также взаимодействие между мужскими идентичностями, мужскими идеалами, интеракциями, властью и патриархальностью [18];

— маскулинность соучастия, под которой понимаются установки мужчин, не прилагающих конкретных усилий для утверждения своей мужественности вследствие отсутствия соответствующих ресурсов или же в силу отсутствия желания, обусловленного личностными характеристиками и жизненными диспозициями;

— субординированные маскулинности (гомосексуальные маскулинности), рассматриваемые в обществе как противоположные «настоящему мужчине» [15].

Гендерный порядок (в некоторых трактовках — гендерная композиция, гендерный уклад) обеспечивает сосуществование данных типов маскулинностей, однако Коннел подчеркивает, что гендерный порядок и разработанная иерархия маскулинностей не являются перманентной категорией и могут видоизменяться в обществе постмодерна. В последнее время в гендерно-ориентированных исследованиях появляются и другие типы маскулинностей, например, «фронтирная», «классическая колониальная», «глобальная» и «транснациональная» маскулинности [20]. С. А. Ильных выделяет такой тип маскулинности, как «естественная маскулинность», обладающая следующими чертами:

— отличие от «нормативных эталонов мужественности» разнообразием когнитивных представлений о роли маскулинности;

— изменение поведенческих моделей, традиционно ожидаемых от социальной деятельности «настоящего мужчины»;

— замена различных лимитирующих ограничений, связанных с понятием гегемонной маскулинности, то есть признанием в качестве естественного поведения мужчины выражения своего эмоционального состояния [21].

Думается, что выделение новых типов маскулинности связано, прежде всего, с изменениями, происходящими в современном мире, что заставляет говорить о «гендерном кризисе» в целом и о кризисе маскулинности в частности. Данные кризисные тренды приобретают три очевидные формы:

— институциональный кризис, поскольку во многих странах институты, традиционно поддерживающие доминирование мужчин (семья и государство), постепенно утрачивают свое прежнее влияние;

— кризис сексуальности, так как гегемонная гетеросексуальность постепенно утрачивает свою доминантную позицию;

— кризис социальных представлений о гендере и гендерных взаимоотношениях, поскольку появляются основания для формирования социальных интересов, противоречащих традиционному гендерному порядку [18].

Российские социологи определяют кризис маскулинности как «несоответствие практик мужчин нормативным образцам гегемонной маскулинности, в частности — утрата роли основного добытчика и соответствующих привилегий (патриархальных дивидендов)» [19, с. 430]. Известный российский исследователь И. Кон пишет о появлении «нового типа мужчин», которые все больше вовлечены в практики, ранее присущие исключительно женщинам (уход за детьми, активное участие в ведении домохозяйств, позитивное отношение к профессиональной деятельности женщин и их карьерному росту). Однако И. Кон подчеркивает, что несмотря на эти тенденции, взаимоотношение маскулинностей и феминностей остается проблематичным в связи с тем, что декларируемое гендерное равенство в большей мере остается традиционным, разрыв в его достижении находит поддержку в большей степени среди женщин, чем среди мужчин [19]. Р. Коннел в этой связи полагает, что следует говорить не о кризисе маскулинностей, а скорее, о кризисе патриархальности гендерного порядка [18].

Заключение. Проведенный анализ исследования маскулинности в фокусе современной социологии гендера позволяет говорить о том, что исследования маскулинности отказались от эссенциализма и основываются в большей мере на трех научных подходах: социальный конструктивизм, где гендер рассматривается в качестве социального конструкта, зависящего от социального контекста и заставляющего отказаться от предшествующей концепции маскулинных ролей; теории гендерной социализации и теории гендерного порядка. Представляется, что объединительная парадигма, включающая все вышеперечисленные подходы, будет способствовать рассмотрению маскулинности в реалиях современного общества.

Список источников

1. Трофимова Е.И. Терминологические вопросы в гендерных исследованиях // Общественные науки и современность. 2002. №6. С. 174–181.
2. Хорнби А.С. Словарь современного английского языка: спец. изд. для СССР. М.: Просвещение, 1983. 267 с.
3. Большой англо-русский словарь: в 2-х т. Под общ. рук. И.Р. Гальперина и Э.М. Медниковой. М.: Рус. яз., 1987. Т. 2. 668 с.
4. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь в 2-х т. М.: Вече-Аст, 2001. Т. 1. 110 с.
5. Скотт Д. Гендер: полезная категория исторического анализа // Американское историческое обозрение. Харьков, СПб., 2001. Т.91. С. 1053–1075.
6. Смелзер Н. Социология // Социологические исследования. 1992. №8. С. 101–127.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.: Политиздат, 1988. С. 30.
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 58.
9. Пушкарева Н.Л. Материнство в новейших социологических, философских и психологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. №5. С. 47–54.
10. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Здравомысловой Е.А., Тёмкиной А.А. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. С. 127–128.
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. С. 127–128.
12. Киммел М. Гендерное общество / Пер. с англ. О.А. Оберемко, И.Н. Тартаковской. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. С. 146.
13. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. №11. С. 17–27.
14. Giddens A. Sociology. 6th edition. Cambridge: Polity Press, 2009. P. 320.
15. Connel R. W. Gender and Power: Society, the Person and Sexual Polotics. Cambridge: Polity, 1987. P. 94–118.

16. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: Российская политическая Энциклопедия, 2004. С. 124.
17. Connel R. W. Masculinities. Cambridge: Polity, 2005. P. 18–25.
18. Jewkes R., Morrel. Sexuality and the Limits of Agency among South African Teenage Women: Therorising Femeninities and their Connection to HIV Risk Practicies // Social Sience and Medicine. 2012. №74(11). P. 40.
19. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 430.
20. Тартаковская И.Н. Гендерная социология. М.: ООО «Вариант», при участии ООО «Невский Простор», 2005. С. 149.
21. Ильиных С.А. Концепты маскулинности и феминности в русле гендерного подхода // Идеи и идеалы. 2011. №4(10). С. 136–138.

References

1. Trofimova E. I. Terminologicheskie voprosy v gendernyh issledovaniyah [Terminological questions in gender studies]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 2002; (6): 174–181. (In Russ.).
2. Hornbi A. S. Slovar' sovremennogo anglijskogo jazyka: spec. izd. dlja SSSR [Dictionary of Modern English Language: spec. ed. for USSR]. Moscow: Prosveshhenie, 1983. 267 p. (In Russ.).
3. Bol'shoj anglo-russkij slovar': v 2-h t. Pod obshh. ruk. I. R. Gal'perina i Je. M. Mednikovoj [Big English-Russian Dictionary: in two parts. Under general guidance of E. R. Galperin and Mednikova]. Moscow: Rus. jaz., 1987. Vol. 2. 668 p. (In Russ.).
4. Dzheri D., Dzheri Dzh. Bol'shoj tolkovyj sociologicheskij slovar' v 2-h t. [Big Explanatory Sociological Dictionary in 2 volumes]. Moscow: Veche-Ast, 2001. Vol. 1. 110 p. (In Russ.).
5. Skott D. Gender: poleznaja kategorija istoricheskogo analiza [Gender: useful category of historical analysis]. *Amerikanskoe istoricheskoe obozrenie*. [American Historical Review]. Har'kov, Saint Petersburg, 2001. Vol. 91. P. 1053–1075. (In Russ.).

6. Smelzer N. Sociologija [Sociology]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies]. 1992; (8): 101–127. (In Russ.).
7. Marks K., Jengel's F. Nemeckaja ideologija [German Ideology]. Institut marksizma-leninizma pri CK KPSS [Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU]. Moscow: Politizdat, 1988. P. 30. (In Russ.).
8. Djurkgejm Je. O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii [On the division of social labour. Method of sociology]. Moscow: Nauka, 1991. P. 58. (In Russ.).
9. Pushkareva N. L. Materinstvo v novejsih sociologicheskikh, filosofskih i psihologicheskikh koncepcijah [Motherhood in the newest sociological, philosophical and psychological concepts]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographical Review]. 1999; (5): 47–54. (In Russ.).
10. Hrestomatija feministских текстов. Perevody [Anthology of feminist's texts]. Pod red. Zdravomyslovoj E. A., Tjomkinov A. A. [In Zdravomyslova E. A., Tjomkina A. A. (eds.)]. Saint Petersburg: «Dmitrij Bulanin», 2000. P. 127–128. (In Russ.).
11. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Mosk. filos. fond, 1995. P. 127–128. (In Russ.).
12. Kimmel M. Gendernoe obshhestvo [Gender Society] Per. s angl. O. A. Oberemko, I. N. Tartakovskoj. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2006. P. 146. (In Russ.).
13. Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. Sociologija gendernyh otnoshenij i gendernyj podhod v sociologii [Sociology of gender relations and gender approach in sociology]. *Sociologicheskie issledovanija* [Social Studies]. 2000; (11): 17–27. (In Russ.).
14. Giddens A. Sociology. 6th edition. Cambridge: Polity Press, 2009. P. 320.
15. Connel R. W. Gender and Power: Society, the Person and Sexual Polotics. Cambridge: Polity, 1987. P. 94–118.
16. Bem S. Linzy gendera: Transformacija vzgljadov na problemu neravenstva polov [Lenses of gender: View transformations on the problem of sex inequalities]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja Jenciklopedija, 2004. P. 124. (In Russ.).
17. Connel R. W. Masculinities. Cambridge: Polity, 2005. P. 18–25.
18. Jewkes R., Morrel. Sexuality and the Limits of Agency among South African Teenage Women: Therorising Femeninities and their Connection to HIV Risk Practicies // Social Sience and Medicine. 2012. №74(11). P. 40.
19. Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. 12 lekcij po gendernoj sociologii [12 lectures on gender sociology]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015. P. 430. (In Russ.).
20. Tartakovskaja I. N. Gendernaja sociologija [Gender sociology]. Moscow: ООО «Variant», pri uchastii ООО «Nevskij Prostor», 2005. P. 149. (In Russ.).
21. Il'inyh S. A. Koncepty maskulinnosti i feminnosti v rusle gendernogo podhoda [Concepts of masculinity and femininity in the field of gender approach]. *Idei i idealy* [Ideas and ideals]. 2011; 4(10): 136–138. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.11.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 10.12.2021.
The article was submitted on 26.11.2021; approved after reviewing on 30.11.2021; accepted for publication on 10.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Касаткин Евгений Васильевич — начальник цикла — старший преподаватель, Военный учебный центр, Ростовский государственный медицинский университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Нансена, 437/1, кв. 80

Evgeny V. Kasatkin — Head of the cycle — Senior Lecturer, Military Training Center, Rostov State Medical University.

437/1 Nansen st., app. 80, Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 159.91

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-43-49

ИГРА И ЕЕ РОЛЬ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕБЕНКА

Людмила Николаевна Кузьмичева¹, Илона Олеговна Харитонова²✉

^{1,2}Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова (филиал),
Донской государственный аграрный университет, Новочеркасск, Россия

¹mila.donchenko.74@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 791244, SPIN-код: 5761-5827

²ilona2002.ik@gmail.com✉

Аннотация. Целью исследования является выявление значения, оценки и роли игровой деятельности в психическом развитии детей с самого рождения, выступая средством самовыражения, воспитания и развития.

Методологическую базу исследования представляют базовые положения о физиологическом и психическом здоровье ребенка. К используемым научным методам относятся аналитический метод и метод индуктивного умозаключения.

Результаты исследования. Именно в игре дети разного возраста чувствуют себя уверенно и могут проявить свои способности, раскрывая при этом природный потенциал. Игра является приоритетным видом и направлением деятельности ребёнка, в ходе которой формируются стороны психики и личностные особенности, от которых в дальнейшем зависит успешность социализации и познания окружающего мира. Вместе с игрой дети дошкольного и школьного возраста лучше усваивают правила поведения, учатся мыслить и запоминать, а также осваивают другие виды деятельности, выполнение которых необходимо в повседневной жизни. Игра упорядочивает чувства ребенка и оказывает влияние на его поступки и свершения. В игре раз за разом воспроизводятся жизненные нормы и правила поведения в обществе. Разумеется, в игре развивается также и воля ребенка, поскольку, овладевая в ходе игры или какой-либо игровой деятельности различными новыми для него способами действий, ребенок учится преодолевать трудности. Игровая деятельность является фундаментом для будущей учебной и профессиональной деятельности.

Перспективы исследования заключаются в развитии направлений для разнообразного правильного развития детского здоровья на психолого-физиологическом уровне.

Ключевые слова: игровая деятельность, психическое развитие, воспитание, игрушки, информативность, расширение кругозора

Для цитирования: Кузьмичева Л. Н., Харитонова И. О. Игра и ее роль в социально-психологическом развитии ребенка // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 43–49. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-43-49>.

Original article

THE GAME AND ITS ROLE IN THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL DEVELOPMENT OF THE CHILD

Ludmila N. Kyzmicheva¹, Ilona O. Kharitonova²✉

^{1,2}*Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch),
Donskoy State Agrarian University, Novocherkassk, Russia*

¹*mila.donchenko.74@mail.ru, AuthorID RSCI: 791244, SPIN: 5761-5827*

²*ilona2002.ik@gmail.com*✉

Abstract. *The purpose of the study is to identify the meaning, evaluation and role of play activity in the mental development of children from birth, acting as a means of self-expression, education and development.*

The methodological basis of the study is the basic provisions on the physiological and mental health of the child. The scientific methods used include the analytical method and the method of inductive reasoning.

The results of the study. It is in the game that children of different ages feel confident and can show their abilities, while revealing their natural potential. The game is a priority type and direction of the child's activity, during which the sides of the psyche and personal characteristics are formed, on which the success of socialization and cognition of the surrounding world depends in the future. Along with the game, preschool and school-age children learn the rules of behavior better, learn to think and remember, and also master other activities that are necessary in everyday life. The game organizes the feelings of the child and influences his actions and achievements. The game reproduces life norms and rules of behavior in society over and over again. Of course, the child's will also develops in the game, because by mastering various new ways of acting during the game or some kind of game activity, the child learns to overcome difficulties. Gaming activity is the foundation for future educational and professional activities.

The prospects of the study lie in the development of directions for the various correct development of children's health at the psychological and physiological level.

Keywords: *play activity, psychic development, upbringing, toys, informativeness, expanding horizons*

For citation: *Kyzmicheva L. N., Kharitonova I. O. The game and its role in the socio-psychological development of the child // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 43–49. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-43-49>.*

Введение. Роль игры в психическом становлении детей обозначил в своих трудах известный психолог Лев Выготский. Она заключается в формировании и развитии важных умений, в поиске задатков ребенка, что могут обязательно пригодиться в будущем. Игра обучает, сосредотачивает, занимает, воспитывает и дает важные уроки жизни, «игра создает зону ближайшего развития ребенка» [5]. Анализ игровой деятельности ребенка

может служить важнейшим средством диагностики для определения уровня развития ребенка, ведь как говорил К.Д. Ушинский, «дитя в своих играх и забавах обнаруживает без притворства всю свою душевную жизнь» [5, с. 220]. Еще одно не менее важное значение, чем диагностическое, игра имеет для полноценного воспитания и развития ребенка, так как игры и забавы являются умственной деятельностью на разном этапе взросле-

ния ребенка. Игровые сюжеты, выражение учебных или любых других задач в игровой форме в первую очередь служат для привлечения ребенка к активной деятельности, создания у него положительной мотивации, снятия страхов, в том числе перед учебным процессом, новыми людьми и, на первый взгляд, чужим окружением, облегчают этап принятия ребенком учебной деятельности и обеспечивают оптимальную реализацию условий для ее комфортного течения. Наиболее интенсивно психические качества и личностные особенности формируются у детей в игровой деятельности, что и обуславливает актуальность данной темы.

Игра — это форма деятельности в условных ситуациях, направленная на воссоздание и усвоение общественного опыта, фиксированного в социально закрепленных способах осуществления предметных действий, в предметах науки и культуры [6]. Игра проходит длинный путь развития, первые ее элементы появляются в младенческом возрасте, а в дошкольном складываются высшие формы, в частности сюжетно-ролевая игровая деятельность. Игра стимулирует познавательную и исследовательскую деятельность, которая направлена на поиск новой информации, наблюдательность, сообразительность, любознательность, а также учит создавать воображаемые ситуации, перемещая ребенка в пространстве и времени, развитие произвольной памяти и внимания. В игровых ситуациях формируется более сложная организация движений, воспроизводятся и совершенствуются новые движения. Игровая деятельность относится непосредственно к косвенному методу воздействия, то есть ребенок не ощущает себя объектом воздействия взрослого, а является полноправным субъектом деятельности [5]. Если ребенок эмоционально вовлечен в игровую деятельность, то идет процесс обучения и развития, но если же ребенок равнодушен к игре и она ему вовсе не интересна и безразлична, то следует отложить обучение или выбрать другую игру.

Игра является верным способом профилактики посттравматического стрессового расстройства, проблема которого особо актуальна для детей войны, для переживших военные действия. Она помогает справиться с травмирующими ситуациями, психологи-

ческими травмами. Играя, дети ощущают безопасность для необходимого в сложной ситуации выражения и таящихся внутри чувств для последующего их исследования. Реакция детей состоит в естественном обыгрывании травматического опыта, в неосознанном усилии проникнуть глубже в его суть, преодолеть травму, усвоить, привыкнуть к тому, что произошло. Обретя чувство контроля над ситуацией, ребенок получает в игре главное — возможность взять на себя какую-либо роль. В ходе воспроизведения этой роли она преобразуется в действия ребенка и его отношение к действительности. Безопасная обстановка лучше всего возникает именно в игре [1].

Влияние игры на развитие ребенка.

Активная игровая деятельность развивает образное представление и повышает потенциал ребенка в творчестве, так как он по своему преобразует окружающую его среду, что часто приводит к новым и неожиданным результатам. Игра повышает уровень мышления ребенка, перемещая его на новую, более высокую ступень развития. В игровой деятельности формируется способность к абстрактному мышлению, обобщению и категоризации благодаря тому, что игровые действия ребенка отвлечены от конкретной предметной ситуации и приобретают обобщенный характер. От развернутых действий к умственным, к их одушевлению и умозаключениям — именно так формируется абстрактное мышление в игре [2].

На развитие личности игра оказывает огромное влияние, заключающееся в том, что через нее ребенок знакомится с окружающим миром, поведением и взаимоотношением взрослых людей, которые становятся образцом и примером его собственного поведения. Самое главное, что, играя, дети дошкольного возраста приобретают навыки общения, качества, необходимые для установления коммуникации со сверстниками. Плодотворные виды деятельности — рисование, лепка, аппликация, детский дизайн — на различных этапах детства тесно связаны с игрой. Интерес к подобной деятельности, в первую очередь, возникает как игровой интерес, направленный на создание произведений в соответствии с игровым замыслом. Активная игровая деятельность с оторванными

от предметов значениями развивает мышление, воображение, восприятие и повышает творческий потенциал ребенка, так как дети по-своему преобразуют окружающую среду, что часто приводит к новым, нестандартным результатам.

Развитие физиологических особенностей в игровой деятельности. На новый этап переходит и развитие речевой деятельности. Ребенок взаимодействует с предметами, базируясь на ранних ступенях развития игры на их вещественные заместители — игрушки, а затем на наименование как знак предмета, а действия становятся обобщенными, сопровождаемыми речью. Игровой процесс создает переименование не только предмета, но и играющего. Проявляется так называемая «ролевая речь», которая определяется ролями играющего и того, к кому обращаются. Речевое развитие способствует сравнению, объяснению, комментированию своих действий. Этот наиболее важный опыт доказывает состоятельность экспериментального возникновения сюжетно-ролевой игры у умственно неразвитых детей: по мере формирования роли поведения в обществе речь детей становилась более богатой и разнообразной функционально — возникала планирующая речь и речь как средство эмоционального отношения к предметам [4]. Игра по ролям в кукольном театре помогает заикающимся детям преодолеть дефекты речи.

Рефлексия (лат. *reflexio* — «отражение») — умение размышлять, заниматься самоанализом, осмысление своих действий, качество личности, которое обеспечивает возможность самонаблюдения и анализа действий, поступков и психического состояния [3]. В современной педагогике и психологии под рефлексией понимается анализ своей деятельности и ее результатов. Отсутствие рефлексии показывает направленность только на процесс деятельности, а не на те изменения, которые происходят в развитии детей. Для развития рефлексивного мышления игра имеет особое значение, так как является ведущей деятельностью. Рефлексия развивается в процессе игровой деятельности, поскольку

возникает реальная возможность контролировать то, как выполняется действие, являющееся частью процесса коммуникации. Так, играя в больницу, ребенок плачет и страдает, как больной пациент, и доволен собой, как хорошо исполняющий роль. Таким образом, рефлексия способствует осмыслению и пониманию результатов игровой деятельности детей.

Влияние игрушек на развитие детей. Также на психологическое развитие детей влияют игрушки. Игрушка в истории человечества возникает как средство подготовки ребенка к жизни в современной системе общественных отношений. С игрушками ребенок переживает множество разных чувств. Игрушка — предмет для забавы и развлечения, но и одновременно средство психического развития ребенка.

Классификация игрушек по воспитательному (развивающему) назначению:

- сенсорные (до года в основном звуковые — погремушки, пищалки, музыкальные игрушки; зрительные — калейдоскоп);

- двигательные (автомобиль, мяч, юла, заводные игрушки);

- образные (изображения животных, куклы, солдатики, машинки);

- общественно-бытовые и производственно-технические (игрушечные инструменты, например, совок и ведро, оружие);

- дидактические игрушки (игровые наборы с правилами, дидактические игры, конструкторы, игры-головоломки, музыкальные игрушки, развивающие компьютерные игры, игрушки-репетиторы);

- конструктивные (различные конструкторы и сборные игрушки)¹.

В раннем возрасте ребенок получает погремушки, которые определяют содержание его поведенческой реакции и манипулирования, позже — автодидактические игрушки, которые несут в себе условия развития ручных и зрительных соотносящих действий. Также игрушки — заместители реальных предметов человеческой культуры (мебель, посуда). Благодаря им ребенок овладевает орудийными действиями. Игрушки могут служить ко-

¹ Классификация игр и игрушек для детей // Контент-платформа igrushi.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.i-igrushki.ru/archive/klassifikatsiya-igr-i-igrushek.html> (дата обращения: 10.02.2022).

пиями реальных орудий и тем самым готовят к встрече с ними в реальных условиях, служат для развития у детей не профессиональных качеств, а общих, таких как меткость, ловкость, смелость, самостоятельность. Также в роли игрушек могут выступать бытовые предметы, которые помогают ребенку понять их функциональное значение и психологически войти в мир постоянных вещей.

Особо значимое место занимают мягкие игрушки, а также куклы. Поначалу ребенок осуществляет с куклой действия на подражание чему-либо, затем игрушка становится объектом эмоционального общения. Ребенок испытывает со своей куклой весь спектр событий своей и чужой жизни во всех эмоционально-нравственных выражениях. Кукла или мягкая игрушка — заменитель идеального друга, который все прекрасно понимает и не злится, это «наилучший партнер» в детском общении во всех его проявлениях. Любая игрушка учит ребенка всему доброму, учит способности познавать природу, других людей и в частности самого себя.

В школьном возрасте игровая деятельность никуда не исчезает, просто проникает в отношение к действительности. Она проявляется в школьном обучении и труде (обязательная деятельность с правилом). Игра служит на уроке средством контроля и закрепления учебного материала, способствует снятию напряжения и повышению эмоционального настроения у учащихся.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод о том, что на любой ступени развития, в различных формах игра главенствует над нравственным, интеллектуальным и эмоциональным развитием ребенка. Игровая деятельность перетекает в учебную, которая позднее возьмет первенство в дальнейшем развитии. Игра — эффективное средство формирования личности дошкольника, его морально-волевых качеств, в игре реализуются потребности воздействия на мир. Игра благоприятствует развитию чувств и регуляции поведения в обществе, так как, играя, ребенок повинуется правилам. Через ролевые отношения в игре ребенок знакомится с взаимоотношениями взрослых и получает основные навыки общения. В игре происходит формирование новых мотивов и пот-

ребностей, а также зарождение новых видов продуктивной деятельности. Дошкольный возраст — поистине уникальный и решающий период жизни в развитии ребенка, в это время обычно формируются основы личности, произвольное поведение, происходит развитие воображения, творчества и возможности «взять все в свои руки». Однако важнейшие качества формируются отнюдь не на учебных занятиях, а в ведущей деятельности — игре. По мнению большого количества исследований, игра имеет огромное влияние на формирование личности, потребностей, мотивов и воли ребенка. Именно в игре происходит психологическое осознание своего места в обществе людей и потребность стать взрослым, переступить порог детства. Дошкольный возраст — классический возраст для игры, когда ее влияние максимально эффективно. Именно в обществе дошкольников возникает и формируется в наиболее развитую форму специальный вид игры, называемый сюжетно-ролевой игрой. В совместной игре дети начинают подходить к ней серьезней, учитывая потребности и действия друг друга, отстаивая собственные точки зрения, планируя и реализуя совместные планы. Ребенок в результате игры становится частью общества, в частности учится самостоятельности и работе в коллективе. Все эти факты подтверждают то, что игра имеет огромное значение для развития всех психических процессов личности ребенка.

Список источников

1. Сулима В. Значение игры для детей дошкольного возраста [Электронный ресурс] // Психологи. Научная статья. 04.02.2017. URL: <https://www.b17.ru/article/71685/> (дата обращения: 31.01.2022).
2. Игровые методы коррекции трудностей обучения в школе / Под. ред. Ж.М. Глозман. М.: В. Секачев, 2006. 99 с.
3. Стариков И.М. Психология взаимопонимания в конкретных ситуациях: учебное пособие. К.: Центр учебной литературы, 2010. 288 с.
4. Стребелева Е.А., Мишина Г.А. Психолого-педагогическая диагностика развития детей раннего и дошкольного возраста: метод. пособие // Наглядный материал для об-

следования детей / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 2004. 164 с.

5. Выготский Л. С. Психология развития ребенка // Библиотека всемирной психологии. М.: Изд-во Смысл, Изд-во Эксмо, 2005. 512 с.

6. Современный образовательный процесс: основные понятия и термины: краткий терминологический словарь / Министерство образования РФ // Олешков М. Ю., Уваров В. М. М.: Компания Спутник, 2006. 189 с.

References

1. Sulima V. Znachenie igry dlja detej doshkol'nogo vozrasta [The meaning of the game for preschool children] [Elektronnyj resurs]. Psihologi. Nauchnaja stat'ja [Psychologists. Scientific article]. 04.02.2017. URL: <https://www.b17.ru/article/71685/> (data obrashhenija: 31.01.2022). (In Russ.).

2. Igrovye metody korrekcii trudnostej obuchenija v shkole [Game methods of correction of learning difficulties at school]. Pod. red. Zh. M. Glozman [In J. M. Glozman (eds.)]. Moscow: V. Sekachev, 2006. 99 p. (In Russ.).

3. Starikov I. M. Psihologija vzaimoponimaniya v konkretnyh situacijah: uchebnoe poso-

bie [Psychology of mutual understanding in specific situations: textbook]. Kiev: Centr uchebnoj literatury, 2010. 288 p. (In Russ.).

4. Strebeleva E. A., Mishina G. A. Psihologo-pedagogicheskaja diagnostika razvitiya detej rannego i doshkol'nogo vozrasta: metod. posobie [Psychological and pedagogical diagnostics of the development of children of early and preschool age: method. Manual]. Nagljadnyj material dlja obsledovanija detej [Visual material for the examination of children]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Prosveshhenie, 2004. 164 p. (In Russ.).

5. Vygotskij L. S. Psihologija razvitiya rebenka [Psychology of child development]. Biblioteka vsemirnoj psihologii [Library of World Psychology]. Moscow: Izd-vo Smysl, Izd-vo Eksmo, 2005. 512 p. (In Russ.).

6. Sovremennyj obrazovatel'nyj process: osnovnye ponjatija i terminy: kratkij terminologicheskij slovar' [Modern educational process: basic concepts and terms: a short terminological dictionary]. Ministerstvo obrazovanija RF [Ministry of Education of the Russian Federation]. Oleshkov M. Ju., Uvarov V. M. Moscow: Kompanija Sputnik, 2006. 189 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 22.03.2022; одобрена после рецензирования 04.04.2022; принята к публикации 18.04.2022.

The article was submitted on 22.03.2022; approved after reviewing on 04.04.2022; accepted for publication on 18.04.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузьмичева Людмила Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «История, философия и социальные технологии», Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортюнова (филиал), Донской государственной аграрный университет.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111

Lyudmila N. Kuzmicheva — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Technologies, Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch), Donskoy State Agrarian University.

111 Pushkinskaya st., Novocherkassk, Russia

Харитоновна Илона Олеговна — студент факультета «Бизнес и социальные технологии», Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова (филиал), Донской государственный аграрный университет.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111

Iлона О. Kharitonova — Student of the Faculty of Business and Social Technologies, Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch), Donskoy State Agrarian University.

111 Pushkinskaya st., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Кузьмичева Л. Н. — научное руководство; построение концепции научного исследования; доработка текста.

Харитоновна И. О. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Kuzmicheva L. N. — scientific guidance; construction of the concept of scientific research; revision of the text.

Kharitonova I. O. — writing the source text; final conclusions.

Научная статья

УДК 316+378+330.567.224

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-50-58

ВЛИЯНИЕ КОНСЬЮМЕРИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА НА СИСТЕМУ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Елена Владимировна Сусименко^{1✉}, Елена Юрьевна Литвиненко²

^{1, 2}Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹e.susimenko@npi-tu.ru✉, ORCID: 0000-0001-7627-2051, AuthorID РИНЦ: 445931

²denis.rimma@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8013-4882, AuthorID РИНЦ: 758173

Аннотация. Целью исследования является обоснование понятия «консьюмеризм» и выявление его влияния на современное высшее образование.

Методологическую базу исследования представляют классические социологические теории, в рамках которых традиционно рассматривались проблемы, связанные с получением образования — структурный функционализм, конфликтно-критическая теория, интеракционистская теория. Для обоснования сущностного понимания консьюмеризма использована теория праздного класса и теория симулякров в обществе потребления. Оперативно использованы труды российских ученых, посвященные рассмотрению консьюмеризма в контексте высшего образования.

Результаты исследования. Анализ работ зарубежных и российских социологов, исследующих проблемы, связанные с коммерциализацией образования, позволил выделить как негативные, так и позитивные стороны влияния консьюмеризации общества на систему высшего образования. К позитивным моментам можно отнести включенность бизнеса (деловых структур) в дополнительное финансирование современных вузов и открытие коммерческих учебных заведений, отвечающих потребностям бизнеса и рынка труда. Однако нацеленность на подготовку специалистов с высокими профессиональными компетенциями оставляет без должного внимания социокультурную компоненту, зачастую рассматриваемую как «довесок» и не являющуюся необходимой для современного профессионала. Консьюмеризация образования вызывает беспокойство тем, что способствует формированию поколения потребителей при отсутствии системы ценностей, присущих культуре общества.

Перспективу исследования составляет дальнейший анализ влияния консьюмеризации общества на систему образования с акцентом на особенности регионального образования.

Ключевые слова: консьюмеризм, общество, высшее образование, потребление, студенты, ценности, коммерциализация

Для цитирования: Сусименко Е. В., Литвиненко Е. Ю. Влияние консьюмеризации общества на систему высшего образования // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 50–58. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-50-58>.

Благодарности: научная статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2582.2020.6) на тему «Государственная политика в сфере

высшего образования и развитие инновационного потенциала молодежи: экономические и неэкономические детерминанты и механизмы в условиях регионализации социального пространства и становления Индустрии 4.0».

Original article

THE IMPACT OF THE CONSUMERIZATION ON HIGHER EDUCATION SYSTEM

Elena V. Susimenko^{1✉}, Elena Yu. Litvinenko²

^{1, 2}Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

¹e.susimenko@npi-tu.ru✉, ORCID: 0000-0001-7627-2051, AuthorID RSCI: 445931

²denis.rimma@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8013-4882, AuthorID RSCI: 758173

Abstract. *The purpose of the research is to justify the concept of consumerism and discover its impact on modern higher education.*

The methodological basis *lies in classical sociological theories of structural functionalism, conflict criticism, interactionism, traditionally used to study the issues related to education. Theory of the leisure class and simulacra in the consumer society help support the essential understanding of consumerism. The works of Russian scientists on consumerism in higher education are of special interest.*

Research results. *The negative and positive impacts of consumerization on the higher education are revealed. The positive aspects are involvement of business community in additional financing of modern universities and establishing of commercial educational institutions meeting the needs of business and labor market. However, the socio-cultural component of education is underestimated and viewed as a «makeweight», not necessary for a modern professional and may enhance the formation of a generation of consumers with no values inherent in the culture of the society.*

The prospect of the research *is a further analysis of consumerization in education with an emphasis on regional education.*

Keywords: *consumerism, society, higher education, consumption, students, values, commercialization*

For citation: *Susimenko E. V., Litvinenko E. Yu. The impact of the consumerization on higher education system // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 50–58. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-50-58>.*

Acknowledgments: *the research was performed within the grant of the President of the Russian Federation for state support of the leading scientific schools of the Russian Federation (NSch-2582.2020.6) «Public policy in the field of higher education and development of innovative potential of youth: economic and non-economic determinants and mechanisms in the conditions of regionalization of social space and the formation of Industry 4.0».*

Введение. Понятие консьюмеризма в социологии рассматривается в тесной связи с развитием массового общества, которое определяется как «модель общества, пессимистически отображающая социальные преобразования, вызванные модернизацией (урбанизацией, демократизацией политики,

ростом массовых коммуникаций и народного образования), как процесс, в котором индивиды становятся: (а) более обособленными от предыдущих социальных группировок, то есть социально распыленными; (б) более открытыми для коммерческого и политического манипулирования централизо-

ванными элитами. Процесс, в ходе которого люди все более обращаются в массу, называется также массофикацией общества» [10, с. 400].

Образование традиционно анализировалось с точки зрения трех основополагающих теорий:

— структурный функционализм, предполагающий, что образование должно обеспечить индивидов подготовкой, необходимой для последующей жизни в более широком обществе, и узкопрофильной (специализированной) подготовкой для осуществления профессиональной деятельности в той предметной области, которая будет выбрана тем или иным индивидом;

— конфликтно-критическая теория, основная идея которой заключается в том, что учебные заведения способствуют сохранению и поддержанию капиталистической системы, формируя трудолюбивых и покорных исполнителей для определённого вида трудовой деятельности. Данная теория также подчеркивает, что учебные заведения способствуют исключению аутсайдеров из ряда профессий, контролируя доступ к более престижным и выгодным с материальной точки зрения видам трудовой деятельности;

— интеракционистская теория, акцентирующая внимание на взаимодействиях и коммуникативных моделях поведения в учебных заведениях (как ведут себя обучающиеся и преподаватели, какие речевые модели общения они используют), а также как создаются и резервируются ярлыки, присваиваемые обучаемым и репродуцирующие их поведение, что оказывает влияние на академические успехи и достижения [5].

Социологи, занимающиеся исследованием общества потребления (консьюмеризма), подчеркивают, что данное понятие связано, в первую очередь, с современными типами обществ, где исследование консьюмеризма акцентируется на причинах интенсивного потребления как на индивидуальном, так и на социальном уровнях, что требует включения в исследование современного образования социологических теорий, посвященных анализу консьюмеризма.

Консьюмеризм в области образования. Исследования консьюмеризма в той или

иной мере связаны с работами Веблена, в которых он раскрыл причины демонстративного потребления, показав, что потребление очерчивает социальное сравнение, насколько благополучным в статусном и материальном положении находятся одни социальные акторы по сравнению с другими [5]. Если экстраполировать теорию Веблена на получение высшего образования, то вполне очевидным представляется, что выбор престижного вуза, возможность оплатить дополнительные образовательные услуги выступает подтверждением социального статуса семьи и ее материального благополучия. Современный индивид находится в постоянном процессе потребления продукции, которая дается ему/ей развитой цивилизацией, начиная от продуктов питания до предметов роскоши и разнообразных услуг. Многие видные ученые современности анализируют сущность и последствия консьюмеризма (Ж. Бодрийяр, У. Бек, З. Бауман, В. Ильин и др.) [2; 3; 7; 11].

Потребление проникает во все сферы жизни общества, где потребительство можно сравнить с любым аддиктивным типом поведения (алкоголизм, курение, наркомания). Выдающийся мыслитель современности Ж. Бодрийяр подчеркивает, что в настоящее время консьюмеризм — это «не пассивное состояние поглощения и присвоения, которое противопоставляют активному состоянию производства, это активный модус отношения к вещам, к коллективу и ко всему миру, в нем осуществляется систематическая деятельность и универсальный отклик на внешние воздействия» [8, с. 213–214].

Что касается образования, то оно, как и все другие сферы жизнедеятельности общества, не осталось в стороне от трендов консьюмеризации. Следует отметить, что данные тренды трансформировались в зависимости от изменений самого потребления. Если в доиндустриальную и индустриальную эпоху потребление большей частью носило экономический характер, то в современном обществе потребление переходит в стадию консьюмеризма, характеризующуюся «этикой расточительства» [8]. Собственно говоря, студенты всегда являлись потребителями образования. Однако в реалиях современности — превращения общества в общество потребления — с одновременной увеличивающейся

коммерциализацией образования происходит постепенный поворот от Дюркгеймовского понимания образования как передачи системообразующих ценностей от поколения к поколению к формированию профессионала, отвечающего потребностям работодателей, часто выступающих спонсорами введения определенных программ обучения. Интенсификацию данного тренда зачастую представляют одной из целей модернизации современного образования, что в свою очередь способствует установлению и поддержанию основ общества консьюмеризма [9].

Студенты как потребители образования.

Поскольку в обществе консьюмеризма практически все являются потребителями, то студенты выступают потребителями образования в условиях увеличивающейся коммерциализации образования, хотя не всегда это служит увеличению прибылей коммерческих предприятий. Образование осуществляется в различных странах, где потребление стимулируется весьма агрессивно. В этом отношении ярким примером выступает образование в США, где потребление не ограничивается такими очевидными местами, как торговые центры, супермаркеты или рестораны быстрого питания, оно проникло во все сферы функционирования общества. Студенты глубоко погружены в это общество и не могут не привнести его этос (нравственный облик) в образовательную среду. На уровне колледжей образование или, по крайней мере, получаемый диплом (степень) все чаще рассматриваются в качестве приобретаемого или потребляемого продукта. Как и в большинстве случаев потребления, внимание уделяется в первую очередь оцениванию имеющихся альтернатив с тем, чтобы выявить те виды образования (учебные заведения), которые принесут наибольшую отдачу за меньшее количество вложенных денег. Родители, которые нацелены оплачивать образование своих детей, безусловно, чаще рассматривают колледж в зависимости от стоимости обучения [16].

В результате коммерциализации образования, например, в США, увеличивается количество так называемых коммерческих вузов, где рост числа студентов возрастает год от года. Так, университет в штате Феникс насчитывает более 300 тысяч студентов

(с учетом 50 тысяч аспирантов), при этом примерно треть студентов обучаются через систему дистанционного обучения. Доходы, получаемые данным университетом (более 30 млрд. в год), дают основание рассматривать данный университет как успешно действующее производство. Всего в США около 3 млн. студентов получают образование в коммерческих учебных заведениях. Влияние корпораций, которые руководят коммерческими учебными заведениями, стало вполне очевидным, когда в 2011 г. они вынудили правительство критически уменьшить федеральное финансирование и навязать новые правила обучения федеральным вузам [5]. Тем не менее, коммерческое образование подвергается критике как со стороны общественности, так и со стороны преподавательского состава вузов, которые обращают внимание на то, что большое количество студентов не в состоянии освоить программы обучения на должном уровне вследствие слабой базовой подготовки, полученной в средней школе.

Неравенство в получении образования в обществе консьюмеризма становится архиважной проблемой вследствие большого разрыва в материальном благосостоянии семей, которое, в частности, зависит и от региона проживания, поскольку заработная плата во многом различается в зависимости от локализации проживания, а, следовательно, не дает возможность родителям из регионов с низкой оплатой труда обеспечить своих детей необходимыми образовательными услугами. Многие студенты, получившие высокие баллы в результате сдачи ЕГЭ, не идут в престижные вузы не из-за отсутствия желания обучаться в них, а из-за невозможности родителей обеспечить своим детям возможность проживания в крупных городах, где по большей части и размещаются высокорейтинговые и престижные вузы. Как справедливо отмечают В.В. Фурсова и Д.Х. Ханнанова, «...через золотое сито проходят главным образом подростки из высших социальных слоев, остальным же предоставляется право на “отсев”» [16, с. 62–63]. Данное высказывание вполне коррелирует с идеей, высказанной известным исследователем в области образования Д.Л. Константиновским, который утверждает, что наметилась тенденция пере-

хода к «парентократической» модели, в которой «образование ребенка во все возрастающей степени зависит от благосостояния и желаний родителей, нежели от его собственных способностей и усилий» [12, с. 57–58]. Данное положение усугубляется тем, что оно влияет на экспектации молодежи по отношению к получению высшего образования, поскольку происходит столкновение интенций молодых людей с реалиями существующей действительности, что в свою очередь оказывает воздействие на процесс вторичной социализации в вузе.

Потребительские установки в области высшего образования выражаются в следующем:

- выбор учебного заведения, исходя из материальной обеспеченности поступающих в вузы;

- выбор учебного заведения с учетом его престижности и оценки в различных рейтингах;

- наличие программ обучения по востребованным специальностям на современном рынке труда;

- наличие дополнительных образовательных программ обучения, которые предлагаются вузами;

- наличие военных кафедр (военных институтов), позволяющих в дальнейшем избежать службы в армии или получить военное образование наряду с гражданской специальностью;

- наличие в вузах широкого спектра технологических средств, позволяющих осуществлять качественное дистанционное образование, обеспеченность онлайн-консультациями и т.д.

- «удобство» вуза в смысле его локализации.

Трансформация системы образования в обществе потребления. Следует отметить, что трансформация традиционных форм образования в обществе консьюмеризма отвечает потребностям так называемой гламур-культуры. Изначально понятие «гламур» ассоциировалось с английским словом *glamour*, словарное значение которого весьма разнообразно (шарм, обаяние, очарование, привлекательность, приукрашивание, излишнее восхваление) и которое связывалось с красивой жизнью, не отягощенной излишними трудностями. Однако в настоящее время данное понятие расширило свой дискурс

и связывается с развитием потребительского общества постмодерна, где формируется восприятие и придается иной смысл различным явлениям: культурным, экономическим, технологическим, политическим, порождая различные феномены: глэм-потребление, глэм-капитализм, глэм-демократию, глэм-литературу, глэм-науку, глэм-культуру [15]. В этой связи М. Д. Щелкунов справедливо замечает, что образование становится «социально ангажированным институтом», так как «коммерциализация системы образования, превращение ее в предприятие по оказанию рыночных услуг снимает препятствия для проникновения в образовательную среду глэм-культуры в качестве маркетингового инструмента» [17, с. 270]. При этом глэм-культура влияет практически на все аспекты образования: контентный, коммуникативный, ценностный, организационный.

В то время как потребление (консьюмеризм) всегда являлось отличительным признаком маркетинговой экономики, его этос, постоянно разрабатываемый и культивируемый современными средствами массовой информации, никогда не был настолько доступен и распространен в среде молодежи. Как подчёркивает известный зарубежный социолог Норрис, такое беспрецедентное распространение ценностей консьюмеризма среди молодого поколения происходит большей частью посредством рекламы, которая не только вплетена в различные видеоигры, телевизионные программы и Интернет, ее в настоящее время можно обнаружить в самих образовательных учреждениях через корпоративное спонсорство, оказывающее влияние на разработку учебных программ, и коммерческое финансирование государственных и частных учебных заведений различного уровня [4]. Это приводит к тому, что молодые люди сегодня знают коммерческие бренды, активно используют в своей речи рекламные слоганы и выражения, но не имеют представления об именах знаковых исторических деятелей, ученых, писателей, художников и т.д. Если образовательные институты, а также те, кто озабочен состоянием современного образования, не смогут выработать стратегию, противостоящую современным трендам по коммерциализации образования, то в скором будущем мы придем к такому положению, когда большая часть ин-

вестиций в образование будет тратиться не на формирование нового поколения элиты интеллектуального труда, а на формирование нового поколения потребителей.

Образование в обществе консьюмеризма становится одним из главных элементов символической презентации, рассматриваемой Ж. Бодрийяром. Он описывает, как объекты функционируют в качестве «кода» знака (символа), а не только как объекты использования. Анализ Бодрийяра демонстрирует следующее: объекты, понимаемые как символ, в конечном итоге теряют свою связь с объектом, который мы инстинктивно с ним ассоциируем, и начинают ассоциироваться с другими символами. Сочетание символов и значений, которые эти значения обретают, и является «кодом» [2]. Например, определенный индивид не испытывает потребности в частом использовании мобильного телефона, но обладание им и показ его наличия могут немедленно сигнализировать целевой аудитории о статусе и значимости его обладателя. Бодрийяр придает большое значение зависимости нашего потребления от символических (знаковых) ценностей, что превращает «код» в тоталитарность, которой никто не в состоянии избежать, поскольку каждый день мы «участвуем в его коллективной разработке» [1, с. 22]. Экстраполируя идеи Бодрийяра на современный институт высшего образования, можно заключить, что оно превращается в своеобразный код, сигнализирующий не только о престижности получаемой специальности, но и о престижности вуза, то есть на первый план выходит символическая (внешняя) компонента получаемого образования. Поэтому мы солидарны с Е. М. Николаевой и М. Д. Щелкуновым в мнении, что значимым становится не содержательный уровень знаний и общей культуры, а символы знаний (сертификат, диплом, аттестат), и чем больше таких символов, чем они престижнее, тем шире возможности презентации себя как специалиста с качественными профессиональными компетенциями, тем легче становится путь в вертикальной социальной мобильности [14]. Исходя из макро-социального подхода к рассмотрению образования в обществе консьюмеризма, можно сказать, что главными его потребителями являются бизнес в его различных проявлениях

и государство. С точки зрения бизнеса, образование — одно из средств потребления, которое должно предоставить бизнесу необходимых специалистов, обладающих нужным для конкретного бизнеса набором профессиональных умений, знаний и навыков. Как правило, не относящиеся непосредственно к профессиональной деятельности компетенции рассматриваются как излишние (общегуманитарные, общекультурные), поскольку эти «довески» только повышают стоимость обучения и реализацию образовательных программ в вузе, в то время как общество рассматривает образование не только как узкий набор профессиональных компетенций, но и видит в нем возможность репродукции перманентных ценностей, т.е. возникает противоречие между интенциями бизнеса и общественным интересом. Следовательно, появляется необходимость в непосредственном участии государства в финансировании не приносящих выгоды с точки зрения бизнеса компетенций, которые, тем не менее, представляют значимость как социально важные и культурно обусловленные части образования [14]. Однако даже данные компетенции в условиях общества консьюмеризма все больше становятся коммерциализированными, что становится дискриминацией в контексте платежеспособности для тех, кто намерен получить образование социально-культурного характера.

Однако следует отметить, что в коммерциализации образования ученые видят не только негативные последствия. Так, например, ряд ученых находят в превращении образования в потребительскую услугу возможность «социализации посредством высшего образования широкого контингента молодежи, которая в иных условиях не могла и мечтать о студенческой скамье». Этому способствует развитие широкой сети негосударственных образовательных заведений, которые, несмотря на частую обоснованную критику по отношению к предоставлению профессиональных знаний, выполняют важную социализирующую функцию коммерческого образования, когда «сотни тысяч школьников-маргиналов, став студентами, вступают на путь обретения подлинно человеческих черт: воспитанности, гражданственности, эрудированности, коммуникабельности» [13, с. 98].

Заключение. Таким образом, можно заключить, что высшее образование не может не испытывать на себе влияния консьюмеризма, что выражается в следующем:

— оценивание современных вузов с точки зрения престижа и их рейтинговой оценки;

— потребители высшего образования воспринимают данный месседж как возможность получения элитного образования, обладающего высокой социальной ценностью;

— далеко не все потребители (студенты и их родители) способны получить престижное элитное образование в силу ограниченности материальных ресурсов;

— высшие учебные заведения с низко оцениваемой престижностью вынуждены в большей степени задумываться о привлекательности своих вузов, вводить в программу обучения новые специальности, востребованные на рынке труда, расширять свои технологические ресурсы, особенно в рамках дистанционного обучения. Эти учебные заведения находятся в достаточно жестких условиях конкурентности с другими вузами в «борьбе» за абитуриентов и, возможно, должны прилагать больше усилий для промоутинга своих преимуществ в получении высшего образования;

— консьюмеризм сказывается практически на всех аспектах деятельности современных вузов: контентном, коммуникативном, ценностном, организационном;

— этос консьюмеризма, постоянно разрабатываемый и культивируемый современными средствами массовой информации, способствует распространению ценностей консьюмеризма среди студенческой молодежи;

— консьюмеризация образовательных учреждений осуществляется посредством корпоративного спонсорства, оказывающего влияние на разработку учебных программ и их узкоцелевое предназначение;

— консьюмеризация образования оказывает влияние на восприятие внешней стороны получения высшего образования, оставляя в стороне его сущностные компоненты.

Все эти тренды требуют инвестиций со стороны государства в усиление социокультурной компоненты в процессе получения высшего образования, если оно заинтересовано не в формировании поколения потребителей, а в подготовке нового поколения профессионалов, занятых интеллектуальными видами труда.

Список источников

1. Baudrillard J. Selected Writings / Ed. by M. Poster. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001. 294 p.
2. Baudrillard J. The Consumer Society: Myths and Structures. London, UK: SAGE, 1998. 208 p.
3. Bauman Z. Work, Consumerism and the New Poor. Buckingham: Open University Press, 1998. 106 p.
4. Fulcher J., Scott J. Sociology. 4th ed. New York: Oxford University Press Inc., 2011. 912 p.
5. Ritzer G. Introduction to Sociology. SAGE Publications, Inc., 2015. 632 p.
6. Veblen T. The Theory of the Leisure Class. New York: Dover Publications, 1994. 244 p.
7. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелник, Я. Федорова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
8. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: РУДОМИНО, 1999. 224 с.
9. Гусева С.В. Консьюмеристский дискурс как интерактивная модель социальной коммуникации (к определению понятия) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. №5(58). С. 313–320.
10. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. В 2-х томах. Пер. с англ. Н.Н. Марчук. Т. 1. М.: Вече, АСТ, 2001. 544 с.
11. Ильин В.И. Потребление как дискурс. СПб.: Интерсоцис, 2008. 218 с.
12. Константиновский Д.Л. Неравенство и образование: Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М.: Центр социального прогнозирования, 2008. 552 с.
13. Майер Б.О., Наливайко Н.В. Об онтологии качества образования в обществе знания // Философия образования. 2008. №3(24). С. 4–18.
14. Николаева Е.М., Щелкунов М.Д. Идентификация личности в условиях консьюмеризма образования // Ученые записки Казанского государственного университета. 2010. Т. 152. Кн. 1. С. 135–144.
15. Руднева Д.А. Гламур как феномен культуры постиндустриального общества: методология исследования // Известия Уральского государственного университета.

Серия 2. Гуманитарные науки. 2010. №2(76). С. 31–40.

16. Фурсова В.В., Ханнанова Д.Х. Социальное неравенство в сфере образования. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2007. 223 с.

17. Щелкунов М.Д. Образование в эпоху гламура // Вестник экономики, права, социологии. 2011. №2. С. 269–274.

References

1. Baudrillard J. Selected Writings / Ed. by M. Poster. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001. 294 p.

2. Baudrillard J. The Consumer Society: Myths and Structures. London, UK: SAGE, 1998. 208 p.

3. Bauman Z. Work, Consumerism and the New Poor. Buckingham: Open University Press, 1998. 106 p.

4. Fulcher J., Scott J. Sociology. 4th ed. New York: Oxford University Press Inc., 2011. 912 p.

5. Ritzer G. Introduction to Sociology. SAGE Publications, Inc., 2015. 632 p.

6. Veblen T. The Theory of the Leisure Class. New York: Dover Publications, 1994. 244 p.

7. Bek U. Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu [Risk Society: On the way to another modern]. Per. s nem. V. Sedel'nik, Ja. Fedorova [Trans. from German V. Sedelnik, Ya. Fedorova]. Moscow: Progress-Tradicija, 2000. 383 p. (In Russ.).

8. Bodrijar Zh. Sistema veshnej [The system of things]. Moscow: RUDOMINO, 1999. 224 p. (In Russ.).

9. Guseva S.V. Kons'jumeristskij diskurs kak interaktivnaja model' social'noj kommunikacii (k opredeleniju ponjatija) [Consumerist discourse as an interactive model of social communication (to the definition of the concept)]. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2011; 14(5(58)): 313–320. (In Russ.).

10. Dzheri D., Dzheri Dzh. Bol'shoj tolkovyj sociologicheskij slovar'. V 2-h tomah. Per. s

angl. N.N. Marchuk [A large explanatory sociological dictionary. In 2 volumes. Translated from English by N.N. Marchuk]. Vol. 1. Moscow: Veche, AST, 2001. 544 p. (In Russ.).

11. Il'in V.I. Potreblenie kak diskurs [Consumption as a discourse]. Saint Petersburg: Inter-socis, 2008. 218 p. (In Russ.).

12. Konstantinovskij D.L. Neravenstvo i obrazovanie: Opyt sociologicheskikh issledovanij zhiznennogo starta rossijskoj molodezhi (1960-e gody — nachalo 2000-h) [Inequality and education: The experience of sociological studies of the life start of Russian youth (1960s — early 2000s)]. Moscow: Centr social'nogo prognozirovaniya, 2008. 552 p. (In Russ.).

13. Majer B.O., Nalivajko N.V. Ob ontologii kachestva obrazovaniya v obshchestve znaniya [On the ontology of the quality of education in the society of knowledge]. Filosofija obrazovaniya [Philosophy of Education]. 2008; 3(24): 4–18. (In Russ.).

14. Nikolaeva E.M., Shhelkunov M.D. Identifikacija lichnosti v uslovijah kons'jumerizma obrazovaniya [Identification of personality in the conditions of consumerism of education] // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Kazan State University]. 2010; 152(1): 135–144. (In Russ.).

15. Rudneva D.A. Glamur kak fenomen kul'tury postindustrial'nogo obshchestva: metodologija issledovaniya [Glamour as a cultural phenomenon of post-industrial society: research methodology]. Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Gumanitarnye nauki [News of the Ural State University. Series 2. Humanities]. 2010; 2(76): 31–40. (In Russ.).

16. Fursova V.V., Hannanova D.H. Social'noe neravenstvo v sfere obrazovaniya [Social inequality in education]. Kazan': Izd-vo Kazanskogo gos. un-ta, 2007. 223 p. (In Russ.).

17. Shhelkunov M.D. Obrazovanie v jepohu glamura [Education in the era of glamour]. Vestnik jekonomiki, prava, sociologii [Bulletin of Economics, Law, Sociology]. 2011; (2): 269–274. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.10.2021; одобрена после рецензирования 15.10.2021; принята к публикации 18.11.2021.

The article was submitted on 05.10.2021; approved after reviewing on 15.10.2021; accepted for publication on 18.11.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сусименко Елена Владимировна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой «Иностранные языки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Elena V. Susimenko — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of «Foreign Languages» Department, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Литвиненко Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры «Иностранные языки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Elena Yu. Litvinenko — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of «Foreign Languages» Department, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Сусименко Е. В. — научное руководство; концепция исследования; доработка текста; итоговые выводы.

Литвиненко Е. Ю. — развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Susimenko E. V. — scientific management; research concept; writing the source text4 final conclusions.

Litvinenko E. Yu. — development of methodology; follow-on version of the text; final conclusions.

Научная статья
УДК 316.7 (06)
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-59-66

КОНСТРУКТЫ МАСКУЛИННОСТИ И ФЕМИННОСТИ В ГЕНДЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Юлия Геннадьевна Тищенко¹, Наталья Юрьевна Ковалева²,
Ирина Александровна Тищенко³✉

¹Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия

^{2,3}Шахтинский автодорожный институт (филиал),

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Шахты, Россия

¹Yuliatiss@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5948-0692

²roberto81@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8296-6404, WoS Research ID: ABG-6111-2020

³lingvan@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0003-1147-7245, WoS Research ID: ABG-6573-2020

Аннотация. Цель исследования состоит в социологическом анализе конструктов маскулинности и феминности в гендерных представлениях современной студенческой молодежи, определении меры соотношения в их (стереотипов) структуре традиционных (инерционных) и эгалитарных (инновационных) гендерных представлений, что позволит судить о скорости и характере социокультурных преобразований в современном российском обществе, перспективах его демократизации и модернизации.

Методологическую базу исследования представляют социальный конструкционизм, основные положения структурно-функционального анализа. В работе также использовались общенаучные методы исследования (аналитический, системный, компаративный анализы), методы социологического исследования (анализ материалов, документов; анкетирование и др.) и методы математической статистики.

Результаты исследования. Выявлены существенные трансформации традиционных конструктов маскулинности-феминности в гендерных представлениях современной студенческой молодежи, а также склонность последней к андрогинизму в оценке женских и мужских образов, что отмечено также в ряде работ отечественных исследователей и позволяет констатировать, что в условиях современного российского общества формируется новый тип личности — андрогинный, в котором на паритетных началах представлены сущностные черты как маскулинного, так и феминного типов.

Перспективы исследования. Изучение ценностно-нормативных представлений, гендерных стереотипов современной студенческой молодежи различных типов поселения и профиля образования позволит прогнозировать характер динамики трансформирующегося российского общества, выявить перспективы его модернизации

Ключевые слова: стереотипы маскулинности и феминности, гендерные представления студенческой молодежи, трансформация традиционных гендерных конструктов, социокультурная эволюция общества

Для цитирования: Тищенко Ю.Г., Ковалева Н.Ю., Тищенко И.А. Конструкты маскулинности и феминности в гендерных представлениях современной студенческой

молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 59–66. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-59-66>.

Original article

CONSTRUCTS OF MASCULINITY AND FEMININITY IN GENDER REPRESENTATIONS OF MODERN STUDENTS

Yulia G. Tishchenko¹, Natalya Yu. Kovaleva², Irina A. Tishchenko³✉

¹Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia

^{2,3}Shakhty Road Institute (branch),

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Shakhty, Russia

¹Yuliatiss@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5948-0692

²roberto81@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8296-6404, WoS Research ID: ABG-6111-2020

³lingvan@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0003-1147-7245, WoS Research ID: ABG-6573-2020

Abstract. *The purpose of the research consists in a sociological analysis of the constructs of masculinity and femininity in the gender representations of modern student youth, to determine the measure of relations in their (stereotypes) of the structure of traditional (inertial) and egalitarian (innovative) gender representations, which will judge the speed and nature of sociocultural transformations in today's Russian society, the prospects for its democratization and modernization.*

The methodological base of the research is social constructionism, the main provisions of the structural-functional analysis. The work used general scientific methods of research (analytical, systemic, comparative analyses), methods of sociological research (analysis of materials, documents, questioning, etc.) and methods of mathematical statistics.

Results of the research. Significant transformations of traditional masculinity-femininity constructs in the gender representations of modern student youth, as well as the tendency of the latter to androgyny in the evaluation of female and male images were revealed, which was also noted in a number of works of domestic researchers and allows us to state that in the conditions of modern Russian society, a new type of personality is being formed — androgynous, in which the essential features of both masculine and feminine types are presented on a parity basis.

The prospects of the research. The study of value-normative ideas, gender stereotypes of modern student youth of various types of settlement and education profile will make it possible to predict the nature of the dynamics of the transforming Russian society, to identify the prospects for its modernization.

Keywords: stereotypes of masculinity and femininity, gender perceptions of students, transformation of traditional gender constructs, socio-cultural evolution of society

For citation: Tishchenko Yu. G., Kovaleva N. Yu., Tishchenko I. A. Constructs of masculinity and femininity in gender representations of modern students // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 59–66. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-59-66>.

Введение. Сегодняшние реалии российского общества свидетельствуют о существенных трансформациях его политических и социально-экономических структур, что неизбежно отражается и на более глубинных процессах, связанных с ценностями, установками, стереотипами, гендерными отношениями полов. По внутренней логике развития, трансформационные процессы носят синхронный характер, вовлекая в отношения взаимозависимости политические, экономические, технологические, урбанистические и социокультурные процессы. Невозможно построение современной экономики, конкурентоспособной промышленности без кардинального изменения сознания людей. Затянувшийся в России переход от постиндустриального общества к информационному постсовременному обусловлен в значительной степени не только структурными, экономическими факторами, но и косностью массового сознания, в котором продолжают доминировать патерналистские установки, традиционные стереотипы и модели поведения.

Гендерные стереотипы, будучи одной из разновидностей социальных норм, определяют модели поведения человека, его социальные роли не только в отношениях с гендерными сообществами, в межличностном пространстве, семье, но и в сферах профессиональной и публичной деятельности. Поскольку гендерные стереотипы нормативны, они принимают участие в конструировании системы социальных отношений и гендерного порядка в целом.

Все многообразие гендерных стереотипов социологи объединяют в зависимости от их содержания в три группы. В первую из них входят стереотипы маскулинности и феминности, предписывающие мужчинам и женщинам определенные личностные качества, черты характера и модели поведения, характерные для них в рамках определенного социокультурного пространства. Вторая группа гендерных стереотипов закрепляет требования к семейным и профессиональным ролям полов. К третьей группе относят стереотипы, устанавливающие половые различия в содержании труда.

Любая группа гендерных стереотипов может быть рассмотрена сквозь призму их традиционного (инерционного) и модерни-

зированного (инновационного) содержания, доли которых определяют характер влияния этих стереотипов на динамику реформирующегося российского общества. Преобладание в социуме приверженцев традиционных стереотипов и ценностей либо современных свидетельствует о темпах и характере модернизации российского общества. Смещение традиционных и модернизированных гендерных стереотипов также свидетельствует о социальной динамике общества, трансформации его ценностно-нормативных и институциональных основ.

Изучение гендерных стереотипов современной студенческой молодежи, определение меры соотношения в их (стереотипов) структуре традиционных (инерционных) и эгалитарных (инновационных) гендерных представлений позволит судить о скорости и характере социокультурных преобразований в сегодняшнем российском обществе, перспективах его демократизации и модернизации.

Выбор гендерных представлений студенческой молодежи в качестве предмета анализа обусловлен прежде всего тем, что именно сегодняшние студенты являются инновационным потенциалом нового поколения, наиболее восприимчивы к происходящим социальным переменам, новым идеям и ценностям, именно их ценностные ориентации, по словам Р. Инглхарда, выступают в качестве «спускового механизма» трансформаций и станут доминирующими в социуме спустя 10–15 лет [2]. Изучение гендерных стереотипов современного студенчества позволит в дальнейшем очертить некоторые контуры социокультурного и аксиологического облика российского общества в ближайшем будущем.

Методология. Эмпирическое исследование гендерных стереотипов современного студенчества проведено на базе пяти крупнейших вузов большого российского города (г. Шахты, N = 400) и города-миллионника (г. Ростов-на-Дону, N = 450). Тип выборки — одноступенчатая, целевая, квотная; квоты сформированы на основе таких показателей, как пол, возраст, профиль образования и тип поселения. Социологический опрос респондентов проводился анонимно по разработанной нами анкете, вопросы которой условно можно объединить в три группы,

соотносящиеся с тремя типами гендерных стереотипов. Любому стереотипу, как известно, свойственна высокая степень согласованности, единства представлений среди членов, разделяющих их группы. Мы признавали стереотипными представления, разделяемые как минимум половиной индивидов в пределах изучаемой выборки. Обработка результатов исследования осуществлялась с помощью методов математической статистики и программы Microsoft Excel [8].

Результаты исследования. Изучая образы маскулинности и феминности в сознании современной студенческой молодежи, мы исходили из положения о том, что «это достаточно устойчивые и всё-таки исторически изменчивые социокультурные образы, динамика которых определяется их структурой», включающей «базис» и «надстройку». «Наиболее устойчивым к изменениям является “базис”, в состав которого входят базовые характеристики мужчин и женщин» [5, с. 6], связанные в значительной степени с биологической природой человека. Надстроечные слои образов содержат «характеристики, ... широко варьирующиеся как в коллективном (в рамках социокультурных общностей и социальных групп), так и в индивидуальном сознании» [5, с. 7].

С позиций социально-конструкционистского подхода, определяющего маскулинность и феминность «в терминологии гендерных ожиданий», «маскулинность — это то, каким должен быть настоящий мужчина и даже большим, чем от него ожидают». В соответствии с этим подходом маскулинность конструируется как на социальном уровне, т.е. социумом в целом, так и на индивидуальном — каждым отдельным мужчиной. Социальный конструкт маскулинности является производным от идеологии общества в сфере межполовых отношений и сформирован под влиянием исторически сложившихся взглядов на мужскую роль, сегодняшних социокультурных и социально-экономических реалий. «На индивидуальном уровне маскулинность формируется как гендерная идентичность» [6, с. 79] в соответствии с принятыми в данном сообществе требованиями гендерных норм, которые реализуются в процессе межличностного взаимодействия.

Феминность — это характеристика, связанная с женским полом или формой поведения, ожидаемого в данном обществе от женщины [10], или же социальное выражение её позиции, внутренне присущее ей по мнению общества [11].

Необходимо также отметить, что система гендерных стереотипов включает в себя гетеро- и аутостереотипы. Гетеростереотипы представляют собой совокупность характеристик, приписываемых представителям других групп — аутгрупп, «чужих», в данном случае — гендерным сообществам, мужчинам или женщинам. Аутостереотипы — это стереотипы о своей группе — ингруппе, «своих». Гендерные гетеро- и аутостереотипы усваиваются человеком на ранних стадиях развития и впоследствии с трудом поддаются изменениям. Гетеростереотипы при достаточно высокой степени ригидности способны, хотя и не кардинально, трансформироваться под влиянием объективных (социально-экономических, культурных и др.) и субъективных факторов (систематичность, интенсивность и регулярность взаимодействия, сотрудничества с аутгруппами). Возможности модификации аутостереотипов, и в частности гендерных, более проблематичны. Однако на аутостереотипы, по нашему мнению, могут оказывать опосредованное влияние изменения гетеростереотипов в ходе более тесного, плодотворного взаимодействия с другими группами. Феномен аутостереотипов непосредственно связан с процессами внутригруппового фаворитизма.

В процессе изучения различий между оценками респондентов «своих» и «чужих» групп нами выявлены устойчивые тенденции к ингрупповому фаворитизму по целому ряду измерений. «Своим» чаще всего атрибутируются положительные характеристики, у «чужих» преобладают негативные качества.

Следует также отметить, что в последние два десятилетия и отечественные, и зарубежные исследователи интенсивно разрабатывают другие концепции маскулинности и феминности, которые предполагают большую независимость этих двух характеристик, чем в биполярной модели [7]. В рамках такой концепции признается, что некоторые индивиды с высокой частотой могут проявлять как маскулинное, так и феминное поведение. По-

добная демонстрация двух типов поведения одним и тем же индивидом называется андрогинией. Андрогины — это индивиды, сочетающие в себе как традиционно женские, так и типично мужские качества и черты характера. По результатам нашего исследования, образы мужчин и женщин в представлениях студенток города-миллионника — андрогиничны, при этом мужской образ сохраняет наиболее значимые маскулинные черты — силу, агрессивность, а женский — феминные качества: нежность, кротость.

Итак, в результате сравнительного анализа гендерных представлений образов маскулинности и феминности студентов большого российского города (БРГ) и города-миллионника (ГМ) установлено следующее:

«1) мнения студентов обоего пола большого российского города относительно типичных образов мужчин и женщин достаточно близки к традиционным, стереотипным представлениям, но не тождественны им. Из предложенных для оценивания 10 типично мужских и 10 типично женских характеристик студентами БРГ выделено в качестве таковых более половины: доля традиционных (инерционных) представлений в их стереотипах маскулинности-феминности достигает 60%;

2) гендерные представления студентов города-миллионника типично мужского и женского образов значительно отличаются от взглядов студенческой молодежи БРГ: они (представления) более демократичны, новационны (доля инновационной составляющей в их стереотипах маскулинности и феминности превышает 67%): их образы мужчин и женщин наделены, в основном, андрогинными характеристиками и более близки модели эклектического стереотипа;

3) мужская часть выборки, т.е. юноши разных типов поселения, продемонстрировала достаточно ярко выраженный ингрупповой фаворитизм: столь подробное наполнение мужского аутостереотипа типичными характеристиками (семь характеристик из 10 предложенных) является свидетельством достаточно высокой степени стереотипизации юношей, преимущественно большого российского города, и жесткой заданности мужской роли в обществе в отличие от женской;

4) наполнение женского аутостереотипа довольно подвижно и отчасти определяется

территориальной локализацией респондентов: студентки большого российского города включают в аутостереотип традиционно атрибутируемые женщинам качества, связанные с подчиненным поведением, экспрессивной ролью, общительностью и физической привлекательностью; их аутостереотип содержит 6 описательных характеристик. Аутостереотип студенток города-миллионника включает лишь две поведенческие характеристики; гендерным представлениям девушек ГМ не свойственна полярная стереотипизация характеристик мужчин и женщин: в целом им присуща меньшая приверженность гендерной стереотипизации как в гетеро-, так и в аутоформе» [8, с. 23].

В целом образы маскулинности-феминности в гендерных представлениях студентов большого российского города достаточно традиционны и близки соответствующей патриархальной модели, в то время как взгляды студентов города-миллионника менее стереотипны, более демократичны, новационны: их образы мужчин и женщин наделены в основном андрогинными характеристиками и более близки соответствующей эклектической модели.

Модернизированная, современная гендерная схема в значительно большей степени свойственна студентам, обучающимся в вузах города-миллионника, согласно эмпирическим данным, преимущественно девушкам-«гуманитариям». Таким образом, можно говорить об определенной зависимости между полом респондента, его типом поселения, профилем его образования и степенью инновационности, эгалитарности его гендерных представлений современных образов мужчины и женщины.

Заключение. Подводя итоги проведенного исследования, следует констатировать, что традиционные конструкты маскулинности-феминности в гендерных представлениях современной студенческой молодежи стали менее полярными, отчетливыми, более «размытыми»: современные образы мужчин и женщин более полно, чем ранее, учитывают многообразие индивидуальных вариаций и содержат наряду с типично мужскими/женскими качествами значительное количество андрогинных характеристик личности. Склонность современной российской моло-

дежи в оценке женских и мужских образов к андрогинизму отмечена также в работах И.С. Клециной [3], С. Бем [10], Н.В. Кивокурцевой [4], С.В. Явон [9] и других исследователей. Следовательно, можно утверждать, что в условиях современного российского общества формируется новый тип личности — андрогинный, в котором на паритетных началах представлены сущностные черты как маскулинного, так и феминного типа.

Список источников

1. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
2. Инглхарт Р. Постмодернизм: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997. №4. С. 6–32.
3. Клецина И.С. Самореализация личности и гендерные стереотипы // Психологические проблемы самореализации личности: сборник статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. Вып. 2. С. 188–202.
4. Кивокурцева Н.В. Гендерные стереотипы у подростков и студенческой молодежи [Электронный ресурс] / Сборник «Интеграция гендерного подхода в социальную политику региона» (ЖОО «Фемина», Набережные Челны). URL: <http://www.femin.ru/ig/ig017.php>.
5. Ломова Т.Е. Стереотипы в гендерных установках современной российской молодежи: автореф. дис. ... канд. культурол. наук. Владивосток, 2004. С. 6–7.
6. Малкина-Пых И.Г. Гендерная терапия // Справочник практического психолога. М.: Эксмо, 2006. С. 791.
7. Талина И.В. Гносеологические основы развития гендерной идентичности в педагогической теории и практике: дис. ... д-ра пед. наук. Ульяновск: Ульяновск. гос. ун-т, 2010. С. 275.
8. Тищенко Ю.Г. Гендерные стереотипы современной студенческой молодежи: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, СКФУ, 2014. 30 с.
9. Явон С.В. Динамика социальной роли молодежи: гендерный подход: дис. ... д-ра социол. наук. М.: МГПИ, 2010. С. 6–7.
10. Bem Sandra Lipsitz. The Lenses of Gender. New Haven, CT: Yale UP, 1993. 244 p.

11. Tuttle L. Encyclopedia of Feminism. New York, Oxford, 1986. 399 p.

References

1. Giddens Je. Sociologija [Sociology]. Moscow: Jeditorial URSS, 1999. 704 p. (In Russ.).
2. Ingelhardt R. Postmodernizm: menjajushiesja cennosti i izmenjajushhiesja obshhestva [Postmodernism: changing values and changing societies]. *Politicheskie issledovanija* [Political studies]. 1997; (4): 6–32. (In Russ.).
3. Klecina I.S. Samorealizacija lichnosti i gendernye stereotipy [Self-realization of personality and gender stereotypes]. *Psihologicheskie problemy samorealizacii lichnosti: sbornik statej* [Psychological problems of self-realization of personality: collection of articles]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 1998. Issue 2. P. 188–202. (In Russ.).
4. Kivokurceva N.V. Gendernye stereotipy u podrostkov i studencheskoj molodezhi [Gender stereotypes among adolescents and students] [Elektronnyj resurs] / Sbornik «Integracija gendernogo podhoda v social'nuju politiku regiona» [Collection «Integration of gender approach into the social policy of the region»] (ZhOO «Femina», Naberezhnye Chelny). URL: <http://www.femin.ru/ig/ig017.php>. (In Russ.).
5. Lomova T.E. Stereotipy v gendernyh ustanovkah sovremennoj rossijskoj molodezhi: avtoref. dis. ... kand. kul'turol. nauk [Stereotypes in gender attitudes of modern Russian youth. Ph. D. (Culturology) Thesis]. Vladivostok, 2004. P. 6–7. (In Russ.).
6. Malkina-Pyh I.G. Gendernaja terapija [Gender therapy]. *Spravochnik prakticheskogo psihologa* [Handbook of a practical psychologist]. Moscow: Jeksmo, 2006. P. 791. (In Russ.).
7. Talina I.V. Gnoseologicheskie osnovy razvitija gendernoj identichnosti v pedagogicheskoj teorii i praktike: dis. ... d-ra ped. nauk [Gnoseological foundations of the development of gender identity in pedagogical theory and practice. Dr. Sci. (Pedagogy) diss.]. Ul'janovsk: Ul'janovsk. gos. un-t, 2010. P. 275. (In Russ.).
8. Tishhenko Ju. G. Gendernye stereotipy sovremennoj studencheskoj molodezhi: sociologicheskij analiz: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk [Gender stereotypes of modern student youth: sociological analysis. Ph. D. (Sociology) Thesis]. Stavropol', SKFU, 2014. 30 p. (In Russ.).

9. Javon S.V. *Dinamika social'noj roli molodezhi: gendernyj podhod: dis. ... d-ra sociol. nauk* [Dynamics of the social role of youth: gender approach. Dr. Sci. (Sociology) Diss.]. Moscow: MGPI, 2010. P. 6–7. (In Russ.).

10. Bem Sandra Lipsitz. *The Lenses of Gender*. New Haven, CT: Yale UP, 1993. 244 p.

11. Tuttle L. *Encyclopedia of Feminism*. New York, Oxford, 1986. 399 p.

Статья поступила в редакцию 25.03.2022; одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 18.04.2022.

The article was submitted on 25.03.2022; approved after reviewing on 12.04.2022; accepted for publication on 18.04.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тищенко Юлия Геннадьевна — кандидат социологических наук, специалист отдела организации учебного процесса учебного управления Ростовского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Нахичеванский, 29

Yulia G. Tishchenko — Candidate of Sociological Sciences, Specialist of the educational process organization Department, Rostov State Medical University of the Ministry of health of the Russian Federation.

29 Nakhichevansky st., Rostov-on-Don, Russia

Ковалева Наталья Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и управление» Шахтинского автомобильного института (филиала) Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Шахты, пл. Ленина, 1

Natalya Yu. Kovaleva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Shakhty Road Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

1 Lenina sq., Shakhty, Russia

Тищенко Ирина Александровна — доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Экономика и управление» Шахтинского автодорожного института (филиала) Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Шахты, пл. Ленина, 1

Irina A. Tishchenko — Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of «Economics and Management» Department, Shakhty Road Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

1 Lenina sq., Shakhty, Russia

Вклад авторов:

Тищенко Ю. Г. — концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста.

Ковалева Н. Ю. — обработка экспериментальных данных; первичные и итоговые выводы.

Тищенко И. А. — доработка текста, итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Tishchenko Yu. G. — research concept; development of methodology; writing original text.

Kovaleva N. Yu. — processing of experimental data; primary and final conclusions.

Tishchenko I. A. — finalization of the text, final conclusions.

Научная статья

УДК 796.011.3

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-67-73

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ УРОВНЕМ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ЗДОРОВЬЯ МОЛОДЁЖИ

Илья Владимирович Чернов¹✉, Петр Андреевич Пономарев²

¹Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова (филиал),
Донской государственный аграрный университет, Новочеркасск, Россия

²Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ichernov1966@mail.ru✉, AuthorID РИНЦ: 668107

²ponomarev_p@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5373-2174

Аннотация. Цель исследования. Авторы статьи исследуют проблемы оценки уровня физического развития и здоровья молодёжи и предлагают новые концептуальные подходы и методические решения в совершенствовании посредством инструментов цифровизации методики и расчётно-аналитического инструментария идентификации показателей физического развития, уровня подготовленности, мотивированности молодых людей.

Методология исследования. В данной статье представлены результаты системного отбора, позволяющего Новочеркасскому инженерно-мелиоративному институту на протяжении многих лет оставаться на лидерских позициях в Универсиаде вузов Ростовской области и Спартакиаде КФК.

Результаты исследования. Исследование показало, что использование программно-аппаратного комплекса позволяет в режиме реального времени определить предрасположенность студента к определённому виду спорта и оценить результаты учебно-тренировочной работы.

Перспективы исследования. Исследование подчеркивает важность проведения оценки физического и психологического состояния занимающегося физической культурой и спортом для экономии времени преподавателя, тренера с целью повышения качества тренировок за счёт учёта индивидуальных особенностей занимающегося.

Ключевые слова: физическая культура, здоровье, цифровизация, физические упражнения, тестирование, антропометрия, спорт

Для цитирования: Чернов И. В., Пономарев П. А. Цифровые инструменты управления уровнем физического развития и здоровья молодёжи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 67–73. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-67-73>.

Original article

DIGITAL TOOLS FOR MANAGING THE LEVEL OF PHYSICAL DEVELOPMENT AND HEALTH OF YOUNG PEOPLE

Ilya V. Chernov¹✉, Pyotr A. Ponomarev²

¹*Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch),
Donskoy State Agrarian University, Novocherkassk, Russia*

²*Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia*

¹*ichernov1966@mail.ru*✉, AuthorID RSCI: 668107

²*ponomarev_p@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5373-2174*

Abstract. The purpose of the study. The authors of the article investigate the problems of assessing the level of physical development and health of young people and offer new conceptual approaches and methodological solutions for improvement through digitalization tools of the methodology and calculation and analytical tools for identifying indicators of physical development, the level of preparedness, motivation of young people.

The methodological basis. This article presents the results of a systematic selection that allows the Novocherkassk Engineering and Reclamation Institute for many years to remain in leadership positions in the Universiade of universities in the Rostov region and the Sports and Athletic Games of the KFK.

Research results. The research has shown that the use of the hardware-software complex allows, in real time, to determine the student's predisposition to a certain sport, and to assess the results of educational and training work.

The prospect of the study. The study emphasizes the importance of assessing the physical and psychological state of the student, to save the teacher's time and improve the quality of training by taking into account the individual characteristics of the student.

Keywords: physical culture, health, digitalization, physical exercises, testing, anthropometry, sports

For citation: Chernov I. V., Pomomarev P. A. Digital tools for managing the level of physical development and health of young people // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 67–73. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-67-73>.

Введение. Согласно современным представлениям спортивной науки считается, что спортивные результаты на 60% генетически предопределены, остальные 40% — это собственная работа, квалификация тренера, медицинское обеспечение и так далее.

Важнейшей задачей в современном спорте является раннее выявление предрасположенности к занятиям определенными видами спорта молодых людей в возрасте 7–21 лет на основе педагогико-психологических, физиологических и антропометрических данных посредством инструментов цифровизации и расчётно-аналитического инструментария идентификации показателей физического развития [1].

Новый, более высокий, уровень спортивных результатов немыслим без сбора определенного количества объективной информации в области физического состояния

и физической подготовленности занимающихся, и чем больше такой информации будет у каждого преподавателя, тренера, тем более управляемым станет учебный процесс и тем самым повысится качество каждого занятия.

Очевидно, что работа по сбору и накоплению целенаправленной информации по-прежнему будет возлагаться на преподавательский, тренерский состав [2].

Методология. В процессе подготовки исследования нами использовались такие методы научного познания, как синтез, анализ, статистические методы обработки эмпирических данных, отражающих физическое состояние молодых людей в возрасте 7–21 года. Применение указанных методов позволило обеспечить необходимый уровень достоверности итоговых результатов и выводов.

Затем выявляется комплекс качеств (морфофункциональные особенности организма спортсмена, физические качества, координационные способности, состояние анализаторных и функциональных систем организма) обучающегося. Проводится опрос для изучения изменчивости этих показателей в связи с возрастом и спортивной подготовкой.

Из числа выявленных факторов выделяются те качества, которые труднее всего поддаются развитию в процессе тренировки, то есть генетически обусловленные [8]. По данным многочисленных исследований, к таким факторам относятся антропометрические показатели, быстрота движений и психофизические особенности спортсменов.

Проблемы отбора в различных видах спорта имеют свой специфический характер и находятся на разных стадиях решения. Сложнее обстоит дело в скоростно-силовых видах. Поскольку морфологические признаки и выносливость (наиболее стабильные качества, способствующие прогнозу) не играют здесь главную роль, основными критериями отбора становятся факторы, касающиеся уровня развития физических качеств и двигательных способностей. Эти факторы в большинстве своем не являются консервативными, и в связи с этим прогнозирование и отбор затруднительны и неточны [3].

Исследование. Автором разработана и внедрена в практику учебного процесса кафедры физического воспитания Новочеркасского инженерно-мелиоративного института Донского государственного аграрного университета новая система отбора талантливых, физически одаренных первокурсников — кандидатов в сборные команды по видам спорта, определены ведущие факторы физической подготовленности, которые обуславливают достижение высоких спортивных результатов. С этой целью необходимо провести анкетирование и тестирование всех студентов первого курса в условиях соревнований [4].

В начале учебного года на I, II, III курсах НИМИ на занятиях по физической культуре принимаются контрольные нормативы в виде соревнований по общефизической подготовке (всероссийский физкультурно-оздоровительный комплекс «Готов к труду и оборо-

не»), которые проходят в несколько этапов. На первом этапе соревнуются академические группы, затем лучшие отбираются в команды факультетов для участия в Спартакиаде первокурсников, и на третьем этапе лучшие первокурсники зачисляются в сборные команды факультетов для участия в общей Спартакиаде НИМИ.

На первом занятии проводятся антропометрические измерения, определяются артериальное давление (АД), частота сердечных сокращений (ЧСС), динамометрия кисти, пульсовая реакция на стандартную нагрузку. По этим данным определяется уровень физического здоровья студентов [5].

Цель настоящего исследования заключается в совершенствовании посредством инструментов цифровизации методики и расчётно-аналитического инструментария идентификации показателей физического развития, здоровья, уровня подготовленности, мотивированности молодых людей к систематическим занятиям физической культурой и спортом, в наибольшей степени подходящим конкретному человеку. Достижение указанной цели позволяет обеспечить сбор и систематизацию объективной информации, отражающей физическое состояние, уровень физического здоровья, а также уровень физической подготовленности студентов, что в свою очередь способствует накоплению данных, на основании которых тренер-преподаватель разрабатывает рекомендации по индивидуальному физическому развитию и планам тренировочных нагрузок занимающихся [6].

В первую очередь отбираются кандидаты, которые прошли начальную подготовку в школьных секциях или в спортшколах и показали в контрольных упражнениях лучшие результаты.

Во вторую группу кандидатов попадают показавшие в контрольных испытаниях высокие результаты, но не имеющие начальной подготовки, которая может быть компенсирована высоким уровнем мотивации для занятий тем или иным видом спорта.

Вся система отбора осуществляется в IV этапа (табл. 1).

Формирование программно-аппаратного комплекса позволяет в режиме реального времени, в т.ч. дистанционно, осуществлять сбор и анализ первичных антропометрических

Таблица 1
 Table 1

Методика оценки уровня физического развития молодёжи
Methodology for assessing the level of physical development of young people

Этап	Содержательная сущность	Достижимый результат
I этап Анкетирование	1. Каким видом спорта занимались	Оценить отношение личности к занятиям физической культурой и спортом
	2. Стаж занятий	
	3. Лучшие результаты по годам	
	4. Каким видом спорта желаете заниматься	
II этап Определение уровня физического здоровья (ОУФЗ)	1. Рост	Оценка уровня физического здоровья: а) низкий УФЗ; б) ниже среднего УФЗ; в) средний УФЗ; г) выше среднего УФЗ; д) высокий УФЗ
	2. Вес	
	3. ЧСС в покое	
	4. Жизненная ёмкость лёгких (ЖЕЛ)	
	5. Динамометрия кистевая	
	6. Пульсовая проба (20 приседаний на 30'') с регистрацией пульса за 15'' через каждые 45'' до полного восстановления	
	7. Артериальное давление	
III этап Тестирование	1. Скоростно-силовые качества:	На основании проведённых тестов и анализа программного-аппаратного комплекса определяется предрасположенность тестируемого к определённому виду спорта
	а) Прыжок в длину с места	
	б) Прыжок в высоту с места	
	2. Динамическая сила:	
	а) Жим лежа	
	б) Приседание с весом	
	3. Быстрота движений:	
	а) Бег на 30 м с н/старта	
	б) Бег на 100 м с н/старта	
	4. Выносливость:	
	а) Тест Купера 12' бег	
	б) Бег 2000 м женщины, 3000 м мужчины	
	5. Скоростная выносливость:	
	а) Бег 500 м женщины, 1000 м мужчины	
	б) сгибание рук в упоре лежа за 30'', женщины в упоре на коленях	
	6. Быстрота реакции на устойчивость ЦНС:	
	а) Остановка падающей линейки (40 см) ладонями выпрямленных вперед рук	
	б) Остановка невидимого секундомера в заданном интервале времени (примерно 10 с.)	
	7. Гибкость:	
	а) Наклон туловища из положения стоя	
	б) Поднятие рук из положения лежа на животе	

Окончание таблицы 1
 End of Table 1

IV этап Заключение по каждому тестируемому	На основании проведённых тестов, и рекомендаций программно-аппаратного комплекса участие кандидатов непосредственно в тех или иных видах специализации на занятиях по физической культуре и привлечение их к участию в Спартакиаде первокурсника	На основании анализа и рекомендаций программно-аппаратного комплекса и по итогам соревнований делается окончательное заключение по каждому кандидату и в торжественной обстановке выдаются приглашения в сборные команды вуза
---	--	---

ких данных занимающегося, показателей уровня физического развития, результатов сдачи контрольных тестов (и/или других установленных форматов контроля).

Длительность отбора не должна ограничиваться конкретным сроком, поскольку некоторые из кандидатов могут раскрыться и в более поздние сроки [7].

Одним из главных критериев оценки на данном этапе отбора являются темпы роста контрольных показателей и результатов, особенно в скоростных и скоростно-силовых тестах и видах спорта.

Вторым критерием является обучаемость отдельным элементам техники.

Третьим критерием является функциональная работоспособность (приспособляемость организма к большим тренировочным нагрузкам).

Четвертым и очень важным критерием являются психологические особенности личности спортсмена: волевые качества, целеустремленность, трудолюбие и другие.

Дальнейшим условием развитием таланта становится компетентность тренера-преподавателя в определении оптимальных вариантов тренировки и адаптации спортсмена в сборной команде [9]. Такая система отбора позволяет НИМИ на протяжении многих лет доминировать в Универсиаде вузов Ростовской области и Спартакиаде КФК.

Заключение. В завершение вышеизложенного необходимо сформулировать следующие выводы.

1. Как показывает практика, применение программно-аппаратного комплекса позволяет в режиме реального времени определить

предрасположенность занимающегося к определённому виду спорта и оценить результаты учебно-тренировочной работы.

2. Помимо вышеизложенного, практическая реализация указанного предложения позволит не только сэкономить время преподавателей, тренеров, но и обеспечить формирование необходимого массива объективных данных о физическом состоянии, спортивных результатах каждого занимающегося, что позволяет повысить качество тренировок за счёт учёта индивидуальных физиологических особенностей занимающихся.

Список источников

1. Чернов И. В., Чернов М. В. Направление оптимизации учета результатов учебной работы по физическому воспитанию студентов // Актуальные проблемы и перспективы развития физической культуры и спорта в высших учебных заведениях Минсельхоза России: материалы Всероссийской науч.-практ. конференции. М., 2014. С. 312–318.

2. Чернов И. В. Модернизация контрольных нормативов по физической культуре как фактор оптимизации учебного процесса в вузе // Актуальные проблемы социальной философии: сб. науч. ст. Новочеркасск, 2012. С. 86–88.

3. Габибов А. Б. Роль, место и значение физической культуры и спорта в жизни молодого поколения Ростовской области // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2014. №4-2(14). С. 114–122.

4. Чернов И. В. Инновационные теоретико-методологические подходы к организации учета учебной работы по физическому вос-

питанию студентов // Научный вестник Дон-ГАУ. Гуманитарные науки. 2011. С. 97–102.

5. Чернов И. В. Оценка уровня физического здоровья // Актуальные проблемы и перспективы развития физической культуры и спорта в высших учебных заведениях Минсельхоза России: материалы Международной учеб.-метод. и науч.-практ. конференции. Тюмень, 2010. С. 144–146.

6. Чернов И. В., Чернов М. В. Теоретико-методические основы экспресс-оценки уровня физического здоровья студентов // Вопросы профессиональной подготовки личности и совершенствования уровневой системы образования бакалавриат-магистратура: сб. науч. ст. Новочеркасск, 2013. С. 48–50.

7. Сафоев Х. Физическая культура и спорт как факторы развития человеческого капитала фирмы // Тенденции развития науки и образования. 2020. №62-6. С. 84–86.

8. Social health and environmental behavior of students in the digital age / V.A. Zakharova et al. // Cypriot Journal of Educational Sciences. 2020. Vol. 15. №5. P. 1288–1294.

9. Ecological safety and hazards to public health: the search for balance within the «human — biosphere» system / T.N. Kovaleva et al. // Ekoloji. 2019. Vol. 28. №107. P. 5039–5043.

References

1. Chernov I.V., Chernov M.V. Napravlenie optimizacii ucheta rezul'tatov uchebnoj raboty po fizicheskomu vospitaniju studentov [Direction of optimization of accounting of results of educational work on physical education of students]. Aktual'nye problemy i perspektivy razvitija fizicheskoj kul'tury i sporta v vysshih uchebnyh zavedenijah Minsel'hoza Rossii: materialy Vserossijskoj nauch.-prakt. Konferencii [Actual problems and prospects of development of physical culture and sports in higher educational institutions of the Ministry of Agriculture of Russia: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2014. P.312–318. (In Russ.).

2. Chernov I.V. Modernizacija kontrol'nyh normativov po fizicheskoj kul'ture kak faktor optimizacii uchebnogo processa v vuze [Modernization of control standards for physical culture as a factor of optimization of the educational process at the university]. Aktual'nye problemy social'noj filosofii: sb. nauch. st. [Actual problems of social

philosophy: collection of scientific articles]. Novocherkassk, 2012. P. 86–88. (In Russ.).

3. Gabibov A.B. Rol', mesto i znachenie fizicheskoj kul'tury i sporta v zhizni mladogo pokolenija Rostovskoj oblasti [The role, place and importance of physical culture and sports in the life of the young generation of the Rostov region]. Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Bulletin of the Don State Agrarian University]. 2014; 4-2(14): 114–122. (In Russ.).

4. Chernov I.V. Innovacionnye teoretiko-metodologicheskie podhody k organizacii ucheta uchebnoj raboty po fizicheskomu vospitaniju studentov [Innovative theoretical and methodological approaches to the organization of accounting of educational work on physical education of students]. Nauchnyj vestnik DonGAU. Gumanitarnye nauki [Scientific Bulletin of DonGAU. Humanities]. 2011. P. 97–102. (In Russ.).

5. Chernov I.V. Ocenka urovnja fizического здоровья [Assessment of the level of physical health]. Aktual'nye problemy i perspektivy razvitija fizicheskoj kul'tury i sporta v vysshih uchebnyh zavedenijah Minsel'hoza Rossii: materialy Mezhdunarodnoj ucheb.-metod. i nauch.-prakt. Konferencii [Actual problems and prospects of development of physical culture and sports in higher educational institutions of the Ministry of Agriculture of Russia: materials of International studies.-method. and scientific and practical conferences]. Tjumen', 2010. P. 144–146. (In Russ.).

6. Chernov I.V., Chernov M.V. Teoretiko-metodicheskie osnovy jekspress-ocenki urovnja fizического здоровья studentov [Theoretical and methodological foundations of express assessment of the level of physical health of students]. Voprosy professional'noj podgotovki lichnosti i sovershenstvovanija urovnevoj sistemy obrazovanija bakalavriat-magistratura: sb. nauch. st. [Questions of professional training of personality and improvement of the level system of education bachelor-master's degree: collection of scientific articles]. Novocherkassk, 2013. P. 48–50. (In Russ.).

7. Safoev H. Fizicheskaja kul'tura i sport kak faktory razvitija chelovecheskogo kapitala firmy [Physical culture and sport as factors of human capital development of a firm]. Tendencii razvitija nauki i obrazovanija [Trends in the development of science and education]. 2020; (62-6): 84–86. (In Russ.).

8. Social health and environmental behavior of students in the digital age / V.A. Zakharova et al. // Cypriot Journal of Educational Sciences. 2020. Vol. 15. №5. P. 1288–1294.

9. Ecological safety and hazards to public health: the search for balance within the «human — biosphere» system / T.N. Kovaleva et al. // Ekoloji. 2019. Vol. 28. №107. P. 5039–5043.

Статья поступила в редакцию 28.01.2022; одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 18.02.2022.

The article was submitted on 28.01.2022; approved after reviewing on 02.02.2022; accepted for publication on 18.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чернов Илья Владимирович — доцент, заведующий кафедрой физического воспитания, Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова (филиал), Донской государственной аграрный университет.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111

Ilya V. Chernov — Associate Professor, Head of the Department of Physical Education, Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch), Donskoy State Agrarian University.

111 Pushkinskaya st., Novocherkassk, Russia

Пономарев Петр Андреевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Донского государственного технического университета.

Россия, г. Новошахтинск, ул. Куйбышева, 20

Pyotr A. Ponomarev — Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Don State Technical University.

20 Kuibysheva st., Novoshakhtinsk, Russia

Вклад авторов:

Чернов И. В. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Пономарев П. А. — участие в разработке учебных программ; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Chernov I. V. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Ponomarev P. A. — participation in development of curricula and their implementation; follow-on version of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-74-83

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ МОЛОДЫХ УЧИТЕЛЕЙ В СРЕДНЕМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ

Анатолий Васильевич Чистяков¹, Марина Владимировна Иващенко²✉

¹Шахтинский автодорожный институт (филиал),
Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Шахты, Россия

²Средняя общеобразовательная школа №32, г. Новочеркасск, Россия

¹*afrika28@yandex.ru*, ORCID: 0000-0002-5420-0505, AuthorID РИНЦ: 474536,
AuthorID Scopus: 56684619400, WoS Research ID: ABG-5393-2020

²*r29nikols@yandex.ru*✉

Аннотация. Целью исследования является анализ социального самочувствия молодых учителей в среднем российском городе как социально-возрастной субгруппы в «массиве» работников общего образования, что определяется возрастными и социально-статусными параметрами, содержащими особенности социального самочувствия молодых учителей.

Методология. Использован социально-диспозиционный подход, обладающий аналитическим и объяснительным потенциалом и ориентированный на характеристику социальных диспропорций молодых учителей как установок на конкретные цели профессиональной деятельности и жизненные планы. Также актуализированы процедуры структурно-функционального анализа.

Результаты. Выявлено, что молодые учителя в среднем российском городе, являясь социально-возрастной субгруппой, имеющей временные параметры, не однородны в отношении оценки настоящего и перспектив профессиональной деятельности. В основном они занимают «выжидательную» позицию, которая приводит к перемене профессии или переходу к привычной схеме профессиональной деятельности, связанной с зарабатыванием стажа и занятием индифферентной позиции по отношению к изменениям в системе общего образования.

Перспективы исследования. Исходя из результатов статьи, можно говорить о том, что в дальнейшем востребованным становится анализ корреляции жизненных шансов и жизненных планов в контексте изменений социального пространства среднего российского города.

Ключевые слова: молодые учителя, средний российский город, социальное самочувствие, общее образование, социальные диспозиции, социальное положение, профессиональная деятельность

Для цитирования: Чистяков А. В., Иващенко М. В. Социальное самочувствие молодых учителей в среднем российском городе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 74–83. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-74-83>.

Original article

SOCIAL WELL-BEING OF YOUNG TEACHERS IN AN AVERAGE RUSSIAN CITY

Anatoly V. Chistyakov¹, Marina V. Ivashchenko²✉

¹Shakhty Road Institute (branch),
Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Shakhty, Russia

²Secondary School №32, Novocherkassk, Russia

¹afrika28@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5420-0505, AuthorID RSCI: 474536,
AuthorID Scopus: 56684619400, WoS Research ID: ABG-5393-2020

²r29nikols@yandex.ru✉

Abstract. *The aim of the study is to analyze the social well-being of young teachers in an average Russian city as a socio-age subgroup in the «array» of general education workers, which is determined by age and socio-status parameters containing features of the social well-being of young teachers.*

Methodology. *A socio-dispositional approach with analytical and explanatory potential and focused on the characterization of social dysprosias of young teachers as attitudes to specific goals of professional activity and life plans is used. The procedures of structural and functional analysis are also updated.*

Results. *It is revealed that young teachers in an average Russian city, being a socio-age subgroup with time parameters, are heterogeneous in terms of assessing the present and prospects of professional activity. Basically, they take a «wait-and-see» position, which leads to a change of profession or a transition to the usual pattern of professional activity associated with earning seniority and taking an indifferent position in relation to changes in the general education system.*

Research prospects. *Based on the results of the article, we can say that in the future, the analysis of the correlation of life chances and life plans in the context of changes in the social space of an average Russian city becomes in demand.*

Keywords: *young teachers, average Russian city, social well-being, general education, social dispositions, social status, professional activity*

For citation: Chistyakov A. V., Ivashchenko M. V. Social well-being of young teachers in an average Russian city // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 74–83. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-74-83>.

Актуальность темы исследования. Российский Президент совсем недавно обратил внимание на «буллинг», принявший массовый характер в российских школах. Это негативное явление, которое грозит институционализироваться, стать повседневностью как характеристикой социального поведения и социального сознания учащейся молодежи. При этом следует подчеркнуть, что к «буллингу» не стоит относиться как издержкам переходного возраста или забаве несмышлёнышей. Сломанные судьбы подростков,

попытки суицида, криминализация по отношению к одноклассникам и учителям, формирование групп «прессинга», создающих барьеры на пути функционирования системы общего образования, являются только всплывающими на поверхность фактами.

Поэтому «буллинг» можно оценивать как индикатор кризиса системы образования, стимулируемой дефицитом условий стартового равенства, внедрением технологий информатизации, и что не менее важно — как направленность молодежи на интернет-про-

странства вне культурных и образовательных горизонтов. В этом процессе важное место принадлежит социальному самочувствию молодых учителей как социально-возрастной субгруппы в «массиве» работников общего образования.

Обращаясь к теме статьи, мы исходим из того, что социальное самочувствие молодых учителей среднего российского города представляет социальную презентацию ситуации в общем образовании на локальном «местном» уровне. Учитывая, что средний российский город является локацией проживания большинства городского российского населения, «моногородом» по структуре и функциям, определенный исследовательский интерес выражается в том, что социальное самочувствие молодых учителей показывает актуальный и будущий сценарий общего образования в России. С молодыми учителями связывается как характеристика кризисных параметров социальной жизни учителей, так и оценка перспектив развития общего образования, которое является фундаментом успехов или неудач высшего образования, профессиональной социализации молодежи, межпоколенческого взаимодействия и межсоциального воспроизводства. Данные доводы убеждают нас в том, что социальное самочувствие молодых учителей среднего российского города является актуальной исследовательской сферой, позволяющей диагностировать состояние общего образования, анализировать возможности социальной мобильности молодежи и определить то, в каком состоянии находится «учительство» в России.

Очевидно, что есть социально-прикладной аспект изучения молодых учителей, так как мы попадаем в круг «порочной цикличности», если довольствуемся общими установками в качестве и доступности образования, не определяя при этом, какое место в этом процессе занимают молодые учителя. Также ясно, что социальное самочувствие молодых учителей отражает и социально-статусные показатели работников общего образования, и закреплённость молодежи в среднем российском городе, который как социально-территориальная локация переживает неоднозначный период перехода к новому урбанистическому состоянию, где

доминантой развития становятся инновационные технологии, сферы туризма и услуг, производство интеллектуальных продуктов, стагнация социальной и экономической инфраструктуры, ориентированная на индустриальное наследие.

Здесь, правда, следует учитывать, что модернизация российских регионов имеет определенную специфику: чтобы осуществить масштабную реконструкцию производства, необходимо модернизировать технологические циклы и ориентироваться на конкурентную продукцию (что согласуется со стратегией «импортозамещения»), но базис подвижки в этих процессах находится в системе общего образования, с которым можно и нужно связывать возможности подготовки профессиональных кадров на места, готовность к принятию социальных и экономических инноваций и включение приоритетов общего образования в проект развития социального пространства среднего российского города.

Методология исследования. Молодые учителя как социально-возрастная субгруппа в учительском массиве являются достаточно разработанным исследовательским направлением в отечественной социологии образования. Это вполне объяснимо в рамках стабильного исследовательского внимания к учительскому корпусу в предшествующий период, когда социологическая мысль в 60–70 гг. XX в. сосредоточила внимание на проблемах молодежи и образования как находящихся в единстве, что отражало общий технологический поворот советского общества к развитию на основе актуализации достижений науки, техники и образования.

С другой стороны, очевидным являлся определенный идеологический перекосяк, выражаемый в обязательности общего образования по формуле «среднее образование — всем». Это являлось фактором идеологической доктрины и решением задачи абсолютного социального равенства в социалистическом обществе. Как показали исследования коллектива, возглавляемого Д. Л. Константиновским, уже в 70-е гг. XX в. выявились если не «провалы» [4], то явные трудности, связанные с реализацией формулы обязательности, с тем, что функционирующий институт образования не лимитировал, а углубил, содейс-

твовал появлению новых форм социального неравенства, которое непосредственно влияло и влияет на жизненные траектории вступающего во взрослую жизнь молодого поколения. В частности, на уровне эмпирических данных и обобщений было сделано заключение, что дифференциация в сфере образования в России сохраняется и углубляется под воздействием разницы в уровне жизни, изменения престижа в образовании и профессий высокой квалификации, издержек латентной коммерциализации образовательных услуг и падения интереса подростков к освоению ряду возможностей, предоставляемых общим образованием. Подчеркивалось, что базовым условием (фактором) диагноза общего образования нужно считать и объективные факторы (материальная база и организация общего образования, объемы финансирования, принятия и реализация стратегий общего образования и формирование личных планов учеников, отношение к образовательной реальности и оценка шансов, определяющих жизненный выбор) [10].

Таким образом, была сформирована субъектно-объектная матрица исследования общего образования в российском обществе, которая определялась структурно-функциональными показателями. Концепт «функционала» не утратил своего значения и в анализе актуального состояния общего образования. Но, как показали исследования российских социологов М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги, Г. А. Чередниченко [2, 3, 4], исследовательские цели не могут быть достигнуты вне принятия субъектно-деятельностного подхода, выражающего критерии субъектности акторов общего образования, деятельностной мотивации, диапазона образовательных ценностей, осознания профессиональной идентичности. Как явствует из вышеприведенных исследований, молодые учителя, являясь социально-возрастной субгруппой, имеют двойственную идентичность — как молодое поколение и как профессиональная группа.

Поэтому, не признавая объективных параметров анализа молодых учителей, актуальным является обеспечение стратегии инновационного характера базового образования, где обосновывается комплекс требований, среди которых для исследования темы статьи

важно обновление структуры сетей образовательных учреждений, развитие вариативности образовательных программ, что позволяет надеяться на расширение возможностей интеграции молодых учителей среднего образования, повышение престижа в профессии, реальность профессиональной карьеры и возможности самореализации. С позициями приведенных выше исследователей согласуются работы Ю. А. Зубок, В. И. Чупрова, Г. А. Ключарева [3, 7], где в фокусе исследовательского внимания закрепляются такие аспекты профессиональной деятельности молодых учителей, как социальная самооценка, определение своих жизненных позиций через структуру возможностей и шансов, особенности межпоколенческого взаимодействия (контакты со старшими поколениями учителей), неопределенности и риски, связанные с реализацией профессиональной деятельности.

В целом необходимо говорить о социальной самодиагностике, об ориентации молодых учителей на социальную самооценку, что, на наш взгляд, требует исследования социального самочувствия как целостности социальных и социально-психологических установок, предпочтений и оценок своего положения и жизненных перспектив. Это важный момент, связанный с тем, что целесообразно реализовать потенциал социально-диспозиционного подхода, который укладывается в схему взаимодополнительности объективных (структурно-функциональных) и субъективных (деятельностных) параметров [13]. Важно то, что социально-диспозиционный подход рассматривает молодых учителей как социально-возрастную субгруппу в рамках социальной саморегуляции, связи обобщенных социальных установок (социально-ролевых) с условиями профессиональной деятельности, с профессиональной средой. По сравнению с ситуативными, имеющими характер реактивности, оценками требуется анализ тенденций социального самочувствия молодых учителей в среднем российском городе, так как они определяются изменениями на основе накопления стажа профессиональной деятельности, продвижения по должности, зависимости ролевой установки от обобщенной субъектной. И это обстоятельство дает нам право надеяться на использование

аналитических и объяснительных схем для реализации поставленной цели статьи.

Результаты исследования. Молодые учителя являются, согласно социально-воспроизводственной схеме, ресурсом развития и обновления общего образования в России. Но от этой в общем-то правильной позиции довольно далеко до реальной ситуации в российском общем образовании. Проявляются такие негативные и ограничивающие факторы, как утрата основных методологических принципов развития общего образования. По сравнению с предшествующим периодом общее образование под знаком идеализации перестало выполнять воспитательно-социализирующую функцию, хотя в обществе есть запрос на координацию функционирования государственных и общественных институтов в контексте общих целей образования [14]. И здесь, согласно социально-диспозиционной теории, не выработан дискурс общего образования как совокупность установок, представлений, ориентиров общего образования, способствующего оформлению общего контура деятельности и реализации общих целей. Поэтому неудивительно, что, включаясь в работу в российских школах, молодые учителя обнаруживают себя в сложной ситуации, когда установка на профессиональную социализацию реализуется в условиях неразвитости институциональных основ общего образования, неинтегративности общих схем, эйджизма (возрастной дискриминации), определяемой доминированием кадрового состава представителей старших поколений, заинтересованных в выработке стажа или завершении профессиональной карьеры. Как писали российские исследователи, развернутый анализ самоопределения и самочувствия учителей показывает воздействие общих тенденций оценки постсоветской интеллигенции положения в российском обществе и особенности выражаемой неудовлетворенности своим положением и невостребованности прошлого опыта со стороны старших поколений [12]. Что же касается молодых учителей, очевидно, что показатель невостребованности опыта может считаться неактуальным, но необходимо отметить, что молодые учителя, являясь выпускниками педагогических и иных вузов, ориентируют-

ся на актуализацию полученных исследовательских и технологических навыков в сфере общего образования с целью устройства результативной профессиональной карьеры. В настоящее время российское общее образование вступило в эпоху информатизации, 80% российских школ снабжены интернет-оборудованием и интернет-системами, в условиях коронавируса оптимизировались процессы обучения в режиме онлайн. Это является привлекательным с точки зрения карьеры молодых учителей, когда обнаруживаются преимущества во владении информационными технологиями и передовыми методиками по сравнению со старшим поколением, вынужденным переучиваться в сжатый срок и соответствовать требованиям текущего момента, часто определяемого логикой дистанционного обучения.

Все это так, но в условиях среднего российского города, где в основном по сравнению с райцентрами и сельской местностью завершена информатизация, выявляется три ограничивающих и отрицательно влияющих на социальное самочувствие молодых учителей момента. Во-первых, в условиях снижения внутренней мобильности, дефицита молодых учителей вследствие недостаточного престижа учительской профессии и уровня дохода практически все молодые учителя находятся в ситуации конкуренции с учителями старшего поколения, которые закрепились в контексте преобладания горизонтальной мобильности в системе общего образования, когда высокостатусные вакансии являются «узкими», а перспективы молодых учителей занять их — достаточно проблематичными, несмотря на поддержку стратегии молодых лидеров, проведение всероссийских и региональных конкурсов по направлению «Лучший учитель года». В этом смысле позитивная оценка данных акций стимулирует профессиональных интерес молодых учителей, однако речь идет о 10–15% учителей и не является укрепившейся инфраструктурой с механизмами селекции и меритократии. Во-вторых, молодые учителя в пространстве среднего российского города склонны менять профессию по различным причинам объективного и субъективного характера. Объективно, молодые учителя, несмотря на определенный рост заработной платы, в силу низкого коэф-

фициента стажа не могут претендовать на дополнительные выплаты, улучшающие положение учителей. Субъективно, являясь представителями городской молодежи (а средний российский город характеризуется плотными и регулярными контактами молодого поколения), молодые учителя чувствуют социальную неудовлетворенность, социальную фрустрированность, когда «удачливые» сверстники работают на государственной службе или в сфере бизнеса [9].

Для среднего российского города, если обратить внимание на социальные приоритеты, государственная служба является наиболее привлекательным местом работы для молодежи в силу стабильности заработка, предсказуемости профессиональной карьеры, стабильности схем социального взаимодействия, при том, что не гарантирует возможности успешной должностной карьеры. Мелкий и средний бизнес менее привлекателен, так как содержит высокую степень риска, связанного с непредвиденными и негативными последствиями кредитования, рисками налогообложения, избыточного вмешательства со стороны контролирующих структур, недостатком культуры предпринимательства и опорой на фактор случайности, а не закономерности. Учитывая, что российский малый бизнес является формой саморегуляции и самодетальности и несмотря на значительный прогресс дебюрократизации и устранения административных барьеров, его престиж явно снизился по сравнению с периодом конца 90-х — начала 2000-х гг.

В условиях среднего российского города, где высок интерес молодого поколения работать если не на производстве, то занять лидирующие позиции в технологиях и менеджменте, молодые учителя выглядят как группа социальной архаики, где определенную роль играет династический фактор. Но с начала 2000-х г. его значение уменьшается, так как на уровне семейных отношений учительство не рассматривается как выгодная карьера и в большей степени оценивается в контексте гарантий трудоустройства на первый период взрослой жизни [6]. Таким образом, социальное самочувствие молодых учителей в среднем российском городе формируется под влиянием разнонаправленных факторов. Нужно отметить, что учительство ушло от «красной

линии» социального катастрофизма, исчезновения учительской профессии, но функционирует в условиях режима поддержки государства, для которого по бюджетным показателям образование не является приоритетным, не соответствует принятым стандартам развития общего образования в мире. Следует подчеркнуть, что социальное самочувствие учителей, учитывая определенный «авторитарно-замкнутый» характер среднего российского города, где до сих пор не открыты каналы социального инвестирования, ориентировано в большей степени на стратегии закрепления, стабильности, сдержанно оценивает возможности профессиональных инициатив и инноваций [8].

Вероятно, не являясь автономной социально-возрастной группой и обладая двойственной идентичностью, молодые учителя испытывают влияние социальной маргинализации, то есть транзитного состояния между принадлежностью к молодежи среднего российского города и тождественности самому себе как профессионалу в референтной профессиональной группе [2]. Однако, как показывает исследование, это идеальное условие имеет идеальную поправку в том, что молодежь среднего российского города дифференцирована по культурным субгруппам, где профессиональный интерес не является доминирующим, а ведущим является следование «стилям». В учительской среде проблематично говорить о состоянии референтности, так как в современной российской школе практически исчез дух сотрудничества и передачи опыта поколений педагогов, слабые внутриколлективные связи, учителя объединяются по принципу «против» на неформальном уровне, ориентируются на налаживание неформальных связей и слабо влияние и реализация совместных практик, создающих позитивный фон учительской жизни [3].

Так как статус «молодой учитель» является временным, определяемым сроком до пяти лет, указанная классификация ограничивает возможности анализа перспектив должностей карьеры и может объяснять социальное самочувствие на основе имеющихся стартовых условий профессиональной карьеры. Из этого делается вывод: с приобретением стажа и опыта, укоренением в учительской среде молодой учитель переходит

на стандартные условия учительской жизни и исследовательский интерес ориентируется на влиянии «наследственности» того, что являлось началом учительской карьеры.

Экспертные оценки социального самочувствия молодых учителей в среднем российском городе часто ссылаются на то, что позитивным шагом является приобщение школьников к профессии учителя, развитие института наставничества и, что звучит несколько нереалистично, использование знаний молодых учителей старшими поколениями. Действительно, в системе общего образования молодые учителя часто являются кураторами информационного направления, но это хотя и желательно, не становится стимулом профессиональной карьеры, а реализуется в привычных схемах горизонтальной мобильности. Молодые учителя, если рассматривать их в контексте трех постсоветских поколений молодежи, презентуют изменения в системе подготовки и функционирования общего образования. Очевидно, что ограничивающим фактором для социального самочувствия молодых учителей является выбор краткосрочных и среднесрочных стратегий развития высшего образования, размытости контуров государственной образовательной политики, несмотря на то, что в обществе признается роль молодых учителей в процессе социального воспроизводства, которое, по мнению Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова, осуществляется в суженном масштабе, недостаточном для стратегического развития общего образования и достижения молодыми учителями устойчивой профессиональной идентичности и уверенности в будущем [7].

Социальное самочувствие молодых учителей среднего российского города определяется тем, что по совокупности условий молодой учитель не достиг желаемого состояния престижности в системе социального взаимодействия, что, хотя и проявляется лояльностью к профессии учителя со стороны местных структур власти и местного самоуправления, молодые учителя слабо вовлечены в процесс обсуждения городских проблем и проблем общего образования [11]. Здесь следует учитывать узкие границы автономности местного самоуправления в пространстве общего образования, хотя оно по существу локально включает влияние «места рождения» и «са-

моопределения». Выявление изменений в социальном самочувствии молодых учителей связано на общем уровне с тем, какова судьба среднего российского города, где демонстрируется оптимизм в условиях развития городской инфраструктуры и сохранения роста численности населения и депрессивные миграционные настроения, определяемые исчезновением и закрытием производств хронической молодежной безработицы, узостью локального рынка труда, трудностями овладения малым и средним бизнесом.

Данная схема не является упрощенной, так как внутри высказанной оппозиции проявляется диапазон нюансов, характеризующих социальное самочувствие молодых учителей. В ходе проведенных социологических исследований установлено, что «слабое» или «сильное» отношение к профессиональной мотивации и профессиональным ценностям учительской среды не зависит от качества жизни среднего российского города, а определяется субъективными факторами выбора профессий и выстраивания жизненных планов. Молодые учителя-«подвижники» нацелены, несмотря на трудности, на сохранение достаточного уровня профессиональной мотивации и по известному принципу признают, что «стакан наполовину полон» даже в условиях нарастания депрессивных тенденций в жизни среднего российского города. Если же молодой учитель рассматривает свое жизненное положение как временное, строит свои ожидания вне системы общего образования, вероятно, его закрепит на месте учителя перспектива повышения зарплаты или продвижения по должностной траектории [5].

Данные результаты содержат основания для построения градации социального самочувствия молодых учителей среднего российского города, по которой 10–15% молодых учителей являются профессионалами и по убеждениям примыкают к ядру учительского коллектива, 40–50% молодых учителей относятся к категориям неопределившимся и формируют свои позиции с накоплением опыта и стажа, уходя из профессии либо закрепляясь в ней на уровне прогнозируемых ожиданий.

Около 30% молодых учителей, вероятно, будут пролонгировать свое «временное» состояние, являясь индифферентными, избрав

стратегию «плыть по течению», адаптироваться к обстоятельствам, «не высовываться» и не проявлять излишней активности, демонстрируя при этом прагматизм поведения, связанный с обещаниями вознаграждения или компенсации за учительский труд. Для данной прослойки молодых учителей профессиональный рост не является стратегическим ориентиром так же, как и не привлекает должностная карьера, при том что она не отрицается [1].

Приоритетным является закрепление стабильности, успех семейной жизни, общий достаток и краткосрочное планирование кредитования становятся формой достижения потребительских благ, в которых в меньшей степени находит отражение удовлетворенность или неудовлетворенность социального самочувствия.

В качестве вывода можно говорить о следующем: данная конфигурация, несмотря на определенную условность, показывает, что молодые учителя не являются самостоятельной социально-возрастной субгруппой в группе учителей. Во-вторых, специфика социального пространства среднего российского города приводит к тому, что профессиональная идентичность испытывает конкуренцию со стороны возрастной и локальной, так как молодые учителя не испытывают сложностей с интеграцией в учительский коллектив. В-третьих, общее образование в среднем российском городе проявляется в признаках дифференцированности, отражая избыточное социальное неравенство по критериям семейного и культурного капитала. И в этой ситуации социальное самочувствие определяется либо логикой присоединения к доминирующим настроениям в учительской среде, что не означает устойчивой профессиональной идентичности и профессиональной мотивации, либо индифферентностью ухода на сакральный микроуровень разделения работы и приватной жизни. Это является примером на пути повышения субъектной роли молодых учителей в процессе модернизации общего образования в российском городе.

Список источников

1. Бурдые П. Начало. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.

2. Горшков К., Шереги П. Молодежь России в зеркале социологии к итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.

3. Горшков М.К., Ключарев Г.А. Непрерывное образование в современном контексте. М.: Юрайт, 2017. 224 с.

4. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Молодежь России на рубеже XX–XIX веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСПиМ, 2014. 548 с.

5. Долженко О. Очерки о философии образования. М.: Промо-Медиа, 1995. 240 с.

6. Зиятдинова Ф.Г. Социальное положение учителей: Ожидание и Реальность // Социологические исследования. 2010. №10. С. 100–106.

7. Зубок Ю., Чупров И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. М.: Akademia, 2008. 272 с.

8. Ильин В.А., Леонидова Г.В., Головчин М.А. Российский учитель в реформирующемся обществе: взгляд из региона // Социологические исследования. 2017. №3. С. 51–57.

9. Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Профессиональная идентичность школьных учителей в условиях прекариатизации социально-трудовых отношений в крупных городах России // Вопросы образования. 2018. №3. С. 36–67.

10. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи. М.: ЦСПиМ, 2015. 232 с.

11. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М.: Новый Хронограф, 2015. 624 с.

12. Россия: трансформирующееся общество. М.: «Канон-Пресс-Ц», 2001. 640 с.

13. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.

14. Социология молодежи. Энциклопедический словарь. М.: Academia, 2008. 608 с.

References

1. Burd'e P. Nachalo [The Beginning]. Moscow: Socio-Logos, 1994. 288 p. (In Russ.).

2. Gorshkov K., Sheregi P. Molodezh' Ros-sii v zerkale sociologii k itogam mnogoletnih issledovaniy [The youth of Russia in the mirror of sociology to the results of long-term research]. Moscow: FNISC RAN, 2020. 688 p. (In Russ.).

3. Gorshkov M. K., Kljucharev G. A. *Nepre-ryvnoe obrazovanie v sovremennom kontekste* [Continuous education in the modern context]. Moscow: Jurajt, 2017. 224 p. (In Russ.).
4. Konstantinovskij D. L., Voznesenskaja E. D., Cherednichenko G. A. *Molodezh' Rossii na rubezhe XX–XIX vekov: obrazovanie, trud, social'noe samochuvstvie* [Youth of Russia at the turn of the XX–XIX centuries: education, work, social well-being]. Moscow: CSPiM, 2014. 548 p. (In Russ.).
5. Dolzhenko O. *Ocherki o filosofii obrazovaniya* [Essays on the philosophy of education]. Moscow: Promo-Media, 1995. 240 p. (In Russ.).
6. Zijatdinova F. G. *Social'noe polozhenie uchitelej: Ozhidanie i Real'nost'* [The social status of teachers: Expectation and Reality]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2010; (10): 100–106. (In Russ.).
7. Zubok Ju., Chuprov I. *Social'naja reguljacija v uslovijah neopredelennosti* [Social regulation in conditions of uncertainty]. Moscow: Akademia, 2008. 272 p. (In Russ.).
8. Il'in V. A., Leonidova G. V., Golovchin M. A. *Rossijskij uchitel' v reformirujushhejsja obshhestve: vzgljad iz regiona* [The Russian teacher in a reforming society: a view from the region]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2017; (3): 51–57. (In Russ.).
9. Klimenko L. V., Posuhova O. Ju. *Profes-sional'naja identichnost' shkol'nyh uchitelej v uslovijah prekariatizacii social'no-trudovyh ot-noshenij v krupnyh gorodah Rossii* [Professional identity of school teachers in the conditions of precariatization of social and labor relations in large cities of Russia]. *Voprosy obrazovaniya* [Education issues]. 2018; (3): 36–67. (In Russ.).
10. *Novye smysly v obrazovatel'nyh strate-gijah molodezhi* [New meanings in educational strategies of youth]. Moscow: CSPiM, 2015. 232 p. (In Russ.).
11. *Regional'naja sociologija: problemy konsolidacii social'nogo prostranstva Rossii* [Regional sociology: problems of consolidation of the social space of Russia]. Moscow: Novyj Hronograf, 2015. 624 p. (In Russ.).
12. *Rossija: transformirujushhejsja obshhestvo* [Russia: a transforming society]. Moscow: «Kanon-Press-C», 2001. 640 p. (In Russ.).
13. *Samoreguljacija i prognozirovanie soci-al'nogo povedenija lichnosti: dispozicionnaja koncepcija* [Self-regulation and forecasting of social behavior of the individual: dispositional concept]. Moscow: CSPiM, 2013. 376 p. (In Russ.).
14. *Sociologija molodezhi. Jenciklopedicheskij slovar'* [Sociology of youth. Encyclopedic dictionary]. Moscow: Akademia, 2008. 608 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 23.01.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; при-нята к публикации 12.02.2022.

The article was submitted on 23.01.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чистяков Анатолий Васильевич — доктор социологи-ческих наук, профессор, исполняющий обязанности декана факультета очно-заочного и дистанционного обучения, Шах-тинский автодорожный институт (филиал), Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Шахты, пл. Ленина, 1

Anatoly V. Chistyakov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Acting Dean of the Faculty of Full-time and Distance Learning, Shakhty Road Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

1 Lenina sq., Shakhty, Russia

Иващенко Марина Владимировна — кандидат юридических наук, директор средней общеобразовательной школы №32 г. Новочеркасска.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Мадоты, 38

Marina V. Ivashchenko — Candidate of Juridical Sciences, Director of secondary school №32 in Novocherkassk.

38 Matsoty st., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Чистяков А. В. — научное руководство; концепция, программа и социологический инструментарий исследования; анализ результатов исследования; итоговые выводы.

Иващенко М. В. — анализ результатов исследования; итоговые выводы.

Contribution of authors:

Chistyakov A. V. — scientific guidance; concept, program and sociological research tools; analysis of research results; final conclusions.

Ivashchenko M. V. — analysis of research results; final conclusions.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ECONOMICS AND MANAGEMENT

Научная статья

УДК 303

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-84-94

ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ: МАТЕМАТИКА И ПСИХОЛОГИЯ

*Ирина Владимировна Абакумова^{1✉}, Александр Викторович Дятлов²,
Константин Викторович Воденко³,*

¹Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

³Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹*abakira@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2202-2588, AuthorID РИНЦ: 252406*

AuthorID Scopus: 57189598855, WoS Research ID: A-9720-2016, SPIN-код: 2859-0899

²*avdyatlov@yandex.ru, ORCID: 000-0001-5914-4744, AuthorID РИНЦ: 316700*

³*vodenkok@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5283-0466, AuthorID РИНЦ: 289484,
WoS Research ID: L-4112-2016, Scopus AuthorID: 56669747300*

Аннотация. *Цель исследования* — изучение специфики принятия управленческих решений в контексте психологии и математики.

Методология исследования заключается в интеграции положений психологии, теории управления и математики, что позволяет обозначить общую стратегию исследования как междисциплинарную.

Результаты исследования. Отмечается, что процессы принятия решений лежат в основе любой целенаправленной человеческой деятельности. В принципе, принятие решения людьми является процессом, который по сложностям и характеру сопоставим с процессом мышления в целом. Сама теория принятия решений представляет собой своеобразный синтез, включающий математические и психологические знания. Описаны основы теории принятия решений, междисциплинарность исследований, роль информации и личностных качеств в процессе принятия решений, специфика демократизации общества и развитие теории коллективных решений.

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем развитии направления научного поиска, лежащего на стыке теории управления, психологии и математики.

Ключевые слова: математика, психология, решение, модель, теория

Для цитирования: Абакумова И. В., Дятлов А. В., Воденко К. В. Принятие управленческих решений: математика и психология // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 84–94. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-84-94>.

Original article

MANAGERIAL DECISION-MAKING: MATHEMATICS AND PSYCHOLOGY

Irina V. Abakumova^{1✉}, Alexander V. Dyatlov², Konstantin V. Vodenko³

¹*Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia*

²*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

³*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia*

¹*abakira@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2202-2588, AuthorID RSCI: 252406*

AuthorID Scopus: 57189598855, WoS Research ID: A-9720-2016, SPIN: 2859-0899

²*avdyatlov@yandex.ru, ORCID: 000-0001-5914-4744, AuthorID RSCI: 316700*

³*vodenkok@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5283-0466, AuthorID RSCI: 289484,*

WoS Research ID: L-4112-2016, Scopus AuthorID: 56669747300

Abstract. *The purpose of the study is to study the specifics of managerial decision-making in the context of psychology and mathematics.*

The methodology of the research *consists in the integration of the provisions of psychology, management theory and mathematics, which allows us to designate the overall research strategy as interdisciplinary.*

The results of the study. *It is noted that decision-making processes are the basis of any purposeful human activity. In principle, people's decision-making is a process that is comparable in complexity and nature to the process of thinking in general. The theory of decision-making itself is a kind of synthesis, including mathematical and psychological knowledge. The fundamentals of the theory of decision-making, the interdisciplinarity of research, the role of information and personal qualities in the decision-making process, the specifics of the democratization of society and the development of the theory of collective decisions are described.*

The prospects of the research *lie in the further development of the direction of scientific research, which lies at the junction of management theory, psychology and mathematics.*

Keywords: *mathematics, psychology, solution, model, theory*

For citation: *Abakumova I. V., Dyatlov A. V., Vodenko K. V. Managerial decision-making: mathematics and psychology // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 84–94. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-84-94>.*

Введение. Процессы принятия решений лежат в основе любой целенаправленной человеческой деятельности. В принципе, принятие решения людьми является процессом, который по своей сложности и характеру сопоставим с процессом мышления в целом. Здесь под этой концепцией мы будем понимать, прежде всего, одноразовый акт выбора одной или нескольких альтернатив из предопределенного множества или последовательности таких вариаций.

Анализируя публикации, связанные с принятием решений людьми, мы сталкиваемся со следующим парадоксом: иногда мы говорим

о науке принятия решений (научной теории или только теории), другой вариант — об искусстве принятия решений. Между наукой и искусством существует одно существенное различие, обусловленное их самой природой. Наукой можно овладеть путем систематического изучения и логики, в то время как совершенства в искусстве добиваются путем изучения образцов, повторением и опытом. В работе мы имеем в виду науку, поэтому поговорим о теории принятия решений [1; 2; 4]. Естественно, мы также рассмотрим множество примеров с целью более легкого и более полного понимания теоретического материала.

Теория принятия решений — это междисциплинарная наука, которая занимается изучением закономерностей при принятии решений людьми в их различной деятельности в соответствующих условиях для получения максимальной выгоды от возможных решений. Эта теория прописывает нормы поведения человека, принимающего решения (сокращенно ЛПР), что он обязан делать, чтобы не вступить в противоречие со своими предпочтениями (представлениями, нормами, системой ценностей). Само принятие решений — это процесс, который представляет собой синтез рациональности и эмоциональности с целью достижения определенного желаемого результата [3; 4; 8; 13].

Основы теории принятия решений.

Наиболее важной отличительной чертой теории принятия решений является то, что она берет свои идеи из жизни людей, использует хорошо развитый и не очень сложный научный инструментарий и результаты непосредственно применяет сразу же в жизни. Решения, принимаемые с её помощью, согласуются только с пониманием настоящего и будущего их принимающего. Соответственно, эти решения являются «правильными» и «выполняют работу» в интересах того лица, которое их принимает, но это не обязательно должно соответствовать интересам других людей [2].

С одной стороны, мы можем разделить теорию принятия решений на два основных направления.

Первое направление — нормативная теория. Она описывает рациональный процесс принятия решения. Эта теория строится на основе определенных фундаментальных предположений (исходных предпосылок, постулатов, аксиом), верность которых не вызывает сомнений, и почти все люди принимают их как таковые. Конечно, это не означает, что отсутствуют споры по адекватности аксиоматики, по которой есть различные мнения и противоречивые взгляды.

Нормативная теория использует мировоззрения, эстетические и моральные суждения, описывает, каким должно быть одно или другое решение в свете этих суждений. Именно нормативный подход направлен на анализ всех возможных решений и их научной обоснованности, на поиск «лучших»

способов достижения поставленных целей. Следует отметить, что математическое моделирование является основным инструментом нормативной теории принятия решений, и поэтому её иногда называют математической теорией принятия решений, но при этом часто отсутствует сама технология для принятия решения.

Второе направление — описательная теория, которая описывает практические методы и процедуры для принятия реальных решений. Здесь анализируется поведение и способы мышления людей в процессе принятия конкретных решений. Поведенческое моделирование является основным инструментом описательной теории принятия решений. Здесь часто используются психологические модели, в которых анализируется сам процесс принятия решения, мотивы и обстоятельства, которые привели к этому решению, а также обсуждаются личностные качества человека, принимающего решение [4; 9].

Естественно, только комплексное использование нормативной и описательной теории приведет к серьёзным научным и практическим результатам.

С другой стороны, в зависимости от количества лиц, участвующих в принятии решения, мы можем разделить теорию принятия решений на две области: индивидуальные и коллективные решения.

Индивидуальные решения, в которых принимает участие только один человек, и это — лицо принимающее решение (ЛПР). Допускается использование внешних советов и мнений, но окончательное решение принимает только один человек. Очень часто ЛПР привлекает консультантов, которые повышают его осведомленность, и это увеличивает вероятность принятия «хороших» и «работающих» решений.

Коллективные решения. В коллективных решениях принимают участие лица — члены коллектива (общества, группы). Здесь коллектив должен принять единое решение, причем каждый член коллектива персонально участвует в принятии решения. Это может быть сделано путем голосования или иным образом. Принятое коллективное решение является общим и обязывает всех членов коллектива выпивать его.

При принятии индивидуальных решений также анализируются условия, в которых находится человек, принимающий решение, которые могут быть определены или не определены. Что касается коллективных решений, то здесь условия, как правило, не определены, потому что в нем участвуют многие люди, и их поведение на практике непредсказуемо.

Имеют место случаи, когда встречаются задачи о принятии индивидуальных решений в условиях определенности. Эти решения связаны с выбором альтернативы, которая должна быть оптимальной по одному или нескольким критериям. Исторически эти задачи были впервые поставлены, и для их решения был разработан соответствующий математический аппарат, известный как математическое программирование.

Но в большинстве случаев индивидуальные решения принимаются в условиях неопределенности. Здесь конечный результат неизвестен, но гипотетически ему может быть дана вероятностная оценка. Неопределенность среды характеризуется отсутствием достаточной информации, влиянием внешних независимых факторов, произошедших изменений с момента принятия решения до реализации самого решения, и многими другими причинами.

Можно сказать, что принятие решений в условиях неопределенности является ядром современной теории принятия решений. Здесь мы обязательно должны подчеркнуть, что неопределенность, естественно, приводит к опасности и риску. Существование опасности и риска в первую очередь связано с отсутствием достаточной информации, невозможностью точно предсказать будущее, с невозможностью достаточно точно рассчитать вероятности будущих событий. Таким образом, неопределенность и риск сильно связаны с прогнозированием, планированием и, как следствие, принятием решения, конечный результат которого точно не известен [5; 7; 10].

Следует отметить, что слово «риск» вошло в повседневную связь со страховым делом как синоним возможной опасности или возможного вреда. В толковых словарях оно ассоциируется со словами «неудача», «опасность» и «шанс». На практике риск коррелирует с готовностью к опасности в надежде

на успех или действие, при котором возможен пририск или убыток.

Отношение людей к риску различно. Есть люди, которые склонны к риску, и они часто принимают рискованные решения, но есть также люди, которые не склонны рисковать. Иногда в литературе утверждается, что современная реальность напрямую связана с риском, и никакая деятельность не может совершаться без риска. Это так, но для разных людей это имеет разные уровни риска. Решение с небольшим риском для одного человека может быть высокорисковым для другого, и наоборот, т.е. риск субъективен [9; 10]. Следует отметить, что общество существует потому, что люди как чем-то похожи, так и различны в определенном смысле, в том числе и по отношению к риску. Следовательно, различное отношение людей к риску является естественным.

Несомненно, что риск существует, и он должен быть смоделирован, рассчитан и проанализирован, прежде чем будет принято обоснованное решение.

Междисциплинарность исследований.

Теория принятия решений — это междисциплинарная облачность научных исследований. Междисциплинарность определяется прежде всего следующим.

1. В этой теории участвуют люди разных специальностей, в первую очередь это математики, психологи, экономисты, финансисты, статистики, менеджеры, философы, социологи, политологи, инженеры и другие специалисты. В результате этого разнообразия специалистов существуют и различия подходов в теории принятия решений. Это можно легко увидеть в огромном количестве научных и научно-прикладных публикаций по этой теме.

2. Существуют другие очень близкие науки, которые изучают почти те же научные проблемы — теория управления, теория систем (системный анализ), исследование операций, кибернетика, управление и многое другое. Большая часть научных проблем этих наук пересекается с теорией принятия решений.

3. Научный инструментарий теории принятия решений представляет собой своеобразный синтез между математикой и психологией.

Мы должны подчеркнуть, что в качестве научного инструментария при разработке рациональных решений используются, прежде всего, методы исследования операций, раздел прикладной математики. Здесь строятся и анализируются различные абстрактные математические модели изоморфные физической реальности.

Теория принятия решений полностью построена на проблеме оптимальности решений в построенных абстрактных моделях, т.е. принятии решения, которое оптимально полезно для того, кто принимает решение с имеющимися ограничениями. В интерпретирующей математической модели игнорируются характеристики человека — его убеждения, способности и чувства. Это означает, что человеческая личность игнорируется как операционная система.

Напрашивается вывод, что в анализе задач только рациональных методов оказываются недостаточно. Во многих случаях при принятии решения существенное влияние оказывают и обстоятельства, при которых принимаются решения, и они не подлежат строгому математическому анализу.

Эти важные обстоятельства остаются вне математического анализа и относятся, прежде всего, к области психологии. Это является причиной помимо рационального аспекта при принятии решения рассматривать и психологическую сторону процесса принятия решений. Если рациональная теория принятия решений связана с количественным обоснованием решения, то психологическая теория показывает, как люди фактически осуществляют свой выбор.

Предметом психологической теории является деятельность человека в процессе выполнения задач, которые ищут решения. При этом изучаются существенные черты человека, принимающего решение, его чувства, а также его поведение в процессе подготовки и принятия конкретного решения [8].

Общий вывод психологической теории принятия решений, сделанный на основе многочисленных экспериментов и наблюдений, заключается в том, что ЛПР очень часто отклоняются от рекомендаций рациональной теории и, как следствие, во многих случаях получают не лучшие (слабые или плохие) результаты. Психологическая теория отслежи-

вает эти отклонения. В этом смысле она существенно дополняет рациональную теорию, формируя с ней единую конструктивную основу для поиска наилучших решений.

4. Непосредственная связь с другими науками и научными теориями — экономикой, финансами, политикой, философией, социологией, статистикой и т.д.

Из того, что было сказано до этого, становится ясно, что очень часто человек, чтобы принять какое-либо решение, должен до этого собрать необходимую ему информацию или провести какое-то статистическое исследование, т.е. ему нужно собрать и проанализировать какие-то данные, чтобы выявить некоторые закономерности. Обобщая полученные результаты, человек дополняет свое представление о мире, формирует или расширяет свое мировоззрение. Когда необходимо принять определенное решение, часто не хватает времени для проведения необходимого исследования, и приходится полагаться на ранее получение знания, опыт и интуицию.

Роли информации и личностных качеств. При принятии решения очень важен вопрос об информации, которой располагает ЛПР. Она сильно влияет на качество принятого решения. Помимо количества и качества информации, которой располагает ЛПР, существенными и важными являются его личностные качества, образование, жизненный и профессиональный опыт. Исключительную роль играет развитость его логического мышления, потому что принятие решения — это мыслительный процесс. Обратимся к примеру о «Справедливости решения царя Соломона».

Две женщины родили детей в одно и то же время, но один из детей умер. Каждая женщина утверждает, что живой ребенок рожден ею. Поскольку они не смогли прийти к согласию, то пошли к мудрому царю Соломону, чтобы он справедливо рассудил, чей именно ребенок жив. Соломон отдал приказ, чтобы младенца разрезали пополам и каждая из женщин получила половину. Когда истинная мать ребенка услышала решение, она сказала: «Отдайте ребенка другой женщине, не убивайте его». Другая женщина ответила: «Если ребенок не может принадлежать кому-то из нас, то лучше убейте его». После того,

как это услышал царь Соломон, он рассудил: «Отдайте ребенка первой женщине, она — мать ребенка».

Эта история описана в Ветхом Завете. Она показывает, как первоначально царь Соломон не имел необходимой информации, чтобы принять правильное (обоснованное, логическое, справедливое) решение, но как услышал ответы обеих женщин, то получил необходимую информацию. Именно информация, содержащаяся в ответах обеих женщин, имела доказательную силу, которая была достаточна для принятия правильного решения (справедливого решения, логически обоснованного решения, рационального решения). Конечно, царь Соломон не собирался рассекать ребенка надвое, он знал, что только настоящая мать выберет любую альтернативу смерти своего ребенка.

Необходимо отметить, что в приведенном выше примере настоящая мать эмоционально прореагировала на предложение Соломона, и именно это дало царю возможность принять такое решение, которое оказалось правильным и справедливым. Такая эмоциональность отсутствовала у другой женщины.

Этот пример был проанализирован многими авторами. По мнению некоторых из них, царь Соломон скорее удачлив, чем мудр, потому что вторая женщина применила неверную стратегию. Правильная стратегия этой женщины в том, чтобы повторять и имитировать поведение настоящей матери ребенка. В случае, если бы она повторяла слова первой женщины, царь не смог бы сказать, какая из этих двух женщин является настоящей матерью [2].

Еще один пример — как принц ищет Золушку. Всем известна сказка о Золушке. В ней принц должен узнать, с кем он танцевал на балу. Множество альтернатив для принца — все девушки в его королевстве. Автор придумал историю о хрустальной туфельке, которая обладает одним особым качеством — её очень трудно надеть на другую ногу, кроме той, для которой она была специально сделана. Это именно та информация, необходимая принцу для принятия правильного решения (логически обоснованного решения, рационального решения). Опять же, мы видим необходимость неоспоримых доказательств — информации для принятия правильного решения.

Исследователи задокументировали более 500 различных вариантов сказки о Золушке. Наиболее распространенным вариантом является вариант Шарля Перро, датированный 1697 годом. Во всех вариантах сказки есть туфелька или другой предмет, который может принадлежать только одной девушке. Есть варианты сказки, в которых он также дает дополнительную информацию о доказательствах. Например, Золушка показывает другую обувь или действие происходит в последнем доме, который подлежит проверке. Итак, теперь у принца есть убедительная информация о том, что Золушка — разыскиваемая девушка.

Или рассказ о капризах молодой жены. Молодая женщина имеет продолжительную связь с молодым и успешным молодым человеком. Все в их отношениях прекрасно, кроме того, что мужчина регулярно откладывает по разным причинам самое важное событие в таких случаях — создание семьи и рождение детей. Идут годы, с ними тикают биологические часы молодой женщины. В какой-то момент молодая женщина проявляет странный, по мнению молодого человека, каприз. Молодая женщина хотела, чтобы они оба сделали на своем теле постоянные татуировки имен друг друга. После отказа молодого человека сделать это (удовлетворить капризы молодой женщины) женщина прекращает отношения.

Какова роль татуировки в этой истории, если бы даже мужчина принял предложение, неясно и не так важно. Это каприз женщины, который направлен на выявление долгосрочных намерений партнера. После отказа выполнить её желание она получила убедительную для себя информацию о том, что молодой человек не имеет планов на создание семьи и детей. Это противоречит её собственному плану жизни.

Приведенные выше примеры демонстрируют, что, когда располагает необходимой информацией лицо, принимающее решение, можно адекватно её истолковать (если ЛПР имеет необходимые знания и развитое логическое мышление) и принять рациональное решение. Обратив внимание на пример о новорожденных, мы устанавливаем, что ЛПР — царь Соломон, а рациональное решение — передача ребенка истинной матери. Мы должны уточнить, что данное реше-

ние справедливо. Соответственно, в примере с хрустальной туфелькой мы видим, что ЛПР — это принц, а рациональным решением является поиск девушки, т.е. Золушки. В примере о паре ЛПР является молодая женщина, а рациональное решение — прекращение отношений.

Мы должны подчеркнуть, что когда мы говорим «рациональное решение», это означает, что решение является разумным, логичным, целесообразным, справедливым, оптимальным или устойчивым. В принципе, решения должны быть рациональными, т.е. они должны быть оптимальными по определенному критерию, «выполнять работу» в каком-то реальном смысле и быть плодом «здорового ума». Лица, принимающие решения, должны иметь необходимую информацию, обладать необходимыми знаниями, чтобы иметь возможность адекватно интерпретировать эту информацию, и знать методы принятия рациональных решений. Почти во всех случаях методы принятия рациональных решений связаны с построением математических моделей и обработкой числовой информации.

Разработка на основе идей и теорий. Представляется очевидным, что принятие решений связано с появлением мыслящего человека. Следовательно, можно сделать вывод, что корни теории принятия решений нужно искать в появлении человека. Действительно, человек принимал свои решения, но идеи о том, чтобы создать теорию, которая исследует мыслительный процесс самого принятия решений и дает руководство, как они должны принимать рациональные решения, появляются гораздо позже. Многие специалисты считают первую публикацию — изданную в 1944 году книгу Джона фон Неймана и Оскара Моргенштерна «Теория игры и экономическое поведение» — началом теории принятия решений. Конечно, многие идеи этой теории были поставлены ранее рядом ученых. Кроме того, теория игр считается важной частью теории принятия решений, но всего лишь частью теории принятия решений [12; 14; 15].

Из истории нам известно, что в VI–V веке до рождения Христа в Греции общество пришло к пониманию, что не следует слепо верить жрецам и правителям, нужно искать

«обоснованные решения», чтобы они работали в некотором смысле. Развиваются два очень важных направления.

Первое — появление демократии. Начало было положено реформами Клистена в 507 году до н.э. в политическом управлении Афинами. Основной идеей этой реформы является непосредственное участие части граждан (примерно 6000 человек, на долю которых приходится чуть более 10% всего населения полиса) в непосредственном принятии всех политических решений.

И второе — появление науки. Наука отделяет себя как систему обоснованных фактов и выводов, ищет логическую связь, как от фактов прийти к выводам. Утверждается идея аксиоматического построения науки и доказательство сделанных предположений. Это в основном относится к математике. Существует множество попыток применять в других науках аксиоматически-дедуктивный подход, характерный для математики.

Каждая научная теория представляет собой логически обоснованные утверждения, которые строятся на некоторых основополагающих предположениях (аксиомы, постулаты), которые составляют основу данной теории. Если теория логически верна, но неприменима или противоречит практике, тогда следует, что ее основные предположения не являются адекватными действительности. Именно эта идея заимствована из математики, и в настоящее время почти все научные теории строятся по этому принципу. Популярны только те научные теории, которые находят реальное применение и адекватны реальности.

Демократизация общества и развитие теории коллективных решений. Можно определенно сказать, что теория коллективных решений путем голосования, запущенная в античной Греции, развивается параллельно с демократическими идеями в обществе. В более общем плане в современном обществе все чаще возникает необходимость принятия коллективных решений — в небольших (прежде всего в управлении) или больших группах (прежде всего в политике) [11]. Необходимо отметить, что это коррелирует с проблемой размытия личной ответственности.

Следующий большой толчок в развитии теории коллективных решений дали идеи Французской революции и сопровождающий её политический пафос. Три выдающихся энциклопедиста и математиков — Борд, Кондорсе и Лаплас — предложили различные математические модели, связанные с выбором коллективных управленческих решений. В 1781 году Жан-Шарль де Борд (Jean-Charles de Borda, 1733–1799), член Французской Академии представил перед Академией первую в истории статью по этому вопросу. Позже, в 1785 году, Маркиз де Кондорсе (Marie Jean Antoine Nicolas Caritat, Marquis de Condorcet, 1743–1794), член той же Академии, предложил несколько новых эксклюзивных идей. Примерно через столетие другой математик, Чарльз Доджсон, более известный как Льюис Кэрролл (автор книг «Алиса в стране чудес» и «Алиса в зеркальном мире»), посвятил несколько публикаций различным процедурам голосования. Так сформировались научные основы теории коллективных решений через голосование и политические избирательные системы [6; 11].

Сегодня мы считаем естественным периодически выбирать наши руководящие органы. Очень часто они являются коллективными, и отсюда возникают следующие вопросы:

— являются ли в полной мере эти коллективные органы управления уменьшенным образом первичного коллектива, который их выбрал?

— должны ли коллективные органы управления представлять собой уменьшенный образ первичного коллектива?

Например, вышеуказанные два вопроса постоянно задаются при обсуждении и принятии поправок к закону о выборах депутатов Государственной Думы.

Для ответа на первый вопрос была применена математическая статистика, поскольку она имеет задачу предложить методологию для измерения пропорциональности между первичным коллективом и коллективным управляющим органом. Ответ на второй вопрос оказался значительно шире предметной области математики. По всей видимости, человечество всегда будет задавать себе этот вопрос, но удовлетворяющего всех ответа оно не найдет. Это, конечно, не означает, что мы не должны задавать себе этот очень важ-

ный вопрос и искать его частичное (частное) решение в рамках определенного состояния общественного развития.

Мы хотим, чтобы в российском парламенте были представители всех значимых групп граждан. Таким образом гарантируется сохранение прав как одному человеку, так и различным меньшинствам. Теперь предположим, что российское общество делится на четыре почти равные части. После парламентских выборов в парламент попадут четыре партии с почти равным числом представителей. Эта ситуация порождает политическую неопределенность, политические интриги и торги в худшем смысле. Правительство будет сформировано с трудом, и законы вряд ли будут своевременно приняты. На этом примере мы предполагаем, что такая идея представительства в парламенте противоречит его эффективности.

Теперь рассмотрим принятие коллективного решения путем голосования, представляющего собой один частный случай теории принятия коллективных решений. Характерно, что члены коллектива выражают свои субъективные предпочтения в отношении альтернатив, и на их основе с помощью определенного математического метода определяется эффективная альтернатива или эффективные альтернативы.

Принятие решения по своей природе представляет собой мыслительный процесс, в котором каждый член коллектива должен принять свое личное решение, на основе которых будет сформировано коллективное решение. Множество возможных альтернатив зависит от области, по которой принято решение, а не от теории принятия решений. Так, очень часто бывает, что человеку объективно не нравятся стоящие перед ним альтернативы, но нужно выбрать одну из них. Таким образом, мы приходим к идее выбора «разумного компромисса».

Давайте посмотрим на проблему принятия решения на политических выборах со стороны избирателей. Партии предлагают своим избирателям своих кандидатов, которые представляют возможные альтернативы. Избирателей могут разделить на четыре основные группы:

— в первую группу попадают избиратели, которые «без сомнения» выбирают аль-

тернативу и голосуют за неё. Они убеждены, что выбранная альтернатива обладает нужными положительными качествами;

м во вторую группу попадают избиратели «разумного компромисса». Они испытывают большие сомнения в выборе и голосуют, руководствуясь принципом «меньшего зла» или другим аналогичным принципом;

— в третью группу попадают избиратели, которые тоже колеблются в своем выборе, но не согласны идти на компромисс, голосуют только тогда, когда видят положительные качества в данной альтернативе, а в противном случае не участвуют в выборе;

— избиратели, которые обычно не голосуют на выборах. Часто для них предлагаемые альтернативы не имеют никакого значения.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой в теории принятия коллективных решений — независимо от того, является ли каждый член коллектива обязанным принять решение или отказ от принятия решения считается его решением. Например, существует ли понятие «воздержался».

Список источников

1. Aliprantis C., Chakrabarti S. Games and Decision Making. Oxford University Press, 2000. 63 p.

2. Blake K. The Art of decision-making: How to manage in an uncertain world. FT Press, 2009. 272 p.

3. French S. Decision Theory: An Introduction to the Mathematics of Rationality. Ellis Norwood, 1993. 448 p.

4. Luce D., Raiffa H. Games and Decisions: Introduction and Critical Survey. John Wiley and Sons, 1957. 538 p.

5. Von Newman J., Morgenstern O. Theory of Game and Economic Behavior. Princeton University Press, 1953. 668 p.

6. Авинаш К. Диксит, Барри Дж. Налебафф Искусство стратегии: Руководство теоретика игр для достижения успеха в бизнесе и жизни. Нью-Йорк, У.У. Нортон и Компания, 2008. 30 с.

7. Глобин А. Н., Крылова М. Н. Разнообразим методы инженерного творчества: методы коллективного блокнота и музейного эксперимента // Современная педагогика. 2018. №3. С. 15–19.

8. Зуб А. Т. Принятие управленческих решений. Теория и практика. М.: Форум, Инфра-М, 2017. 400 с.

9. Ларичев О. Объективные модели и субъективные решения. М., Наука, 1987. 142 с.

10. Левина С. Ш. Управленческие решения: монография / С. Ш. Левина, Р. Ю. Турчаева. М.: Феникс, 2019. 224 с.

11. Пирогова Е. В. Управленческие решения: учебное пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2017. 176 с.

12. Рязанцева Ю. А. Применение метода «мозговой штурм» в образовании // Теория и практика образования в современном мире: материалы VI Международной научной конференции (Санкт-Петербург, декабрь 2014 г.). СПб: Заневская площадь, 2014. С. 13–15.

13. Славов З. Избирательная система с точки зрения теории игр и теории коллективных решений // Социальные конфликты в контексте процессов глобализации и регионализации, РАН. М.: ЛЕНАНД, 2005. С. 444–458.

14. Смирнов Э. А. Управленческие решения. М.: РИОР, 2019. 366 с.

15. Юкаева В. С. Принятие управленческих решений / В. С. Юкаева, Е. В. Зубарева, В. В. Чувикова. М.: Дашков и К, 2019. 324 с.

References

1. Aliprantis C., Chakrabarti S. Games and Decision Making. Oxford University Press, 2000. 63 p.

2. Blake K. The Art of decision-making: How to manage in an uncertain world. FT Press, 2009. 272 p.

3. French S. Decision Theory: An Introduction to the Mathematics of Rationality. Ellis Norwood, 1993. 448 p.

4. Luce D., Raiffa H. Games and Decisions: Introduction and Critical Survey. John Wiley and Sons, 1957. 538 p.

5. Von Newman J., Morgenstern O. Theory of Game and Economic Behavior. Princeton University Press, 1953. 668 p.

6. Avinash K. Diksit, Barri Dzh. Nalebaff Iskusstvo strategii: Rukovodstvo teoretika igr dlja dostizhenija uspeha v biznese i zhizni [The Art of Strategy: A Game Theorist's Guide to Success in Business and Life]. New York, W. W. Norton and Company, 2008. 30 p. (In Russ.).

7. Globin A. N., Krylova M. N. Raznoobrazim metody inzhenernogo tvorchestva: metody kollektivnogo bloknota i muzejnogo jeksperimenta [We diversify the methods of engineering creativity: methods of collective notebook and museum experiment]. *Sovremennaja pedagogika* [Modern pedagogy]. 2018; (3): 15–19. (In Russ.).

8. Zub A. T. Prinjatje upravlencheskih reshenij. Teorija i praktika [Managerial decision-making. Theory and practice]. Moscow: Forum, Infra-M, 2017. 400 p. (In Russ.).

9. Larichev O. Ob'ektivnye modeli i sub'ektivnye reshenija [Objective models and subjective solutions]. Moscow, Nauka, 1987. 142 p. (In Russ.).

10. Levina S. Sh. Upravlencheskie reshenija: monografija [Managerial decisions: monograph]. S. Sh. Levina, R. Ju. Turchaeva. Moscow: Feniks, 2019. 224 p. (In Russ.).

11. Pirogova E. V. Upravlencheskie reshenija: uchebnoe posobie [Managerial decisions: a textbook]. Ul'janovsk: UIGTU, 2017. 176 p. (In Russ.).

12. Rjazanceva Ju. A. Primenenie metoda «mozgovoj shturm» v obrazovanii [Application of the «brainstorming» method in education].

Teorija i praktika obrazovanija v sovremennom mire: materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Sankt-Peterburg, dekabr' 2014 g.) [Theory and practice of education in the modern world: Proceedings of the VI International Scientific Conference (St. Petersburg, December 2014)]. Saint Petersburg: Zanevskaja ploshhad', 2014. P. 13–15. (In Russ.).

13. Slavov Z. Izbiratel'naja sistema s tochki zrenija teorii igr i teorii kollektivnyh reshenij [Electoral system from the point of view of game theory and the theory of collective decisions]. Social'nye konflikty v kontekste processov globalizacii i regionalizacii, RAN [Social conflicts in the context of globalization and regionalization processes, RAS]. Moscow: LENAND, 2005. P. 444–458. (In Russ.).

14. Smirnov Je. A. Upravlencheskie reshenija [Managerial decisions]. Moscow: RIOR, 2019. 366 p. (In Russ.).

15. Jukaeva V. S. Prinjatje upravlencheskih reshenij [Managerial decision-making]. V. S. Jukaeva, E. V. Zubareva, V. V. Chuvikova. Moscow: Dashkov i K, 2019. 324 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.01.2022; одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 18.02.2022.

The article was submitted on 28.01.2022; approved after reviewing on 02.02.2022; accepted for publication on 18.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумова Ирина Владимировна — советский и российский учёный в области педагогической психологии, организатор образования, доктор психологических наук, профессор, академик РАО. Член Президиума Российского психологического общества. Декан факультета «Психология, педагогика и дефектология» Донского государственного технического университета. Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

Irina V. Abakumova — a Soviet and Russian scientist in the field of pedagogical psychology, organizer of education, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences. Member of the Presidium of the Russian Psychological Society. Dean of the Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology of the Don State Technical University.

1 Gagarina sq., Rostov-on-Don, Russia

Дятлов Александр Викторович — доктор социологических наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Alexander V. Dyatlov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Воденко Константин Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Руководитель научно-образовательной школы «Управление социальными процессами в поликультурном регионе». Сфера научных интересов — социально-культурные и социально-экономические институты и процессы в условиях формирования инновационной модели общественного развития. Руководитель многочисленных прикладных социологических исследований.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Konstantin V. Vodenko — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Head of the scientific and educational school «Management of social processes in a multicultural region». Research interests — socio-cultural and socio-economic institutions and processes in the formation of an innovative model of social development. Head of numerous applied sociological studies.

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Абакумова И. В. — научное руководство; концепция исследования; итоговые выводы.

Дятлов А. В. — развитие методологии; проведение исследования; обработка результатов.

Воденко К. В. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Abakumova I. V. — scientific guidance; research concept; final conclusions.

Dyatlov A. V. — development of methodology; research; processing of results.

Vodenko K. V. — writing the source text; final conclusions.

Научная статья

УДК 330; 338.44; 622.276

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-95-106

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ СЦЕНАРИЕВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НЕФТЕСЕРВИСНОЙ ОТРАСЛИ

Алексей Васильевич Белошицкий¹✉, Алексей Евгеньевич Череповицын²

¹Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра
Российской академии наук (ИЭП КНЦ РАН), Апатиты, Россия

²Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹bel@bngf.ru✉, ORCID: 0000-0001-6586-3884

²alekseicherepov@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-0472-026X

Аннотация. Целью исследования является разработка последовательности (алгоритма) формирования основных прогнозных сценариев устойчивого развития нефтесервисного рынка.

Методологическую базу исследования представляют основные теоретические основы метода сценарного прогнозирования. На конкретных научно-практических примерах, включая производство нефти и газа, наглядно представлена история развития метода и особенности использования при планировании производственной деятельности. Отмечено, что важность и эффективность метода признана всеми ведущими транснациональными энергетическими компаниями, что подтверждается его широкомасштабным применением в долгосрочном планировании.

Результаты исследования. Раскрыта ведущая роль нефтесервиса в энергетической индустрии как драйвера технологического развития, особенно важная в период ухудшения качества запасов углеводородного сырья и истощения традиционных месторождений нефти и газа. Определены основные факторы влияния на нефтесервисную отрасль и другие параметры, необходимые для научного прогнозирования будущей реальности. Ключевым рыночным преимуществом с учетом специфики отраслевого бизнеса названы технологическое лидерство и важность определения трендов развития технологий энергетической индустрии для востребованности нефтесервисных методов в перспективе периода планирования.

Перспективы исследования заключаются в детальном анализе характера и особенностей таких важных сценарных условий устойчивого развития нефтесервисного бизнеса, как возможность участия в объявленных государственными ВИНК конкурсах, взаимоотношения с нефтегазовыми компаниями-заказчиками, оценка качества человеческого капитала на предприятии и возможности его улучшения.

Ключевые слова: нефтесервисный бизнес, технологическое развитие, сценарное прогнозирование, конкурентный рынок, устойчивое развитие

Для цитирования: Белошицкий А. В., Череповицын А. Е. К вопросу формирования сценариев устойчивого развития нефтесервисной отрасли // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 95–106. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-95-106>.

Original article

TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF SCENARIOS FOR THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE OILFIELD SERVICES INDUSTRY

Alexey V. Beloshitskiy¹✉, Alexey E. Cherepovitsyn²

¹*Luzin Institute for Economic Studies — Subdivision of the Federal Research Centre
«Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences» (IES KSC RAS), Apatity, Russia*

²*Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russia*

¹*bel@bngf.ru* ✉, ORCID: 0000-0001-6586-3884

²*alekseicherepov@inbox.ru, ORCID:0000-0003-0472-026X*

Abstract. *The purpose of research is development of the sequence (algorithm) of forming for the basis scenarios for the sustainable development of oilfield services market: pessimistic, base and optimistic.*

The methodological basis of the research *is represented by the main theoretical basis of scenario forecasting method. On scientific and practical examples including oil and gas production, the development history of method and its main peculiarities to use in planning of production activity are clearly shown. There's noted that importance and high efficiency of the method is approved by all international energetic companies what's confirmed by it using to the long-term planning purposes in broad mas.*

Research results. *The leading role of oilfield services for the energy industry as a driver of technological development is revealed especially important in the period of deterioration of the quality of hydrocarbon reserves and depletion of traditional oil and gas fields. The main factors of influence to oilfield services industry together with the other parameters are defined which is necessary to scientific forecasting of the future reality. The technological leadership is called as a key market advantage concerning an oilfield services business features together with an importance of definition of the technological development trends to be in demand for oilfield services methods during the planning period.*

The prospects of the research *are in a detailed analysis of the nature and features such important scenario conditions for the oilfield services business development as possibility of taking part onto the tenders from Government oil-and-gas companies, relationships with the company-customers, estimation of Human capital quality and possibilities to its improvement.*

Keywords: *oilfield services business, technological development, scenario planning, competitive market, sustainable development*

For citation: *Beloshitskiy A. V., Cherepovitsyn A. E. To the question of the formation of scenarios for the sustainable development of the oilfield services industry // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 95–106. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-95-106>.*

Введение. Современный нефтесервисный бизнес в России представлен большим числом высокотехнологичных предприятий и играет важную стратегическую роль в обеспечении страны энергоресурсами, являясь неотъемлемой частью энергетической индустрии на всех этапах производственной деятель-

ности с поиска и разведки месторождений углеводородов до эксплуатации и транспорта готового сырьевого ресурса. Значение отрасли для экономики страны трудно переоценить даже сегодня, в условиях тотального давления политики углеродной нейтральности, переход к которой декларируется на всех уровнях

мирового управления, поддерживается и стимулируется правительствами большинства индустриально развитых стран. Следует признать и большие успехи мирового сообщества в развитии экологически чистых возобновляемых источников энергии, прежде всего, ветра и солнца, установленная мощность генерации которых удваивается каждые четыре года. Тем не менее, ряд серьезных нерешенных технологических проблем практического использования возобновляемой генерации, что подтверждается недавними масштабными верными отключениями, которые наблюдались в странах Западной Европы, Китае и США, предполагает ведущую роль углеродной генерации в качестве источника производства электроэнергии, как минимум, на ближайшие несколько десятилетий.

В этой связи разработка программ устойчивого развития для формирующих национальную нефтесервисную отрасль производственных предприятий в условиях воздействия как названных факторов, так и изменчивых негативных факторов зависимости внешней среды, а именно: высокой волатильности биржевых цен на нефть и газ, падения производства углеводородного сырья вследствие выработки (истощения) месторождений, роста экологических и рыночных ограничений, прочих факторов, препятствующих стабильному развитию — является актуальной научно-практической задачей, решение которой способно обеспечить экономическое благосостояние и высокий уровень социальной защиты граждан России.

Для определения алгоритма формирования сценарных параметров будут исследованы присущие отрасли характерные признаки, такие как технологическое лидерство и инновационность, уникальные внутренние ресурсы нефтесервисных компаний, рыночная среда нефтесервисного бизнеса и ее зависимость от внешних и внутренних факторов на основе заявленной Правительством страны стратегии энергетического развития, учитывающей будущие потребности общества в энергоресурсах¹ [10].

Теоретические и методологические основы исследования. Методы сценарного прогнозирования используются для долгосрочного планирования деятельности предприятий, промышленных отраслей, социального развития регионов и государственных образований. Популярность метода обеспечивается его способностью определить с высокой вероятностью наступление будущих событий, трендов, тенденций и предсказать последствия принятых управленческих решений при выборе наиболее подходящей альтернативы развития для широкого круга пользователей. Благодаря участию в формировании сценариев специалистов, имеющих различные (иногда взаимоисключающие) профессиональные интересы, подходы и взгляды на прогнозную область, включению научных приемов и методов содержательного и формализованного анализа проблемы, конкретных методов и алгоритмов построения сценариев, а также последующего мониторинга и оценки развития области прогнозирования, в процессе которых широко используются современные информационные технологии, сценарное планирование представляет гипотетическую картину последовательного развития событий в пространстве и времени.

В зависимости от цели прогноза эволюция проблемной ситуации может быть представлена практически в любом интересующем заказчика исследования разрезе. Сценарии наглядно фиксируют причинно-следственные связи и взаимозависимости подлежащих прогнозу параметров, определяющих возможную динамику изменения состояния объекта исследования, действующие на объект внешние и внутренние факторы и характер изменения условий среды, в которых будет происходить эволюционное развитие экономической системы. При этом понятно, что представленный сценарий дает субъективную условную оценку параметров возможного развития экономической системы, будучи построенным на относительных предположениях о вероятных условиях развития в будущем, которые обычно принципиально непредсказуемы.

¹ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Сайт Министерства энергетики РФ. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/15357> (дата обращения: 14.01.2022); Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года [Электронный ресурс] // Сайт Министерства энергетики РФ. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (дата обращения: 14.01.2022).

Поэтому сценарное прогнозирование как метод принятия управленческих решений предполагает разработку нескольких альтернативных вариантов возможного развития экономической системы, порой разительно отличающихся друг от друга. В такой ситуации выбор управленческого решения во многом зависит от опыта и интуиции руководителя и высшего менеджмента, что позволяет определить критические возможные последствия вариантов решений. Тем не менее, подготовленные профессионалами сценарии развития проблемной ситуации или экономического объекта позволяют с разным уровнем достоверности определить возможные тенденции развития и взаимосвязи между действующими в прогнозный период факторами влияния, сформировать картину возможных будущих состояний предмета прогноза. Разработанные сценарии ожидаемого развития объекта позволяют более полно и отчетливо оценить перспективы развития ситуации, как при наличии разнонаправленных управляющих воздействий, так и при их отсутствии, а также помогают заблаговременно осознать опасности, которыми чреваты неудачные управленческие воздействия или неблагоприятное развитие событий.

«Отцом» метода сценарного прогнозирования поведения сложных экономических систем считается Герман Кан, хотя первые разработанные им сценарии носили преимущественно описательный характер [4; 14]. Впоследствии, с появлением значительно более совершенных математико-вычислительных мощностей, метод был существенно улучшен благодаря возможностям высокоточного качественно-количественного моделирования. Прорывом в практическом применении метода можно назвать 2000 год, когда проведенный М. Джеймсом и Т. Коллером анализ показателей одиннадцати крупных бразильских компаний наглядно показал, что применение сценарного метода прогнозирования для оценки экономической деятельности компаний дает результат, наиболее близкий к реальной рыночной ситуации. Очевидным результатом истины использованного учеными метода сценарного планирования стали близкие к фактическим рыночным котировкам прогнозные значения капитализации принятых к оценке компаний, тогда как

расчет по ранее применяемым методикам показывал результаты на 50–90% ниже реальной стоимости [6].

Классический сценарный подход предполагает формирование трех прогнозных вариантов (сценариев) развития проблемной ситуации — оптимистического, наиболее вероятного базового (эволюционного) и пессимистического [1]. Из названий понятно, что в первом случае расчет будущих параметров состояния экономической системы сделан, исходя из наиболее благоприятных внешних и внутренних факторов воздействия на объект, во втором и третьем — по мере ухудшения влияния названных факторов. Важно отметить, что в подавляющем большинстве случаев согласно общепринятой математической логике к расчету не принимаются крайние как положительный, так и отрицательные возможные варианты, что является безусловным недостатком метода: примером могут служить кризисы мировой и локальной экономик текущего века — ипотечный (2008 год), энергетический (2014 год) и, наконец, пандемия коронавируса, которую мы наблюдаем сейчас.

Тем не менее, положительным влиянием метода построения сценариев является возможность подготовки экономического объекта (нефтесервисной компании) к определенному набору вариантов развития рынка, заранее продумать и формализовать свое будущее поведение, технологическую, инновационную, продуктовую, маркетинговую и финансовую политики при различном ходе событий. На практике наличие альтернативных сценариев дает менеджменту заранее продуманный план действий, который позволит извлечь максимальную выгоду либо минимизировать убытки и сохранить компанию при любом развитии ситуации.

Эффективность сценарного прогнозирования применительно к энергетической индустрии впервые продемонстрировала транснациональная нефтяная корпорация Royal Dutch/Shell, когда в начале 80-х годов прошлого века аналитики компании разработали три возможных сценария, один из которых предполагал низкий уровень биржевых нефтяных котировок, в отличие от подавляющего большинства мировых энергетических гигантов, делавших ставку на рост (высокий уровень)

рыночных цен на нефть. Фактические цены в 1990 году составили 25 долл./баррель, что в среднем было в 3–5 раз ниже прогнозных уровней нефтяных компаний-«оптимистов», конкурентов Royal Dutch/Shell Group. Как следствие — последняя оказалась наиболее подготовленной к подобному развитию событий и сполна воспользовалась ситуацией, сохранив прибыль и существенно нарастив рыночную долю [3].

В пользу применения методов сценарного планирования в нефтегазовой (и нефтесервисной) индустрии свидетельствует такая ее особенность, как высокий уровень технологического развития: вследствие наукоемкости энергетической индустрии скачкообразные технологические прорывы здесь маловероятны, даже исключены, а последовательные технологические инновации позволяют адаптировать их к планам развития составляющих отрасль нефтегазовых и нефтесервисных компаний. Высокий уровень турбулентности современного энергетического рынка отдает сценарному прогнозированию ключевую роль при формировании стратегий устойчивого развития нефтесервисным компаниям. Подготовка альтернативных вариантов развития позволяет предприятиям оперативно реагировать на изменения рыночной конъюнктуры и сохранять свою экономическую устойчивость [5]. По этой причине крупнейшие нефтяные концерны России и мира активно используют сценарные методы при разработке долгосрочных планов развития, дополнением которых являются хорошо изученные в настоящее время системы риск-менеджмента [13].

Важнейшими условиями разработки прогнозов будут заранее определенные цели развития компании, к которым относятся показатели ожидаемой прибыли, охвата рынка, себестоимости продукции, уровня технологичности, социальной защиты работников и любые другие параметры экономической системы с вероятностью их достижения. Не менее важно знание априорных направлений развития рынка и составляющих его экономических субъектов, как и какие управленческие решения могут повлиять на траекторию будущего развития экономической системы, каковы возможные последствия различных альтернатив принятия управляющего воздействия [7]. Необходимо оценить

поведение экономического объекта в различных условиях, определить факторы влияния и степень их воздействия на будущее развитие системы, каким образом это может влиять на достижение заявленных целей прогнозирования, какие проблемные ситуации и «узкие» места могут встретиться на протяжении прогнозного периода [5].

При анализе факторов бизнес-среды функционирования компании могут использоваться различные известные методы и приемы исследования: традиционный подход выявления структуры и характера конкуренции по методу стратегических сил М. Портера, SWOT- и PEST-анализы, различные способы оценки уникальных ресурсов и способностей нефтесервисной компании, другие методы анализа, позволяющие оценить эффективность деятельности предприятия и его отличия от отраслевых конкурентов, а также комплексно учитывающих специфику нефтесервисного бизнеса [8; 10].

Комплексный подход к оценке деятельности нефтесервисного производства представляется чрезвычайно важным, учитывая широту спектра оказываемых нефтегазовым компаниям услуг — от проектирования геологоразведочных работ на поисковом этапе до сопровождения всех видов бурения, освоения месторождений, интенсификации нефтеотдачи и разработки условий транспортного сопровождения углеводородного сырья к местам переработки. Необходимым условием здесь является сегментация нефтесервисного бизнеса, подразумевающая, как правило, разделение на следующие сегменты: бурение, капитальный и текущий ремонты скважин (КРС и ТРС), сейсморазведка, геофизические исследования и работы в скважинах (ГИРС), телеметрия и геонавигация при бурении (сюда же относятся роторно-управляемые системы — РУС), гидроразрыв и другие методы интенсификации добычи, сервисы по подготовке буровых растворов, производство и ремонт погружных насосов, геолого-технологическое и гидродинамическое обслуживание, спецтранспорт и множество других, более мелких и взаимосвязанных с перечисленными сервисных служб [9]. Структура российского нефтесервисного рынка на 2020 год в разрезе по основным видам услуг представлена на рисунке 1.

Постановка целей и определение критериев прогнозирования совместно с анализом структуры нефтесервисного рынка формируют начальный этап построения алгоритма последовательной разработки сценариев развития отрасли и позволяют перейти к последующим этапам планирования — определению факторов влияния с помощью ранее названных в теоретическом обзоре методологических приемов и непосредственной проработке вариантов развития рынка и стратегий устойчивого развития нефтесервисных компаний.

Результаты и дискуссия. Сравнительный анализ энергетических стратегий России до 2030 (ЭС-2030) и 2035 (ЭС-2035) годов, представленный в таблице 1, показывает, что изменившийся с 2008 года ряд внешних факторов, прежде всего, политических угроз, вследствие которых страна оказалась под действием санкций, критически влияет

на развитие российской нефтяной отрасли и вызывает необходимость поиска новых рынков сбыта углеводородного сырья, повышения уровня отечественных нефтесервисных технологий, приборов и оборудования.

Внешними факторами, оказавшими наибольшее влияние на изменение национальной энергетической стратегии, определены следующие:

- мировой экономический кризис;
- нестабильная геополитическая ситуация (санкции и ограничения);
- обрушение глобальных нефтяных котировок;
- ужесточение глобальной конкуренции за сырьевые ресурсы и рынки сбыта;
- научно-технический прогресс в виде ускоренного инновационного развития, цифровой трансформации и перехода к индустрии 4.0 [11].

Стремительный докризисный рост производства сланцевой нефти и масштабное пот-

Рис. 1. Структура российского нефтесервисного рынка по видам услуг, %
(составлено автором по открытым данным)

Fig. 1. Structure of the Russian oilfield services market by type of services, %
(compiled by the author based on open data)

ребление сжиженного природного газа (СПГ) стали критериями обозначения целей энергетической индустрии и соответствующих путей развития нефтесервисной отрасли, определяющих варианты прогнозных сценариев. Как уже отмечалось, характерной особенностью нефтесервиса является технологический уровень производства, значительно превосходящий другие промышленные сферы. В предыдущих работах [2] автором установлено, что при анализе отраслевого рынка по методу М. Портера технологическое превосходство над конкурентами служит достаточным аргументом для превосходства в нефтесервисном бизнесе, что подтверждается историей и опытом развития как глобального, так и отечественного рынков нефтяного и газового сервиса. Поэтому, учитывая широту изучаемой

проблемы, фокус настоящего исследования будет направлен на анализ технологического уровня и выявление внутренних уникальных ресурсов нефтесервисной компании, наличие которых станет главными критериями устойчивого развития производственного предприятия совместно с трендами на эффективность, технологичность и экологичность развития нефтесервисной отрасли [12].

За рамками анализа наряду с вышеназванными внешними факторами (изменчивость/кризисы мировой экономики и глобальных нефтяных цен, геополитическая нестабильность, рост конкуренции, цифровизация и другие) остаются такие важные сценарные условия вариантов устойчивого развития нефтесервисного бизнеса, как возможность участия в объявленных государственными ВИНК кон-

Таблица 1
Table 1

Сравнительный анализ энергетических стратегий России
Comparative analysis of Russia's Energy Strat

ЭС-2030 от 17.11.2008 г.	ЭС-2035 от 28.06.2014 г.
<i>Угрозы</i>	
Неустойчивость мирового нефтяного рынка	Геополитический кризис
Необходимость усиления позиций России	Введение рядом стран финансовых и технологических ограничений против России
Глобальный экономический кризис 2008 г.	Более жесткая глобальная конкуренция за ресурсы и рынки
Волатильность нефтяных цен	Ускорение НТП, цифровизация
	Резкое снижение мировых цен на нефть
<i>Технологические тренды</i>	
Переход к экспорту нефтепродуктов и продуктов глубокой переработки	Сланцевая нефть, СПГ
Переход к ускоренному инновационному развитию и новому технологическому укладу	Современные критерии развития нефтяной отрасли: эффективность; высокие технологии; экологичность, углеродная нейтральность
Повышение качества человеческого капитала	
<i>Цели</i>	
Изменение структуры экономики в пользу малоэнергоёмких и высокотехнологичных отраслей	Оптимизация издержек российских компаний за счет НТП (инновации)
Политика энергосбережения и декарбонизации	Выход на рынки АТР, далее — Африки
	Обеспечение масштабных инвестиций в развитие экспортной инфраструктуры

курсах, география услуг (лидерами отрасли являются транснациональные корпорации), финансы и инвестиции, работа с нефтегазовыми компаниями, оценка качества человеческого капитала на предприятии и возможности его улучшения, другие факторы [9; 10].

Критерием выбора подрядчика для нефтесервисного обслуживания служит стремление нефтегазовой компании к экономии собственных операционных затрат в совокупности со своевременностью и качеством оказываемых услуг. Инновационные нефтесервисные технологии, такие, например, как кустовое горизонтальное и наклонно-направленное бурение с одновременным геофизическим и геонавигационным сопровождением, экономят время заказчика при строительстве скважин, обеспечивая высокое качество, комплексирование и дифференциацию услуг. Несмотря на высокую стоимость сервиса, расходы кратно окупаются временными и экологическими предпочтениями. На этапе эксплуатации месторождений большой вклад в эффективность добычи нефти и газа вносят следующие мероприятия по интенсификации нефтегазоотдачи — многостадийный гидроразрыв, ПАВ-полимерное заводнение, современные технологии кислотной обработки

и многие другие передовые способы повышения коэффициента отдачи пластов (КИН). В совокупности технологическое преимущество способствует увеличению рыночной доли и служит залогом устойчивого развития нефтесервисной компании.

Технологический уровень нефтесервисной компании во многом определяет ее внутренние уникальные компетенции. В общем случае это означает такой набор профессиональных навыков, способностей и технологий, который способен обеспечить предприятию наиболее эффективное в сравнении с конкурентами решение производственных задач нефтесервисного обслуживания. Неотъемлемой особенностью уникальных компетенций является сложность их повторения другими рыночными игроками. К ним могут быть отнесены патенты, достигнутый уровень НИОКР и их организации, уникальные программные продукты, взаимоотношения с заказчиками и финансовыми организациями. Последнее позволяет обеспечить долгосрочное планирование и снижать стоимость услуг за счет эффекта масштаба. реализовывать дорогостоящие проекты. расширять географию и предлагать комплексное нефтесервисное обслуживание.

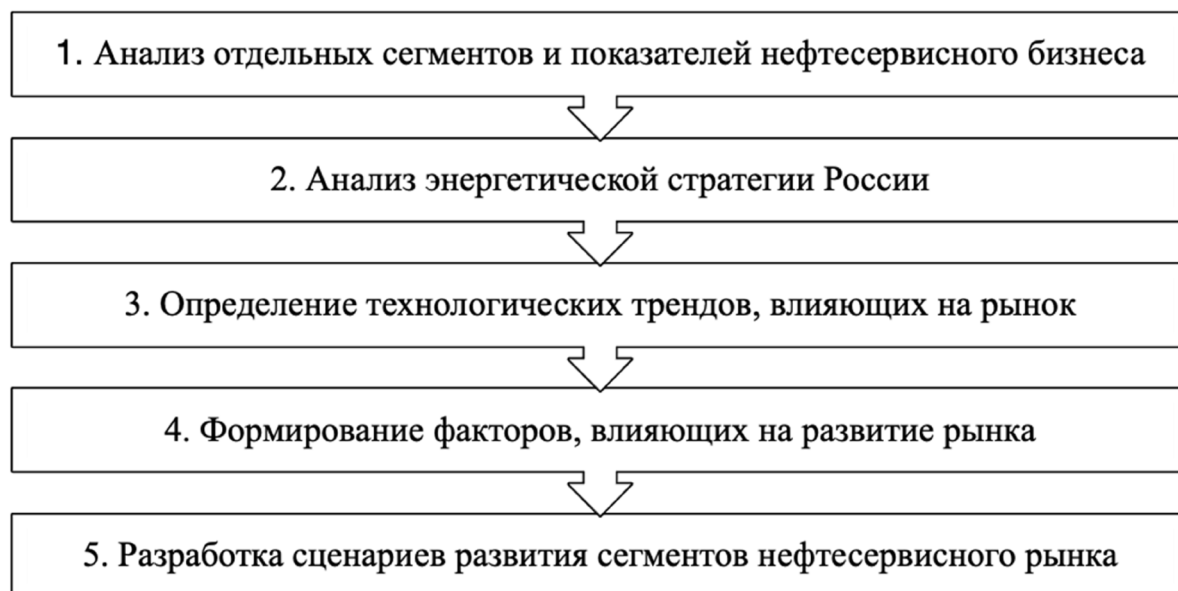

Рис. 2. Алгоритм формирования сценариев развития сегментов нефтесервисного рынка
(составлено автором)

Fig. 2. Algorithm for the formation of scenarios for the development of segments of the oilfield services market (compiled by the author)

Технологическое лидерство служит ключевой компетентностью для нефтесервисного предприятия и определяет лояльность нефтяной компании-заказчика в виде ее готовности дорого платить за услуги, что обеспечивает необходимый объем инвестиций в НИОКР. формирует узнаваемый бренд и репутацию нефтесервисной организации. значительно облегчает доступ к финансовым ресурсам. При составлении сценариев устойчивого развития нефтесервисной компании и отрасли в целом ключевые ресурсы и компетенции существенно расширяют набор стратегических альтернатив [10].

На основании вышеизложенного можно графически представить следующий порядок составления сценариев развития нефтесервисного рынка (рисунок 2).

Заключение. Проведенное исследование подтверждает необходимость и экономическую эффективность сценарного планирования различных вариантов развития нефтесервисных компаний и отрасли в целом. Представленный алгоритм формирования развития сегментов нефтесервисного рынка служит вкладом автора в научное обоснование условий устойчивого развития нефтесервисного бизнеса.

1. Альтернативное прогнозирование будущих событий позволяет предприятиям отрасли сохранять устойчивость в современный период экономического развития, характеризуемый высоким уровнем неопределенности и изменчивости среды ведения бизнеса.

2. Высокая зависимость нефтесервисной отрасли от внешних и внутренних факторов вызывают необходимость постоянного мониторинга состояния названных факторов и проведение про-активной политики для минимизации возможных экономических потерь.

3. Присущие отрасли инновационность и высокий технологический уровень одновременно являются главными условиями устойчивого развития отдельно взятой нефтесервисной компании в ее конкурентной борьбе за лидерство на российском рынке обслуживания нефтегазовой индустрии в совокупности с максимально эффективным использованием уникальных внутренних ресурсов организации.

Список источников

1. Белошицкий А. Задачи внутрифирменного планирования деятельности геофизических предприятий в современных условиях // Геология, геофизика и разработка нефтяных и газовых месторождений. 2020. №5. С. 64–69.
2. Белошицкий А. В. Сравнительный анализ бизнес-моделей зарубежных и отечественных нефтесервисных компаний // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. №6. С. 149–158.
3. Жилинский С. С. Метод сценариев // Менеджмент. 2012. №3. С. 25–28.
4. Кан Г., Винер А. Год 2000 (фрагмент из книги) // В сборнике: «Мир нашего завтра». Серия: История XXI века. Составитель: И. В. Бестужев-Лада. М.: Эксмо, Алгоритм-Книга, 2003. 512 с.
5. Ленкова О., Жукова М. Использование метода сценариев при разработке управленческих решений по обеспечению устойчивого развития нефтесервисной компании [Электронный ресурс] // Московский экономический журнал. 2021. №9. URL: <https://qje.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-9-2021-37/> (дата обращения: 12.01.2022).
6. Метод сценарного прогнозирования [Электронный ресурс] // Кафедра Общего менеджмента. Казанский государственный финансово-экономический институт. URL: https://www.sinref.ru/000_uchebniki/00800economica/000_lekcii_menejment_11/823.htm (дата обращения: 11.01.2022).
7. Пленкина В. Методы принятия управленческих решений: учебник / В. Пленкина, И. Осинская, О. Ленкова. Тюмень: ТИУ, 2017. 266 с.
8. Портер М. Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина-паблишер, 2016. 505 с.
9. Тонышева Л., Якунина О., Кузнецова Н. Стратегирование развития нефтесервисных предприятий: предпосылки и методический инструментарий // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. №7. С. 2085–2104.

10. Хасанова Г. Методическое обеспечение стратегического планирования развития нефтесервисных компаний: дис. ... канд. экон. наук. Уфа, 2015. 161 с.

11. Beloshitskiy A., Garayshin S., Khoroshavtseva O. University and Enterprise Cooperation — Effective Solution in the Digital Economy // In collection: Cooperation and Sustainable Development. Conference proceedings. Cham, 2022. P. 81–88.

12. Cherepovitsyn A., Evseeva O. Parameters of Sustainable Development: Case of Arctic Liquefied Natural Gas Project // Resources. 2021. №10.

13. Crui M. Fundamentals of Risk Management: YouReite, 2015. 390 p.

14. Kahn H. On Thermonuclear War. 1922 / Herman Kahn with a new introduction by Evan Jones. Transaction Publishers, 2007 [Electronic resource] URL: http://books.google.ru/books?id=EN2gtPTjFd8C&printsec=frontcover&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (date accessed: 10.01.2022).

References

1. Beloshickij A. Zadachi vnutrifirmennogo planirovaniya dejatel'nosti geofizicheskikh predpriyatij v sovremennykh usloviyakh [Tasks of intra-company planning of geophysical enterprises in modern conditions]. *Geologiya, geofizika i razrabotka neftjanykh i gazovykh mestorozhdenij* [Geology, geophysics and development of oil and gas fields]. 2020; (5): 64–69. (In Russ.).

2. Beloshickij A.V. Sravnitel'nyj analiz biznes-modelej zarubezhnykh i otechestvennykh nefteservisnykh kompanij [Comparative analysis of business models of foreign and domestic oilfield service companies]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences]. 2021; 14 (6): 149–158. (In Russ.).

3. Zhilinskij S.S. Metod scenariyev [Method of scenarios]. *Menedzhment* [Management]. 2012; (3): 25–28. (In Russ.).

4. Kan G., Viner A. God 2000 (fragment iz knigi) [Year 2000 (excerpt from the book)]. V sbornike: «Mir nashego zavtra». Seriya: Istorija XXI veka. Sostavitel': I.V. Bestuzhev-Lada [In the collection: «The world of our tomorrow».

Series: History of the XXI century. Compiled by: I.V. Bestuzhev-Lada]. Moscow: Jeksmo, Algoritm-Kniga, 2003. 512 p. (In Russ.).

5. Lenkova O., Zhukova M. Ispol'zovanie metoda scenariyev pri razrabotke upravlencheskikh reshenij po obespecheniju ustojchivogo razvitiya nefteservisnoj kompanii [The use of the scenario method in the development of management decisions to ensure the sustainable development of an oilfield service company] [Elektronnyj resurs]. *Moskovskij jekonomicheskij zhurnal* [Moscow Economic Journal]. 2021; (9). URL: <https://qe.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-9-2021-37/> (data obrashhenija: 12.01.2022). (In Russ.).

6. Metod scenarnogo prognozirovaniya [The method of scenario forecasting] [Elektronnyj resurs]. Kafedra Obshhego menedzhmenta. Kazanskij gosudarstvennyj finansovo-jekonomicheskij institut [Department of General Management. Kazan State Institute of Finance and Economics]. URL: https://www.sinref.ru/000_uchebniki/00800economica/000_lekcii_menejment_11/823.htm (data obrashhenija: 11.01.2022). (In Russ.).

7. Plenkina V. Metody prinjatija upravlencheskikh reshenij: uchebnik [Methods of managerial decision-making: textbook]. V. Plenkina, I. Osinovskaja, O. Lenkova. Tjumen': TIU, 2017. 266 p. (In Russ.).

8. Porter M. Konkurentnaja strategija. Metodika analiza otraslej i konkurentov [Competitive strategy. Methodology for analyzing industries and competitors]. Moscow: Al'pina-publisher, 2016. 505 p. (In Russ.).

9. Tonysheva L., Jakunina O., Kuznecova N. Strategirovanie razvitiya nefteservisnykh predpriyatij: predposylki i metodicheskij instrumentarij [Strategizing the development of oilfield service enterprises: prerequisites and methodological tools]. *Jekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Economics, entrepreneurship and law]. 2020; 10(7): 2085–2104. (In Russ.).

10. Hasanova G. Metodicheskoe obespechenie strategicheskogo planirovaniya razvitiya nefteservisnykh kompanij: dis. ... kand. jekon. nauk [Methodological support for strategic planning of development of oilfield service companies. Ph. D. (Economy) diss.]. Ufa, 2015. 161 p. (In Russ.).

11. Beloshitskiy A., Garayshin S., Khoroshavtseva O. University and Enterprise Cooperation — Effective Solution in the Digital Econo-

my // In collection: Cooperation and Sustainable Development. Conference proceedings. Cham, 2022. P. 81–88.

12. Cherepovitsyn A., Evseeva O. Parameters of Sustainable Development: Case of Arctic Liquefied Natural Gas Project // Resources. 2021. №10.

13. Crui M. Fundamentals of Risk Management: YouReite, 2015. 390 p.

14. Kahn H. On Thermonuclear War. 1922 / Herman Kahn with a new introduction by Evan Jones. Transaction Publishers, 2007 [Electronic resource] URL: http://books.google.ru/books?id=EN2gtPTjFd8C&printsec=frontcover&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (date accessed: 10.01.2022).

Статья поступила в редакцию 21.01.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 18.02.2022.

The article was submitted on 21.01.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 18.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Белошицкий Алексей Васильевич — кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела экономики природопользования на Европейском Севере, Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук (ИЭП КНЦ РАН).

Россия, г. Апатиты, ул. Ферсмана, 24а

Alexey V. Beloshitskiy — Candidate of Economic Sciences, Researcher at the Department of Environmental Economics in the European North, Luzin Institute for Economic Studies — Subdivision of the Federal Research Centre «Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences» (IES KSC RAS).

24a Fersmana st., Apatity, Russia

Череповицын Алексей Евгеньевич — доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, заведующий кафедрой «Экономика организации и управления», Санкт-Петербургский горный университет. Область научных интересов: стратегическое управление минерально-сырьевым комплексом, экономическая оценка инвестиционных проектов, экономико-правовые основы недропользования.

Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский о-в, 21 линия, 2

Alexey E. Cherepovitsyn — Doctor of Economic Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Economics, the Head of the Department of Economics, Organization and Management, Saint Petersburg Mining University. Research interests: strategic management of the mineral resource complex, economic assessment of investment projects, economic and legal foundations of subsoil use.

2 21st Line, Vasilevsky isl., Saint Petersburg, Russia

Вклад авторов:

Белошицкий А. В. — развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Череповицын А. Е. — научное руководство; концепция исследования; доработка текста.

Contribution of the authors:

Beloshitskiy A. V. — development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Cherepovitsyn A. E. — scientific management; research concept; follow-on version of the text.

Научная статья

УДК 332.02

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-107-113

ВЫСОКОЭФФЕКТИВНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ РЕГИОНОВ КАК ОСНОВА САНКЦИОННОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РОССИИ

Давыд Рушанович Боязитов

*Управление внутренней политики
Комитета по делам территориальных образований,
внутренней и информационной политики Волгоградской области, Волгоград, Россия
210471@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6603-4137*

Аннотация. *Цель исследования:* провести кейсовое исследование эффективности ситуационного реагирования на обострение экономического кризиса непосредственно в регионах России.

Методология исследования. Для исследования выбран метод кейс-стади, с помощью которого проведен анализ государственного управления экономикой регионов на протяжении периода с 24.02.2022 г. до 24.03.2022 г.

Результаты исследования. В статье представлен исторический ракурс контрциклического управления экономикой России. Изучен кейсовый опыт обеспечения санкционной устойчивости экономики регионов России с особым вниманием к передовому опыту губернаторов «новой волны» и Волгоградской области. Выявлены весомые успехи в сфере импортозамещения в регионах России, ставшего основой санкционной устойчивости экономики региона. Обосновано, что в условиях обострившегося санкционного кризиса стала еще более важна тесная связь экономики и политики, которая достаточно сильна в России.

Перспективы исследования. Рекомендован пересмотр критерия устойчивости применительно к оценке эффективности государственного управления экономикой региона в сторону импортозамещения и налаживания разделения труда в отечественной региональной экономике.

Ключевые слова: эффективность, государственное управление, экономика региона, регионы России, санкционная устойчивость

Для цитирования: Боязитов Д. Р. Высокоэффективное государственное управление экономикой регионов как основа санкционной устойчивости России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 107–113. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-107-113>.

Original article

HIGHLY EFFECTIVE STATE MANAGEMENT OF THE REGIONAL ECONOMY AS THE BASIS OF RUSSIA'S SANCTIONS STABILITY

Davyd R. Bayazitov

*Department of Internal Policy of the Committee for Territorial Entities, Internal and
Information Policy of the Volgograd Region, Volgograd, Russia
210471@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6603-4137*

Abstract. *The purpose of the study:* to conduct a case study of the effectiveness of situational response to the aggravation of the economic crisis directly in the regions of Russia.

Research methodology. *For the study, the case study method was chosen, with the help of which the analysis of the state management of the economy of the regions was carried out during the period from 02/24/2022 to 03/24/2022.*

The results of the study. *The article presents a historical perspective of countercyclical management of the Russian economy. The case experience of ensuring the sanctions stability of the economy of the regions of Russia is studied with special attention to the best practices of the governors of the «new wave» and the Volgograd region. Significant successes have been identified in the field of import substitution in the regions of Russia, which has become the basis for the sanctions stability of the region's economy. It is proved that in the conditions of the aggravated sanctions crisis, the close connection of economics and politics has become even more important, which is quite strong in of Russia.*

Research prospects. *It is recommended to revise the criterion of sustainability in relation to the assessment of the effectiveness of state management of the region's economy towards import substitution and the establishment of division of labor in the domestic regional economy.*

Keywords: *efficiency, public administration, regional economy, Russian regions, sanctions resistance*

For citation: *Bayazitov D. R. Highly effective state management of the regional economy as the basis of Russia's sanctions stability // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 107–113. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-107-113>.*

Современная Россия — это не только прогрессивное общество и правовое государство, но также развитая экономика, способная противостоять даже серьезным угрозам, которые в последние годы имеют внешнее происхождение. В XXI в. Россия многократно продемонстрировала и убедительно доказала свою устойчивость к кризисам. Отечественная хозяйственная система в меньшей степени пострадала (по сравнению со многими другими странами) и быстро восстановилась после мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. Россия первой в мире зарегистрировала вакцину от COVID-19, прело-

мив ход пандемии и обеспечив ускоренный выход из кризиса в 2020 г. своей экономики и мирового хозяйства. Уже в 2021 г. российская экономика показала уверенный рост.

Высокая устойчивость к экономическим кризисам — это уникальная черта и конкурентное преимущество российской экономики, особенно ценное в условиях реализации связанной с большой цикличностью рыночной модели хозяйственного развития в России и в мире. Она достигается благодаря систематическим и непрерывным мерам контрциклического управления экономикой в регионах. В связи с этим эффективность

управления экономическим развитием регионов России уже давно оценивается на основе критериев устойчивости [2; 3].

Текущие вызовы отечественной экономики, связанные с обострением международного санкционного кризиса, начавшегося в 2014 г., актуализируют научно-практическую проблему оценки степени соответствия государственного управления экономикой регионов указанному критерию эффективности. Этой проблеме уделяется большое внимание в научно-исследовательской литературе, где на протяжении всего периода данного кризиса отмечается высокая санкционная устойчивость российских регионов благодаря высокоэффективному государственному управлению.

В частности, это указано в трудах таких отечественных ученых и экспертов, как О. В. Богатырева, И. Ю. Лопатина, Т. П. Хохлова [1], У. Н. Бусурманкулова, З. А. Осмонов, Е. Г. Попкова [4], Т. П. Хохлова, Е. С. Андреева [5], А. Е. Чичерин [6]. Контент-анализ имеющихся публикаций однозначно свидетельствует об имеющемся у регионов России значительном заделе в области противостояния экономическим кризисам.

Для составления более полной картины в рамках поставленной проблемы целесообразно дополнительно провести кейсовое исследование эффективности ситуационного реагирования на обострение экономического кризиса непосредственно в регионах России. Преимуществом метода кейс-стади является то, что он позволяет оперативно проводить исследования еще до подсчета официальной статистики. Кейсовый анализ государственного управления экономикой регионов на протяжении последнего месяца (с 24.02.2022 г. до 24.03.2022 г.) выявил весомые успехи в сфере импортозамещения, ставшего основой санкционной устойчивости экономики региона [7].

Отдельного внимания заслуживают управленческие практики, реализуемые так называемыми губернаторами «новой волны», образ которых отвечает ожиданиям россий-

ских граждан в отношении лидера региона. Их перечень утвержден Экспертным институтом социальных исследований с опорой на результаты социологических опросов в регионах. В марте 2022 г. губернаторы «новой волны» представили стратегии импортозамещения, которые реализуются в подведомственных им регионах России¹:

— в Калининградской области стратегия сфокусирована на импортозамещение в агропромышленном комплексе (АПК): уже сейчас регион самостоятельно удовлетворяет внутренний спрос на овощи на 70 %;

— в Камчатском крае реализуется программа налоговой поддержки производства молочной продукции;

— в Тамбовской области также уделяется большое внимание вопросам обеспечения продовольственной безопасности;

— в Ярославской области поддерживается производство бассейнов и горок из стеклопластика регионального производства;

— в Челябинской области развивается производство комплектующих для электродвигателей;

— в Курской области и в Нижегородской области поддерживается импортозамещение в IT-сфере;

— в Волгоградской области успешно реализуется программа импортозамещения в АПК, имеющая важное значение для продовольственной безопасности всего Юга России.

Также примечателен опыт Волгоградской области, где серьезную работу по поддержке импортозамещения проводит Комитет экономической политики и развития Волгоградской области². Среди реализуемых мер — запуск горячей линии для экспортеров, направленной на информационно-консультационную поддержку выстраивания отечественных цепей добавленной стоимости, специальная бизнес-миссия Торгово-промышленной палаты, развитие предпринимательского обучения и многие другие.

Об успехах импортозамещения в Волгоградской области свидетельствует созданный

¹ Названы стратегии импортозамещения в регионах. Губернаторы новой волны представили стратегии импортозамещения [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2022/03/23/importozam/> (дата обращения: 24.03.2022).

² Комитет экономической политики и развития Волгоградской области [Электронный ресурс]. URL: <https://economics.volgograd.ru/> (дата обращения: 24.03.2022).

под руководством губернатора Андрея Ивановича Бочарова крупнейший в России завод по сушке овощей³. Это результат реализации крупного инвестиционного проекта стоимостью около 700 млн. руб., реализованный ООО «АПК Городищенский». Проект превращен в жизнь благодаря поддержке органов государственного управления экономикой Волгоградской области, в частности льготного инвестиционного кредита, полученного по линии Минсельхоза РФ, поддержки региона в поиске участка, компенсации затрат на строительство с нуля инфраструктуры.

Производственная мощность импортозамещающего предприятия Волгоградской области очень высока: 20 тыс. тонн сырья в год. Оно обеспечило 100 новых рабочих мест для региона. Слаженные действия и непрерывный диалог власти и бизнеса позволили Волгоградской области за последние 8 лет под руководством А.И. Бочарова достичь более чем двукратного увеличения производственной мощности овощеперерабатывающих предприятий (с 200 тыс. т. в год до 464 тыс. т. в год).

Завод по сушке овощей ООО «АПК Городищенский» — это новый реализованный проект в серии из множества инвестиционных проектов Волгоградской области, число которых с 2014 г. превышает 1 тыс., а интегральная стоимость превышает 50 млрд. руб. За последний (2021) год благодаря поддержке региональных властей под руководством губернатора в Волгоградской области осуществлено более 300 инвестиционных проектов (стоимостью 54 млрд. руб.), среди которых 9 крупных проектов (совокупной стоимостью 28 млрд. руб.). В 2022 г. продолжается работа над 180 новыми проектами (стоимостью 40 млрд. руб.).

Подведенные губернатором Волгоградской области А.И. Бочаровым итоги исполнения бюджета региона за 2021 г.⁴ показали, что даже в условиях пандемии и кризиса COVID-19 экономика региона продемонстрировала стабильный рост. Доходы регио-

нального бюджета Волгоградской области возросли на 10% (13,1 млрд. руб. по сравнению с 144,1 млрд. руб. в 2020 г.). Расходы регионального бюджета возросли на 7,1% (9,6 млрд. руб. по сравнению с 145,5 млрд. руб. в 2020 г.). Соответственно сальдо регионального бюджета увеличилось.

Крупномасштабная программа социальной поддержки населения финансировалась в приоритетном порядке и привела к росту социальных расходов на 8,8 млрд. руб. Реализованы национальные проекты (в частности, развитие инфраструктуры, транспортно-логистического комплекса, благоустройство) стоимостью 26,5 млрд. руб.

О высоком качестве и эффективности государственного управления экономикой Волгоградской области свидетельствует реализуемая губернатором региона А.И. Бочаровым инициатива по вовлечению населения в разработку проектов развития инфраструктуры и благоустройства⁵. В региональном бюджете на поддержку проектов жителей предусмотрено 800 тыс. руб. на «взрослый» проект (увеличено по сравнению с 750 тыс. руб. в 2020 г.) и 300 тыс. руб. на детские проекты (возросло по сравнению с 250 тыс. руб. в 2020 г.).

В целом в экономике Волгоградской области достигнута высокая санкционная устойчивость, свидетельствующая о высокой эффективности государственного управления регионом и качественной работе губернатора А.И. Бочарова. Центром поддержки экспорта обеспечено импортозамещение уже 30 субъектов малого и среднего предпринимательства, специализирующихся на производстве продовольственной продукции, строительных материалов, электротоваров, оборудования для химической промышленности, резинотехнических изделий, лакокрасочных материалов, приборов сельхозназначения, 3Д-нитей и др. Среди мер поддержки, оказываемых администрацией Волгоградской области и Центром «Мой бизнес» в поддержку импортозамещения еще до обострения сан-

3 Андрей Бочаров — о развитии импортозамещения: в Волгоградской области создан крупнейший в России завод по сушке овощей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.volgograd.ru/gubernator/tekush/398201/> (дата обращения: 25.03.2022).

4 В Волгоградской области подвели итоги исполнения бюджета-2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.volgograd.ru/news/398112/> (дата обращения: 25.03.2022).

5 Жители Волгоградской области готовят проекты инициативного бюджетирования [Электронный ресурс]. URL: <https://www.volgograd.ru/news/397876/> (дата обращения: 25.03.2022).

кционного кризиса и тем более усиленных сейчас, — льготное кредитование, электронные коммуникации с субъектами предпринимательства по вертикали и по горизонтали цепи добавленной стоимости на региональной Интернет-платформе и многое другое⁶.

Во всех (не только в перечисленных) регионах России слаженные скоординированные меры/действия, а также гибкость и адаптивность к меняющемуся контексту обеспечивают высокую эффективность государственного управления экономикой регионов. Обострившийся санкционный кризис вызвал не столько угрозы, сколько предпосылки и рыночные стимулы к развитию отечественного производства и налаживанию импортозамещения. Это свидетельствует о высокой эффективности государственного управления в регионах России по критерию устойчивости, а также о готовности экономики отечественных регионов к любым изменениям во внешней среде.

Итак, можно сделать вывод, что обострение международного санкционного кризиса требует пересмотра критерия устойчивости, на протяжении многих лет применяющегося при оценке эффективности государственного управления экономикой регионов. В прежней трактовке кризисная устойчивость достигалась за счет использования возможностей внешней торговли и оптимизации производственной специализации экономики регионов с учетом их относительных и абсолютных конкурентных преимуществ на базе принципа международного разделения труда. Не случайно в 2012 г. Россия присоединилась к ВТО — в тот период это позволяло повысить эффективность государственного управления экономикой, в частности на уровне регионов.

В рекомендуемой новой трактовке санкционная устойчивость достигается через импортозамещение. Поскольку внешние связи ненадежны, а международные цепи добавленной стоимости нестабильны, регионы России должны и успешно диверсифицируют свою экономику. При этом возможна и целесообразна реализация принципа внутреннего разделения труда — в пределах отечественной экономики. С учетом этого мож-

но прогнозировать, что межрегиональный обмен товарами и услугами в России выйдет на новый уровень. Каждый регион получит возможность развивать предпринимательство и запускать новые деловые активности с гарантированным широким отечественным рынком сбыта — в собственном и в других регионах. Благодаря этому в России может начать действовать не только бюджетный (финансовая поддержка регионов при бюджетном дефиците), но также товарный (обмен товарами и услугами среди регионов для предотвращения их дефицита) федерализм.

Работа по выстраиванию системы межрегионального разделения труда в России уже началась. Достигнуты впечатляющие первые успехи, и эту работу следует продолжать, чтобы наиболее полно раскрыть потенциал роста эффективности государственного управления экономикой каждого региона по критерию санкционной устойчивости.

В заключение можно сделать вывод о том, что в условиях обострившегося санкционного кризиса стала еще более важна тесная связь экономики и политики, которая достаточно сильна в России. Предпринимаемые беспрецедентные меры правительственной поддержки экономики и предпринимательства позволяют поддерживать стабильность, избежать дефицита, развивать отечественные производства и создавать рабочие места. Таким образом, именно партнерство власти и бизнеса, активная государственная поддержка экономики гарантируют ее устойчивость в России, а современный отечественный опыт свидетельствует об очень высокой эффективности государственного управления экономикой регионов.

Список источников

1. Богатырева О.В. Оптимизация системы государственного управления экономикой региона / О.В. Богатырева, И.Ю. Лопатина, Т.П. Хохлова // *The Scientific Heritage*. 2021. №75-4(75). С. 36–42.
2. Боязитов Д.Р. Система оценки эффективности управления на основе критериев устойчивости развития региона / Д.Р. Боязи-

⁶ Волгоградские предприятия-экспортеры адаптируются к работе в новых условиях [Электронный ресурс]. URL: <https://www.volgograd.ru/news/397740/> (дата обращения: 25.03.2022).

тов, Н.И. Морозова // Теория и практика общественного развития. 2016. №7. С. 46–51.

3. Боязитов Д.Р. Управление экономическим развитием региона // Экономика и предпринимательство. 2015. №2. С. 310–313.

4. Бусурманкулова У.Н. Алгоритм влияния финансового контроля на совершенствование бюджетного процесса как механизм инновационного развития региона / У.Н. Бусурманкулова, З.А. Осмонов, Е.Г. Попкова // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2020. №5. С. 102–107.

5. Хохлова Т.П. Взаимодействие государственных и муниципальных органов в управлении экономикой региона / Т.П. Хохлова, Е.С. Андреева // Сфера услуг: инновации и качество. 2020. №51. С. 114–126.

6. Чичерин А.Е. Методический подход к оценке эффективности государственного управления экономикой региона // Современная экономика: проблемы и решения. 2019. №5(113). С. 48–54.

7. Регионоведение / Юг России: краткий тематический словарь // Лубский А.В., Альперович В.Д., Андреева Л.Ю., Анпилогов В.Н., Анесянц С.А., Апрыщенко В.Ю., Архипов А.Ю., Аствацатурова М.А., Атаев Н.Д., Баженова Е.Ю., Бевза С.С., Белоусов В.М., Бешмельницын М.И., Блинова М.С., Бойко А.Л., Борисенко А.Н., Бурлуцкая Е.В., Бутов В.И., Бурлуцкий А.Н., Вертий М.Ю. и др. Ростов-на-Дону, 2004. 696 с.

References

1. Bogatyreva O.V. Optimizacija sistemy gosudarstvennogo upravlenija jekonomikoj regiona [Optimization of the system of state management of the economy of the region]. O.V. Bogatyreva, I. Ju. Lopatina, T.P. Hohlova. *The Scientific Heritage*. 2021; 75-4(75): 36–42. (In Russ.).

2. Bojazitov D.R. Sistema ocenki jeffektivnosti upravlenija na osnove kriteriev ustojchivosti razvitija regiona [System for assessing the effectiveness of management based on the criteria of sustainability of regional develop-

ment]. D.R. Bojazitov, N.I. Morozova. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development]. 2016; (7): 46–51. (In Russ.).

3. Bojazitov D.R. Upravlenie jekonomicheskim razvitiem regiona [Management of economic development of the region]. *Jekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and entrepreneurship]. 2015; (2): 310–313. (In Russ.).

4. Busurmankulova U.N. Algoritm vlijanija finansovogo kontrolja na sovershenstvovanie bjudzhetnogo processa kak mehanizm innovacionnogo razvitija regiona [Algorithm of the influence of financial control on the improvement of the budget process as a mechanism of innovative development of the region]. U.N. Busurmankulova, Z.A. Osmonov, E.G. Popkova. *Izvestija VUZov Kyrgyzstana* [News of universities of Kyrgyzstan]. 2020; (5): 102–107. (In Russ.).

5. Hohlova T.P. Vzaimodejstvie gosudarstvennyh i municipal'nyh organov v upravlenii jekonomikoj regiona [Interaction of state and municipal bodies in the management of the region's economy]. T.P. Hohlova, E.S. Andreeva. *Sfera uslug: innovacii i kachestvo* [Sphere of services: innovations and quality]. 2020; (51): 114–126. (In Russ.).

6. Chicherin A.E. Metodicheskij podhod k ocenke jeffektivnosti gosudarstvennogo upravlenija jekonomikoj regiona [Methodological approach to assessing the effectiveness of public administration of the region's economy]. *Sovremennaja jekonomika: problemy i reshenija* [Modern Economy: problems and solutions]. 2019; 5(113): 48–54. (In Russ.).

7. Regionovedenie [Regional Studies]. Jug Rossii: kratkij tematicheskij slovar' [South of Russia: brief thematic dictionary]. Lubskij A.V., Al'perovich V. D., Andreeva L. Ju., Anpilogov V.N., Anesjanc S.A., Apryshhenko V. Ju., Arhipov A. Ju., Astvacaturova M.A., Ataev N.D., Bazhenova E. Ju., Bevza S.S., Belousov V.M., Beshmel'nicyn M. I., Blinova M.S., Bojko A.L., Borisenko A.N., Burluckaja E.V., Butov V.I., Burluckij A.N., Vertij M. Ju. et al. Rostov-on-Don, 2004. 696 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 21.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 18.04.2022.

The article was submitted on 21.03.2022; approved after reviewing on 05.04.2022; accepted for publication on 18.04.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Боязитов Давыд Рушанович — кандидат экономических наук, старший консультант отдела по взаимодействию с политическими партиями Управления внутренней политики Комитета по делам территориальных образований, внутренней и информационной политики Волгоградской области.

Россия, г. Волгоград, ул. Пархоменко, 2а-510

Davyd R. Bayazitov — Candidate of Economic Sciences, Senior Consultant of the Department for Interaction with Political Parties of the Department of Internal Policy of the Committee for Territorial Entities, Internal and Information Policy of the Volgograd Region.

2a-510 Parkhomenko st., Volgograd, Russia

Дискуссионная статья

УДК 330.34 + 81'33

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-114-124

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИКИ ТЕРМИНА «ЭФФЕКТИВНОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

Иван Юрьевич Бринк^{1✉}, Елена Михайловна Северина²

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹brink.ivan@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-7846-0981, AuthorID РИНЦ: 280295

²emkovaenko@sfedu.ru, ORCID: 0000-0001-6518-2771, AuthorID РИНЦ: 345317,
AuthorID Scopus: 57191625376

Аннотация. Цель исследования — показать необходимость изучения семантики англоязычных терминов «efficiency», «effectiveness» и связанных с ними интерпретаций русскоязычного термина «эффективность» для последующего возможного уточнения перевода англоязычной литературы по менеджменту, используемой в учебных пособиях и научных статьях. Уточнение семантики понятия «эффективность», применяемого в учебной литературе, может стать одним из факторов экономического развития.

Методологическую базу исследования составляет концептуальный подход к изучению научно-технического дискурса. К используемым научным методам относятся компаративный, каузальный и семантический анализ.

Результаты. На основе предварительного анализа семантики терминов эффективности установлено, что Толковые словари русского языка достаточно широко трактуют понятие «эффективность», но не содержат определение термина «эффективный». При этом достаточно много научных статей посвящено генезису понятия «эффективность» на русском языке. Иерархически связанные значения в русском языке для термина «эффективность» и отличающаяся структура взаимодействия значений в английском языке затрудняют перевод данных слов и их однозначную интерпретацию. Это может приводить к подмене понятий через более общие значения, скрытые в семантике термина (например, через семантику полезности, когда значение «достижение целей» подменяется значением выгоды, целесообразности, конструктивности и т.п.). Наиболее популярные системы машинного перевода (СМП) — Яндекс.Переводчик и Google.Переводчик — переводят термин «эффективный» на английский язык как «effective», а термин «эффективность» как «effectiveness» (Яндекс) и как «efficiency» (Google). При этом термины «efficiency» и «effectiveness» переводятся с английского языка на русский обеими СМП как «эффективный». Таким образом, англо-русский перевод терминов обеими СМП совпадает, а русско-английский различается, т.е. эти термины не имеют взаимного соответствия.

Перспективы исследований. Изучение и анализ соответствующих корпусов текстов на английском и русском языках по экономической тематике позволят оценить функционирование рассматриваемых терминов в русском и английском языках, сопоставить условия их применения, что в конечном итоге позволит уточнить целеполагание при построении и изучении экономических и (или) эффективных систем управления в учебной литературе по экономике и менеджменту.

Ключевые слова: термин «эффективный», эффективность, семантика слова «эффективность», *efficient, effective*

Для цитирования: Бринк И. Ю., Северина Е. М. Исследование семантики термина «эффективность» в контексте теории управления // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 114–124. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-114-124>.

Благодарности: выражаем благодарность Dr. Sven Hirsch за плодотворные дискуссии о значениях англоязычных терминов «effectiveness», «efficiency».

Discussion article

RESEARCH ON THE SEMANTICS OF THE TERM «EFFICIENCY» IN THE CONTEXT OF MANAGEMENT THEORY

Ivan Y. Brink^{1✉}, Elena M. Severina²

¹Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹brink.ivan@mail.ru[✉], ORCID: 0000-0001-7846-0981, AuthorID RSCI: 280295

²emkovalenko@sfedu.ru, ORCID: 0000-0001-6518-2771, AuthorID RSCI: 345317,
AuthorID Scopus: 57191625376

Abstract. *The purpose of the preliminary research is to show the necessity to study the semantics of the English-language terms «efficiency», «effectiveness» and related interpretations of the Russian-language term «effektivnost». The results of the study are intended for further possible clarification of the translation of English-language management literature used in textbooks and scientific articles. Clarification of the semantics of the effectiveness concept used in educational literature can become one of the factors of economic development.*

The methodological basis of the research is a conceptual approach to the study of scientific and technical discourse. The scientific methods used include comparative, causal and semantic analysis.

Research result. *Based on the preliminary analysis of the semantics of the terms of efficiency, it was found that the Dictionaries of the Russian language interpret the concept of effectiveness quite broadly, but do not contain a definition of the term «efficiency». At the same time, quite a lot of scientific articles are devoted to the genesis of the concept of effectiveness in Russian. Hierarchically related meanings in Russian for the term «effectiveness» and the different structure of the interaction of its meanings in English make it difficult to translate these words and interpret them unambiguously. This might lead to the substitution of concepts for more general meanings hidden in the semantics of the term (for example, for the semantics of utility, when the meaning of «achieving goals» is replaced by the meaning of benefit, expediency, constructiveness, etc.). Being the most popular machine translation (MT) systems, Yandex. Translate and Google.Translate translate the term «effektivnyj» into English as effective, and the term «effektivnost» as effectiveness (Yandex) and efficiency («Google»). At the same time, the terms «efficiency» and «effectiveness» are translated from English into Russian by both MT systems as «effektivnyj». Thus, the English-Russian translation of the terms by both MT systems coincides, while the Russian-English one differs. It means that these terms do not have a mutual correspondence.*

The prospects of the research are to study and analyze the corresponding corpus of texts in English and Russian on economic topics. It will give an opportunity to evaluate the functioning of the Russian and English terms under consideration, to juxtapose the conditions of their application. Eventually, it will make it possible to clarify the goal-setting in the construction and study of economical and (or) effective management systems in the educational literature on economics and management.

Keywords: the term «effective», effectiveness, semantics of the word «effectiveness», efficient.

For citation: Brink I. Y., Severina E. M. Research on the semantics of the term «efficiency» in the context of management theory // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 114–124. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-114-124>.

Acknowledgments: we would like to thank Dr. Sven Hirsch for fruitful discussions on the meanings of the English-language terms «effectiveness», «efficiency».

Введение. В русскоязычной научно-технической литературе широко обсуждается содержание понятия «экономическая эффективность» [1], выделяются различные секторальные категории — народнохозяйственная, региональная и коммерческая эффективность [2–4], эффективность государственного управления, в частности образования [5]. В [4; 6] предлагаются обновленные авторские определения понятия эффективности.

В настоящей работе рассматривается специфика функционирования в современном информационном русскоязычном пространстве термина «эффективность» — основополагающего понятия любой экономической и управленческой системы, привнесенного из англоязычной литературы. Различные учебные пособия и научная литература по менеджменту и экономике на русском языке в значительной степени основываются на переводной англоязычной литературе, но в условиях широкого распространения информации в сети Интернет особое значение приобретает повышение точности определений и их сопоставление при межъязыковой трансляции. Настоящая работа посвящена предварительному исследованию семантики термина «эффективность» и сопоставлению с ним англоязычных терминов «effectiveness», «efficiency».

Неверная трактовка терминов англоязычных работ по экономике и менеджменту, описывающих степень эффективности экономических систем, при подготовке учебно-методической литературы на русском языке может привести к смысловому размытию формулировок.

Недооценка влияния точности перевода терминов при обосновании и описании эффективности экономических (производственных) систем в условиях сетевого распространения и продолжительности воздействия, в том числе через образование, может привести к стагнации конкурентоспособности промышленности.

Это становится особенно важным в области экономики и менеджмента, поскольку термины, связанные с эффективностью, качественно характеризуют уровень описываемой экономической системы, подлежащей оценке.

Широкий спектр определений самого термина «эффективность» на русском языке может приводить к размыванию степени восприятия и оценки экономических процессов и систем с точки зрения их эффективности, поэтому необходимо проанализировать эти определения в контексте значений терминов «efficiency», «effectiveness» в англоязычных источниках.

Цель предварительного исследования — показать необходимость изучения семантики англоязычных терминов «efficiency», «effectiveness» и связанных с ними интерпретаций русскоязычного термина «эффективность» для последующего возможного уточнения перевода англоязычной литературы по менеджменту, используемой в учебных пособиях и научных статьях.

Задачи исследования:

— проанализировать семантику русскоязычных терминов «эффективность», «эффективный» и «эффективный»;

— проанализировать семантику англоязычных терминов «efficiency», «effectiveness»;
— сопоставить соответствие англо-русского и русского-английского переводов терминов «efficiency», «effectiveness» с использованием систем машинного перевода (СМП) Google.Переводчик и Яндекс.Переводчик (онлайн-версии).

Исследование соответствия понятий «эффективность», «efficiency», «effectiveness». На наш взгляд, наиболее точно рассматриваемое понятие представляет Экономико-математический словарь: «Эффективность [efficiency, effectiveness] — 1. Одно из наиболее общих экономических понятий, не имеющих пока, по-видимому, единого общепризнанного определения. По нашему мнению, это одна из возможных (важнейшая, но не единственная!) характеристик качества некоторой системы, в частности, — экономической: а именно, ее характеристика с точки зрения соотношения затрат и результатов функционирования системы. В зависимости от того, какие затраты и особенно — какие результаты принимаются во внимание, можно говорить об экономической, социально-экономической, социальной, экологической эффективности. Однако границы между этими понятиями расплывчаты, и вокруг них ведутся активные дискуссии»¹.

Таким образом, понимание термина «эффективность» в экономическом контексте опирается на два термина английского языка — «efficiency», «effectiveness».

Приведем еще несколько определений термина «эффективный» в общих толковых словарях, в которых нет ссылок на англоязычное прочтение этого термина. Большая Советская Энциклопедия [8]: «Эффективный, Дающий Эффект, приводящий к нужным результатам, действенный. Отсюда — эффективность, результативность». В толковом словаре Ефремовой [9]: «Эффективный — прил.

1. Соотносящийся по знач. с сущ. эффект I, связанный с ним. 2. Приводящий к нужным результатам; результативный. 3. Дающий наибольший эффект I; действенный. 4. Предназначенный для выполнения полезной работы. 5. Производительный, созидательный» (обратим внимание, что в определении выделяются такие термины, как «результативность», «действенность», «полезность»).

В Интернет-изданиях Российских толковых словарей отсутствует слово «эффицентный».

В силу важности термина «эффективность» для качественной оценки экономических процессов рассмотрим возможные формы русско-английского и англо-русского перевода этого понятия с помощью систем машинного перевода Google² и Яндекс³.

Термин «эффективный» переводится на английский язык как «effective», а термин «эффективность» переводится на английский язык СМП Яндекс как «effectiveness», а Google — как «efficiency». В свою очередь обе системы машинного перевода термины «efficiency», «effectiveness» переводят как «эффективность», а термины «efficient», «effective» — как «эффективный» (см. табл. 1). Таким образом, англо-русский перевод терминов обеими СМП совпадает, а русско-английский различается, т.е. эти термины при переводе наиболее популярными СМП не имеют взаимного соответствия.

Термин «effective» определяется в Оксфордском толковом словаре⁴ в первом, наиболее употребляемом значении, следующим образом: «Producing the result that is wanted or intended; producing a successful result». В переводе на русский язык системами машинного перевода (СМП) получают приблизительно эквивалентные выражения: Google.Переводчик — «получение желаемого или запланированного результата; дает успешный результат»; Яндекс.Переводчик — «получение желаемого или предполагаемого результата; получение успешного результата».

1 Толкование слова «эффективность» [Электронный ресурс] // Википедия. Словари и энциклопедии // Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/704980> (дата обращения: 18.11.2021).

2 Google.Переводчик [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.google.com/?hl=ru&sl=ru&tl=en&op=translate>, (дата обращения: 18.11.2021).

3 Яндекс.Переводчик [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/search/?text=Переводчик&lr=238&clid=9582> (дата обращения: 18.11.2021).

4 Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (date accessed: 18.11.2021).

Таблица 1
 Table 1

**Перевод терминов, относящихся к термину «эффективность»,
 с помощью СМП Google и Яндекс
 Translation of terms related to the term «efficiency», with SMP Google**

1	Английский	Русский	
		Google.Переводчик	Яндекс.Переводчик
1.1	efficient	эффективный	эффективный
1.2	effective	эффективный	эффективный
1.3	efficiency	эффективность	эффективность
1.4	effectiveness	эффективность	эффективность
2	Русский	Английский	
		Google.Переводчик	Яндекс.Переводчик
2.1	эффективный	effective	effective
2.2	эффективность	efficiency	effectiveness

Таким образом, интерпретация англоязычного термина «effective» схожа с рассмотренными определениями русскоязычного термина «эффективный» в Словарях⁵ [8; 9]. Следовательно, термин «effective» в англоязычных текстах вполне может быть переведен на русский язык с последующим точным (более или менее) восприятием этого термина и описываемых процессов.

Термин «efficient» часто встречается в англоязычной литературе по экономике и менеджменту. В Оксфордском толковом словаре⁶ «efficient» в первом, наиболее употребляемом значении, определяется следующим образом: «Doing something in a good, careful and complete way with no waste of time, money or energy». На русский язык это определение СМП переводится следующим образом: Google.Переводчик — «делать что-то хорошо, аккуратно и полно, без траты времени, денег или энергии»; Яндекс.Переводчик — «делать что-то хорошо, тщательно и полностью, не тратя впустую время, деньги или энергию».

Отличие переводов заключается в том, что Яндекс.Переводчик добавляет слово

«впустую», придавая больше рациональности и приближая смысл этого определения к значению термина «эффективность». Перевод Google можно истолковать следующим образом: «делать что-то хорошо, аккуратно и полно, без траты времени, денег или энергии» — то есть аккуратно, экономно, правильно, но с «прохладцей»».

В работе [10] отмечается, что понятие «эффективность» (англ. efficiency) происходит от лат. efficientia, т.е. «действие» или «действенность». В рамках изучения данных терминов на материале тезаурусов русского и английского языка выявлено, что термин «действенность» в русском языке является более общим понятием, чем «эффективность» (см. ниже).

Эффективность (лат. efficientia) — достижение каких-либо определённых результатов с минимально возможными издержками или получение максимально возможного объёма продукции из данного количества ресурсов⁷.

В таблице 2 представлены определения понятий «efficiency», «effectiveness», даваемые Оксфордским толковым словарем, а также их переводы с помощью Google и Яндекс.

⁵ Толкование слова «эффективность» [Электронный ресурс] // Википедия. Словари и энциклопедии // Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/704980> (дата обращения: 18.11.2021).

⁶ Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (date accessed: 18.11.2021).

⁷ Толкование слова «эффективность» [Электронный ресурс] // Википедия. Словари и энциклопедии // Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/704980> (дата обращения: 18.11.2021).

Таблица 2
 Table 2

Понятия «efficiency», «effectiveness»
The concepts of «efficiency», «effectiveness»

Оксфордский толковый словарь-онлайн	Google.Переводчик	Яндекс.Переводчик
<i>effective</i> ⁸	<i>эффективный</i>	<i>эффективный</i>
Producing the result that is wanted or intended; producing a successful result	Получение желаемого или запланированного результата; дает успешный результат	Получение желаемого или предполагаемого результата; получение успешного результата
Aspirin is a simple but highly effective treatment	Аспирин — простое, но очень эффективное лечение	Аспирин — это простое, но очень эффективное лечение
Some people believe that violence is an effective way of protesting	Некоторые люди считают, что насилие — это эффективный способ протеста	Некоторые люди считают, что насилие — это эффективный способ протеста
An effective means/strategy/tool/method	Эффективное средство / стратегия / инструмент / метод	Эффективное средство / стратегия / инструмент / метод
I admire the effective use of colour in her paintings	Я восхищаюсь эффективным использованием цвета в ее картинах	Я восхищаюсь эффективным использованием цвета в ее картинах
The system has proved less effective than hoped	Система оказалась менее эффективной, чем предполагалось	Система оказалась менее эффективной, чем ожидалось
Effective against something drugs that are effective against cancer	Эффективные против чего-то лекарства, которые эффективны против рака	Эффективные против чего-то лекарства, которые эффективны против рака
<i>efficient</i> [7]	<i>эффективный</i>	<i>эффективный</i>
Doing something in a good, careful and complete way with no waste of time, money or energy	Делать что-то хорошо, аккуратно и полно, без траты времени, денег или энергии	Делать что-то хорошо, тщательно и полно, не тратя впустую время, деньги или энергию
A highly efficient worker	Высокоэффективный работник	Высокоэффективный работник
Efficient heating equipment	Эффективное отопительное оборудование	Эффективное отопительное оборудование
More efficient use of energy	Более эффективное использование энергии	Более эффективное использование энергии
Fuel-efficient cars (= that do not use much fuel)	Экономичные автомобили (= которые не расходуют много топлива)	Экономичные автомобили (= которые не потребляют много топлива)
We offer a fast, friendly and efficient service	Мы предлагаем быстрое, дружелюбное и эффективное обслуживание	Мы предлагаем быстрое, дружелюбное и эффективное обслуживание

⁸ Яндекс.Переводчик [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/search/?text=Переводчик&lr=238&clid=9582> (дата обращения: 18.11.2021).

Окончание таблицы 2
 End of table 2

This is simply the most efficient way to do it	Это просто самый эффективный способ сделать это	Это просто самый эффективный способ сделать это
We must meet members' needs in the most efficient and effective ways possible	Мы должны удовлетворять потребности членов наиболее действенными и действенными способами	Мы должны удовлетворять потребности членов Организации наиболее эффективными и действенными способами
Efficient at something As we get older, our bodies become less efficient at burning up calories	Эффективен в чем-то. По мере того, как мы становимся старше, наш организм теряет способность сжигать калории	Эффективно в чем-то. По мере того, как мы становимся старше, наши тела становятся менее эффективными в сжигании калорий
Efficient at something These magnificent animals were remarkably efficient at survival	Умелые в чем-то. Эти великолепные животные были удивительно эффективны в выживании	Эффективные в чем-то. Эти великолепные животные были удивительно эффективны в выживании
Efficient in something Modern water boilers are highly efficient in fuel use	В чем-то эффективен. Современные водогрейные котлы очень эффективны в расходе топлива	Эффективные в чем-то. Современные водогрейные котлы отличаются высокой эффективностью использования топлива
Efficient in doing something He was ruthlessly efficient in acquiring estates	Эффективен в делах. Он был безжалостно эффективен в приобретении имений	Эффективный в том, чтобы что-то делать. Он был безжалостно эффективен в приобретении поместий

На основании сравнения тезаурусов русского и английского языка (WordNet и RuTез) были выявлены семантические отношения между терминами, связанными с понятием «эффективность». Тезаурусы разработаны на основе терминологии из общественно-политической области, т.е. содержат наиболее общеупотребительную лексику [11]. Специфика тезаурусов, в отличие от обычных словарей, заключается в явном указании семантических отношений между терминами.

Для русского языка термин «эффективный» находится в отношениях гиперонимии с термином «действенный» (более общее понятие), частеречной синонимии — «эффективность», антонимии — «малоэффек-

тивный», «неэффективный»⁹. Как указывают создатели RuTез [11], для прилагательных особую ценность представляет изучение антонимов, однако в данном исследовании мы рассмотрели связи прилагательного «эффективный» и его гиперонима (более общего понятия) «действенный» с соответствующими описаниями в тезаурусе английского языка WordNet¹⁰.

Для термина «эффективный» в RuTез указана прямая связь с англоязычным термином «efficient», причем в значении «being effective without wasting time or effort or expense» (быть эффективным без затрат), хотя термин «efficient» имеет еще и значение «able to accomplish a purpose; functioning effectively»

⁹ Тезаурус русского языка RuTез [Электронный ресурс]. URL: <https://www.labinform.ru/pub/ruthes/index.htm> (дата обращения: 18.11.2021).

¹⁰ Тезаурус английского языка WordNet [Электронный ресурс]. URL: <https://wordnet.princeton.edu/> (дата обращения: 18.11.2021).

(способный достичь цели; эффективно функционировать), которое является также одним из значений термина «effective». Однако разработчики РуТез указали, что с этим вторым значением связано не само слово «эффективный», а его гипероним (более общее понятие) «действенный». Следовательно, значение «способный достигать цели, эффективно функционировать» является более общим значением для термина «эффективный», т.е. для русскоязычного термина предполагается наличие этого значения всегда: «эффективный» — по умолчанию «действенный» (достигающий целей), в отличие от английского, в котором значения «достижение цели» и «быть эффективным без затрат» не находятся в иерархических связях, а следовательно, не предполагают однозначной трактовки.

При этом русскоязычный термин «действенный» в качестве более общего понятия (гиперонима) имеет значение термина «полезный», а в качестве антонимов — целый список терминов, связанных с отсутствием результата (который часто связан с успехом): бездарный, безрезультативный, безрезультатный, безуспешный, бесплодный, бессмысленный, зряшный, малорезультативный, напрасный, нерезультативный, неуспешный, тщетный.

Таким образом, значение термина «эффективный» является частью термина «действенный», который в свою очередь, входит в семантическую структуру более общего термина «полезный», значение которого имеет достаточно сложную иерархию, состоящую из 13 различных понятий, среди которых не только понятие «действенный», но и «поучительный», «плодотворный», «целесообразный», «благодетельный», «благотворный», «незаменимый», «информативный», «спасительный», «выгодный», «конструктивный», «результативный». Такая иерархия значений по умолчанию может затруднять перевод терминов на другие языки, т.к. «эффективный» — по умолчанию (общее значение в языке) «действенный и полезный». Следовательно, на уровне значения термина «полезный» может быть использовано как значение полезности достижения

целей, так и полезности выгоды, целесообразности, конструктивности и т.п., что может приводить к подмене понятия не только при переводе, но и интерпретации в рамках русскоязычного термина.

Термин «полезный» в системе РуТез связан с англоязычными терминами «helpful» в значении «providing assistance or serving a useful function» (оказывающий помощь или выполняющий полезную функцию) и «useful» в значении «being of use or service» (быть полезным в использовании или полезная услуга). При этом в английском языке прямые иерархические связи между терминами «полезный -> действенный -> эффективный» не наблюдаются: например, термины «efficient» и «effective» могут употребляться и как синонимы, и как имеющие различающиеся значения, но иерархически не связанные («efficient» в значении «being effective without wasting time or effort or expense» (быть эффективным без затрат экономичный) и термин «effective» в значении «able to accomplish a purpose» (способный достичь цели).

Заключение. На основе предварительного анализа семантики терминов эффективности установлено, что Толковые словари русского языка достаточно широко трактуют понятие «эффективность», но не содержат определение термина «эффицентный». При этом достаточно много научных статей посвящено генезису понятия «эффективность» на русском языке.

Анализ определения понятий «efficiency», «effectiveness» в Оксфордском толковом словаре¹¹ показал, что семантика этих терминов в английском языке различается. При этом можно отметить, что толкование термина «efficiency» в большей степени адекватно понятию «экономичность». Термин «efficient» может переводиться как «экономичный», например, выражение «fuel-efficient cars (= that do not use much fuel)» переводится как «экономичные автомобили (= которые не потребляют много топлива)» (см. табл. 2).

Иерархически связанные значения в русском языке для термина «эффективность» и отличающаяся структура взаимодействия

11 Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (date accessed: 18.11.2021).

значений в английском языке затрудняют перевод данных слов и их однозначную интерпретацию. Это может приводить к подмене понятий через более общие значения, скрытые в семантике термина (например, через семантику полезности, когда значение «достижение целей» подменяется значением выгоды, целесообразности, конструктивности и т.п.).

Выражение «We must meet members' needs in the most efficient and effective ways possible» Google переводчик переводит как «Мы должны удовлетворять потребности членов наиболее действенными и действенными способами», в то время как Яндекс переводит эту фразу следующим образом: «Мы должны удовлетворять потребности членов Организации наиболее эффективными и действенными способами». В переводе Яндекс термин «efficient» переведен как «действенный», а может иметь значение и «экономный».

Термин «эффективный» переводится на английский язык как «effective», а термин «эффективность» переводится на английский язык как «effectiveness» (СМП Яндекс.Переводчик) и как «efficiency» (СМП Google.Переводчик). Термины «efficiency» и «effectiveness» переводятся с английского языка на русский одним словом — «эффективный». Таким образом, англо-русский перевод терминов обеими СМП совпадает, а русско-английский различается, т.е. эти термины при переводе наиболее популярными СМП не имеют взаимного соответствия.

Изучение и анализ соответствующих корпусов текстов по экономической тематике позволят оценить функционирование рассматриваемых терминов в русском и английском языках, сопоставить условия их применения, что в конечном итоге позволит уточнить целеполагание при построении и изучении экономических и (или) эффективных систем управления в учебной литературе по экономике и менеджменту.

Список источников

1. Садыкова Л.Г. К вопросу о сущности категории «эффективность» [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2016. №12(116). С. 1426–1430. URL: <https://moluch.ru/archive/116/31554/> (дата обращения: 10.03.2022).

2. Оглоблин Е.С. Организационно-экономические основы эффективности сельскохозяйственного производства регионального АПК. М.: Наука, 1994. 63 с.

3. Шалунин Д.Д. Теоретические подходы к определению сущности эффективности // Экономические исследования и разработки. 2018. №4. С. 155–162.

4. Мальковская Ю.И. Обзор теоретических подходов к определению сущности экономической эффективности // Региональные рынки потребительских товаров: качество, экологичность, ответственность бизнеса. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2019. С. 159–162.

5. Берсиров Т.Б. Операционализация понятия эффективности государственного управления высшим образованием // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. №5. С. 21–26.

6. Ключев А.В. Сущность, отношения и возможности совместного использования понятий «результативность» и «эффективность» // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2017. Т. 16. №4. С. 532–555.

7. Штеле Е.А., Вечерковская О.Б. К вопросу о понятии «эффективность» // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16. Вып. 5. С. 935–947.

8. Большая советская энциклопедия / гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: Советская энциклопедия, 1926–1947.

9. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.

10. Иванов А.А. Генезис понятия эффективности в свете общественно-экономических трансформаций // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. №4. С. 29–37.

11. Лукашевич Н.В. Тезаурусы в задачах информационного поиска. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 221–222.

References

1. Sadykova L.G. K voprosu o sushhnosti kategorii «jeffektivnost'» [On the question of the essence of the category «efficiency»] [Jele-

كتروнный ресурс]. *Molodoy uchenyy* [Young scientist]. 2016; 12(116): 1426–1430. URL: <https://moluch.ru/archive/116/31554/> (data obrashheniya: 10.03.2022). (In Russ.).

2. Ogloblin E. S. Organizacionno-jekonomicheskie osnovy jeffektivnosti sel'skhozajstvennogo proizvodstva regional'nogo APK [Organizational and economic foundations of the efficiency of agricultural production of the regional agro-industrial complex]. Moscow: Nauka, 1994. 63 p. (In Russ.).

3. Shalunin D. D. Teoreticheskie podhody k opredeleniju sushhnosti jeffektivnosti [Theoretical approaches to determining the essence of efficiency]. *Jekonomicheskie issledovaniya i razrabotki* [Economic research and development]. 2018; (4): 155–162. (In Russ.).

4. Mal'kovskaja Ju. I. Obzor teoreticheskikh podhodov k opredeleniju sushhnosti jekonomicheskoy jeffektivnosti [Review of theoretical approaches to determining the essence of economic efficiency]. Regional'nye rynki potrebitel'skih tovarov: kachestvo, jekologichnost', otvetstvennost' biznesa. Sbornik materialov II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Regional consumer goods markets: quality, environmental friendliness, business responsibility. Collection of materials of the II All-Russian Scientific and practical Conference with international participation]. 2019. P. 159–162. (In Russ.).

5. Bersirov T. B. Operacionalizacija ponjatija jeffektivnosti gosudarstvennogo upravlenija vysshim obrazovaniem [Operationalization of the concept of efficiency of public administration of higher education]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki*

[*Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*]. 2021; 14(5): 21–26. (In Russ.).

6. Kljuev A. V. Sushhnost', otnoshenija i vozmozhnosti sovmestnogo ispol'zovaniya ponjatij «rezul'tativnost'» i «jeffektivnost'» [The essence, relations and possibilities of joint use of the concepts of «effectiveness» and «efficiency»]. *Vestnik UrFU. Serija jekonomika i upravlenie* [Bulletin of UrFU. Economics and Management series]. 2017; 16(4): 532–555. (In Russ.).

7. Shtelev E. A., Večerkovskaja O. B. K voprosu o ponjatii «jeffektivnost'» [On the question of the concept of «efficiency»]. *Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika* [Economic analysis: theory and practice]. 2017; 16(5): 935–947. (In Russ.).

8. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija [The Great Soviet Encyclopedia]. Gl. red. O. Ju. Shmidt [In O. Y. Schmidt (eds.)]. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 1926–1947. (In Russ.).

9. Efremova T. F. Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo jazyka: V 3 t. [Modern explanatory Dictionary of the Russian language: In 3 volumes]. Moscow: AST, Astrel', Harvest, 2006. (In Russ.).

10. Ivanov A. A. Genezis ponjatija jeffektivnosti v svete obshhestvenno-jekonomicheskikh transformacij [Genesis of the concept of efficiency in the light of socio-economic transformations]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Jekonomika»* [Bulletin of Omsk University. The series «Economics»]. 2015; (4): 29–37. (In Russ.).

11. Lukashevich N. V. Tezaurusy v zadachah informacionnogo poiska [Thesauruses in the tasks of information retrieval]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2011. P. 221–222. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 06.03.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 08.04.2022.

The article was submitted on 06.03.2022; approved after reviewing on 25.03.2022; accepted for publication on 08.04.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бринк Иван Юрьевич — доктор технических наук, профессор, советник ректората, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Ivan Y. Brink — Doctor of Engineering Sciences, Professor, Advisor to the Rector, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Северина Елена Михайловна — доктор философских наук, профессор, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93

Elena M. Severina — Doctor of Philological Sciences, Professor, Institute of Philology, Journalism, and Intercultural Communication, Southern Federal University.

93 University al., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Бринк И. Ю. — постановка задачи; концепция исследования; написание исходного текста; итоговые выводы.

Северина Е. М. — развитие методологии; семантический анализ терминов; сопоставление терминологии; доработка текста.

Contribution of the authors:

Brink I. Y. — problem statement; research concept; writing the source text; final conclusions.

Severina E. M. — development of methodology; semantic analysis of terms; comparison of terminology; text rework.

Научная статья

УДК 332.02(330.322; 338.49)

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-125-139

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИНВЕСТИРОВАНИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ И СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Вильгельмина Витальевна Глазунова

Институт экономики РАН, Москва, Россия

wilhelminaglazunova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-9487-9807,

WoS Research ID: AGN-6658-2022

Аннотация. *Целью исследования* является определение регионов, наиболее привлекательных с точки зрения инвестиций в развитие их инфраструктуры для обеспечения экономического роста. Решение данной задачи предполагает оценку текущего состояния региона с точки зрения его инвестиционной привлекательности и состояния его инфраструктуры. Чтобы распределить государственные инвестиции, понадобится ранжирование регионов с оценкой потенциальной потребности в ресурсах на развитие инфраструктурных объектов.

Методология представлена кластерным анализом регионов, методом «ближнего» и «дальнего» соседа, медианной связи, ранжированием и сравнительным анализом, общим подходом в рамках теории оценки инвестиций и экономического роста.

Результат исследования состоит в том, что предложена методика ранжирования регионов по инвестиционной динамике для развития инфраструктуры. Методом дендрограмм выявлены группы регионов, обладающие различными величинами инвестиционной привлекательности. Оценке подлежали бюджетные инвестиции, кредитоспособность, инвестиционный риск и потенциал. В ходе систематизации полученных данных были определены различные уровни инвестиционной привлекательности регионов для развития инфраструктуры с выделением их по действующим в России федеральным округам.

Перспектива исследования сводится к инструментализации предложенной методики, включению в неё параметров более широкой оценки объектов инфраструктуры, потенциально принимающих инвестиции. Кроме того, полезно привязать будущие бюджетные решения, предполагающие выделение государственных инвестиций, к представленной процедуре ранжирования регионов.

Ключевые слова: инвестиции, экономический рост, инфраструктура, регионы России, кластерный анализ

Для цитирования: Глазунова В.В. Региональная политика инвестирования инфраструктуры и стимулирования экономического роста // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 125–139. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-125-139>.

Благодарности: статья подготовлена в рамках темы государственного задания Институту экономики РАН, Центру институтов социально-экономического развития «Формирование научно-технологического контура и институциональной модели ускорения экономического роста в Российской Федерации».

Original article

REGIONAL POLICY FOR INVESTING IN INFRASTRUCTURE AND PROMOTING ECONOMIC GROWTH

Wilhelmina V. Glazunova

*Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
wilhelminaglazunova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-9487-9807,
WoS Research ID: AGN-6658-2022*

Abstract. *The purpose of the study is to identify the regions that are the most attractive in terms of investment in the development of their infrastructure to ensure economic growth. The solution of this problem involves assessing the current state of the region in terms of its investment attractiveness and the state of its infrastructure. To distribute public investments, it will be necessary to rank the regions with an assessment of the potential need for resources for the development of infrastructure facilities.*

The methodology is represented by cluster analysis of regions, the method of «near» and «far» neighbors, median connection, ranking and comparative analysis, a general approach within the framework of the theory of investment evaluation and economic growth.

The result of the study is that a methodology has been proposed for ranking regions according to investment dynamics for infrastructure development. Dendrogram method revealed groups of regions with different values of investment attractiveness. Budget investments, creditworthiness, investment risk and potential were subject to assessment. During the systematization of the obtained data, various levels of investment attractiveness of the regions for the development of infrastructure were identified with their allocation by the federal districts operating in Russia.

The perspective of the study is reduced to the instrumentalization of the proposed methodology, the inclusion in it of the parameters of a broader assessment of infrastructure facilities that potentially receive investments. In addition, it is useful to link future budgetary decisions involving the allocation of public investment to the presented procedure for ranking regions.

Keywords: *investment, economic growth, infrastructure, Russian regions, cluster analysis*

For citation: *Glazunova W. V. Regional policy for investing in infrastructure and promoting economic growth // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 125–139. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-125-139>.*

Acknowledgements: *the article was prepared within the framework of the topic of the state assignment to the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, the Center for Institutes of Socio-Economic Development «Formation of a scientific and technological contour and an institutional model for accelerating economic growth in Of the Russian Federation».*

Введение. Центральным направлением регионального развития выступают вложения в инфраструктуру регионов [1; 3; 4]. Экономическая динамика регионов в сильной степени зависима от темпа роста инвестиций

[7]. Для экономики большей части регионов России в 2021 году был характерен рост. Восстановление экономики после «ковидного» кризиса проявилось в росте доходов региональных бюджетов, повышении финансовой

устойчивости регионов (общий профицит региональных бюджетов за 2021 год составил 604,7 млрд. рублей), экономическом росте в производственных отраслях¹. Для строительной отрасли рост в 2021 году составил 106% по отношению к уровню 2020 года².

Отдельно отметим тенденцию роста на рынке инфраструктурного строительства как части общего строительного рынка. Тренд на восстановление в 2021 году затронул рынок инфраструктурных инвестиций. Заключение новых крупных проектов обеспечило приток инвестиций в данной сфере, и общие объемы инвестиций в инфраструктуру в 2021 году увеличились. В таблице 1 приведены данные по финансированию инфраструктурных проектов в 2019–2021 гг.

Интенсивно развивающееся инфраструктурное строительство является неотъемлемым фактором экономического роста, обеспечивая напрямую общий подъем производства во всех сферах. В частности, росту в отраслях промышленного производства, сельского

хозяйства, розничной торговли способствует обеспечение высокого уровня логистики, образования и медицинского обслуживания сотрудников, доступность водоснабжения, теплоснабжения, электроэнергии, связи, создание объектов инфраструктуры, необходимой для производства.

При этом инфраструктурное развитие в транспортной, социальной, коммунальной и транспортной сферах тесно взаимосвязано. Если появляются проблемы в транспортной инфраструктуре, то в результате их влияния возникают осложнения в социальной, телекоммуникационной и энергетической сферах. В то же время проблемы в энергетической сфере влекут за собой трудности для развития телекоммуникационной и коммунальной инфраструктуры. Недостаточность развития телекоммуникационной инфраструктуры сказывается на развитии инфраструктуры во всех отраслях.

В настоящий момент вышеприведенные тенденции восстановления экономики регио-

Таблица 1
Table 1

Динамика инвестиций в инфраструктуру в 2019–2021 гг.³
Dynamics of infrastructure investments in 2019–2021

Вид инвестиций	2019	2020	2021
Государственные инвестиции, трлн руб. (в текущих ценах)	2,1	2,36	2,6
Частные инвестиции, трлн руб. (в текущих ценах)	3,6	3,7	4,4
Общие инвестиции в инфраструктуру, трлн руб.	5,7	6,06	7
Минимальная потребность в инвестициях, трлн руб.	2,6	3	3,4

1 Отчетность по исполнению бюджетов // Федеральное казначейство. Официальный сайт Казначейства России [Электронный ресурс]. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheto/federalnyj-byudzheto/1021/> (дата обращения: 12.03.2022); Экономика регионов в постпандемийный период: выздороветь нельзя умереть [Электронный ресурс] // raexpert.ru. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/economic_regions_2021 (дата обращения: 16.03.2022).

2 Объем работ, выполненный по виду экономической деятельности «Строительство» [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14458> (дата обращения: 17.03.2022); Экономика регионов в постпандемийный период: выздороветь нельзя умереть [Электронный ресурс] // raexpert.ru. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/economic_regions_2021 (дата обращения: 16.03.2022).

3 Составлено автором на основе данных: Объем работ, выполненный по виду экономической деятельности «Строительство» [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14458> (дата обращения: 17.03.2022); Отчетность по исполнению бюджетов // Федеральное казначейство. Официальный сайт Казначейства России [Электронный ресурс]. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheto/federalnyj-byudzheto/1021/> (дата обращения: 12.03.2022); Инфраструктура России: индекс развития 2021 [Электронный ресурс] // infraoneresearch.ru. URL: <https://infraoneresearch.ru/u5usp7/m2r7v0?s1qtyk=1q4qqb> (дата обращения: 15.03.2022); Сколько вкладывали в инфраструктуру в 2021-м [Электронный ресурс] // infraoneresearch.ru. URL: <https://infraoneresearch.ru/fkh2ub/0e6lo1?s1qtyk=1pyhqw> (дата обращения: 14.03.2022).

нов осложняются введением новых санкций против России в условиях обострения геополитической ситуации. Очевидно, что темпы роста экономики регионов в 2022 году снизятся в результате ожидаемого сокращения объемов производства и бюджетных поступлений. В данных условиях восстановление тенденций экономического роста является ключевой задачей, и обеспечение достаточных объемов инвестиций в инфраструктуру является драйвером активных экономических процессов в России.

Административный центр по-прежнему планирует поддерживать регионы и сохраняет общий размер дотаций региональным бюджетам на уровне 1 млрд. рублей⁴. Поддержка государством инфраструктурных проектов для форм ГЧП-контрактов осуществлялась также через трансферты в региональные и муниципальные бюджеты из федерального бюджета. В рамках нового способа поддержки инфраструктурных проектов — инфраструктурного меню, представляющего собой набор мер по развитию социальной транспортной и общегородской инфраструктуры регионов, — планируется выделить 2,4 трлн. рублей до 2030. Среди основных новых мер поддержки инфраструктурного меню можно выделить выпуск инфраструктурных облигаций и выдачу инфраструктурных бюджетных кредитов. Также планируется реструктурировать уже выданные бюджетные кредиты, использовать средства Фонда национального благосостояния и Федерального дорожного фонда для повышения эффективности инфраструктурных проектов⁵.

Очевидно, вкладывая средства в развитие инфраструктуры, инвестор должен выбрать регион с учетом его экономических возможностей и перспектив отдачи на вложенные инвестиции. В данной статье представлены результаты кластерного анализа

регионов России с позиции их инвестиционной привлекательности. Анализ проводился на основе таких факторов, как ожидаемые бюджетные инвестиции в инфраструктуру в 2022 году, доходы и расходы бюджетов регионов на 2022 год, минимальная дополнительная потребность в инвестициях в 2022 году на базе экспертного прогноза⁶. Также на основе экспертных оценок в анализе использовались данные инвестиционного рейтинга регионов за 2020 год, включающего инвестиционный риск и инвестиционный потенциал регионов, индекс кредитоспособности регионов за 2020 год и интегрального индекса инфраструктурного развития регионов на конец 2020 года⁷. Данные экспертные оценки сделаны на основе данных Росстата, отраслевых министерств и ведомств. Целью исследования выступает определение наиболее привлекательных с точки зрения вложений инвестиций в инфраструктуру регионов России для формирования мер государственной инвестиционной и региональной политики развития инфраструктуры. Методологию составляет кластерный анализ и методы ранжирования, сравнительного анализа. Перейдем к выполнению этапов исследования, кратко описав его методологию, затем осуществим формирование региональных кластеров и применение процедуры ранжирования регионов.

1. Методология исследования. Кластерный анализ регионов. Кластерный анализ проведен с применением программного пакета SPSS Statistics. Формирование кластеров регионов осуществлялось по трем методам иерархического распределения: «ближайшего соседа», «дальнего соседа» и «медианной связи» на основе стандартизированных данных с использованием евклидовой метрики расстояний. В результате сравнения и ана-

4 Федеральный закон от 06.12.2021 №390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402647/.

5 Инвестиции в инфраструктуру и ГЧП 2021: аналитический обзор [Электронный ресурс] // АНО «Национальный Центр ГЧП», ВЭБ.РФ. URL: <https://rosinfra.ru/digest/documents/one/investicii-v-infrastrukturu-i-gcp-2021-analiticeskij-obzor> (дата обращения: 16.03.2022); Паспорт ФП «Инфраструктурное меню» [Электронный ресурс] // Минстрой России. Официальный сайт. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/139872/> (дата обращения: 16.03.2022).

6 Инфраструктура России: индекс развития 2021 [Электронный ресурс] // infraoneresearch.ru. URL: <https://infraoneresearch.ru/u5usp7/m2r7v0?s1qtyk=1q4qqb> (дата обращения: 15.03.2022).

7 Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов RAEX за 2020 год [Электронный ресурс] // raex-a.ru. URL: <https://raex-a.ru/ratings/regions/2020> (дата обращения: 14.03.2021).

Таблица 2
Table 2

Нумерация регионов⁸
Numbering of regions

№	Регион	№	Регион	№	Регион
1	Белгородская область	30	Республика Адыгея	59	Курганская область
2	Брянская область	31	Республика Калмыкия	60	Свердловская область
3	Владимирская область	32	Республика Крым	61	Тюменская область
4	Воронежская область	33	Краснодарский край	62	Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
5	Ивановская область	34	Астраханская область	63	Ямало-Ненецкий автономный округ
6	Калужская область	35	Волгоградская область	64	Челябинская область
7	Костромская область	36	Ростовская область	65	Республика Алтай
8	Курская область	37	г. Севастополь	66	Республика Тыва
9	Липецкая область	38	Республика Дагестан	67	Республика Хакасия
10	Московская область	39	Республика Ингушетия	68	Алтайский край
11	Орловская область	40	Кабардино-Балкарская Республика	69	Красноярский край
12	Рязанская область	41	Карачаево-Черкесская Республика	70	Иркутская область
13	Смоленская область	42	Республика Северная Осетия — Алания	71	Кемеровская область
14	Тамбовская область	43	Чеченская Республика	72	Новосибирская область
15	Тверская область	44	Ставропольский край	73	Омская область
16	Тульская область	45	Республика Башкортостан	74	Томская область
17	Ярославская область	46	Республика Марий Эл	75	Республика Бурятия
18	г. Москва	47	Республика Мордовия	76	Республика Саха (Якутия)
19	Республика Карелия	48	Республика Татарстан	77	Забайкальский край
20	Республика Коми	49	Удмуртская Республика	78	Камчатский край
21	Архангельская область	50	Чувашская Республика	79	Приморский край
22	Ненецкий автономный округ	51	Пермский край	80	Хабаровский край
23	Вологодская область	52	Кировская область	81	Амурская область

⁸ Источник: составлено автором

Окончание таблицы 2
 End of table 2

24	Калининградская область	53	Нижегородская область	82	Магаданская область
25	Ленинградская область	54	Оренбургская область	83	Сахалинская область
26	Мурманская область	55	Пензенская область	84	Еврейская автономная область
27	Новгородская область	56	Самарская область	85	Чукотский автономный округ
28	Псковская область	57	Саратовская область		
29	г. Санкт-Петербург	58	Ульяновская область		

лиза результатов, полученных по трем методам кластеризации, были выделены группы (кластеры) регионы с позиции их привлекательности для инвестиций в инфраструктуру.

В таблице 2 приведена нумерация регионов, которая использовалась при построении дендрограмм.

Результат кластерного анализа по методу «ближайшего соседа» приведен на рисунке 1. На рисунке 2 представлена дендрограмма, полученная в результате кластеризации регионов по методу «дальнего соседа», на рисунке 3 — по методу «медианной связи».

По результатам всех трех этапов кластерного анализа валидными оказались все 85 наблюдений, соответствующие 85 анализируемым регионам России. По методу «ближайшего соседа» первоначально 85 регионов рассматривались как 85 элементарных кластеров. Затем на каждом шаге осуществлялось формирование нового агломерата в результате объединения двух кластеров, полученных на предыдущем шаге. Основой для объединения в кластер является принцип минимального расстояния между двумя кластерами, при этом полагается, что расстояние от кластера до него самого равно 0. В остальных случаях осуществлялись схожие процедуры, однако по методу «дальнего соседа» расстояние между кластерами определялось по принципу наибольшего удаления, а по методу «медианной связи» центр объединенного кластера вычислялся как среднее всех объектов.

Далее осуществим кластеризацию по инвестиционной привлекательности регионов для решения задачи развития их инфраструктуры.

2. Формирование региональных кластеров с позиции их инвестиционной привлекательности в целях инфраструктурного развития. Во всех трех случаях кластерного анализа выделяются позиции 18, 10 и 29 как единый кластер, 62. Данные позиции соответствуют регионам: город Москва, Московская область и город Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Самыми высокими показателями обладает Москва: значительно превышают показатели других регионов доходы и расходы бюджета, ожидаемые бюджетные инвестиции в 2022 году, инвестиционный потенциал региона, поэтому Москву можно выделить в отдельный кластер, состоящий из одного региона. Московскую область и Санкт-Петербург можно объединить в один кластер на основе сопоставимых показателей, характеризующих высокую инвестиционную привлекательность в инфраструктуру. Ханты-Мансийский автономный округ обладает значительно более низкими показателями, поэтому его целесообразно отнести к другому кластеру.

На следующем шаге по методу медианной связи выделяются регионы 60 — Свердловская область, 69 — Красноярский край, 48 — Республика Татарстан, 33 — Красно-

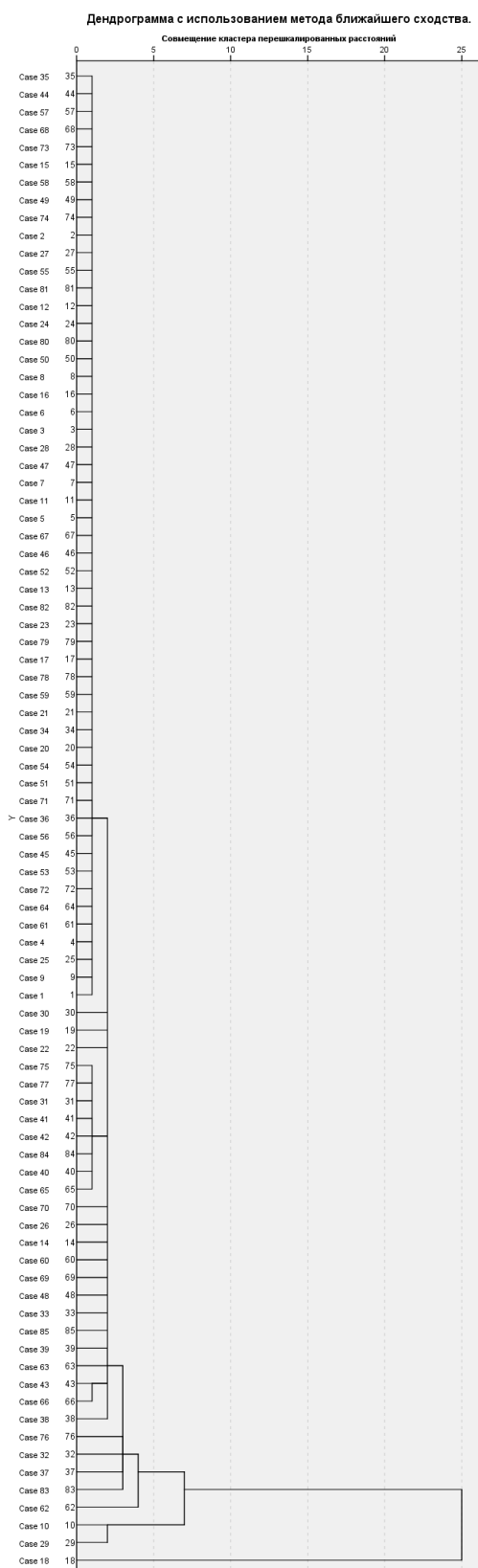

Рис. 1. Дендрограмма кластеризации регионов по методу «ближнего соседа»
Fig. 1. Dendrogram of clustering of regions by the «near neighbor» method

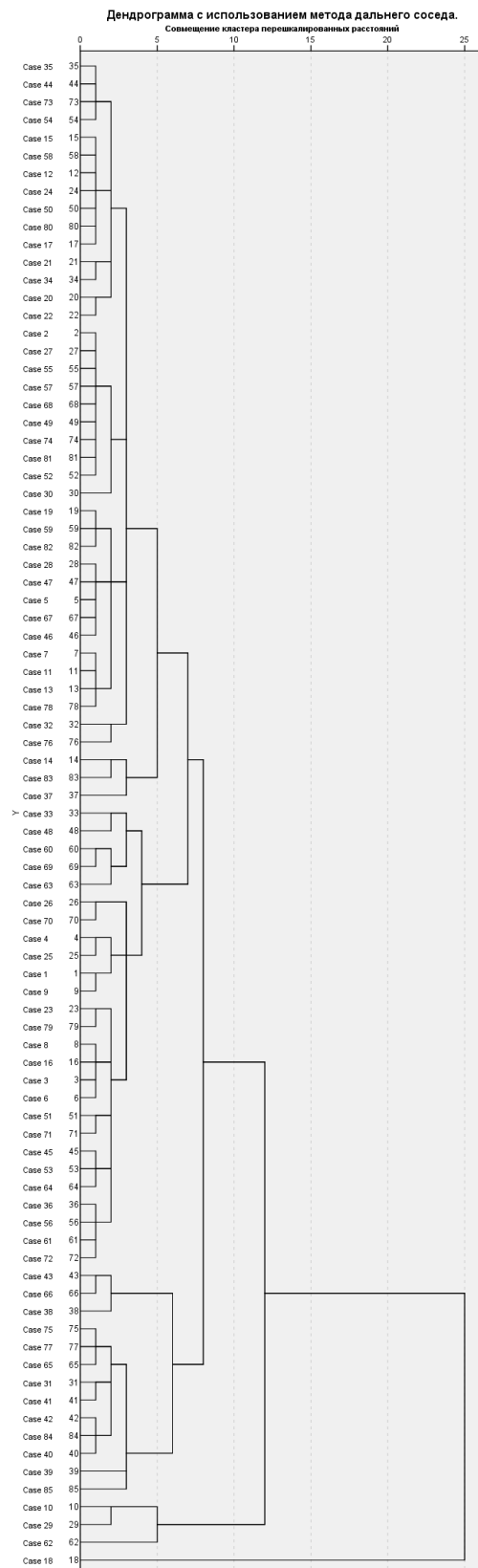

Рис. 2. Дендрограмма кластеризации регионов по методу «дальнего соседа»
Fig. 2. Dendrogram of clustering of regions by the «far neighbor» method

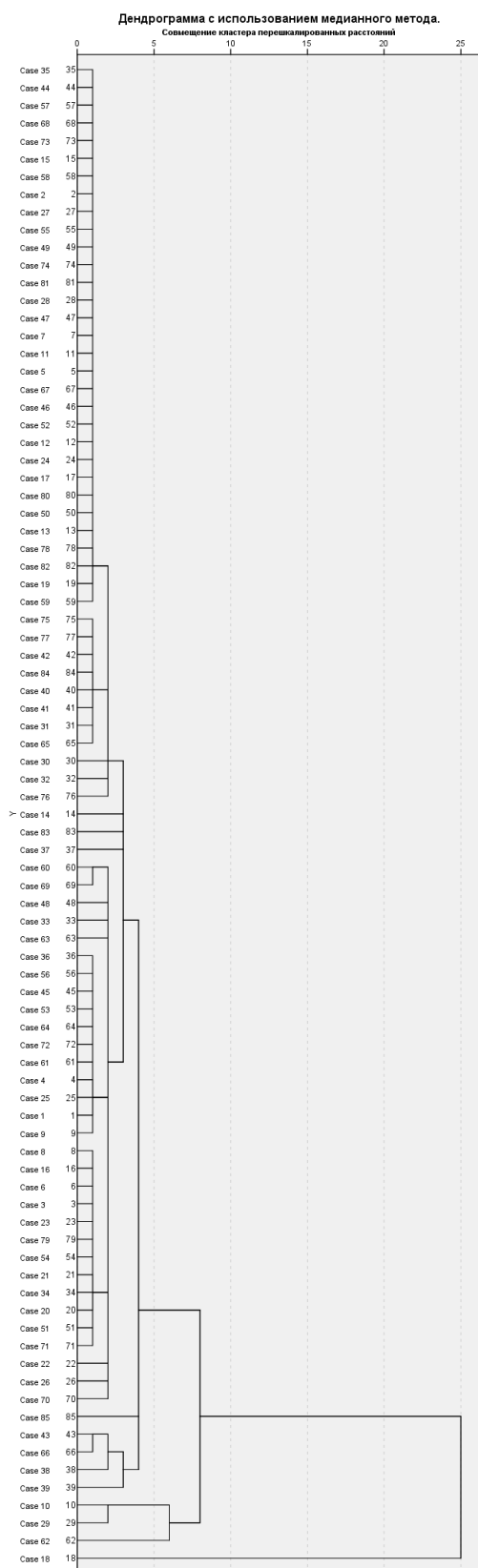

Рис. 3. Дендрограмма кластеризации регионов по методу медианной связи
Fig. 3. Dendrogram of clustering of regions by the method of median connection

дарский край, 63 — Ямало-Ненецкий автономный округ. Регионы обладают высокими показателями ожидаемых бюджетных инвестиций в инфраструктуру в диапазоне 22,4–59,9 млрд. рублей, а также значительными финансовыми возможностями по дополнительным инвестициям в инфраструктуру в диапазоне 97,86–174,95 млрд. рублей. Индекс инфраструктурного развития для данной группы находится в диапазоне 5,69–6,19. Для данных регионов высоки данные по бюджетам регионов, доходы находятся в интервале 247,6–346,4 млрд. рублей, расходы — в интервале 272,7–357,6 млрд. рублей. Инвестиционные риски для регионов данной группы невысокие, находятся в промежутке 0,157–0,245, в то время как инвестиционных потенциал имеет, наоборот, высокие значения в промежутке 1,436–2,905. Для данных регионов индексы кредитоспособности находятся в диапазоне 87,1–98,6. Несмотря на то, что регион 62 — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра по результатам иерархического распределения выделен отдельно, большинство показателей, такие как бюджетные характеристики, ожидаемые бюджетные инвестиции в инфраструктуру, характеристики инвестиционного рейтинга региона, соответствуют значениям показателей данной группы. Основой для программного отделения данного региона стало превышение минимальной дополнительной потребности в инвестициях (257,35 млрд. рублей), более высокое значение интегрального индекса кредитоспособности (6,52) и более низкий индекс кредитоспособности региона (83,5). Тем не менее, на основе анализируемых данных отнесем Ханты-Мансийский автономный округ — Югра к данному кластеру.

Вышеописанные кластеры обладают самыми высокими характеристиками среди регионов РФ для инвестиций в инфраструктуру, поэтому отнесем их к высокому уровню инфраструктурной привлекательности, при этом учтем их градацию на кластеры от самого высокого и по нисходящей: уровни «Высокий 1», «Высокий 2», «Высокий 3».

Перейдем к рассмотрению кластеров регионов, находящихся на среднем уровне инвестиционной привлекательности в инфраструктуру.

Проанализируем далее результаты, полученные на основе метода медианной связи.

В один кластер вошли регионы 36 — Ростовская область, 56 — Самарская область, 45 — Республика Башкортостан, 53 — Нижегородская область, 64 — Челябинская область, 72 — Новосибирская область, 61 — Тюменская область, 4 — Воронежская область, 25 — Ленинградская область, 1 — Белгородская область, 9 — Липецкая область. Для данных регионов характерны достаточно высокие показатели бюджетов, так доходы находятся в диапазоне 75,9–247,7 млрд. рублей, расходы — в диапазоне 85,5–267,7 млрд. рублей. Также индексы инфраструктурного развития для регионов кластера превышают среднее значение 5,55 и находятся в диапазоне 5,73–6,22. При этом регионы нуждаются в относительно высоких дополнительных инвестициях в инфраструктуру в диапазоне от 32,24 до 90,57 млрд. рублей. Регионы кластера обладают показателями ниже среднего инвестиционного риска и достаточно высоким инвестиционным потенциалом.

По аналогии с вышеприведенной градацией назовем данный кластер «Средний 1».

Во отдельный кластер выделяются регионы 8 — Курская область, 16 — Тульская область, 6 — Калужская область, 3 — Владимирская область, 23 — Вологодская область, 79 — Приморский край, 54 — Оренбургская область, 21 — Архангельская область, 34 — Астраханская область, 20 — Республика Коми, 51 — Пермский край, 71 — Кемеровская область. Для данного кластера характерны средние показатели бюджета среди регионов, в том числе доходы в диапазоне 67,6–194,6 млрд. рублей, расходы — в диапазоне 71,4–209,8 млрд. рублей и средние показатели интегрального индекса инфраструктурного развития в диапазоне 5,32–5,85. Также регионы обладают средними показателями инвестиционного риска в диапазоне 0,17–0,33 и средними значениями инвестиционного потенциала в интервале 0,61–1,68. Индекс кредитоспособности для данных регионов удовлетворительный, входит в диапазон 68,9–89,0. Обозначим данный кластер как «Средний 2».

На следующем шаге кластеризации к вышеописанным двум кластерам среднего уровня примыкают регионы 26 — Мур-

манская область и 70 — Иркутская область. Для обоих регионов характерны достаточно высокие показатели бюджета, инвестиционных характеристик, инфраструктурного развития при относительно высоких значениях инвестиционного риска. Большинство характеристик Мурманской области соответствует кластеру «Средний 2», а для Мурманской области больше совпадений с кластером «Средний 1». Добавим регионы в соответствующие кластеры с изменением границ значений показателей.

По методу «медианной связи» и «ближнего соседа» в один кластер выделяются следующие регионы: 35 — Волгоградская область, 44 — Ставропольский край, 57 — Саратовская область, 68 — Алтайский край, 73 — Омская область, 15 — Тверская область, 58 — Ульяновская область, 2 — Брянская область, 27 — Новгородская область, 55 — Пензенская область, 49 — Удмуртская республика, 74 — Томская область, 81 — Амурская область, 28 — Псковская область, 47 — Республика Мордовия, 7 — Костромская область, 11 — Орловская область, 5 — Ивановская область, 67 — Республика Хакасия, 46 — Республика Марий Эл, 52 — Кировская область, 12 — Рязанская область, 24 — Калининградская область, 17 — Ярославская область, 80 — Хабаровский край, 50 — Чувашская Республика, 13 — Смоленская область, 78 — Камчатский край, 82 — Магаданская область, 19 — Республика Карелия, 59 — Курганская область.

Бюджетные инвестиции в группе в 2022 году ожидаются невысокие, в диапазоне 2,7–17,8 млрд. руб., при этом минимальная потребность в инвестициях составляет 13,08–52,32 млрд. руб. Для регионов кластера характерны средние значения интегрального индекса инфраструктурного развития в диапазоне 5,34–5,86. Заметим, что значения интегрального индекса инфраструктурного развития близки, на основании чего можно сделать вывод, что показатель является одной из ключевых характеристик отнесения регионов в данный кластер. Уровень бюджетных доходов регионов данного кластера находится в диапазоне 41,7–144,2 млрд. рублей, расходов — в диапазоне 43,4–153,4, что соответствует уровню немного ниже среднего по стране. Инвестиционный риск для данных регионов средний, находится в диапазоне

0,198–0,33, инвестиционному потенциалу характерны невысокие значения: 0,339–1,145. Регионы из данного кластера обладают средними показателями индекса кредитоспособности в диапазоне 29,7–67,6.

Учитывая принятую градацию, кластер получает название «Средний 3».

В соответствии с классификацией по методу дальнего соседа регионы 32 — Республика Крым и 76 — Республика Саха (Якутия) объединяются между собой на следующем шаге и примыкают к данной группе регионов. Сопоставимость значений наблюдается по следующим показателям: минимальная дополнительная потребность в 2022 году (48,59–53,29 млрд. рублей), инвестиционный риск (0,29–0,33), инвестиционный потенциал (1,003–1,261), индекс кредитоспособности регионов (52,0–68,0). Значительные превышения наблюдаются по бюджетным показателям. Так, доходы бюджета Республики Крым на 2022 год планируются в размере 216,8 млрд. рублей, Республики Саха (Якутия) — 264,5 млрд. рублей, расходы планируются 219,7 млрд. рублей и 267,7 млрд. рублей соответственно. Также ожидаемые бюджетные расходы на инфраструктурное развитие в 2022 году для Республики Крым составляют 79 млрд. рублей, для Республики Саха (Якутия) — 24,6 млрд. рублей, что значительно превышает значения по группе. Значения интегрального индекса инфраструктурного развития (4,81–5,14), наоборот, для данных двух регионов ниже диапазона значений показателя для группы. Тем не менее, не выделяя отдельный кластер, отнесем Республику Крым и Республику Саха (Якутия) к данному кластеру, внося соответствующие изменения в его диапазоны значений.

Регионы 14 — Тамбовская область, 37 — город Севастополь и 83 — Сахалинская область также можно отнести к среднему уровню инвестиционной привлекательности. Отметим, что два региона — город Севастополь и Сахалинская область — не имеют государственного долга, в связи с этим индекс кредитоспособности для данных регионов не рассчитывался. Большинство значений показателей Тамбовской области соотносятся с уровнем «Средний 2», Сахалинской области — с уровнем «Средний 3». Показатели города Севастополя полностью соответствуют

уровню «Средний 3». Таким образом, данные регионы распределяются по соответствующим кластерам с внесением в их граничные значения изменений.

Далее рассмотрим регионы, обладающие наименьшей инфраструктурной привлекательностью. Среди них выделяется два кластера «Низкий 1» и «Низкий 2».

К кластеру «Низкий 1» по методу медианной связи можно отнести регионы под номерами 39 — Республика Ингушетия, 38 — Республика Дагестан, 66 — Республика Тыва, 43 — Чеченская Республика, 85 — Чукотский автономный округ. Эти регионы также объединяются в один кластер на основе двух других методов классификации. Доходы бюджетов регионов на 2022 год запланированы в диапазоне 31,1–170,5 млрд. рублей, расходы — в диапазоне 31,2–182,7 млрд. рублей, планируемые бюджетные инвестиции на инфраструктурное развитие в 2022 году составляют 5,1–22,8 млрд. рублей. Несмотря на то, что основные показатели бюджета и инвестиции в инфраструктуру для некоторых регионов выше, чем в предыдущем кластере, уровень инфраструктурного развития и инвестиционной привлекательности для данного кластера можно охарактеризовать как низкий. Во-первых, в данную группу вошла Республика Дагестан, имеющая самый низкий уровень инфраструктурного развития — 4,03. Это обуславливается географическими особенностями региона, его труднодоступностью, что также характерно и для других регионов группы. Во-вторых, регионы обладают самыми высокими показателями инвестиционного риска 0,437–0,578, а инвестиционный потенциал имеет достаточно низкие значения 0,211–0,963. Индекс кредитоспособности для регионов также низкий: 33,6–45,9.

В кластер «Низкий 2» объединяются регионы 75 — Республика Бурятия, 77 — Забайкальский край, 42 — Республика Северная Осетия — Алания, 84 — Еврейская автономная область, 40 — Кабардино-Балкарская Республика, 41 — Карачаево-Черкесская Республика, 31 — Республика Калмыкия, 65 — Республика Алтай. Данная группа характеризуется самым низким текущим уровнем и слабыми перспективами развития инфраструктуры: ожидаемые бюджетные инвестиции в инфраструктуру в 2022 году для данной

группы очень низкие, находятся в промежутке 0,9–15 млрд. рублей; потребности в инвестициях, необходимых для развития инфраструктуры в регионах, также низкие, находятся в диапазоне 6,82–20,88; интегральному индексу инфраструктурного развития присущи низкие значения — 4,85–5,37. При этом регионы имеют слабую финансовую обеспеченность, доходы по бюджетам составляют 15,8–96,9 млрд. рублей, расходы — 15,7–99,6 млрд. рублей. Инвестиционный риск для данной группы выше среднего, находится в диапазоне 0,377–0,471, и инвестиционный потенциал для данных регионов очень низкий, в интервале 0,185–0,672. Индексу кредитоспособности соответствуют самые низкие значения среди регионов России: 20,9–47,9.

На следующем шаге к данному кластеру примыкает регион 30 — Республика Адыгея. Практические все значения показателей региона сопоставимы с диапазонами значений показателей, полученными в группе. Присоединение данного региона на следующем шаге вызвано незначительными превышениями значений индекса инфраструктурного развития (5,12) и индекса кредитоспособности регионов (55,2). Отклонения в меньшую сторону наблюдаются по значениям минимальной дополнительной потребности в инвестициях на 2022 год (5,68 млрд. рублей) и инвестиционному риску (0,267). Причем Республика Адыгея обладает наименьшей дополнительной потребностью в инвестициях среди регионов страны, что также обуславливает ее отнесение к данному кластеру.

По методу «ближнего соседа» к данному кластеру добавляется регион 22 — Ненецкий автономный округ. Значения большинства показателей, в частности ожидаемых бюджетных инвестиций на 2022 год (5,6 млрд. рублей), минимальной дополнительной потребности в инвестициях в инфраструктуру на 2022 год (20,67 млрд. рублей), доходов (20,6 млрд. рублей) и расходов (22,6 млрд. рублей) бюджета, инвестиционного риска (0,322) и инвестиционного потенциала (0,168), сопоставимы со значениями показателей в группе. Однако показатели интегрального индекса инфраструктурного развития (5,8) и индекса кредитоспособности региона (72,4) выше значений, характерных для группы.

Добавление вышеприведенных регионов к группе приводит к изменению диапазонов значений ряда показателей для этой группы.

Полученные результаты систематизированы в таблицах 3 и 4. В таблицах используются принятые сокращения названий округов: ЦФО — Центральный федеральный округ, СЗФО — Северо-Западный федеральный округ, ЮФО — Южный федеральный округ, ПФО — Приволжский федеральный округ, УФО — уральский федеральный округ, СФО — Сибирский федеральный округ, ДФО — Дальневосточный федеральный округ.

В таблице 3 приведены диапазоны значений показателей с учетом разбивки на кластеры.

Заключение. Подводя итог проведенному анализу, сформулируем основные выводы.

Во-первых, наиболее привлекательными для инвестиций в инфраструктуру являются кластеры высокого уровня, обладающие наивысшими инфраструктурными показателями и значительной финансовой устойчивостью. Инвестирование в развитие инфраструктуры данных групп регионов обусловлено надежностью, перспективностью и высокой отдачей на вложенные средства. Для кластеров среднего уровня инвестиционная привлекательность несколько ниже, повышается риск инвестирования и снижается инвестиционный потенциал, тем не менее, регионы достаточно развиты для успешного осуществления инфраструктурных проектов.

Во-вторых, инвестиции в инфраструктуру регионов низкого уровня весьма рискованны и малоперспективны, что объясняется социально-экономическими и географическими условиями. Тем не менее, задачей государства является повышение их уровня экономического и инфраструктурного развития, и ключевую роль в этом играет обеспечение инвестиционной привлекательности для частных игроков.

В-третьих, из таблицы 4 видно, что только 9 регионов из 85 относятся к высокому уровню инвестиционной привлекательности. Наиболее многочисленным является средний уровень — включает 61 регион, 16 из которых сосредоточены в Центральном федеральном округе, 13 — в Приволжском федеральном округе. Кластеры низкого уров-

Таблица 3
Table 3

Систематизация уровней инвестиционной привлекательности для инфраструктурного развития регионов
Systematization of investment attractiveness levels for infrastructure development of regions

Уровень	Ожидаемые инвестиции в инфраструктуру в 2022 году, млрд. руб.	Минимальная дополнительная потребность в 2022 году, млрд. руб.	Интегральный индекс инфраструктурного развития регионов на конец 2020 года	Бюджет региона на 2022 год, млрд. руб.		Инвестиционный рейтинг региона		Индекс кредитоспо- собности 1/1/2020
				Доход	Расход	Инвестиционный риск 2020	Инвестицион- ный потенциал 2020	
Высокий	22,4–504,2	97,86–307,25	5,69–7,75	247,6–3 261	272,7–3 633	0,127–0,245	1,436–14,868	83,5–100
Высокий 1	504,2	307,25	7,75	3261	3633	0,151	14,868	100
Высокий 2	78,0–84,4	208,43–231,35	6,59–6,81	759,5–890,8	285,5–971,5	0,127–0,208	1,582–6,246	83,5–100
Высокий 3	22,4–59,9	97,86–257,35	5,69–6,52	247,6–346,4	272,7–357,6	0,157–0,245	1,436–2,905	83,5–98,6
Средний	2,7–79	13,08–90,57	4,81–6,27					
Средний 1	9,2–34,5	32,24–90,57	5,73–6,27	75,9–247,7	85,5–267,7	0,137–0,282	0,821–1,876	78,5–98,3
Средний 2	4,3–45,6	20,5–74,24	5,32–6,22	67,6–194,6	71,4–209,8	0,170–0,329	0,606–1,677	68,9–9,0
Средний 3	2,7–79	13,08–53,29	4,81–5,97	41,7–264,5	43,4–267,7	0,169–0,33	0,339–,261	29,7–68,0
Низкий								
Низкий 1	5,1–22,8	7,72–23,05	4,03–6,08	31,1–170,5	31,2–82,7	0,437–0,578	0,211–0,963	33,6–45,9
Низкий 2	0,9–5,0	5,68–20,88	4,85–5,12	15,8–96,9	15,7–9,6	0,267–0,471	0,168–0,672	20,9–72,4

9 Составлено автором

Таблица 4
 Table 4

**Распределение регионов по уровням инвестиционной привлекательности
 для развития инфраструктуры¹⁰**
Distribution of regions by levels of investment attractiveness for infrastructure development

Уровень	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО	ИТОГО
<i>Высокий</i>	2	1	1		1	3	1		9
Высокий 1	1								1
Высокий 2	1	1							2
Высокий 3			1		1	3	1		6
<i>Средний</i>	16	9	5	1	13	3	7	7	61
Средний 1	3	1	1		3	2	2		12
Средний 2	4	4	1		2		1	2	14
Средний 3	9	4	3	1	8	1	4	5	35
<i>Низкий</i>		1	2	6			2	4	15
Низкий 1				3			1	1	5
Низкий 2		1	2	3			1	3	10
ИТОГО	18	11	8	7	14	6	10	11	85

ня инвестиционной привлекательности суммарно включают 15 регионов, большинство из которых сосредоточены в Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральном округах. При этом отметим, что в самый низший кластер входит 10 регионов, образующих весьма значительную группу малоразвитых регионов страны.

Укрупняя данные, можно заключить, что наиболее экономически развитыми и готовыми к дальнейшему инфраструктурному развитию являются Центральный, Северо-Западный, Приволжский и Уральский федеральные округа. Остальные регионы весьма уязвимы, многим характерна финансовая неустойчивость. Поэтому важнейшей задачей в условиях развертывания санкционной войны между Россией, Западными странами и США является не дать регионам снизить свой уровень инвестиционной привлекательности и экономического развития, а сложившиеся внешние условия использовать как возможность для развития собственного производства и увеличения темпов роста экономики. До санкций значимые ограничения региональному развитию вводил «ковидный» кризис [8].

Таким образом, проведенный анализ и применённая методология позволяют заложить основу для государственной региональной политики не только в области инвестиций, но и развития инфраструктуры регионов. Предложенный способ представляет методику, выступающую инструментом для обоснования и принятия решений в области вложений в инфраструктуру, включая бюджетные средства. Важно учитывать наличие институтов развития регионов [5], уровень технологичности [6], эффективность региональных команд управления [2].

Список источников

1. Валентей С.Д. Направления развития региональных экономик в Российской Федерации // Федерализм. 2019. №3. С. 132–148.
2. Глазунова В.В. Результативность регионального управления // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2021. №3. С. 128–141.
3. Куклински Э. Региональное развитие — начало поворотного этапа // Региональное развитие и сотрудничество. 1997. №10. С. 3–8.

¹⁰ Составлено автором

4. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 495 с.

5. Сухарев О.С. Институты регионального развития: концептуально-практический анализ организационных изменений // Экономический анализ: теория и практика. 2012. №4(259). С. 2–12.

6. Сухарев О.С., Ворончихина Е.Н. Типы технологического развития регионов: структура технологий и инвестиций // Инвестиции в России. 2019. №7. С. 24–36.

7. Beran V., Teichmann M., Kuda F., Zdarilova R. Dynamics of Regional Development in Regional and Municipal Economy // Sustainability, MDPI, Open Access Journal. 2020. №12(21). P. 1–18.

8. Martin R. Rebuilding the economy from the Covid crisis: time to rethink regional studies? // Regional Studies, Regional Science. 2021. №8(1). P. 143–161.

References

1. Valentej S.D. Napravlenija razvitija regional'nyh jekonomik v Rossijskoj Federacii [Directions for the development of regional economies in the Russian Federation]. *Federalizm*. 2019; (3): 132–148. (In Russ.).

2. Glazunova V.V. Rezul'tativnost' regional'nogo upravlenija [The effectiveness of regional management]. *Vestnik JuRGTU (NPI) [Bulletin of SRSTU (NPI)]*. 2021; (3): 128–141. (In Russ.).

3. Kuklinski Je. Regional'noe razvitie — nachalo povorotnogo jetapa [Regional development — the beginning of a turning point]. *Regional'noe razvitie i sotrudnichestvo [Regional development and cooperation]*. 1997; (10): 3–8. (In Russ.).

4. Granberg A.G. Osnovy regional'noj jekonomiki [Fundamentals of regional economy]. Moscow: GU VShJe, 2003. 495 p. (In Russ.).

5. Suharev O.S. Instituty regional'nogo razvitija: konceptual'no-prakticheskij analiz organizacionnyh izmenenij [Institutes of Regional Development: Conceptual and Practical Analysis of Organizational Changes]. *Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika [Economic Analysis: Theory and Practice]*. 2012; 4(259): 2–12. (In Russ.).

6. Suharev O.S., Voronchihina E.N. Tipy tehnologicheskogo razvitija regionov: struktura tehnologij i investicij [Types of technological development of regions: structure of technologies and investments]. *Investicii v Rossii [Investments in Russia]*. 2019; (7): 24–36. (In Russ.).

7. Beran V., Teichmann M., Kuda F., Zdarilova R. Dynamics of Regional Development in Regional and Municipal Economy // Sustainability, MDPI, Open Access Journal. 2020. №12(21). P. 1–18.

8. Martin R. Rebuilding the economy from the Covid crisis: time to rethink regional studies? // Regional Studies, Regional Science. 2021. №8(1). P. 143–161.

Статья поступила в редакцию 04.04.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted on 04.04.2022; approved after reviewing on 15.04.2022; accepted for publication on 22.04.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Глазунова Вильгельмина Витальевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН. Область научных интересов: инновации, оценка инновационного потенциала организаций, управление промышленностью, структурный анализ экономических систем, экономическая синергетика, устойчивость экономической динамики.

Россия, г. Москва, Нахимовский пр., 32

Vilhelmina V. Glazunova — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. Research interests: innovations, assessment of innovative potential of organizations, industrial management, structural analysis of economic systems, economic synergy, stability of economic dynamics.

32 Nakhimovsky av., Moscow, Russia

Научная статья

УДК 332.3

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-140-145

ОСОБЕННОСТИ ОБСЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ НА ТЕРРИТОРИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В КОНТЕКСТЕ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАХОТНЫХ ЗЕМЕЛЬ И УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Людмила Георгиевна Долматова

*Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова (филиал),
Донской государственный аграрный университет, Новочеркасск, Россия
dolmatoval1971@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1825-0097, AuthorID РИНЦ: 440744*

Аннотация. *Целью исследования* является анализ эффективности использования земель и урожайности возделываемых культур на основе их дифференцированного размещения с учётом агроэкологического обследования и изучения производительных и территориальных свойств пахотных массивов сельскохозяйственных предприятий.

Методологическую базу исследования представляют базисные положения дифференцированного размещения сельскохозяйственных культур по территории предприятия и улучшение на этой основе экономических показателей производства хозяйствующих субъектов. К используемым научным методам относятся сравнительный, причинно-следственный и статистический анализ.

Результаты исследования. На основе проведённого агроэкологического обследования территории ООО «Быки» и оценке его производительных и территориальных свойств земли была предложена внутрихозяйственная организация территории, включающая организацию полевого севооборота с дифференцированным размещением сельскохозяйственных культур на наиболее пригодных участках. В этом случае очень важно не только исследовать механизм влияния различных факторов на урожайность культур, но и иметь возможность оперативно и энергично на эти факторы воздействовать. При дифференцированном размещении сельскохозяйственных культур достигается более полное использование микроклиматических и почвенных особенностей отдельных участков, что влияет на увеличение урожайности и соответственно прибыли хозяйства.

Перспективы исследования заключаются в развитии направлений дифференцированного размещения сельскохозяйственных культур по наиболее пригодным участкам пахотных земель предприятий с обязательным агроэкологическим обследованием территории и учётом производительных и территориальных свойств земли для обеспечения экологически и экономически устойчивого развития хозяйства.

Ключевые слова: обследование, организация территории, эффективность, мероприятия, развитие, сельскохозяйственные культуры

Для цитирования: Долматова Л.Г. Особенности исследовательских работ на территории сельскохозяйственных предприятий в контексте рационального использования пахотных земель и устойчивого экономического развития // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 140–145. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-140-145>.

Original article

FEATURES OF SURVEY WORK
ON THE TERRITORY OF AGRICULTURAL ENTERPRISES
IN THE CONTEXT OF RATIONAL USE
OF ARABLE LAND AND SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT

Lyudmila G. Dolmatova

*Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch),
Donskoy State Agrarian University, Novocherkassk, Russia
dolmatoval1971@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1825-0097, AuthorID RSCI: 440744*

Abstract. *The purpose of the research is to analyze the efficiency of land use and the yield of cultivated crops based on their differentiated distribution, taking into account the agroecological survey and the study of the productive and territorial properties of arable land of agricultural enterprises.*

The methodological base of the research is represented by the basic provisions of the differentiated distribution of agricultural crops on the territory of the enterprise and the improvement on this basis of the economic indicators of the production of economic entities. The scientific methods used include comparative, causal and statistical analysis.

Research results. *Based on the agroecological survey of the territory of ООО «Byki» and the assessment of its productive and territorial properties of the land, an on-farm organization of the territory was proposed, including the organization of a field crop rotation with a differentiated placement of crops in the most suitable areas. In this case, it is very important not only to study the mechanism of the influence of various factors on crop yields, but also to be able to act quickly and energetically on these factors. With a differentiated placement of crops, a more complete use of the microclimatic and soil characteristics of individual plots is achieved, which affects the increase in productivity and, accordingly, the profit of the farm.*

The prospects for the study *are to develop areas for differentiated placement of crops on the most suitable plots of arable land of enterprises, with a mandatory agro-ecological survey of the territory and taking into account the productive and territorial properties of the land to ensure environmentally and economically sustainable development of the economy.*

Keywords: *survey, territory organization, efficiency, measures, development, crops*

For citation: *Dolmatova L. G. Features of survey work on the territory of agricultural enterprises in the context of rational use of arable land and sustainable economic development // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 140–145. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-140-145>.*

Введение. Опыт землеустроительного проектирования и результаты производственной деятельности передовых сельскохозяйственных предприятий различных форм собственности и хозяйствования показали, что основу экономической эффективности любого хозяйства в перспективе, а также рациональные природоохранные и экологические требования к системе ведения сельскохозяйственного производства и использованию зем-

ли закладывают верные землеустроительные решения. В этой связи при проведении землеустройства должны обязательно выполняться на надлежащем уровне все виды обследовательских работ для того, чтобы избежать ошибок в принятии землеустроительных решений и намечаемом использовании земель.

Важной в этом плане является агроэкологическая оценка состояния территории, которая позволяет перейти от технико-экономи-

ческих принципов организации территории, приводящих к интенсивному использованию земель, к адаптивному, природоохранному землеустройству, ориентированному на сбалансированные эколого-экономические подходы, экологическую безопасность и экономическую целесообразность территориальной организации.

Результаты. На основе проведённого агроэкологического обследования территории ООО «Быки» и оценке его производительных и территориальных свойств земли была предложена внутрихозяйственное обустройство территории, включающее организацию полевого севооборота с дифференцированным размещением сельскохозяйственных культур на наиболее пригодных участках. В этом случае очень важно не только исследовать механизм влияния различных факторов на урожайность культур, но и иметь возможность оперативно и энергично на эти факторы воздействовать. При дифференцированном размещении сельскохозяйственных культур достигается более полное использование микроклиматических и почвенных особенностей отдельных участков, что влияет на увеличение урожайности в пределах 7–10% и соответственно прибыли хозяйства.

Обсуждение. Важной проблемой в современной экономической ситуации является правильное научное обоснование структуры сельскохозяйственного производства в любых формах хозяйствования, опирающееся на прогнозирование стратегических задач, планирование текущей деятельности и учёт расходов и доходов. При этом следует исходить из того, что при всём разнообразии форм организации и методов ведения хозяйства в каждом конкретном случае следует учитывать природно-географическое положение хозяйства [1; 2].

Вместе с тем для успешного функционирования предприятий в условиях многоукладной аграрной экономики необходимо научно обоснованное решение целого комплекса проблем не только на макро-, но и на микроуровне. На уровне предприятия результаты труда зависят от комплексного воздействия природных и экономических факторов. Необходимо учитывать, что эти факторы тесно связаны

между собой и оказывают самое различное влияние на выбор специализации хозяйств, а, следовательно, на объёмы производства, применение тех или иных систем земледелия, землеустройства, мелиорации, структуры посевных площадей и севооборотов, в конечном счёте — на повышение производительности труда и снижение себестоимости [9; 10].

Для примера хотелось бы привести сельскохозяйственное предприятие — общество с ограниченной ответственностью (ООО) «Быки» Верхнедонского района Ростовской области, которое ранее было зарегистрировано как крестьянское (фермерское) хозяйство «Быки» и в настоящее время функционирует как малая форма хозяйствования на праве частной собственности. Данное хозяйство состоит из разрозненных участков в количестве четырнадцати штук, не компактно расположенных по территории, находящихся на землях, прилегающих к кормовым угодьям, государственному лесному фонду и балкам.

Научными исследованиями установлено, что в последние годы процессы деградации почв, в частности снижение запасов гумуса, обеднение питательными веществами, эрозия и переуплотнение, разрушение структуры и ухудшение других агрономически ценных свойств почв, осолонцевание, а также загрязнения их токсикантами, в значительной степени усилились при сельскохозяйственном использовании земель. В этих условиях на землях всех сельских товаропроизводителей в обязательном порядке было проведено комплексное агроэкологическое обследование, которое явилось основой для разработки и внедрения рекомендаций по применению удобрений и повышению плодородия почв, для квалифицированной целенаправленной природоохранной деятельности и стабилизации сельскохозяйственного производства [3–5].

На территории данного хозяйства также было проведено агроэкологическое обследование территории и оценка производительных и территориальных свойств земельных участков. Агроэкологическое обследование показало низкую обеспеченность почв такими необходимыми для нормального роста и развития сельскохозяйственных культур элементами, как подвижные формы фосфора и обменного калия, сера, гумус. Территория данного крестьянского хозяйства характе-

ризуется большой раздробленностью пахотных массивов с распространением на них почвенных комплексов чернозёмов южных среднесиловых и солонцов степных, на которых наблюдается значительное снижение урожайности основных товарных культур хозяйства. Чтобы главе хозяйства не потерять основные источники доходов, необходимо провести дифференцированное размещение сельскохозяйственных культур по отдельным участкам с учётом выделения для наиболее ценных культур земель с наивысшими показателями комплексной оценки [6–8].

На территории хозяйства было выделено три группы земель, пригодных для возделывания сельскохозяйственных культур:

— 1 группа — земли, хорошо пригодные для возделывания всех сельскохозяйственных культур;

— 2 группа — земли, хорошо пригодные для возделывания зерновых, однолетних трав и кукурузы и пригодные для картофеля и многолетних трав;

— 3 группа — земли, средне пригодные для возделывания всех сельскохозяйственных культур хозяйства (размещение культуры на этом поле или рабочем участке допустимо, но высокий урожай получить трудно).

На основе данной группировки была составлена карта пригодности земель хозяйства для возделывания сельскохозяйственных культур, рекомендуемых для данной природно-географической зоны, с учётом природных и агроэкологических особенностей территории, а также конъюнктуры рынка, экономических и экологических факторов.

Заключение. Таким образом, на основе проведённых исследований была предложена рациональная структура посевных площадей и состав культур, дифференцированно размещаемых по полям и рабочим участкам. При таком подходе появляется действенный механизм управления севооборотом, т.е. возможность определить лучшее размещение культур по полям и рабочим участкам, что также обеспечивает практически максимально возможный валовой сбор культур при сложившейся агротехнике. В результате такого размещения была введена дополнительная культура (озимая рожь) как агротехнически однородная озимой пшенице культура и про-

изведена экономическая оценка организации полевого севооборота, в первом случае с классической ротацией сельскохозяйственных культур, во втором — с дифференцированным размещением культур по наиболее пригодным участкам, что показало большую экономическую эффективность мероприятий по второму варианту. Но замена и подбор культуры должны быть индивидуальными, в зависимости от особенностей конкретного предприятия. В любом случае, при правильном дифференцированном размещении сельскохозяйственных культур будет достигнуто более полное использование микроклиматических и почвенных особенностей отдельных участков, а, следовательно, увеличение урожайности и соответственно прибыли хозяйства.

Список источников

1. Бабушкин В.М. Теория и практика мелиорации тёмно-каштановых солонцовых почв Ростовской области. Донской зональный НИИ сельского хозяйства. Новочеркасск: Изд-во «НОК», 2006. 195 с.
2. Волков С.Н. Землеустройство в условиях земельной реформы (экономика, экология, право). М.: Былина, 1998 г. 526 с.
3. Долматова Л.Г. Характеристика экологического состояния земельно-ресурсного потенциала и процессов его деградации // Экономика и экология территориальных образований: науч.-практ. журнал РГСУ. Ростов н/Д, 2015. №2. С. 94–98.
4. Долматова Л.Г. Социо-эколого-экономические аспекты территориального планирования использования и охраны земельных ресурсов: монография. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2012. 260 с.
5. Ермоленко В.П. Научные основы земледелия и растениеводства фермерских хозяйств на Дону / В.П. Ермоленко, В.М. Бабушкин. М.: ИК «Родник», 1999. 208 с.
6. Зональные системы земледелия Ростовской области (на период 2013–2020 гг.): в 3-х ч. Ч. 1 [Электронный ресурс] / Министерство сельского хозяйства и продовольствия Ростовской области. Ростов н/Д, 2012. URL: http://don-agro.ru/FILES/2020/ZONSYSEM/Sistema_zemled_do_2020_1.docx (дата обращения: 20.02.2022).

7. Почвенно-экологические аспекты растениеводства / В.Ф. Вальков, Т.В. Денисова, К.Ш. Казеев и др.; под ред. В.Ф. Валькова. Ростов н/Д: Изд-во ЗАО «Ростиздат», 2007. 391 с.

8. Чешев А.С. Социо-эколого-экономические условия развития и становления землепользования сельскохозяйственных предприятий // Экономика и экология территориальных образований. 2017. №4(3). С. 68–79.

9. Organic agriculture, environment and food security. Environment and Natural Resources [Electronic resource] // Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2002. URL: <https://www.fao.org/3/Y4137E/Y4137E00.htm> (date accessed: 20.02.2022).

10. Bachev H. Sustainability of Farming Enterprise: governance and evaluation [Electronic resource] // Journal of Institute of Agricultural Economics. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/315530441_Sustainability_of_Farming_Enterprise_Governance_and_Evaluation (date accessed: 20.02.2022).

References

1. Babushkin V.M. Teorija i praktika melioracii tjomno-kashtanovyh soloncovyh pochv Rostovskoj oblasti. Donskoj zonal'nyj NII sel'skogo hozjajstva [Theory and practice of reclamation of dark chestnut saline soils of the Rostov region. Don Zonal Research Institute of Agriculture]. Novoчеркасс: Izd-vo «NOK», 2006. 195 p. (In Russ.).

2. Volkov S.N. Zemleustrojstvo v uslovijah zemel'noj reformy (jekonomika, jekologija, pravo) [Land management in the conditions of land reform (economics, ecology, law)]. Moscow: Bylina, 1998 g. 526 p. (In Russ.).

3. Dolmatova L.G. Harakteristika jekologičeskogo sostojanija zemel'no-resursnogo potenciala i processov ego degradacii [Characteristics of the ecological state of the land resource potential and the processes of its degradation]. *Jekonomika i jekologija territorial'nyh obrazovanij: nauch.-prakt. zhurnal RGSU* [Economics and ecology of territorial formations: scientific and practical. the journal of the RSSU]. Rostov-on-Don, 2015; (2): 94–98. (In Russ.).

4. Dolmatova L.G. Socio-jekologo-jekonomicheskie aspekty territorial'nogo planirov-

anija ispol'zovanija i ohrany zemel'nyh resursov: monografija [Socio-ecological-economic aspects of territorial planning of use and protection of land resources: monograph]. Rostov-on-Don: SKNC VSh, 2012. 260 p. (In Russ.).

5. Ermolenko V.P. Nauchnye osnovy zemledelija i rastenievodstva fermerskih hozjajstv na Donu [Scientific foundations of agriculture and crop production of farms on the Don]. V.P. Ermolenko, V.M. Babushkin. Moscow: IK «Rodnik», 1999. 208 p. (In Russ.).

6. Zonal'nye sistemy zemledelija Rostovskoj oblasti (na period 2013–2020 gg.): v 3-h ch. Ch. 1 [Zonal systems of agriculture of the Rostov region (for the period 2013–2020): in 3 parts. Part 1] [Jelektronnyj resurs]. Ministerstvo sel'skogo hozjajstva i prodovol'stvija Rostovskoj oblasti [Ministry of Agriculture and Food of the Rostov region]. Rostov-on-Don, 2012. URL: http://don-agro.ru/FILES/2020/ZONSYSZEM/Sistema_zemled_do_2020_1.docx (data obrashhenija: 20.02.2022) (In Russ.).

7. Pochvenno-jekologičeskie aspekty rastenievodstva [Soil and ecological aspects of crop production]. / V.F. Val'kov, T.V. Denisova, K. Sh. Kazeev et al. Pod red. V.F. Val'kova [In V.F. Valkov (eds.)]. Rostov-on-Don: Izd-vo ZAO «Rostizdat», 2007. 391 p. (In Russ.).

8. Cheshev A.S. Socio-jekologo-jekonomicheskie uslovija razvitija i stanovlenija zemlepol'zovanija sel'skohozjajstvennyh predpriyatij [Socio-ecological and economic conditions of development and formation of land use of agricultural enterprises]. *Jekonomika i jekologija territorial'nyh obrazovanij* [Economics and ecology of territorial entities]. 2017; 4(3): 68–79. (In Russ.).

9. Organic agriculture, environment and food security. Environment and Natural Resources [Electronic resource] // Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2002. URL: <https://www.fao.org/3/Y4137E/Y4137E00.htm> (date accessed: 20.02.2022).

10. Bachev H. Sustainability of Farming Enterprise: governance and evaluation [Electronic resource] // Journal of Institute of Agricultural Economics. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/315530441_Sustainability_of_Farming_Enterprise_Governance_and_Evaluation (date accessed: 20.02.2022).

Статья поступила в редакцию 21.01.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 18.02.2022.

The article was submitted on 21.01.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 18.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Долматова Людмила Георгиевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Землепользование и землеустройство» Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А. К. Кортунова. Специалист в области исследования рационального использования земельных ресурсов и социально-эколого-экономических проблем землепользования в рыночных условиях.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Фрунзе, 3

Lyudmila G. Dolmatova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Chair «Land Management and Land Tenure», Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch), Donskoy State Agrarian University. A specialist in the study of the rational use of land resources and the socio-ecological-economic problems of land use in market conditions.

3 Frunze st., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 338

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-146-153

ИМПЕРАТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

**Виктор Павлович Кузнецов¹, Елена Вадимовна Романовская²,
Наталья Александровна Бакулина³✉**

^{1, 2, 3}**Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина, Нижний Новгород, Россия**

¹**kuznecov-vp@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7849-4720**

²**alenarom@list.ru, ORCID: 0000-0002-8209-1764**

³**bakulinana@st.mininuniver.ru✉, ORCID: 0000-0002-8160-3457, AuthorID РИНЦ: 6090-7435**

Аннотация. Целью статьи является всестороннее исследование производственно-хозяйственной деятельности предприятия. Для достижения поставленной цели нами были разработаны мероприятия по совершенствованию производственно-хозяйственной деятельности предприятия ООО НПП «ПРИМА».

Методология исследования. Методологическую основу и информационную базу исследования составляют статьи, публикации ученых и специалистов в области экономического анализа. В процессе написания статьи используется информация интернет-сайтов компаний, специализирующихся на анализе и планировании производственно-хозяйственной деятельности предприятий, периодическая литература и книги.

Одним из основных методов достижения поставленных целей является факторный анализ. Он позволяет количественно оценить влияние факторов на разные показатели производственно-хозяйственной деятельности.

Результаты. В статье сделан вывод о том, что актуальность и недостаточное решение проблемы совершенствования производственно-хозяйственной деятельности предприятий определили выбор исследования. Практическим результатом исследования является внедрение предложенных мероприятий по совершенствованию производственно-хозяйственной деятельности на исследуемое предприятие. Эффективностью практического использования результатов исследования является увеличение прибыли предприятия.

Перспективы исследования. Проблема эффективности управления предприятием и совершенствование его производственно-хозяйственной деятельности вызывает большой теоретический и практический интерес.

Ключевые слова: производственно-хозяйственная деятельность, совершенствование, предприятие, экономика, производственные процессы

Для цитирования: Кузнецов В.П., Романовская Е.В., Бакулина Н.А. Императивы совершенствования производственно-хозяйственной деятельности предприятия в современных условиях // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 146–153. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-146-153>.

Original article

IMPERATIVES OF IMPROVING THE PRODUCTION AND ECONOMIC ACTIVITY OF THE ENTERPRISE IN MODERN CONDITIONS

Viktor P. Kuznetsov¹, Elena V. Romanovskaya², Natalia A. Bakulina³✉

^{1, 2, 3}Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russia

¹kuznecov-vp@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7849-4720

²alenarom@list.ru, ORCID: 0000-0002-8209-1764

³bakulinana@st.mininuniver.ru✉, ORCID: 0000-0002-8160-3457, AuthorID RSCI: 6090-7435

Abstract. *The purpose of the article is a comprehensive study of the production and economic activities of the enterprise. To achieve this goal, we have developed measures to improve the production and economic activities of the enterprise LLC NPP «PRIMA».*

Research methodology. *The methodological basis and information base of the research are articles, publications of scientists and specialists in the field of economic analysis. In the process of writing the article, information from the websites of companies specializing in the analysis and planning of production and economic activities of enterprises, periodical literature and books are used.*

One of the main methods of achieving the goals is factor analysis. It allows us to quantify the influence of factors on various indicators of production and economic activity.

Results. *The article concludes that the relevance and insufficient solution to the problem of improving the production and economic activities of enterprises determined the choice of research. The practical result of the study is the introduction of proposed measures to improve production and economic activities at the enterprise under study. The effectiveness of the practical use of the research results is an increase in the profit of the enterprise.*

Research prospects. *The problem of the efficiency of enterprise management and the improvement of its production and economic activities is of great both theoretical and practical interest.*

Keywords: *entrepreneurial activity, business plan, enterprise, financial planning, in-house management*

For citation: *Kuznetsov V. P., Romanovskaya E. V., Bakulina N. A. Imperatives of improving the production and economic activity of the enterprise in modern conditions // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 146–153. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-146-153>.*

Введение. Проблема эффективности управления предприятием и совершенствование его производственно-хозяйственной деятельности вызывает большой теоретический и практический интерес.

Под сферой производственно-хозяйственной деятельности понимаются процессы производства, воспроизводства, а также обращения. Процессы производства обеспечивают реализацию задач подготовки производства и освоения реализации других услуг,

техническое обслуживание. К процессам воспроизводства относят работы по обновлению основных фондов, подготовке кадров и техническому перевооружению. Процессы обращения — материально-техническое обслуживание и реализация.

Рыночная экономика ставит ряд важных проблем по совершенствованию теории и методики экономической эффективности производственного предприятия в дальнейшем, раскрытию механизма формирования

эффективности производства, его оценок и критериев. На современном этапе принципы измерения и анализа формирования экономической эффективности рассматриваются с позиции системного подхода. Качественные и количественные приемы анализа лучшим образом сочетаются с прикладными аспектами статистического моделирования экономических показателей.

Современная экономика требует разработки целого ряда вопросов, связанных с изучением отдельных научно-теоретических и практических проблем повышения эффективности производственно-хозяйственной деятельности предприятия.

Объектом исследования является Общество с ограниченной ответственностью Научно-производственное предприятие «ПРИМА», основанное в 1990 году.

Предметом исследования является производственно-хозяйственная деятельность предприятия и ее факторы.

Целью статьи является разработка мероприятий по совершенствованию производственно-хозяйственной деятельности предприятия ООО НПП «ПРИМА».

ООО НПП «ПРИМА» — одно из основных и активно развивающихся предприятий РФ по созданию новой техники для авиационной и наземной аппаратуры радиосвязи.

Методика. Одной из главных задач исследования является не только экономический анализ предприятия, но и разработка мероприятий по его совершенствованию.

В процессе анализа было выявлено, что предприятию необходимо минимизировать потери рабочего времени.

Большие потери рабочего времени возникают из-за того, что разные цеха располагаются в разных районах города.

Рекомендуется построить здание, в котором уместились бы все производственные цеха и отделы [7].

Процесс строительства складывается из нескольких этапов: выбор земельного участка, проектирование здания, получение разрешения на строительство, создание необходимых коммуникаций для эксплуатации здания, регистрация сооружения, введение его в эксплуатацию.

Выделяют несколько требований к земельным участкам, предназначенным для

строительства: расположение участка, территориальное планирование, вид разрешенного использования, изучение государственного кадастра.

Для возведения сооружения недостаточно купить землю, необходимо также получить разрешение на строительство в органах местного самоуправления. Основанием для выдачи такого заявления является письменное заявление собственника.

Получение разрешения — довольно затратное мероприятие, необходимо оплатить экологическую экспертизу (от 60 руб. за 1 кв. м) и услуги организации-посредника, которая организует сбор необходимых документов.

Стоимость экологической экспертизы составляет: $60 \text{ руб.} \times 25000 \text{ кв. м} = 1500000 \text{ руб.}$

Услуги организации, занимающейся сбором документов, — 1550000 руб.

При формировании плана застройки была проведена оценка необходимой площади, выделяемой под производство. Оптимальная площадь здания должна составлять 25000 кв. м.

При строительстве капитального сооружения используются такие материалы, как кирпич и бетон.

Для того чтобы строительство было наименее затратным, необходимо провести анализ поставщиков материала [2].

Основными поставщиками материалов для строительства являются «Ростехсталь», «МетТрансТерминал», «АвиаПромСталь».

Из балльной оценки рейтинга поставщиков можно сделать вывод, что самым оптимальным поставщиком является компания «АвиаПромСталь», которая располагается в Екатеринбурге. Этот поставщик имеет среднюю цену за свой товар высокого качества, также имеется возможность внеплановых поставок.

Следующим шагом при планировании строительства нового здания является поиск подрядчиков.

В ходе оценки строительных компаний были выбраны три лидера: ООО «Золотой лес», «Мистер строй», «Кузнеца Жердева».

Чтобы данный проект окупился в минимальные сроки и приносил прибыль, предлагается продать здания по адресам: г. Нижний Новгород ул. Свободы, 63 и пер. Мотальный, 8. Их стоимость оценивается в 95000000 руб. и 100000000 руб. соответственно.

Половину здания по адресу: г. Нижний Новгород, Сормовское ш., 1Ж необходимо продать за 90000 тыс. руб. Вторую половину будет занимать отдел бухгалтерии, юридический отдел и планово-экономический.

Таким образом, при продаже трех зданий предприятие приобретает 285000000 руб.

Ожидаемая прибыль от реализации данного проекта составляет 5000000 руб. в год. Прибыль достигается за счет снижения затрат на транспортировку, простой оборудования и полной занятости работников, без ожидания изделий с других площадок.

Следовательно, данный проект считается долгосрочным, и его окупаемость произойдет за 4 года. По истечению этого срока предприятие будет стабильно получать прибыль в размере 5000000 руб. в год.

Результаты. Для увеличения конкурентоспособности предприятия предлагается провести разработку и последующее введение нового изделия.

Модель вывода на рынок продукции независимо от ее специализации включает три раздела:

- исследование рынка сбыта;
- наличие ресурсов компании;
- варианты выпуска новой продукции.

При разработке первых комплексов связи на НПП «ПРИМА» применялась уже выпускаемая серийная аппаратура. В настоящее время предприятие выпускает изделия собственной разработки. Ведутся работы по созданию перспективных комплексов связи, в том числе по созданию комплекса связи для беспилотных летательных аппаратов. В дальнейшем планируется создание изделий для применения на объектах ВМФ РФ.

Сотрудниками сектора наземных комплексов воздушной связи было создано изделие МОПД/4С — стационарный модуль обмена по каналам, который в настоящее время принят на вооружение Российскими ВВС [4].

Предлагается начать разработку экспортной модификации данного изделия для поставки за рубеж.

Идеей данного проекта является разработка новой модификации комплекса воздушной связи МОПД/4С с целью увеличения конкурентоспособности и получения большего количества государственных контрактов.

Комплекс МОПД/4С будет представлять собой соединение изделий, уже находящихся в серийном производстве. К таким изделиям относятся: шкаф РСТ, шкаф ОКС, изделие ИБР-3К, консоль оператора, радиостанцию «Прима-НЭ», радиостанцию «Прима-КВ», антенну АШ-12,7П, антенну АШП-1,2П, блок разделения сетей БРС-1, колонку звуковую 1КЗ-8 и т.д. Всего в состав комплекса входит 21 изделие собственного производства [3].

Сертификацией изделия занимается служба сертификации. В задачи Службы входит выполнение работ по сертификации с целью разработки и производства только высококачественной и конкурентоспособной продукции, а также координация деятельности подразделений, реализующих сертификационные требования в конструкции и характеристике изделий.

Служба занимается внедрением на предприятии процедур сертификации изделий, соответствующих правилам органов по сертификации, а также контролирует результаты сертификационных работ и согласование документации [10].

Расчет экономического анализа проекта необходимо возложить на планово-экономический отдел. Одной из главных задач отдела является формирование ценовой политики, создание основных экономических нормативов, разработка цен на продукцию, расчеты по затратам на НИОКР, ОРК, опытных разработок с учетом обеспечения запланированного объема прибыли.

Наземный комплекс воздушной связи МОПД/4СЭ предназначен для работы в составе пункта управления авиацией (командного пункта), для выполнения следующих основных функций:

— обмен открытой речевой информацией (телефонная связь) с экипажами самолетов МиГ-29М/М2;

— обмен данными (телекодовая связь) с бортовыми комплексами самолетов МиГ-29М/М2.

Аппаратура изделия МОПД/4СЭ должна размещаться в отапливаемых (кондиционируемых или вентилируемых) помещениях. Антенные согласующие устройства Б5Б1-ПрП и антенны АШП-1,2П и АШ-12,7П из состава изделия МОПД/4СЭ размещаются на открытой местности, вне помещений [1].

Перед началом реализации проекта необходимо произвести расчет денежных средств на реализацию.

Разработка комплекса связи — 2500000 руб.

Подготовка необходимых сертификатов качества, документов, разработка новой КД — 1500000 руб.

Проведение предварительных испытаний — 1000000 руб.

Таким образом, сумма затрат на производство составляет 5000000 руб.

Практически с момента своего основания НПП «ПРИМА» является активным участником специализированных выставок и конференций, как российских, так и зарубежных. Участие в таких выставочных событиях позволяет сделать шаг навстречу потенциальным заказчикам. Участие очень важно для понимания, на каком уровне находится продукция предприятия по сравнению с отечественными разработками, а также как она выглядит на фоне разработок признанных лидеров в этой области [9].

Основываясь на информации, полученной на выставках, руководство предприятия принимает решения относительно развития новых направлений деятельности компаний, создания новых продуктов, в которых существует потребность на рынке.

После решения руководства предприятия о внедрении новой модификации комплекса связи отдел разработки начинает реализовывать проект, а отдел сертификации — подготавливать все необходимые документы.

Следующим шагом после составления плана и введения новой конструкторской документации является самый важный этап — производство изделия. В этом задействованы все отделы, цеха и подразделения. Связь между ними осуществляется через телефон, почту и личное присутствие.

В процессе производства изделие проходит несколько проверок: проверку сотрудниками ОТК, проверку на специальном оборудовании, проверку на устойчивость к низким и высоким температурам, последней является проверка в ПЗ. После каждой проверки делаются определенные отметки в технологическом паспорте.

После того как изделие изготовлено, оно отправляется на периодические испытания для присвоения литеры [6].

Реклама нового изделия может проходить на специализированных выставках: в Международном авиационно-космическом салоне «Макс», на Международной выставке вертолетной индустрии «HeliRussia», в Международном военно-морском салоне «МВМС», на Международном военно-техническом форуме «Армия».

Следующим этапом реализации плана является заключение договорных отношений с заказчиками и запуск нового изделия в серийное производство.

Очередным пунктом при анализе проекта разработки и выпуска продукции является расчет себестоимости.

Полная себестоимость получается из суммы затрат на производство и расходов на реализацию. Полная себестоимость нового комплекса связи:

$$5000000 \text{ руб.} + 2000000 \text{ руб.} = 7000000 \text{ руб.}$$

Рентабельность — это отношение полученного дохода к себестоимости.

При условии, что стоимость 1 комплекса связи составляет 9000000 руб., рентабельность проекта составляет:

$$9000000 \text{ руб.} / 7000000 \text{ руб.} = 28,57\%$$

Планируется, что в первый год предприятие продаст один комплект комплекса связи, во второй — два, в третий — три.

Обсуждение. Данное совершенствование увеличит конкурентоспособность предприятия и планируемую прибыль, т.к. разрабатываемое изделие уникально и не производится ни в одном другом предприятии.

Для успешного выхода нового изделия на рынок большое значение имеет оценка соответствия параметров и характеристик нового изделия ожиданиям заказчиков. Для этого необходимо проводить маркетинговые исследования, которыми занимается специально созданный отдел маркетинга.

Заключение. Анализ показал, что на предприятии существуют потери времени из-за больших простоев, связанных с расположением цехов производства в разных районах города.

Главной целью предприятия является получение прибыли путем заключения контрактов. Необходимо заключать их как можно больше, а для этого нужно уменьшить брак и наладить рекламную компанию.

Для того чтобы уменьшить себестоимость, предприятию необходимо уменьшить количество брака. Для этого предлагается заменить уже существующее лакокрасочное покрытие на новое.

Затраты на реализацию проекта оцениваются в 306150 тыс. руб. Однако ожидается, что проект окупится через 4 года и будет приносить прибыль в размере 5000 тыс. руб. в год.

Для увеличения конкурентоспособности предприятия и возможности заключения новых государственных и коммерческих заказов предлагается разработать и ввести в производство новую модификацию комплекса связи. Срок окупаемости данной идеи составляет 2 года, при этом ожидаемая прибыль составит более 2 млн. руб. в год, затраты на реализацию — 7000 тыс. руб., стоимость одного изделия — 9000 тыс. руб.

В результате оценки производственно-хозяйственной деятельности предприятия ООО НПП «ПРИМА» был сделан вывод, по которому предложены мероприятия, позволяющие улучшить экономическое и финансовое положение и увеличить прибыль.

Таким образом, задачи, поставленные в исследовании, решены, а цель достигнута.

Список источников

1. Бакулина Н. А., Шабаров А. А., Кузнецов В. П. Сущность организации производства // В сборнике: Промышленное развитие России: проблемы, перспективы. Сборник статей по материалам XVIII Международной научно-практической конференции преподавателей вузов, ученых, специалистов, аспирантов, студентов: в 2-х томах. Мининский университет. 2021. С. 12–15.

2. Ермолович Л. Л. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебное пособие. Минск, 2016. 248 с.

3. Мукогоренко А. В. Учет, аудит источников средств и анализ структуры капитала производственной организации: студенческая научная работа. Севастополь, 2020. 164 с.

4. Немети Л. Стратегии выхода из бизнеса: планирование выхода, опционы, увеличение стоимости бизнеса, управление сделками для владельцев бизнеса. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 272 с.

5. Пасечник А. С., Кузнецов В. П. Анализ проблемы стимулирования труда и мотивации на предприятиях малого предпринимательства // В сборнике: Экономическое развитие России: тенденции, перспективы. Сборник статей по материалам VI Международной студенческой научно-практической конференции преподавателей, ученых, специалистов, аспирантов, студентов: в 2-х томах. Мининский университет. 2020. С. 39–42.

6. Поташник Я. С., Кузнецова С. Н. Состояние и тенденции в инвестиционной и инновационной сферах промышленности Нижегородской области // Научное обозрение: теория и практика. 2018. №4. С. 85–93.

7. Kuznetsova S. N., Kuznetsov V. P., Garina E. P., Romanovskaya E. V., Garin A. P. Business model of contract productions // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Vol. 111. P. 21–29.

8. Potashnik Y. S., Kuznetsov V. P., Garina E. P., Romanovskaya E. V., Andryashina N. S. About the place and role of risk management in the adoption of management decisions at the enterprise // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Vol. 111. P. 3–9.

9. Kuznetsova S. N., Garina E. P., Kuznetsov V. P., Romanovskaya E. V., Andryashina N. S. Industrial parks formation as a tool for development of long-range manufacturing sectors // Journal of Applied Economic Sciences. 2017. Vol. 12. №2(48). P. 391–401.

10. Romanovskaya E. V., Garina E. P., Andryashina N. S., Kuznetsov V. P., Garin A. P. Product creation system in the conditions of high-tech transformation of the economic system // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Vol. 129 LNNS. P. 289–295.

References

1. Bakulina N. A., Shabarov A. A., Kuznetsov V. P. Sushhnost' organizacii proizvodstva [The essence of the organization of production]. V sbornike: Promyshlennoe razvitie Rossii: problemy, perspektivy. Sbornik statej po materialam XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii prepodavatelej vuzov, uchenyh, specialistov, aspirantov, studentov: v 2-h tomah [In the collection: Industrial development of Russia: problems, prospects. Collection of articles based on the materials of the XVIII International Sci-

entific and Practical Conference of university teachers, scientists, specialists, postgraduates, students: in 2 volumes]. Mininskij universitet. 2021. P. 12–15. (In Russ.).

2. Ermolovich L.L. Analiz hozjajstvennoj dejatel'nosti predpriyatija: uchebnoe posobie [Analysis of economic activity of an enterprise: a textbook]. Minsk, 2016. 248 p. (In Russ.).

3. Mukogorenko A.V. Uchet, audit istochnikov sredstv i analiz struktury kapitala proizvodstvennoj organizacii: studencheskaja nauchnaja rabota [Accounting, audit of sources of funds and analysis of the capital structure of a production organization: student scientific work]. Sevastopol', 2020. 164 p. (In Russ.).

4. Nemeti L. Strategii vyhoda iz biznesa: planirovanie vyhoda, opciony, uvelichenie stoimosti biznesa, upravlenie sdelkami dlja vladel'cev biznesa [Exit strategies: exit planning, options, business value increase, transaction management for business owners]. Moscow: Infotropik Media, 2018. 272 p. (In Russ.).

5. Pasechnik A.S., Kuznecov V.P. Analiz problemy stimulirovaniya truda i motivacii na predpriyatiyah malogo predprinimatel'stva [Analysis of the problem of labor stimulation and motivation at small business enterprises]. V sbornike: Jekonomicheskoe razvitie Rossii: tendencii, perspektivy. Sbornik statej po materialam VI Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii prepodavatelej, uchenyh, specialistov, aspirantov, studentov: v 2-h tomah [In the collection: Economic development of Russia: trends, prospects. Collection of articles based on the materials of the VI In-

ternational Student Scientific and Practical Conference of teachers, scientists, specialists, postgraduates, students: in 2 volumes]. Mininskij universitet. 2020. P. 39–42. (In Russ.).

6. Potashnik Ja. S., Kuznecova S.N. Sostojanie i tendencii v investicionnoj i innovacionnoj sferah promyshlennosti Nizhegorodskoj oblasti [The state and trends in the investment and innovation industries of the Nizhny Novgorod region]. *Nauchnoe obozrenie: teorija i praktika* [Scientific review: theory and practice]. 2018; (4): 85–93. (In Russ.).

7. Kuznetsova S.N., Kuznetsov V.P., Garina E.P., Romanovskaya E.V., Garin A.P. Business model of contract productions // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Vol. 111. P. 21–29.

8. Potashnik Y.S., Kuznetsov V.P., Garina E.P., Romanovskaya E.V., Andryashina N.S. About the place and role of risk management in the adoption of management decisions at the enterprise // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Vol. 111. P. 3–9.

9. Kuznetsova S.N., Garina E.P., Kuznetsov V.P., Romanovskaya E.V., Andryashina N.S. Industrial parks formation as a tool for development of long-range manufacturing sectors // Journal of Applied Economic Sciences. 2017. Vol. 12. №2(48). P. 391–401.

10. Romanovskaya E.V., Garina E.P., Andryashina N.S., Kuznetsov V.P., Garin A.P. Product creation system in the conditions of high-tech transformation of the economic system // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Vol. 129 LNNS. P. 289–295.

Статья поступила в редакцию 21.12.2021; одобрена после рецензирования 25.12.2021; принята к публикации 15.01.2022.

The article was submitted on 21.12.2021; approved after reviewing on 25.12.2021; accepted for publication on 15.01.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецов Виктор Павлович — доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика предприятий», Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина.

Россия, г. Нижний Новгород, ул. Челюскинцев, 9

Viktor P. Kuznetsov — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Enterprise Economics, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.

9 Chelyuskintsev st., Nizhny Novgorod, Russia

Романовская Елена Вадимовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика предприятий», Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина.

Россия, г. Нижний Новгород, ул. Челюскинцев, 9

Elena V. Romanovskaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Enterprise Economics, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.

9 Chelyuskintsev st., Nizhny Novgorod, Russia

Бакулина Наталья Александровна — магистрант кафедры «Профессиональное образование и управление образовательными системами», Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина.

Россия, г. Нижний Новгород, ул. Челюскинцев, 9

Natalya A. Bakulina — Undergraduate Student of the Department of Professional Education and Management of Educational Systems, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.

9 Chelyuskintsev st., Nizhny Novgorod, Russia

Вклад авторов:

Кузнецов В. П. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Романовская Е. В. — доработка текста; итоговые выводы.

Бакулина Н. А. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Kuznetsov V. P. — scientific leadership; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Romanovskaya E. V. — revision of the text; final conclusions.

Bakulina N. A. — revision of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 332.1

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-154-162

ВЛИЯНИЕ КЛАСТЕРОВ НА ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Нина Игоревна Марушко¹✉, Михаил Михайлович Куликов²

*^{1, 2}Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия*

¹Ninamaruigor@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0003-3766-9069, AuthorID РИНЦ: 42870035

*²kulikovmichael@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4139-9391, AuthorID РИНЦ: 360563,
AuthorID Scopus: 57209222679*

Аннотация. Целью исследования является выявление перспективы создания кластеров на промышленный комплекс Южного федерального округа.

Методологическую базу исследования составляют статистические данные российских рейтингов промышленного развития регионов, научные статьи и публикации, теоретические труды, практические разработки отечественных и зарубежных ученых, статистические наблюдения и элементы сравнительного анализа. Рассмотрение, изучение и использование данных материалов позволит определить влияние кластеров на промышленный комплекс Южного федерального округа и в дальнейшем спрогнозировать его перспективы.

Результаты исследования. Немаловажным результатом исследования является выявление слабых сторон Южного федерального округа, при этом выяснили, что Ростовская область является лидером среди регионов ЮФО с точки зрения разработки кластерных инициатив. Определили, что промышленные кластеры положительно влияют на социально-экономическую систему округа и на промышленный комплекс в целом.

Перспективой исследования является рассмотрение и выявление влияния кластеров на промышленный комплекс Южного федерального округа, а также определение степени положительного эффекта от кластеризации в целом.

Ключевые слова: промышленный комплекс, промышленный кластер, Южный федеральный округ, кластеризация, региональное развитие

Для цитирования: Марушко Н. И., Куликов М. М. Влияние кластеров на промышленный комплекс Южного федерального округа // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 154–162. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-154-162>.

Original article

INFLUENCE OF CLUSTERS ON THE INDUSTRIAL COMPLEX OF THE SOUTH FEDERAL DISTRICT

Nina I. Marushko¹✉, Mikhail M. Kulikov²

^{1, 2}Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

¹Ninamaruigor@yandex.ru[✉], ORCID: 0000-0003-3766-9069, AuthorID RSCI: 42870035

²kulikovmichael@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4139-9391, AuthorID RSCI: 360563,
AuthorID Scopus: 57209222679

Abstract. *The aim of the study is to identify the prospects for creating clusters in the industrial complex of the Southern Federal District.*

The methodological basis of the study is statistical data of Russian ratings of industrial development of regions, scientific articles and publications, theoretical works, practical developments of domestic and foreign scientists, statistical observations and elements of comparative analysis. Consideration, study and use of these materials will make it possible to determine the influence of clusters on the industrial complex of the Southern Federal District and to predict its prospects in the future.

The results of the study. An important result of the study is the identification of the weaknesses of the Southern Federal District, while it was found that the Rostov Region is the leader among the regions of the Southern Federal District in terms of the development of cluster initiatives. It was determined that industrial clusters have a positive effect on the socio-economic system of the district and on the industrial complex as a whole.

Keywords: industrial complex, industrial cluster, Southern Federal District, clustering, regional development

For citation: Marushko N. I., Kulikov M. M. Influence of clusters on the industrial complex of the South Federal District // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 154–162. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-154-162>.

Введение. На сегодняшний день необходимо формировать кардинально новые формы по организации и управлению региональных хозяйств, а также развивать социально-экономические системы регионального уровня, потому как ни стабильность экономического развития, ни повышение уровня ее функционирования с недавнего времени не в состоянии быть продуктивными при использовании стандартных инструментов и методов. Именно из-за этого в экономике территорий формируются и развиваются новые механизмы экономической интеграции. На данный момент среди самых эффективных форм организации производительных сил выступают экономические и промышленные кластеры.

Кластер в экономике и промышленном производстве — это группа организаций (корпораций или компаний), находящихся на определенной территории, которые производят определенные товары и услуги, а также связаны между собой и взаимодополняют друг друга. Участники кластера всегда со-

средоточены на определенном пространстве и работают скооперировавшись. Кластеры в некой степени отличаются от холдингов, ассоциаций, промышленных агломераций, производственных комплексов, производственных округов и промышленных парков.

Методологическая и эмпирическая база исследования. Основу исследования составили статистические материалы и публикации в периодических изданиях по вопросам кластеризации в промышленности. Детально рассмотрены возможности практического использования кластеров для ускорения инновационных процессов в регионе, увеличения темпов регионального развития [7].

Методологической основой данного исследования является статистический метод и метод обобщения нормативных, научных и практических материалов, которые позволили комплексно подойти к изучению проблематики.

Эмпирическую базу исследования составили данные, размещенные на сайте Федеральной службы государственной статистики.

Кластерное влияние на промышленный комплекс Южного федерального округа. Одним из округов России, стоящих на начальном уровне организации кластеризации, является Южный федеральный округ.

В округ входят 8 субъектов Российской Федерации: Республика Адыгея, Республика Крым, Республика Калмыкия, Краснодарский край, Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область и город Севастополь¹.

Южный федеральный округ имеет перспективные условия для развития хозяйства, а также имеет выгодное экономико-географическое положение:

- непосредственный выход к трем морям, в том числе к Черному и Азовскому, имеющим сообщение с Мировым океаном;

- близкое расположение с наиболее экономически развитыми Центральным федеральным округом и Приволжским федеральным округом.

Однако в результате многолетней эксплуатации нефти и газа округ был истощен и перестал быть богатым полезными ископаемыми.

Округ имеет наилучшие в Российской Федерации условия для выращивания культурных растений, так как обладает самым теплым климатом в стране. Только на территории этого округа возможно возделывать такие культуры, как косточковые, виноград, а на Черноморском побережье — цитрусовые и желтый табак.

Южный федеральный округ — главный район плодоводства (до трети общероссийского производства в наиболее урожайные годы) и единственная в стране зона виноградарства.

Предварительные данные показывают, что в 2020 году в хозяйствах всех категорий России было намолочено 133 млн. тонн зерна в чистом виде, что на 9,8% больше, чем в 2019 году.

В Южном федеральном округе было намолочено около четверти общего объема зерна, а это 32 млн. тонн. Однако урожай зерновых в округе уменьшился на целых 3,9% по сравнению с 2019 годом. Сокращение производства зерна наблюдается в поло-

вине регионов округа из-за сильной засухи в 2020 году.

Обеспечивая около 27% общего объема в стране по производству семян подсолнечника (около 3,6 млн. тонн), ЮФО занимает третье место, уступая Центральному федеральному округу и Приволжскому федеральному округу.

Однако, урожай подсолнечника в ЮФО сократился на 16,9% по отношению к прошлогоднему уровню за счет отрицательной динамики во всех территориях-производителях этой сельхозкультуры, кроме Республики Адыгея.

Российскими сельхозпроизводителями в 2020 году собрано 19,6 млн. тонн картофеля, что на 11,3% ниже уровня прошлого года. Урожай аграриев ЮФО сократился на 3,7% и составил 1,3 млн. тонн. Рост объемов производства картофеля зафиксирован только в Адыгее и Астраханской области.

Южный федеральный округ является лидером по производству овощей — в 2020 году с приростом на 1,6% в округе собрано 4,1 млн. тонн урожая, что составляет порядка 30% российского объема. Положительная динамика отмечается в большинстве регионов округа, за исключением Ростовской области, Республики Крым и г. Севастополя [4].

В первые пять месяцев 2020 года промышленность Южного федерального округа характеризовалась положительным трендом изменения объемов производства, но в последующие месяцы, как и в целом по всей стране, наблюдалось снижение объемов. Из этого последовало, что по итогам января-декабря выпуск промышленной продукции, а также услуг снизился на 1%, по России — на 2,9% к соответствующему периоду 2019 года. Причиной этому является появление по всей стране, как и по всему миру, коронавирусной инфекции, а также засушливость данного года.

На территории данного округа, внутри которого лидером является Ростовская область, уже несколько лет функционирует ряд промышленных и социально-экономических кластеров, функционирующих в сферах сельскохозяйственного машиностроения, произ-

¹ Информация о Южном федеральном округе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 21.09.2021).

водства и переработки продовольственной продукции, сельскохозяйственной промышленности [6]. Рассмотрим некоторые из них.

Ростовская область

1) Инновационно-технологический кластер «Южное созвездие» был создан 29 января 2015 года. Его основной направленностью является промышленность (авиакосмическая отрасль, приборостроение, радиоэлектроника, новые материалы, системы управления, навигации и связи). Участниками кластера являются: ПАО «Таганрогский научно-технический комплекс им. Г.М. Бериева», ПАО «Гранит», ОАО «Азовский оптико-механический завод», ОАО «Алмаз», ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», ОАО «Региональная корпорация развития», ФГБОУ ВО «Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова», ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика» и т.д.²

Отраслевой орган исполнительной власти, курирующий кластер, — министерство промышленности и энергетики Ростовской области [7].

2) Инновационный территориальный кластер «Донские молочные продукты» по производству и переработке молочной продукции в Ростовской области, был создан 19 января 2015 года.

Отраслевая направленность кластера — производство и переработка молочной продукции.

Участники кластера: ЗАО «Кировский конный завод», ООО «Дон-Агро», СПК — колхоз «50 лет Октября», ООО «Южное молоко», ФГБОУ «Донской государственный аграрный университет», ОАО «Региональная корпорация развития».

Отраслевой орган исполнительной власти, курирующий кластер, — министерство сельского хозяйства и продовольствия Ростовской области³.

3) Национальный промышленный кластер сельскохозяйственного машиностроения был создан 25 ноября 2016 года.

Отраслевая направленность кластера — сельскохозяйственное машиностроение.

Участники кластера: ООО «КЗ «Ростсельмаш», АО «Клевер», ООО «Ростовский литейный завод», ООО «Ростовский Прессово-Раскройный завод» ООО «Национальный промышленный кластер сельскохозяйственного машиностроения».

Отраслевой орган исполнительной власти, курирующий кластер, — министерство промышленности и энергетики Ростовской области [5].

Краснодарский край

Промышленный кластер «Кубань». Отраслевая направленность кластера — производство и переработка продовольственной продукции.

Участники кластера: ПАО «Хлеб Кубани», ООО «КЗ Гулькевический», ООО «ЮЖНАЯ СОКОВАЯ КОМПАНИЯ», АО «Анапский хлебокомбинат», ООО «Агроспецмаш», ООО «Тимашевская Соя Продукт», ООО «СЛОЯНКА», ООО НПП «Флореаль», ООО «Прибой», ООО «Завод Рисогромаш», ООО «Первое дело» [5].

Одним из важных региональных проектов является создание и развитие вышеуказанных промышленных кластеров, которые поддерживаются Правительством Краснодарского края и Ростовской области. Данные кластеры включены реестр кластерных инициатив и проектов Краснодарского края и Ростовской области. Правительство оказывает поддержку как в организационных и финансовых вопросах, так и в вопросах формирования кластерных инициатив. Еще одной важной задачей органов власти является воздействие на факторы конкурентоспособности кластера и создании для него надлежащей инфраструктуры. Так, например, Ростовская область и Краснодарский край взаимодополняют друг друга, так как кластеры первого в большинстве своем направлены на создание, модернизацию, оснащение сельхозтехники, второго — на производство и переработку самой сельхозпродукции.

Поэтому формирование и развитие кластерной инициативы в Южном федеральном округе следует рассматривать как инноваци-

2 Инновационно-технологический кластер «Южное созвездие» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yuzhnoe-sozvezdie.ru/> (дата обращения: 20.09.2021).

3 Промышленные кластеры Краснодарского края и Ростовской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://akitrf.ru/press-center/> (дата обращения: 19.09.2021).

онную необходимость для прорыва в развитии экономики любой и каждой территории. Однако следует помнить, что также необходимо реализовать кластерноориентированную политику на определенной территории, что также будет способствовать повышению производственных комплексов и конкурентоспособности. Для выбора наиболее эффективной стратегии развития определенной области или региона необходимо знать слабые и сильные стороны данной территории, обрисовывающие их социально-экономическое состояние. Самой эффективной стратегией считается та, которая наилучшим образом раскрывает и использует потенциал территории, а также усиливает его положение на внешнем и внутреннем рынке. С такой стратегией эффективность кластерной политики в ЮФО будет достигнута в первую очередь в сельском хозяйстве и пищевой промышленности.

Чтобы проанализировать негативное или позитивное влияние на ситуацию в округе, рассмотрим положительные и отрицательные события в таблице 1.

Исходя из анализа сторон округа, можно сформировать следующие направления его развития:

— для максимального использования территориальных кластеров следует обозна-

чить необходимые задачи и приоритеты развития кластеров в системе документооборота стратегического развития;

— для более прозрачного и эффективного информирования потенциальных участников кластерных инициатив о планах и результатах их деятельности следует проработать реестр кластеров;

— воспользоваться в полной мере имеющейся господдержкой;

— участие техническое перевооружение предприятий [3].

Из-за продолжительного снижения мировых цен на энергоресурсы, девальвации рубля, различных экономических санкций в отношении России и, конечно же, ответных мер в адрес западных стран не в лучшую сторону сильно изменились объемы внешней торговли: объемы экспорта и импорта сократились более чем в 1,5 раза, причем в относительном выражении эта тенденция прослеживается намного отчетливее. Также изменения коснулись и структуры внешней торговли.

География размещения кластеров, в которую входят индустриальные парки, технопарки и кластеры, в России крайне неравномерна. Основная их часть приходится на регионы Центрального и Приволжского федеральных округов. Однако в Южном федеральном округе эта тенденция более положительного ха-

Таблица 1
 Table 1

Матрица SWOT-анализа по Южному федеральному округу (разработана авторами)
SWOT analysis matrix for the Southern Federal District (developed by the authors)

<i>Сильные стороны</i>	<i>Слабые стороны</i>
— климатические условия, подходящие для многих сельскохозяйственных культур; — высокое развитие транспортных линий; — подходящие условия для разведения скота и прочей живности; — поддержка администрации в реализации инвестиционных проектов	— нестабильность климатических условий; — нехватка техники у сельхозпредприятий и их высокая степень износа; — трудности при получении кредитов сельхозпроизводителями; — нехватка квалифицированных кадров
<i>Возможности</i>	<i>Угрозы</i>
— развитие туризма; — возможности технического перевооружения предприятий с помощью кредитования; — рост мощностей по производству сельхозпродукции и разведению животноводства	— ухудшение погодных условий; — возможность эпидемиологических заболеваний на фермах; — с недавнего времени усиление очагов коронавирусной инфекции; — нестабильность цен на сельхозпродукцию

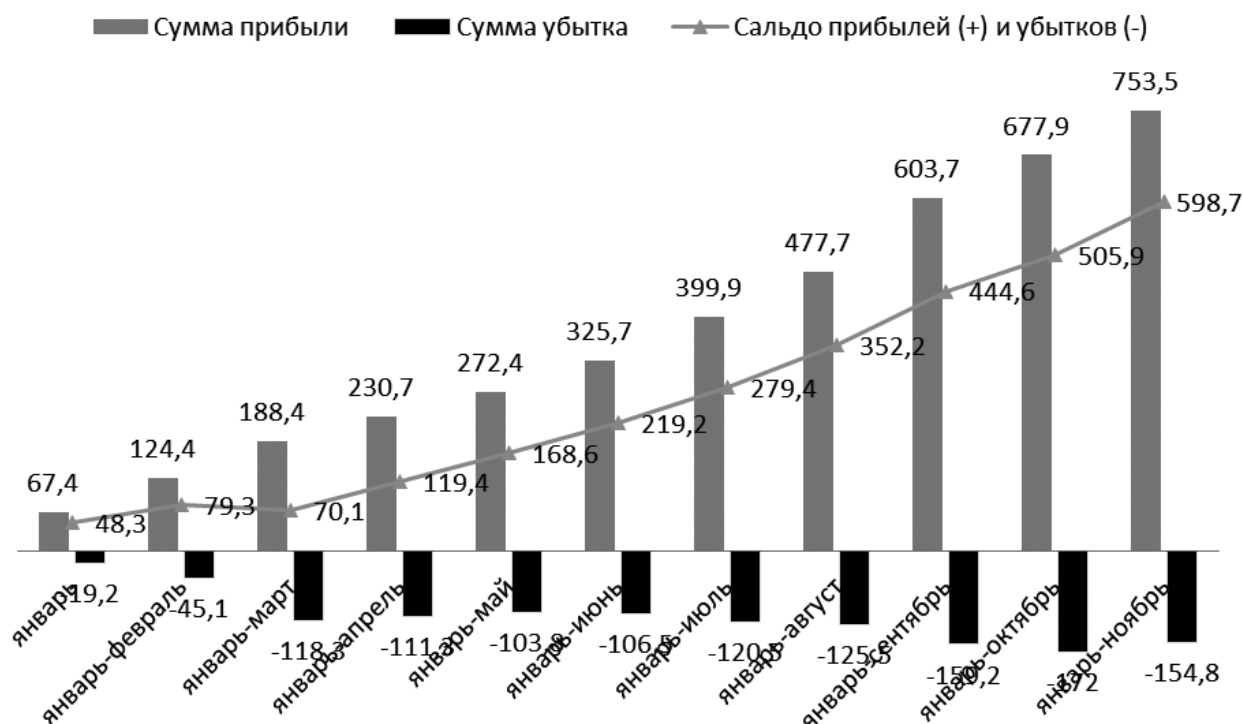

Рис. 1. Финансовые результаты деятельности крупных и средних организаций Южного федерального округа в 2020 году (млрд. рублей) [6]

Fig. 1. Financial results of large and medium-sized organizations of the Southern Federal District in 2020 (billion rubles) [6]

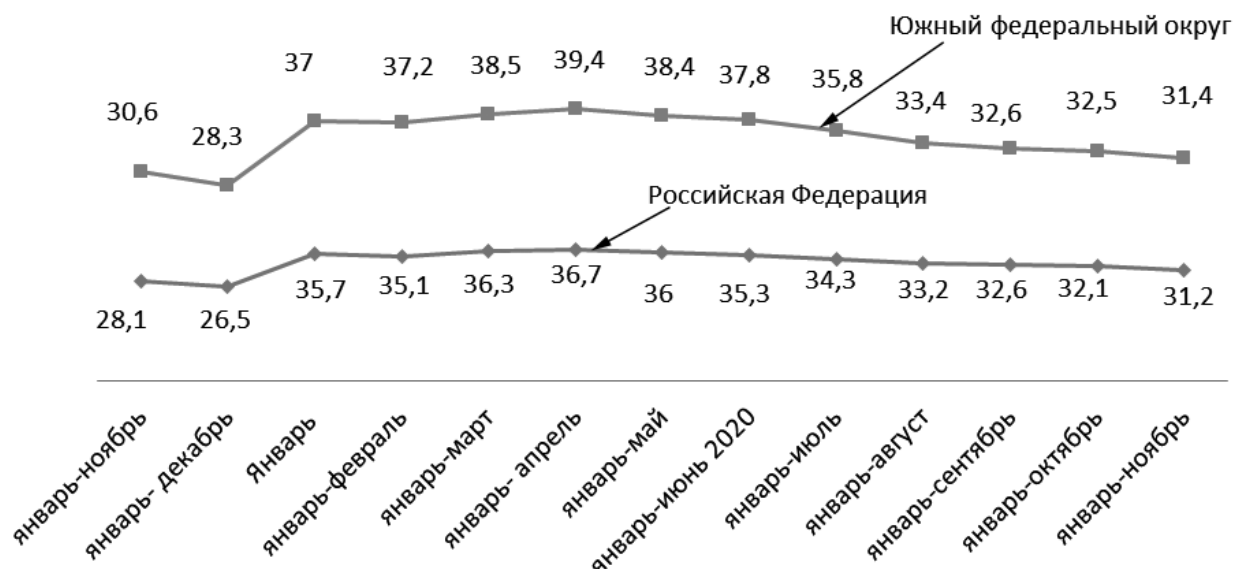

Рис. 2. Динамика доли убыточных крупных и средних организаций (в % к общему числу организаций) [6]

Fig. 2. Dynamics of the share of unprofitable large and medium-sized organizations (in % of the total number of organizations) [6]

рактера, как говорилось раньше, кластерная составляющая Ростовской области дополняет кластерную политику Краснодарского края.

Состояние финансов крупных и средних организаций Южного федерального округа в течение года характеризуется положительным сальдированным финансовым результатом, однако отмечается его сокращение по отношению к соответствующему периоду предыдущего года. По итогам января-ноября 2020 года крупными и средними организациями Южного федерального округа получен положительный финансовый результат деятельности в размере 598,7 млрд. рублей или 97,7% к соответствующему периоду 2019 года (по сопоставимому кругу предприятий), в целом по стране — 68,1% [6].

Соотношение доли прибыльных и убыточных организаций является одним из основных показателей финансовой устойчивости. Наиболее благоприятное соотношение числа прибыльных и убыточных организаций в Южном федеральном округе сложилось в Краснодарском крае и Ростовской области. Доля прибыльных организаций в этих регионах составила более 70%⁴.

Выводы по результатам исследования.

Рассмотрев некоторые кластеры Южного федерального округа и особенности округа в целом, можно сделать вывод, что промышленные кластеры в Южном федеральном округе влияют положительно на экономическую сферу округа, позволяя находиться ему на высоком уровне развития промышленности и сельскохозяйства в рейтинге среди других округов.

Регионы-лидеры, такие как Ростовская область, Краснодарский край и Астраханская область, обладают очевидной устойчивостью динамики основных показателей инновационного потенциала. «Двигателями» экономического роста постепенно становятся традиционные для регионов ЮФО отрасли: машиностроение (сельхозмашиностроение, станкостроение), туризм, текстильная промышленность, агропромышленный комплекс, которые в ряде регионов округа быстро развиваются за счет создания и активного использования кластеров.

Список источников

1. Алетдинова А. А. От прорывных технологий к инновационному развитию агропромышленных кластеров // Инновации и продовольственная безопасность. 2017. №2. С. 7–13.
2. Бобрышев А. Д., Усманова Т. Х., Чекаданова М. В. Методы оценки вариантов формирования инновационного кластера в наукограде // Инновации. 2019. №5 (247). С. 69–79.
3. Гафуров И. Р. Инновационные кластеры и социально-экономическое развитие регионов. Анализ методических подходов. М.: Анкил, 2019. 292 с.
4. Грачев И. Д., Неволин И. В. Инновационная активность и экономический рост // Инновации. 2019. №8. С. 3–8.
5. Донцова О. И. Кластеры как инструмент структурной трансформации экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. №4(42). С. 5–8.
6. Иванова О. П. Оценка устойчивого развития кластеров на территории опережающего социально-экономического развития моногорода // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. №6. С. 988–1004.
7. Кудряшов В. Научно-производственные кластеры в экономике государства: особенности формирования развития // Предпринимательство. 2017. №8. С. 24–38.
8. Лукиных М. И. Признаки кластеров и факторы, определяющие эффективность их функционирования // Финансовая экономика. 2019. №2. С. 196–199.
9. Малыхина М. Е. Организация и планирование инновационной деятельности на предприятии // Результаты современных научных исследований и разработок: сборник статей IX Всероссийской научно-практической конференции (Пенза, 15 апреля 2020 г.). Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2020. С. 38–41.
10. Марабаева Л. В., Горин И. А., Кузнецова Е. Г. Современные подходы к оценке стратегического потенциала территориальных инновационных кластеров // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2018. №1. С. 88–95.

⁴ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

11. Жуковская И. В., Морозов А. В., Шинкевич М. В. Исследовательская парадигма создания промышленного кластера: теория и практика // Микроэкономика. 2019. №3. С. 68–72.

References

1. Aletdinova A. A. Ot proryvnyh tehnologij k innovacionnomu razvitiyu agropromyshlennyh klasterov [From breakthrough technologies to innovative development of agro-industrial clusters]. *Innovacii i prodovol'stvennaja bezopasnost'* [Innovations and food security]. 2017; (2): 7–13. (In Russ.).
2. Bobryshev A. D., Usmanova T. H., Chekadanova M. V. Metody ocenki variantov formirovaniya innovacionnogo klastera v naukograde [Methods for evaluating options for the formation of an innovation cluster in a science city]. *Innovacii* [Innovations]. 2019; 5(247): 69–79. (In Russ.).
3. Gafurov I. R. Innovacionnye klasteri i social'no-jekonomicheskoe razvitie regionov. Analiz metodicheskikh podhodov [Innovative clusters and socio-economic development of regions. Analysis of methodological approaches]. Moscow: Ankil, 2019. 292 p. (In Russ.).
4. Grachev I. D., Nevolin I. V. Innovacionnaja aktivnost' i jekonomicheskij rost [Innovation activity and economic growth]. *Innovacii* [Innovations]. 2019; (8): 3–8. (In Russ.).
5. Doncova O. I. Klasteri kak instrument strukturnoj transformacii jekonomiki [Clusters as a tool for structural transformation of the economy]. *Teorija i praktika servisa: jekonomika, social'naja sfera, tehnologii* [Theory and practice of service: economics, social sphere, technologies]. 2019; 4(42): 5–8. (In Russ.).
6. Ivanova O. P. Ocenka ustojchivogo razvitija klasterov na territorii operezhajushhego social'no-jekonomicheskogo razvitija monogoroda [Assessment of the sustainable development of clusters in the territory of the advancing socio-economic development of a single-industry town]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and security]. 2018; 14(6): 988–1004. (In Russ.).
7. Kudrjashov V. Nauchno-proizvodstvennye klasteri v jekonomike gosudarstva: osobennosti formirovaniya razvitija [Scientific and production clusters in the economy of the state: features of the formation of development]. *Predprinimatel'stvo* [Entrepreneurship]. 2017; (8): 24–38. (In Russ.).
8. Lukinyh M. I. Priznaki klasterov i faktory, opredel'jajushhie jeffektivnost' ih funkcionirovaniya [Signs of clusters and factors that determine the effectiveness of their functioning]. *Finansovaja jekonomika* [Financial Economics]. 2019; (2): 196–199. (In Russ.).
9. Malyhina M. E. Organizacija i planirovanie innovacionnoj dejatel'nosti na predpriyatii [Organization and planning of innovative activity at the enterprise]. *Rezul'taty sovremennyh nauchnyh issledovanij i razrabotok: sbornik statej IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Penza, 15 aprelya 2020 g.)* [Results of modern scientific research and development: collection of articles of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference (Penza, April 15, 2020)]. Penza: «Nauka i Prosveshhenie» (IP Guljaev G. Ju.), 2020. P. 38–41. (In Russ.).
10. Marabaeva L. V., Gorin I. A., Kuznetsova E. G. Sovremennye podhody k ocenke strategicheskogo potenciala territorial'nyh innovacionnyh klasterov [Modern approaches to assessing the strategic potential of territorial innovation clusters]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora jekonomiki* [Fundamental and applied research of the cooperative sector of the economy]. 2018; (1): 88–95. (In Russ.).
11. Zhukovskaja I. V., Morozov A. V., Shinkevich M. V. Issledovatel'skaja paradigma sozdanija promyshlennogo klastera: teorija i praktika [The research paradigm of creating an industrial cluster: theory and practice]. *Mikroekonomika* [Microeconomics]. 2019; (3): 68–72. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 21.01.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 15.02.2022.

The article was submitted on 21.01.2022; approved after reviewing on 25.01.2022; accepted for publication on 15.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марушко Нина Игоревна — студент 3-го курса магистратуры факультета инноватики и организации производства направления подготовки 27.04.05 «Инноватика», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Nina I. Marushko — 3rd year master's student of the Faculty of Innovation and Production Organization of the training direction 27.04.05 «Innovation», Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Куликов Михаил Михайлович — кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Сфера научных интересов — промышленная политика, кластеры в экономике, цифровая трансформация экономики, управление персоналом.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Mikhail M. Kulikov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Research interests — industrial policy, clusters in the economy, digital transformation of the economy, personnel management.

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Марушко Н. И. — обоснование концепции исследования; сбор и систематизация данных; написание исходного текста; проведение исследования; обработка результатов; оформление рукописи; редактирование и переработка текста; итоговые выводы.

Куликов М. М. — научное руководство; концепция исследования; разработка инструментария социологического исследования; развитие методологии; консультирование по определенным вопросам; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Marushko N. I. — substantiation of the research concept; collection and systematization of data; writing of the source text; conducting research; processing of results; preparation of the manuscript; editing and processing of the text; final conclusions.

Kulikov M. M. — scientific guidance; research concept; development of tools for sociological research; development of methodology; consulting on certain issues; revision of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 338.33

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-163-172

ГРУППИРОВКА ПРОДУКТОВ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Никита Евгеньевич Попов¹✉, Александр Николаевич Кузьминов²

*^{1,2}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия*

¹nikitarop@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0002-8538-8328, AuthorID РИНЦ: 2826-9460

²mr.azs@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9400-4285, AuthorID РИНЦ: 672964

Аннотация. Целью исследования является обзор научных подходов к проблеме оптимизации производственного процесса и снижения времени на переналадку оборудования как фактора, повышающего конкурентоспособность продукции и обеспечивающего устойчивое развитие промышленного предприятия.

Методологическую базу исследования представляют общенаучные методы: анализ, обобщение, приемы систематизации и классификации.

Результаты исследования. Сокращение временного отрезка при переходе от производства одного вида продукта к другому имеет решающее значение для удовлетворения спроса потребителей при минимальных затратах. В статье рассмотрено производство металлургической и химической продукции в контексте поиска групп продуктов, имеющих схожесть характеристик, которые позволяют минимизировать затраты на выполнение производственной программы и удовлетворить спрос на данные виды продукции.

Перспективы исследования заключаются в повышении эффективности использования сырьевых составляющих, производственных мощностей и технологического оборудования

Ключевые слова: метаэвристика, комбинаторная оптимизация, производство продукции, производственная программа, клик, граф

Для цитирования: Попов Н.Е., Кузьминов А.Н. Группировка продуктов для оптимизации производственных процессов в условиях промышленных предприятий // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 163–172. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-163-172>.

Original article

GROUPING OF PRODUCTS TO OPTIMIZE PRODUCTION PROCESSES IN INDUSTRIAL ENTERPRISES

Nikita E. Popov¹✉, Alexander N. Kuzminov²

^{1,2}Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

¹*nikitapop@yandex.ru*✉, ORCID: 0000-0002-8538-8328, AuthorID RSCI: 2826-9460

²*mr.azs@mail.ru*, ORCID: 0000-0002-9400-4285, AuthorID RSCI: 672964

Abstract. *The purpose of the study is to review scientific approaches to the problem of optimizing the production process and reducing the time for equipment changeover, as a factor that increases the competitiveness of products and ensures the sustainable development of an industrial enterprise.*

The methodological basis of the research is represented by general scientific methods: analysis, generalization, methods of systematization and classification.

Research results. *Reducing the time interval during the transition from the production of one type of product to another is crucial to meet consumer demand at minimal cost. The article considers the production of metallurgical and chemical products in the context of the search for groups of products with similar characteristics that allow minimizing the costs of implementing the production program and meeting the demand for these types of products.*

The prospects of the study are to increase the efficiency of the use of raw materials, production facilities and technological equipment

Keywords: *metaheuristics, combinatorial optimization, production, production program, click, graph*

For citation: Popov N. E., Kuzminov A. N. Grouping of products to optimize production processes in industrial enterprises // *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences.* 2022; 15(2): 163–172. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-163-172>.

Введение. Эффективное планирование производства представляет интерес для менеджмента в силу усиления конкуренции и роста неопределенности спроса. Снижение затрат имеет решающее значение для увеличения прибыли и обеспечения устойчивого развития предприятия. Первые систематические подходы к планированию производства известны с середины 20-х годов прошлого века. В отечественных и зарубежных исследованиях предполагалось, что временем перенастройки оборудования для выпуска различных изделий можно пренебречь или учесть его во времени производства. Однако разнообразие продуктов, производимых на отдельных предприятиях, увеличивается, а необходимость минимизации времени, затрачиваемого на переналадку оборудования, стала очевидной.

Большой интерес к изучению времени, затрачиваемого на производство продукции и на перенастройку оборудования как отдельных временных рамок технологического процесса, а также влияние на длительность технологического цикла потери времени на переналадку появился в середине 1970-х годов [1].

Решению указанной проблемы посвящены различные исследования (табл. 1).

В представленной статье рассмотрены принципы оптимальной группировки промышленных продуктов в процессе производства различных по своей природе и технологии получения товаров, таких как химическая продукция — полиэфирная ненасыщенная смола и продукты металлургического производства — металлические рулоны.

Например, в процессе производства изделий из металла с проблемами эффективного комплектования партий в операциях периодического отжига на стадии холодной прокатки производства стали сталкиваются большинство крупных металлургических компаний мира. Задача следующая: выбрать стальные рулоны из набора имеющихся, чтобы сформировать партии для отжига в доступных печах и выбрать верную заготовку для каждой печи отжига.

Например, ряд теоретиков представляют состав для литья как набор зарядов, где заряд представляет собой партию расплавленной стали (т.е. преобразованную железную руду) [10]. Загрузки в отливке имеют одинаковые

марки стали и, следовательно, чтобы минимизировать время переналадки (т.е. максимизировать эффективность производства), целесообразно настроить отливки с наибольшим количеством загрузок. Подобный подход включает в себя этап предварительной группировки, который пытается упростить проблему путем определения совместимых заказов (на основе правил перехода по марке стали). Клики находятся в графе совместимости, где грань между двумя порядками представляет их совместимость, которая должна быть упорядочена в одном и том же приведении. Однако этот шаг только пытается идентифицировать клики, а не решить проблему их разделения.

При работе с большим количеством продуктов в условиях, когда решения о планировании должны учитывать зависящие от пос-

ледовательности время переключения режимов и переналадки оборудования, кластеризация или группировка с учетом ключевых атрибутов продукта может значительно снизить размерность матрицы управления [11].

Настройка производственных систем используется для сохранения конкурентоспособности на рынке с изменяющимся спросом на продукцию и возрастающей конкуренцией. Массовая настройка приводит к растущему числу вариантов деталей/продуктов, росту числа операций, последовательность которых может быть использована для группировки аналогичных вариантов, то есть операций со схожими операционными потоками. Варианты могут быть сгруппированы по объемному сходству, чтобы увеличить загрузку машины. Известен комплексный коэффициент по-

Таблица 1
Table 1

Группировка подходов к оптимизации временени технологического цикла
(составлено автором)
Grouping of approaches to optimizing the time of the technological cycle
(compiled by the author)

Авторы	Содержание подхода
Англани А., Грико А. [2]	Использование интеллектуального анализа правил ассоциации для кластеризации заказов. Результаты обеспечивают сравнение производительности для различных проблем между их подходом и ранее существовавшей эвристикой
Фрамимам Дж., Паз П. [3]	Обеспечение максимизации эффективности производственной программы и распределения ресурсов посредством объединения типов продуктов со сходными потребностями в обработке в семействах
Лю Ц., Лин С., Инг К. [4]	Обеспечение эффективного планирования производства посредством алгоритма кластеризации временных рядов и создания семейства продуктов из тысяч наименований
Уддина М., Шанкерб К. [5]	Применение генетических алгоритмов для решения проблемы одновременного назначения технологических маршрутов деталей и машин с целью минимизировать перемещение. При этом рассматриваются несколько маршрутов для каждой детали
Неилвал К., Гупта Д., Шарма С. [6]	Организация производственных ячеек путем объединения продуктов в группы со сходными свойствами
Алахверди А. [7]	Кластеризация потребителей при планировании производства в условиях ограниченных производственных и транспортных возможностей
Мартынов Р. С. [8]	Время переналадки оборудования – фактор, влияющий на объемы незавершенного производства
Казимиров Д. Ю., Исаченко А. С. [9]	Метод кластеризации представлен двухходовым объединением, позволяющим наглядно представить сформировавшиеся кластеры и определить отношения между ними

добыча, который учитывает операции, потоки, объем и является алгоритмом кластеризации с критерием средней связи для создания групп вариантов в производственной среде [12].

Для проектирования на практике используются различные методы, среди которых особое внимание принадлежит технологиям сетевого моделирования. Проблеме разделения кликов посвящено множество исследований. И.А. Бадеха и П.В. Ролдугин определяют задачу разбиения клика на графе с весами ребер. Задача состоит в том, чтобы найти разбиение вершин на непересекающиеся множества таким образом, чтобы эти множества образовывали клики и сумма их веса ребер была максимальной [13].

А.Н. Целых, В.С. Васильев и Л.А. Целых проанализировали кластеризацию вершин полного реберно-взвешенного графа. Цель состояла в том, чтобы максимизировать сумму весов краев в пределах клики. Прикладное применение этого подхода включает группировки в гибких производственных системах, биологии [14] и ценологии [15].

Р.Е. Илларионов определил задачу разделения клика как нахождение минимального количества подмножеств таким образом, чтобы каждое подмножество являлось кликой [16].

Производственные процессы, как правило, состоят из нескольких этапов: добыча или производство сырьевых компонентов, преобразование в промежуточные полуфабрикатные продукты (первичный процесс) и производство товарной продукции (вторичный процесс). Производство полиэфирной продукции является примером такого процесса. Сначала производят сырьевые материалы (малеиновый и фталевые ангидриды, различные виды гликолей, стирол и т.д.). Эти материалы участвуют в промежуточных реакциях при синтезе высоковязкой основы материала. Далее основа растворяется и доводится до необходимых технических показателей. При этом трехфазный процесс характерен не только для производства химической продукции.

В качестве другого примера можно рассмотреть металлургическую промышленность, а именно — производство стальных рулонов. Сначала добывается сырье (руда). Далее из минералов производится сплав, который формуется в слябы. При последующем производственном процессе с помощью

ленточного стана слябы перерабатываются в рулоны холодной прокатки.

Характеристики товарного продукта определяют его стоимость, затраты на производство и распределение в течение жизненного цикла. Это обуславливает определенные сложности и необходимость учета ряда особенностей, характерных для рассматриваемых продуктов химической и металлургической промышленности. При производственном процессе стоимость остановки и повторного запуска основного оборудования высока. Эти затраты включают трудозатраты на настройку и подготовку оборудования для производства продукции с различными характеристиками, затраты на электроэнергию, связанные с перезапуском оборудования, а также увеличения временного цикла технологического процесса.

Таким образом, уменьшение количества переходов от производства одного вида продукции к другому имеет весомое значение при оптимизации себестоимости продукции и способствует решению ряда возможных негативных последствий:

- действия, связанные с подготовкой сложного технологического оборудования связаны с привлечением рабочего персонала. Это увеличивает вероятность получения травм и причин выхода из строя оборудования, обусловленного человеческим фактором;

- управление запасами целесообразно оптимизировать, сократив количество товарной продукции на складе. При этом упрощается контроль за хранением продукции и эффективно используется высвободившееся складское пространство.

Чтобы создать сопоставления промышленных продуктов с товарной продукцией «один ко многим», необходимо сгруппировать продукты на основе набора соответствующих характеристик. Например, при изготовлении стальных рулонов характеристиками могут быть ширина, вес, марка и срок изготовления каждой катушки. При изготовлении полиэфирной продукции целесообразно использовать такие характеристики, как марка, время технологического цикла, физико-механические показатели, наличие отдельных видов гликолей в рецептуре.

В качестве параметра при изготовлении стальных рулонов необходимо рассмотреть ширину каждой катушки. Предположим, что

необходимо изготовить пять типов стальных рулонов шириной 600, 640, 660, 690 и 710 мм. Ленточный стан уменьшает ширину стальной плиты от 15 до 80 мм. Следовательно, стальная плита шириной от 615 до 680 мм необходима для изготовления рулона шириной 600 мм. Для производства четырех других рулонов требуются стальные слябы шириной 655–720, 675–740, 705–770 и 725–790 мм. На рисунке 1 показаны диапазоны стальных слябов, связанных с каждой катушкой.

Диапазоны заготовок могут быть использованы для определения пар «совместимых» стальных катушек. Две стальные катушки совместимы, если их диапазоны перекрываются, т.е. являются общими для обоих. Диапазон перекрытия определяет ширину стальной плиты, необходимую для производства совместимых рулонов. Таким образом, рулоны 1 и 2 совместимы, потому что их диапазон ширины плиты перекрывается. Эти две катушки могут быть изготовлены из слябы шириной от 655 до 680 мм. Кроме того, рулоны 1 и 3 перекрываются и могут быть изготовлены из стальной плиты толщиной от 675 до 680 мм. Аналогичным образом рулоны 2 и 3 перекрываются и могут быть изготовлены из слябы толщиной от 675 до 720 мм. Поскольку рулоны 1, 2 и 3 являются попарно совместимыми, все они могут быть изготовлены из одной стальной плиты с шириной от 675 до 680 мм, что является диапазоном перекрытия всех пар. Ни катушка 4, ни катушка 5 не могут быть добавлены в группу, потому что они не совместимы попарно с ка-

тушкой 1. Однако они совместимы между собой и, следовательно, могут образовывать свою собственную группу. Для изготовления катушек 4 и 5 можно использовать стальную плиту шириной от 725 до 770 мм.

Вместо того чтобы использовать пять различных стальных слябов, для производства пяти катушек нужны только два. Использование двух вместо пяти стальных плит приводит к снижению затрат и другим преимуществам, упомянутым выше. В данном примере рассмотрена только ширина слябы. В реальных условиях парная совместимость должна учитывать и иные характеристики. Хотя с группировкой катушек связаны некоторые преимущества, необходимо проанализировать соотношение между этими преимуществами и дополнительными затратами. Дополнительные расходы связаны с увеличением лома и использованием более высоких марок стали. В нашем примере, если используются взаимозаменяемые стальные слябы, то отходы представляют собой полосу 15 мм независимо от полученного рулона. Это связано с тем, что для рулонов 1–5 будут использоваться стальные плиты размером 615, 655, 675, 705 и 725 мм соответственно. С другой стороны, если используется предложенная выше группировка, то отходы составляют 75, 35 и 15 мм для рулонов 1, 2 и 3 соответственно. Лом для катушек 4 и 5 будет 35 и 15 мм соответственно.

При распределении «один ко многим» стальная плита должна иметь сортность, соответствующую максимальному классу в группе рулонов. Это означает, что некото-

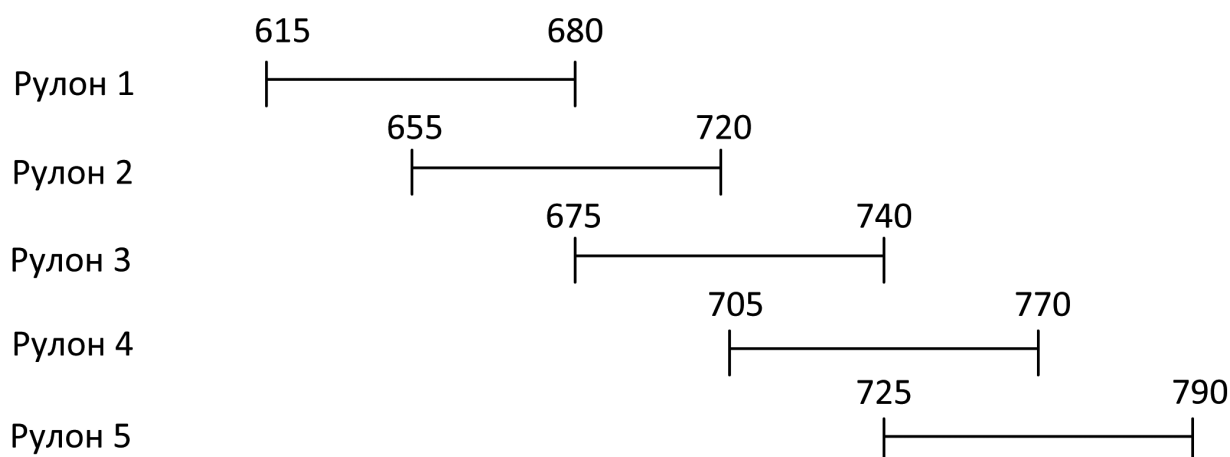

Рис. 1. Диапазон стальных плит для пяти типов рулонов
Fig. 1. Range of steel plates for five types of rolls

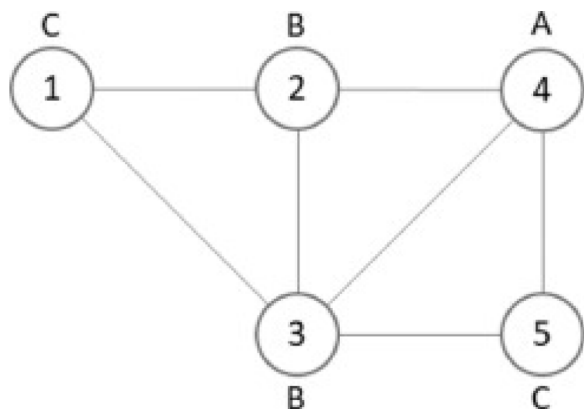

Рис. 2. График совместимости с марками стали
Fig. 2. Graph of compatibility with steel grades

рые из катушек будут иметь марку стали, которая выше, чем требуется. Чтобы проиллюстрировать это, необходимо ввести графическое представление парной совместимости. В частности, рулоны представлены узлами, а парная совместимость представлена ребрами. На рисунке 2 показан набор из пяти рулонов, а их совместимость представлена ребрами, которые их соединяют.

На рисунке 2 буква рядом с узлами обозначает марку стали. Справедливо предположить, что затраты на изготовление различны и составляют 3, 2 и 1 для классов А, В и С соответственно. Следовательно, класс А выше, чем В, а класс В выше, чем С. На рисунке 3 показаны две возможные группы рулонов. Марки стали соответствуют самой высокой марке в группе.

Группировка в левой части рисунка 3 использует три стальных сляба класса В и две плиты класса А. Таким образом, общая стоимость составляет $2 \times 3 + 3 \times 2 = 12$. Для группировки на правой стороне рисунка 3 используются три стальные плиты марки А и две плиты марки В общей стоимостью $3 \times 3 + 2 \times 2 = 13$. Очевидно, что при прочих равных условиях предпочтение будет отдано группировке, обозначенной в левой части рисунка.

Цель производственной программы — изготовление стальных рулонов с минимальными издержками. Стоимость минимизируется путем нахождения наименьшего числа попарно совместимых групп, которая сводится к минимуму благодаря использованию слябов, максимально приближенных к минимальным требованиям. С учетом графика совместимости проблема минимизации изменений (игнорирование затрат, связанных с маркой стали) известна как проблема разделения кликов.

То, что представлено совместимой группой, известно как клик в теории графов. Формально клика графа $G = (V, E)$, где V есть множество вершин в графе и E представляет собой множество ребер, представляет собой подмножество W из V таким образом, что для каждой пары вершин в W существует ребро E . Задача разбиения на клики состоит в том, чтобы найти наименьшее количество кликов в графе, чтобы каждая вершина графа принадлежала только одной клике. Разбиение клика графа G эквивалентно раскраске графа дополнения G' , где каждая вершина (ребро) в G соответствует ребру (вершине) в G' . Раскраска графа относится к проблеме нахождения наименьшего

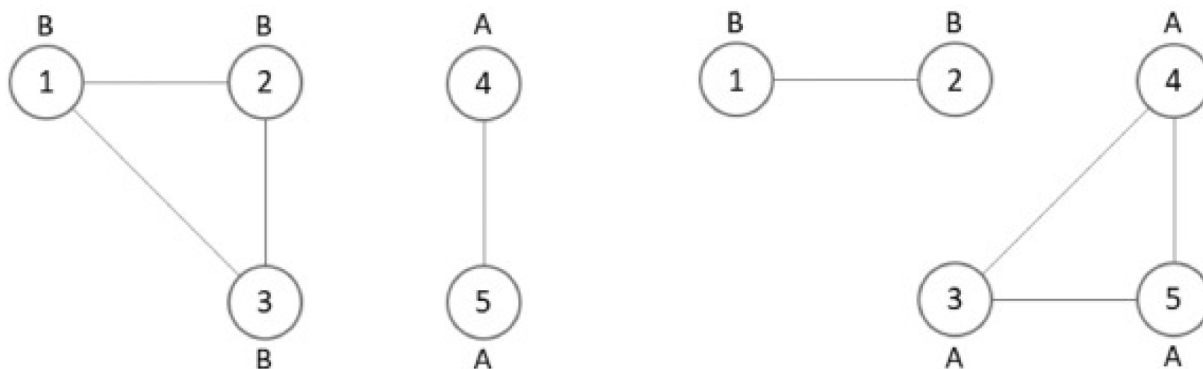

Рис. 3. Две возможные группировки катушек
Fig. 3. Two possible groupings of coils

количества цветов таким образом, что каждой вершине графа назначается цвет. Ни одна пара соединенных вершин не имеет такой же цвет. Проблема разделения клики и стоимость клики, определяемой произведением максимальной стоимости узла и размера клики, в литературе не рассматривалась.

Данный подход упрощает структуру затрат, возникающих в процессе прокатки изделий. В частности, не рассматривается стоимость производства, связанная с увеличением количества рулонов, используемых для выполнения заказов. Стоимость рулона не зависит от веса и ширины заготовки. Стоимость увеличивается с количеством рулонов, поэтому для порядка заданного веса целесообразно сделать рулоны максимально тяжелыми (в пределах допустимого диапазона) и таким образом выполнить заказ с наименьшим количеством рулонов.

Например, существуют два заказа на общую массу 1320 тонн. Заказ А предназначен для катушек в диапазоне от 10 до 12 тонн. За-

каз В — для катушек в диапазоне от 9 до 11 тонн. Если заказы выполняются отдельно, то для минимизации количества витков заказ А будет выполнен с 110 катушками по 12 тонн, а заказ В будет выполнен с 120 катушками по 11 тонн. Вместо этого, чтобы избежать перехода, необходимо сгруппировать заказы и выполнить их, используя катушки по 11 тонн. В этом случае общее количество катушек увеличится на 10, что приведет к увеличению производственных затрат.

На рисунке 4 представлен фронт Парето, который сгенерирован для одного из их набора заказов.

Заключение. В статье рассмотрены различные подходы к проблеме разделения кликов. Предложена модель двухцелевой оптимизации, в которой сгенерирована граница Парето с целью минимизации как количества кликов, так и производственных затрат. Это было сделано с помощью многоцелевого эвристического оптимизационного кода,

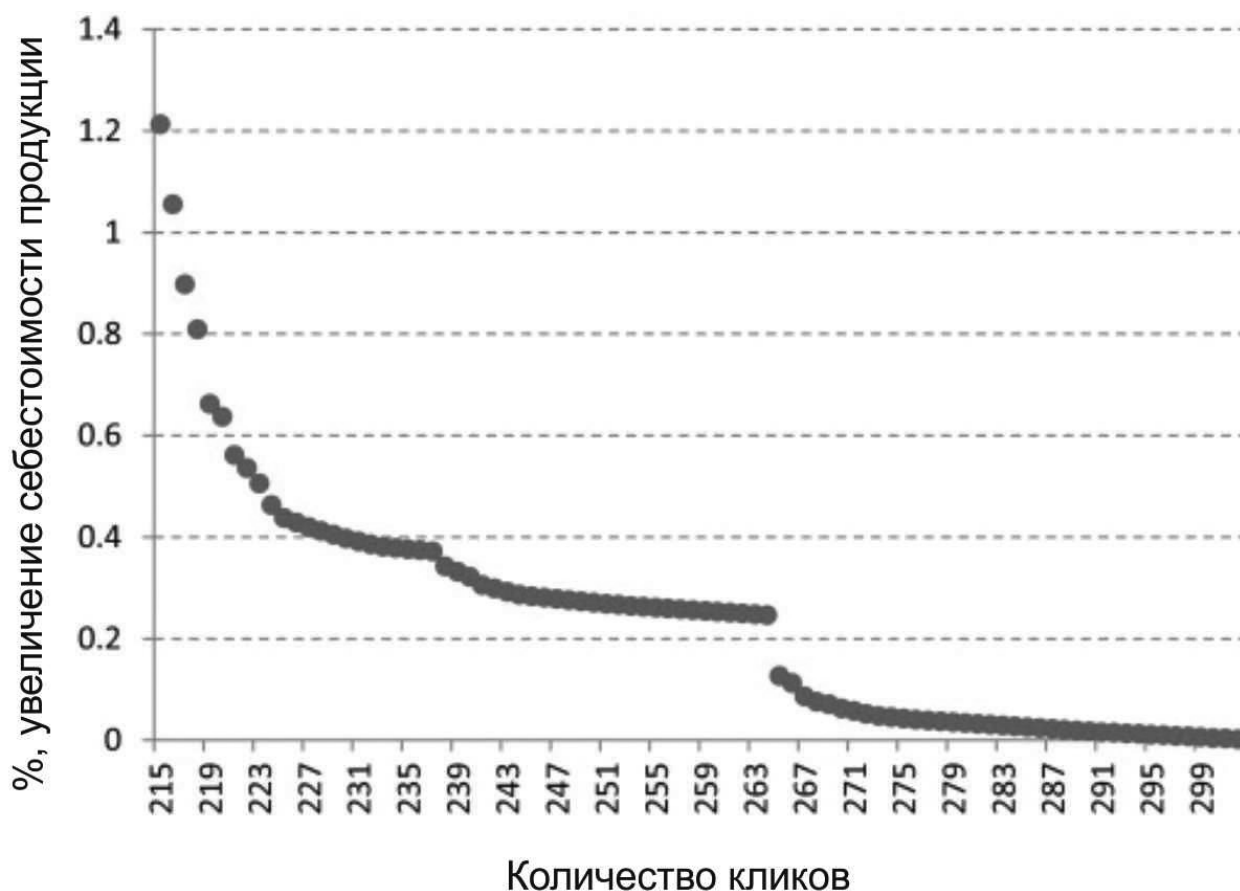

Рис. 4. Аппроксимация фронта Парето для набора заказов
Fig. 4. Approximation of the Pareto front for a set of orders

который адаптирован для производственной задачи. Качество полученного результата целесообразно рассматривать с точки зрения снижения себестоимости производства изделий. Данный подход применим для различных отраслей использования.

Список источников

1. Panwalkar S., Dudek R., Smith M. Sequencing Research and the Industrial Scheduling Problem // Symposium on the Theory of Scheduling and Its Applications, 1973. P. 29–38.

2. Anglani A., Grieco A., Guerriero E., Musmanno R. Robust scheduling of parallel machines with sequence-dependent set-up cost // European Journal of Operational Research. 2005. Vol. 161. P. 704–720.

3. Framimam J., Paz P. The 2-stage assembly flow shop scheduling problem with total completion time: Efficient constructive heuristic and metaheuristic // Computer & Operation Research. 2017. Vol. 12. P. 237–246.

4. Lu C., Lin S., Ying. K. Minimization of total tardiness on unrelated parallel machines with sequence-and machine-dependent setup times under due date constraints // The International Journal of Advanced Manufacturing Technology. 2011. Vol. 53(4). P. 353–361.

5. Uddina M., Shankerb K. Grouping of parts and machines in presence of alternative process routes by genetic algorithm // International Journal of Production Economics. 2002. Vol. 76. P. 219–228.

6. Nailwal K., Gupta D., Sharma S. Fuzzy bi-criteria scheduling on parallel machines involving weighted flow time and maximum tardiness // Cogent Mathematics. 2015. Vol. 2. P. 33–38.

7. Allahverdi A. Third Comprehensive Survey on Scheduling Problems with Setup Times // European Journal of Operational Research. 2015. Vol. 4. P. 345–378.

8. Мартынов Р.С. Сокращение времени переналадки оборудования как фактор повышения эффективности использования материальных ресурсов на предприятии // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. №4(38). С. 87–90.

9. Казимиров Д.Ю., Исаченко А.С. Формирование последовательности запуска

в производство изделий одновременной кластеризацией по технологическим признакам и классам деталей // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2016. №7. С. 24–36.

10. Costa A., Cappadonna F., Fichera S. Minimizing the total completion time on a parallel machine system with tool changes // Computer and Industrial Engineering. 2016. Vol. 91. P. 290–301.

11. Diana R., Souza S., Filho M. A Variable Neighborhood Descent as ILS local search to the minimization of the total weighted tardiness on unrelated parallel 81 machines and sequence dependent setup times // Electronic Notes in Discrete Mathematics. 2018. Vol. 66. P. 191–198.

12. Navaei J., ElMaraghy H. Grouping product variants based on alternate machines for each operation // Procedia CIRP. 2014. №17. P. 61–66.

13. Бадеха И. А., Ролдугин П. В. Построение покрытий рёбер графа кликами // Прикладная дискретная математика. 2009. №1. С. 95–96.

14. Целых А. Н., Васильев В. С., Целых Л. А. Кластеризация ориентированных взвешенных знаков графов на основе функционала потенциальной энергии упругой деформации с использованием когнитивных моделей // Известия ЮФУ. Технические науки. 2018. №3. С. 33–45.

15. Кузьминов А. Н., Ансари М., Яровой Н. А. Ценологический ландшафт устойчивости предприятия // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2018. №4. С. 37–49.

16. Илларионов Р. Е. Двухфазный алгоритм решения задачи о клике для разреженных графов большой размерности // Молодой ученый. 2016. №3. С. 4–8.

References

1. Panwalkar S., Dudek R., Smith M. Sequencing Research and the Industrial Scheduling Problem // Symposium on the Theory of Scheduling and Its Applications, 1973. P. 29–38.

2. Anglani A., Grieco A., Guerriero E., Musmanno R. Robust scheduling of parallel machines with sequence-dependent set-up cost // European Journal of Operational Research. 2005. Vol. 161. P. 704–720.

3. Framimam J., Paz P. The 2-stage assembly flow shop scheduling problem with total completion time: Efficient constructive heuristic and metaheuristic // *Computer & Operation Research*. 2017. Vol. 12. P. 237–246.
4. Lu C., Lin S., Ying. K. Minimization of total tardiness on unrelated parallel machines with sequence-and machine-dependent setup times under due date constraints // *The International Journal of Advanced Manufacturing Technology*. 2011. Vol. 53(4). P. 353–361.
5. Uddina M., Shankerb K. Grouping of parts and machines in presence of alternative process routes by genetic algorithm // *International Journal of Production Economics*. 2002. Vol. 76. P. 219–228.
6. Nailwal K., Gupta D., Sharma S. Fuzzy bi-criteria scheduling on parallel machines involving weighted flow time and maximum tardiness // *Cogent Mathematics*. 2015. Vol. 2. P. 33–38.
7. Allahverdi A. Third Comprehensive Survey on Scheduling Problems with Setup Times // *European Journal of Operational Research*. 2015. Vol. 4. P. 345–378.
8. Martynov R. S. Sokrashhenie vremeni perenaladki oborudovaniya kak faktor povysheniya jeffektivnosti ispol'zovaniya material'nyh resursov na predpriyatii [Reduction of equipment changeover time as a factor of increasing the efficiency of material resources use at the enterprise]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-jekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University]. 2011; 4(38): 87–90. (In Russ.).
9. Kazimirov D. Ju., Isachenko A. S. Formirovanie posledovatel'nosti zapuska v proizvodstvo izdelij odnovremennoj klasterizaciej po tehnologicheskim priznakam i klassam detalej [Formation of the sequence of launching products into production by simultaneous clustering according to technological characteristics and classes of parts]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Technical University]. 2016; (7): 24–36. (In Russ.).
10. Costa A., Cappadonna F., Fichera S. Minimizing the total completion time on a parallel machine system with tool changes // *Computer and Industrial Engineering*. 2016. Vol. 91. P. 290–301.
11. Diana R., Souza S., Filho M. A Variable Neighborhood Descent as ILS local search to the minimization of the total weighted tardiness on unrelated parallel 81 machines and sequence dependent setup times // *Electronic Notes in Discrete Mathematics*. 2018. Vol. 66. P. 191–198.
12. Navaei J., ElMaraghy H. Grouping product variants based on alternate machines for each operation // *Procedia CIRP*. 2014. №17. P. 61–66.
13. Badeha I. A., Roldugin P. V. Postroenie pokrytij rjober grafa klikami [Construction of edge coverings of a graph by cliques]. *Prikladnaja diskretnaja matematika* [Applied discrete mathematics]. 2009; (1): 95–96. (In Russ.).
14. Celyh A. N., Vasil'ev V. S., Celyh L. A. Klasterizacija orientirovannyh vzveshennyh znakov grafov na osnove funkcionala potencial'noj jenergii uprugoj deformacii s ispol'zovaniem kognitivnyh modelej [Clustering of oriented weighted signs of graphs based on the potential energy functional of elastic deformation using cognitive models]. *Izvestija JuFU. Tehnicheskie nauki* [News of the SFU. Technical sciences]. 2018; (3): 33–45. (In Russ.).
15. Kuz'minov A. N., Ansari M., Jarovoj N. A. Cenologicheskij landshaft ustojchivosti predpriyatija [Technological landscape of enterprise sustainability]. *Journal of Economic Regulation (Voprosy regulirovaniya jekonomiki* [Issues of economic regulation]). 2018; (4): 37–49. (In Russ.).
16. Illarionov R. E. Dvuhfaznyj algoritm reshenija zadachi o klike dlja razrezhennyh grafov bol'shoj razmernosti [A two-phase algorithm for solving the clique problem for sparse graphs of large dimension]. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist]. 2016; (3): 4–8. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 21.01.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 15.02.2022.

The article was submitted on 21.01.2022; approved after reviewing on 25.01.2022; accepted for publication on 15.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Попов Никита Евгеньевич — соискатель, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).
Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Nikita E. Popov — Candidate, Rostov State University of Economics (RSUE).
69 B. Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia

Кузьминов Александр Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры «Инновационный менеджмент и предпринимательство» Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), главный научный сотрудник Института развития технологий цифровой экономики.
Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Alexander N. Kuzminov — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Innovation Management and Entrepreneurship of Rostov State University of Economics (RSUE), Chief Researcher at the Institute for the Development of Digital Economy Technologies.
69 B. Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Попов Н. Е. — практическая экспериментальная работа; обработка данных; написание исходного текста; итоговые выводы.

Кузьминов А. Н. — научное руководство; концепция исследования; доработка текста.

Contribution of the authors:

Popov N. E. — practical experimental work; data processing; writing the source text; final conclusions.

Kuzminov A. N. — scientific leadership; research concept; revision of the text.

Научная статья
УДК 338.24 (338.28)
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-173-191

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУКОЙ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Олег Сергеевич Сухарев¹✉, Андрей Владимирович Клыпин²

¹Институт экономики РАН, Москва, Россия

²Московский университет имени С. Ю. Витте, Москва, Россия

¹o_sukharev@list.ru ✉, ORCID: 0000-0002-3436-7703, AuthorID РИНЦ: 446204,
AuthorID Scopus: 56736819100, WoS Research ID: C-3767-2018

²jobs.klypin@gmail.com, ORCID: 0000-0002-5735-0824, AuthorID РИНЦ: 748319,
WoS Research ID: K-3712-2014

Аннотация. Цель работы — исследование проблемы применения подходов в области стратегического управления к развитию науки России на примере майских указов Президента РФ, охватывающих регулирование науки. Проведение анализа мероприятий научной и технологической политики с точки зрения измерения и исполнения целевых приоритетов, заданных в «майских указах» в период 2012–2021 гг.

Методология исследования. В статье используется теория государственного управления и стратегического планирования, подхода в области измерения целевых экономических показателей, описывающих функционирование научной сферы, а также сравнительный и морфологический анализ.

Результат. Применение указанных методов позволяет получить карту изменения целей и задач стратегического управления, обозначенных в майских указах как стратегически ориентированных документов исполнительной власти, ориентирующих все звенья государственного управления на их достижение, в части научного и технического развития Российской Федерации. Эта карта позволяет выявить не только изменение целей, но и конфликт целей, включая и распределение ресурсов на их достижение, а также обозначить набор измерительных проблем по используемым показателям оценки научного и технического развития. Обосновано, что использование отдельных показателей настолько не информативно, что не позволяет точно обозначить цель и адекватно воспринять её достижение, включая список необходимых к решению для этого задач. Это подтверждает некорректное применение так называемого метода проектного управления, предполагающего оценку неудовлетворительной ситуации, её причин с поиском вариантов решения с учётом измеримых и однозначно трактуемых целевых показателей. К числу весьма ущербных параметров можно отнести рейтинги вузов, не применимые к оценке в условиях научной и образовательной конкуренции, особенно с ориентацией на число публикаций и базы индексирования журналов.

Перспектива исследования видится в том, что предлагается новый подход к оценке деятельности вузов по квалификационному и научному продукту, причём с большим весом для первой составляющей, поскольку подготовка кадров выступает основной задачей вузов. Научные направления в вузах могут служить для элиминирования эффекта «мёртвого поля» по А. М. Сергееву, но не подменять работу Российской академии наук, управляемость институтами которой требует восстановления и оценки их труда по «научному продукту».

Ключевые слова: стратегическое управление, наука, НИОКР, стратегия научно-технологического развития, майские указы Президента РФ, цели и задачи развития науки, рейтинги университетов, институциональные коррекции, публикационная активность, заработная плата учёного

Для цитирования: Сухарев О.С., Клыпин А.В. Стратегическое управление наукой в России: проблемы и перспективы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 173–191. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-173-191>.

Благодарности: статья подготовлена в рамках темы государственного задания Институту экономики РАН, Центру институтов социально-экономического развития «Формирование научно-технологического контура и институциональной модели ускорения экономического роста в Российской Федерации».

Original article

STRATEGIC GOVERNANCE OF SCIENCE IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS

Oleg S. Sukharev¹✉, Andrey V. Klypin²

¹*Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

²*Moscow University named after S. Yu. Witte, Moscow, Russia*

¹*o_sukharev@list.ru*✉, ORCID: 0000-0002-3436-7703, AuthorID RSCI: 446204,
AuthorID Scopus: 56736819100, WoS Research ID: C-3767-2018

²*jobs.klypin@gmail.com*, ORCID: 0000-0002-5735-0824, AuthorID RSCI: 748319,
WoS Research ID: K-3712-2014

Abstract. Objective. Study of the problem of applying approaches in the field of strategic management to the development of science in Russia on the example of the May decrees of the President of the Russian Federation, covering the regulation of science. Analyze the activities of scientific and technological policy in terms of measuring and implementing the target priorities set in the «May decrees» in the period 2012–2021.

Research methodology. The article uses the theory of public administration and strategic planning, an approach to measuring target economic indicators that describe the functioning of the scientific sphere, as well as comparative and morphological analysis.

Result. The use of these methods makes it possible to obtain a map of changes in the goals and objectives of strategic management, indicated in the May decrees as strategically oriented documents of the executive power, orienting all levels of government towards their achievement, in terms of the scientific and technical development of the Russian Federation. This map makes it possible to identify not only the change in goals, but also the conflict of goals, including the allocation of resources for their achievement, as well as designate a set of measuring problems according to the indicators used to assess scientific and technical development. It has been substantiated that the use of individual indicators is so not informative that it does not allow to accurately designate the goal and adequately perceive its achievement, including the list of tasks necessary for solving it. This confirms the incorrect application of the so-called project management method, which involves the assessment of

an unsatisfactory situation, its causes from the search for solutions, taking into account measurable and unambiguously interpreted target indicators. Rankings of universities that are not applicable to assessments in conditions of scientific and educational competition, especially with a focus on the number of publications and the indexing base of journals, can be attributed to the number of very flawed parameters.

Perspective. *It seems that a new approach to assessing the activities of universities in terms of qualification and scientific products is proposed, and with greater weight for the first component, since personnel training is the main task of universities. Scientific directions in universities can serve to eliminate the «dead field» effect according to A. M. Sergeev, but not to replace the work of the Russian Academy of Sciences, whose institutions need to be restored to manageability and evaluation of their work on the «scientific product».*

Keywords: *strategic management, science, R&D, strategy of scientific and technological development, the May decrees of the President of the Russian Federation, goals and objectives of the development of science, university ratings, institutional corrections, publication activity, salary of a scientist*

For citation: *Sukharev O. S., Klypin A. V. Strategic governance of science in Russia: problems and prospects // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 173–191. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-173-191>.*

Acknowledgements: *the article was prepared within the framework of the topic of the state assignment to the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, the Center for Institutes of Socio-Economic Development «Formation of a scientific and technological contour and an institutional model for accelerating economic growth in Of the Russian Federation».*

Введение. Практика государственного управления в Российской Федерации строится на основе исполнения поручений Президента РФ. Основные из них, именуемые иначе «майскими указами», в последние десять лет были обозначены через Указы Президента Российской Федерации. «Майские указы» стали своего рода установочной базой практически для всех программных и проектных документов федерального и регионального уровня и определили основные ориентиры государственной долгосрочной научно-технической политики в стране, включая цели, задачи, подходы и конкретные мероприятия в отношении сферы науки и технологий в России.

«Майские указы», став основой формирования множества государственных программ и национальных проектов в 2012–2020 гг., определенно явились их связующим элементом. Однако оставляет желать лучшего как уровень согласованности между разного рода нормативными документами, которые регулируют конкретные шаги и правила реализации «майских указов» [18], так и последовательность, преемственность обозначенных в «майских указах» целей и задач [10].

В привязке к практике реализации «майских указов» эффективность существующей системы государственного управления демонстрирует крайне низкий уровень ввиду того, что в отчетной документации о результатах реализации «майских указов» во многих случаях обнаруживаются признаки формальности или даже фальсификации их реального исполнения [12], при том, что присутствует явная непрозрачность в расчетах показателей «майских указов», что может приводить к снижению эффективности их реализации [15].

В связи с этим, целью нашего исследования является анализ реализации мер государственной научно-технической политики периода 2012–2021 гг., реализуемой на основе установок, обозначенных Президентом Российской Федерации посредством «майских указов» 2012 и 2018 гг. Объектом исследования выступает стратегическое управление органами государственной власти в сфере науки.

Предметом исследования являются процедуры принятия решений в рамках реализации «майских указов», вступивших в дей-

твие в 2012 и 2018 гг¹. «Майские указы» рассматриваются в качестве инструмента стратегического управления на государственном уровне. В статье исследуются количественные и качественные значения показателей «майских указов» по развитию сферы науки (всего 3 Указа 2012 г. и 1 Указ 2018 г. в редакции 2020 г.), а также их фактическое исполнение и достигнутые результаты. Вместе с тем предпринята попытка дать критический анализ действующих целевых показателей, на основе чего сформулированы предложения по совершенствованию практики использования целевых показателей в соответствии с реализацией стратегических целей и задач государства.

Нами выдвигается тезис о том, что действующие целевые показатели по развитию сферы науки в России, утвержденные в «майских указах» и транслированные в основных государственных программах и проектах, не являются существенной количественной и качественной мерой стратегического управления данной сферой (наукой) и нуждаются в переосмыслении и совершенствовании. При этом в ходе исследования даются обоснования, что данные показатели должны быть в большей мере увязаны с параметрами стратегического государственного управления, а также в целом с государственной социально-экономической политикой.

Методологию исследования составляет теория государственного и отраслевого управления, метод сравнительного анализа, количественные оценки показателей, характеризующих функционирование науки России, теория измерений. Рассматривая проблемы реализации стратегии развития науки Российской Федерации, далее переходим к оценкам результативности майских указов в части, характеризующей развитие науки, что весьма полезно по истечении 2021 г., обозначенного в России как год науки. Критическому анали-

зу подвержена методология рейтингования как ориентир при выстраивании политики развития науки, также объективно проанализированы успехи и неудачи в достижении обозначенных в плановых документах (майских указах) показателей, касающихся сферы развития науки, университетов.

Методология стратегического управления научным развитием. Целевые установки правительства по развитию экономики и общества являются важной частью государственного управления. Поскольку реализация заданных целей правительства предполагает необходимость их достижения, как правило, постольку измерение целей набором адекватных показателей, а также подбор инструментов политики для достижения целей становятся содержанием стратегии. Для научно-технологического развития особенно характерны долгосрочные ориентиры, обозначить которые возможно именно указанным способом — измерением целей и обоснованием релевантных инструментов движения системы к ним.

На наш взгляд, некой универсальной теории стратегического управления пока не создано, существуют и применяются различные подходы. В частности, известен подход на базе учёта поведенческого или параметрического стратегического управления. На основе институциональной теории проектируют институциональные коррекции, исполняющие роль управляющих инструментов, изменяющих правила. Директивное стратегическое управление отличается от параметрического тем, что для него достаточно исполнения функций, направленных на достижение целевых показателей. Параметрическое стратегическое управление использует аналитические модели, в которых определяются правила игры, обеспечивающие достижение возможного целевого состояния [11].

¹ В статье исследуется комплект Указов Президента РФ, определивших основные направления государственной научно-технической политики, в том числе Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. №596 «О долгосрочной государственной экономической политике», Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. №597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. №599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. №204 (ред. от 21.07.2020 г.) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», а также Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Ряд указов Президента РФ 2012 г. по развитию таких социальных сфер, как медицина, строительство, правоохранительная деятельность остался за рамками данной работы в силу опосредованного отношения к предмету исследования.

В зависимости от того, как распределялась сила научных школ в области стратегического управления, применялись либо методы стратегического проектирования, либо методы стратегического планирования [1; 6], хотя планирование — более ёмкий процесс, поглощающий проектирование, как бы область ни рассматривалась — институциональная или иная. Приобретший особую популярность в России так называемый проектный подход в управлении, известный и широко применявшийся в инженерно-технических науках и управлении проектами, реализуется обычно на практике в области экономического управления весьма ограниченно. Иногда его сводят к развёртыванию проектных офисов, которые должны отвечать и контролировать реализацию проектных принципов [4].

Сейчас довольно модной в управлении смотрится доктрина проактивной стратегии управления, когда агенты создают и развивают уникальные ресурсы и свои способности. Она противопоставляется реактивной стратегии. Такое противопоставление представляется весьма некорректным, потому что инициатива агентов не может противопоставляться стратегии согласованного функционирования с внешними факторами, заданными их окружением. Для развития науки важны две стратегии — генерации творческих способностей и конкурентная научная среда, окружающая учёных, влияющая на их поведение, они имеют чуть ли не равнозначное значение. Это напоминает шумпетеровский тезис о генерации и восприятии инновации. Фундаментальная наука не обойдётся без соответствующей системы организации и государственного регулирования, а копирование форм организации и повторение уже созданных может отбросить в конкурентном смысле науку на третьеразрядные позиции.

Надо отметить, что в рамках стратегического управления наукой определяющее значение имеют заданные этапы и сценарии, чтобы достичь ожидаемого результата. В рамках этих сценариев могут быть заданы границы между нужным и ненужным состоянием, основным и второстепенным. В этом смысле стратегия определяется как набор

вариантов выбора для определения направления воздействия на объект. В этом случае стратегия представляет собой некую иерархию решений [6].

Государственное стратегическое управление должно охватывать умение организовывать использование полного спектра возможностей и ресурсов страны, необходимых для реализации социально-экономических целей. Прежде всего, это относится к фундаментальной науке, предопределяющей очень отдалённые преимущества в развитии. Стратегическое управление должно учитывать реализацию макроуровневых аспектов стратегирования, программирования, финансирования и стимулирования развития [3]. Это важно не только для инновационной сферы, но и для науки.

Здесь может найти применение доктрина системного управления с использованием механизмов разного рода стимулов и мотиваций [21; 26; 27]. Может быть полезным также учёт миссии при разработке и реализации стратегии, необходима своего рода рефлексия, связанная с пониманием миссии [14].

Главное — это уметь преобразовать текущее ситуационное социально-экономическое положение системы в желаемое устойчивое будущее состояние [2; 22], используя различные по гибкости инструменты управления [8]. Таким образом, практическая реализация задач государственного стратегического планирования развитием науки — процесс многоуровневый и не одномоментный. Взаимодействие участников процесса стратегического управления и согласованность с интересами общества в целом требуется учитывать [9].

Отметим, что термин «стратегическое управление» на уровне федерального законодательства в России точно никак не обозначен. Применяется термин «стратегическое планирование»². Но планирование — лишь одна из функций стратегического управления, которое предполагает применение всего функционала управления, ориентированного на долгосрочную перспективу (организации, мотивации, контроля, координации). На наш взгляд, отсутствие такого подхода приводит к многочисленным проблемам реформирования

² Имеется в виду в первую очередь Федеральный закон от 28.06.2014 г. №172-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

ния, в частности, науки в России, с неясными, иногда весьма негативными проявлениями и перспективами.

Если стратегическое планирование предполагает снижение неопределенности деятельности, то стратегическое управление должно быть связано с вариативностью³ использования имеющихся возможностей и ресурсов в условиях неопределенности с вытекающей коррекцией стратегического плана по мере изменения ситуации и движения к поставленным целям. Задача распределения ресурсов, имеющая первостепенное значение при формировании модели экономического роста, технологического выбора, имеет равнозначное переложение на выбор научных направлений развития. Данный выбор представляет собой суть стратегического управления, без него оно теряет интеллектуальный смысл.

Суммируя сказанное, сформулируем следующие основные позиции, определяющие содержание стратегического управления, что справедливо относительно любой системы, и в частности применительно к научной сфере:

- использование параметрического управления и аналитического планирования, на базе которых требуется устанавливать определенные «правила игры» для достижения требуемых целевых состояний;

- применение проектного метода, предполагающего оценку причин того, почему система попала в негативное состояние, из которого её необходимо выводить, а также позволяющего установить варианты для такого вывода;

- активизация творчества, личной научной самоотдачи и реализации, становящиеся двигателями развития науки — именно учёные должны поддерживать и инициировать изменения в организации и управлении наукой как системой. В противном случае никакая «проактивная» стратегия не имеет никаких перспектив. Это позволит определять необходимость изменений, а также масштаб и приоритетные мероприятия;

- выделение этапов развития, рубежных показателей и оценка результативности, а так-

же обеспечение всего набора функций управления — мотивации, контроля, координации и организации — являются процессуальными условиями стратегического управления;

- ввод новых правил требует обоснования в соответствии с реализацией первых двух принципов, поскольку они задают взаимодействие в научном сообществе, позволяют наравне с достижением одних целей не провалить иные важнейшие цели — национальную безопасность.

Таким образом, стратегическое управление развитием науки и технологий подчиняется логике формирования стратегии и реализации функций управления в долгосрочном периоде. Изменения в самой науке, а также организационных структурах, осуществляющих научную деятельность, сильно детерминируют перспективы развития научной сферы. В качестве важнейших целевых параметров управления выступают майские указы Президента РФ, где осуществлена помимо целеполагания оценка индикаторов развития науки в будущем, то есть очерчены перспективные показатели, которые должны быть обеспечены методами управления развитием данной сферы. Рассмотрим этот аспект более подробно, выяснив, насколько глубоко и обоснованно осуществлена постановка целей, задач и возможный инструментарий их решения. Анализ будет обращён исключительно к целям и задачам научного развития, без связи с другими областями.

Данные и методы. Управление наукой в майских 2018 г. указах Президента РФ. С точки зрения развития науки в майских указах от 07.05.2018 г. №204 (ред. от 21.07.2020 г.) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» обозначены следующие основные цели:

- войти России в число 5 наиболее развитых в научном плане стран, согласно приоритетам научно-технологического развития;

- улучшение привлекательности научной работы в России для российских, включая молодых, а также зарубежных исследователей;

³ Хотя аналитическое планирование также предполагает сравнительные оценки вариантов и их выбор, но это происходит в гипотетическом режиме, а при стратегическом управлении по мере движения к цели в изменяющихся условиях текущего управления.

— опережающий рост затрат на научные исследования относительно темпа роста ВВП России.

Достижение этих целей требует создания передовой научной инфраструктуры, обновления лабораторно-экспериментальной базы (как минимум на 50%), создания мировых научных центров, а также научно-образовательных центров и условий для роста научных кадров.

Мероприятия для реализации целей и задач «майского указа» 2018 г. были закреплены в национальных проектах «Наука» и «Образование» вместе с наборами целевых показателей данных национальных проектов, однако в процессе их практической реализации возникло несколько существенных барьеров.

В частности, в течение 2020–2021 гг. в научно-образовательной среде стал широко обсуждаться вопрос разработки и утверждения нового национального проекта «Наука и университеты», который должен прийти на смену национальному проекту «Наука». Данные работы проводились с учетом вступления в силу нового Указа Президента РФ от 21.07.2020 г. №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». В этом документе цели и задачи по развитию науки и высшего образования были сведены, по сути, к двум тезисам: формированию системы развития способностей и талантов у детей, молодежи, а также обеспечению места России в первой десятке стран мира по объему научных исследований и разработок.

Имеется и некоторое противоречие между текстом указа Президента РФ №474 от 21.07.2021 г. и отдельными официальными сайтами⁴, где указывается необходимость вхождения России уже в пятёрку ведущих стран по научным разработкам. Видимо, это вызвано временной сдвижкой в подготовке документов и несвоевременной коррекцией информации в конкретных ведомствах, но уже это говорит о несогласованности позиций в области государственного управления. Более того, цель улучшить привлекатель-

ность для молодёжи, а также опережающий темп роста затрат на научные исследования являются заведомо целями низкого качества, как, собственно, и цель войти в какой-то рейтинг по месту расположения, будь то в числе пяти или десяти первых стран.

Во-первых, затраты и их темп никак не подтверждают эффективность процесса развития научных исследований, превращение знаний в технологии и прикладные разработки, инновации. Эти затраты могут расти, объём НИОКР по доле в ВВП может также увеличиваться, а вот внедрение результатов НИОКР и научных исследований — даже понижаться. Ещё один аргумент состоит в том, что малые затраты на НИОКР, наоборот, могут приводить к более весомым технологическим следствиям, нежели большие затраты. Прямой корреляции здесь не наблюдается.

Во-вторых, определённая часть НИОКР, научных исследований всегда оканчивается отрицательным результатом, причём для каждой страны доля таких НИОКР имеет своё значение и причины. Нарастание затрат на научные исследования полезно, но если вести речь о темпе, то можно попасть в ловушку, когда интенсивное нарастание затрат не будет осваиваться и эффективность научного труда, как и уровень внедрения разработок могут сокращаться.

Расширение привлекательности научного труда для молодых, а также российских и зарубежных исследователей требует не только воссоздания научной инфраструктуры и особой лабораторной базы, но и атмосферы научного труда. Нужны совсем иные правила построения научной работы, которые поощряли бы и делали лёгкой саму эту работу, не увеличивали бремя научного труда в силу никому не нужных нормативов, отчётов об использовании денег грантов, нелепых конкурсов в условиях мизерного финансирования, которые позволяют существовать только локальным проектам по отдельным направлениям науки.

Вхождение в пятёрку или десятку стран по некоему рейтингу требует оценки спра-

4 См. например: Национальные проекты России [Электронный ресурс]. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/Nauka-i-university>, Национальный проект «Наука и университеты» [Электронный ресурс] // Сайт Новгородского государственного университета им. Ярослава мудрого. URL: https://New.novsu.ru/science/national_science_project/.

ведливости самого рейтинга. Как было показано В.П. Чичкановым и О.С. Сухаревым, рейтинги совершенно не работают в сфере наукоёмких сфер экономики, так как строятся в измерительном плане на агрегировании величин, слабо представляющих системную картину развития науки и её прикладных областей. В стране может быть невысока доля инноваций, но она создаёт новые виды вооружений на новых физических принципах, которые открыты учёными с малым финансированием. Это и есть показатель эффективности научного труда — экономический, но общий рейтинг страны по инновационному развитию будет указывать ей дальнейшее место. При этом аналогичных технических устройств не имеет ни одно государство. Подобные рейтинги совершенно не применимы в области оборонно-промышленного комплекса и при оценке фундаментальных результатов [19]. На наш взгляд, они не могут оформляться под видом содержательных целей развития страны и её важнейшей системы — науки, так как искажают содержание научного развития. Например, для России актуальнейшей является задача выстраивания работы Российской академии наук с преодолением так называемого «мёртвого поля» в виде уничтоженной отраслевой науки, отдельные направления которой все-таки смогли сохраниться при отдельных вузах и отраслевых академиях, но требуют восстановления и расширения их работы [20].

Вместе с тем надо отметить, что информация об официальном утверждении национального проекта «Наука и университеты» отсутствует. На сайте Правительства Российской Федерации данный национальный проект не представлен вообще в каком бы то ни было виде, есть только его название и сведения о курирующих его официальных лицах⁵. В то же время национальный проект «Наука» по-прежнему имеет силу действующего документа. Таким образом произошла не просто неувязка целевых показателей Указа Президента РФ №204 и Указа Президента №474 с показателями национальных проектов, а неясность в том, какой национальный проект следует считать основным ориенти-

ром в реализации Указов Президента. Поэтому можно считать, что проектный подход в рамках государственного стратегического планирования в настоящее время в России не реализован на приемлемом уровне.

Конечно, оценка национальных проектов и их результативности представляется самостоятельной задачей, но её необходимо решать в рамках стратегического управления с учётом ресурса времени [5]. Методология должна сводиться к выявлению сдерживающих и стимулирующих факторов и условий, вариантной оценке влияния на экономическое развитие и в данном случае — научное развитие России. Аналитическое планирование предполагает гибкую коррекцию целей и планов в связи с внешними обстоятельствами (санкции) и по причине изменчивости внутренних факторов, а не перенесения планов во времени [13].

Управление требуется ориентировать на элиминирование негативных факторов и интенсификацию позитивных, хотя общий результат будет зависеть и от того, насколько верно определены эти факторы. Фундаментальные причины проблемы с исполнением «майских указов» видятся на уровне целеполагания, как отмечено выше, а также решения задачи ресурсного распределения.

Помимо целеполагания существует проблема выделения ресурсов на достижение целей развития в майских указах, и наука не является исключительным направлением в этом смысле. Оценка ресурсов привязана к задаче измерения показателей, количественному определению целей и инструментов их достижения (включая ресурсы).

Приведём некоторые примеры, демонстрирующие измерительную проблему, что не может не сказаться на достижимости целей по «майским указам».

В частности, показатель удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, фигурирует в виде одного из целевых показателей Указа Президента ещё 2018 г. Для расчета данного показателя Росстат ввёл подход, в основе которого лежит обследование организаций по расширенному перечню критериев, среди которых

⁵ Национальный проект «Наука и университеты» [Электронный ресурс] // Сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/851/events/>.

появились такие критерии, как «отгрузка инновационной продукции», «выполнение НИОКР», что обосновывается необходимостью привязки к новой редакции руководства Осло (4-я версия) [24] учёта инновационной деятельности. Однако, такое измерение создаёт ряд трудностей следующего характера:

— технологические инновации не задаются выполненными НИОКР — прямая связь может отсутствовать;

— удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, определится в соответствии с нормативом по величине инновационной продукции и выполненным НИОКР, а должен в чистом виде определяться величиной внедрённых технологий;

— в 4-й версии руководства Осло отсутствует рекомендация по оценке «инновационности» организаций по критерию отгрузки инновационных товаров, потому что можно отгрузить, но самому не произвести, а категория «затраты на технологические инновации» в чистом виде не может включать разработку новых продуктов, так как продукт может быть новый, но выпускаться на старой технологии. Имеется категория «продуктовой инновации». Технологические инновации затрагивают методы производства, процессы. Также в предшествующей форме учёта инноваций (4а) в России применялись четыре типа учитываемых инноваций: технологические, процессуальные, продуктовые, маркетинговые и организационные.

Таким образом, учётная проблема много шире, нежели даже замечания Счётной Палаты по этому поводу, направленные в адрес Росстата⁶. Их выправление требует применения строгого научно-измерительного подхода. В частности, выделять виды деятельности по уровню технологичности полезно, но оценивать сам этот уровень по величине затрат на НИОКР весьма некорректно. Такая же проблема существует при измерении высокопроизводительных рабочих мест, оцениваемых либо по величине заработной платы, превышающей для данного региона

некий нормативный установленный Росстатом параметр, либо по величине добавленной стоимости, также связанной с нормативом. Однако уровень заработной платы не коррелирует с тем, насколько автоматизировано и механизировано рабочее место, либо использует цифровые (электронные) технологии. А только эти аспекты говорят о высокой или низкой производительности рабочего места. В связи с этим требуется коррекция критериев измерения и оценки многих целей, заложенных в майские указы, особенно касательно научного развития, где измерения имманентно затруднены и требуются качественные оценки, которые подменяются иногда уводящими от истины параметрами: число публикаций, ссылок, место в рейтинге и так далее. Отсутствие понятных критериев делает цели расплывчатыми, подрывая возможность их достижения. В частности, довольно трудно определить, какие организации обладают или не обладают инновационным потенциалом. Однако на практике, к сожалению, производятся подобные оценки.

Наше предложение состоит в том, чтобы сгруппировать цели и задачи майских указов с учётом оценки результатов и свести в общую карту реализации этих стратегически для Правительства РФ установок, с учётом возможного, а также документально уже осуществлённого изменения целей и задач.

Обобщая содержание «майских указов» 2012 и 2018 гг. (в редакции 2020 г.), посвящённых развитию только одной сферы — науки, технологий и инноваций, можно выделить следующие наиболее яркие их особенности:

1) с течением времени произошла агрегация разного рода направлений научной, научно-технической и инновационной политики, обозначенных в различных «майских указах» 2012 г. в одном единственном документе — «майском указе» 2018 г. (в редакции 2020 г.);

2) ряд целевых показателей «майского указа» 2012 г. не достигнуты к намечен-

⁶ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ формирования показателя для оценки достижения национальной цели по ускорению технологического развития Российской Федерации, установленной в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/84a/84a3c7f43e5bc65d347a40b37ee91fc5.pdf>.

ным срокам, однако пролонгация их учета через «майский указ» 2018 г. отсутствует. Так, например, недостижение показателей по увеличению доли ВЗИР (внутренних затрат на исследования и разработки) в ВВП до 1,77% к 2015 г. и доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в валовом внутреннем продукте в 1,3 раза относительно уровня 2011 г. не привело к их повторному учету в «майском указе» 2018 г. на том же или новом целевом уровне. Взамен данного показателя в «майском указе» 2018 г. введен новый показатель соотношения темпов роста ВЗИР и ВВП. При этом надо отметить, что отсутствие преемственности и изменения целевых параметров реализации «майского указа» 2018 г. наблюдается и по результатам редакции данного документа в 2020 г. Так, в частности, без какого рода обоснований редакцией 2020 г. из него были исключены некоторые национальные цели:

— ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами;

— создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами;

3) из 6 количественных целевых показателей «майского указа» 2012 г., связанных с развитием сферы науки, технологий и инноваций, достигнуто только 3, а именно — такие показатели, как повышение к 2018 г. средней заработной платы преподавателей вузов и научных сотрудников до 200% от средней заработной платы в соответствующем регионе;

увеличение к 2015 г. доли публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (WEB of Science) до 2,44%, увеличение к 2018 г. общего объема финансирования государственных научных фондов до 25 млрд. рублей⁷.

Заключить можно следующее: посредством редакции «майского указа» 2018 г. произошла агрегация всех имеющихся целей и задач по развитию сферы науки, технологий и инноваций, сводимая, по сути, к одному показателю — рейтингу десяти ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок. При этом особо оговаривается эффективность высшего образования. Однако в России зареформированность этой сферы хорошо известна — Болонский процесс, ограничительные рамки на работу диссертационных советов, снижение выхода годных в системе аспирантуры и докторантуры, передача функций фундаментальных исследований как некой нагрузки к педагогическому процессу, либо с подменой этого процесса за счёт развёртывания добавочных исследовательских центров, внутренних институтов. Они призваны осуществлять фундаментальные исследования при замещении Российской академии наук. Такое стратегическое управление показывает высокую неэффективность [16; 20].

Следует обратить внимание, что в «майских указах» 2012 г. содержался также ряд поручений общесистемного и программного характера, которые должны были повлиять на развитие всей сферы НИОКТР. В их числе утверждение государственной программы «Развитие науки и технологий» и программы фундаментальных научных исследований, включение в государственные программы мероприятий по развитию национальной инновационной системы, развитие рынка ипотечного кредитования для отдельных категорий граждан, а также содействие миграции в целях научно-преподавательской деятельности.

⁷ Причём обоснованность и продуктивность первых двух позиций у авторов вызывает личные сомнения. Это официальные данные о достижении данных целей. Заработная плата работников научной и образовательной сферы повышалась, в том числе благодаря известным манипуляциям с долями ставок и сокращениями состава, а также сопровождалась резким увеличением часовой «горловой» нагрузки в вузах.

Как видим, заложенные неэффективности в систему государственного управления, а также структурно-институциональные диспропорции развития российской экономики делают проблематичным реализацию майских указов, причём в преломлении к научной сфере особенно.

Обсуждение результатов. Целевые показатели развития науки и рейтинги. Остановимся на наиболее значимых целевых показателях «майских указов», касающихся оценке научной сферы. К таким показателям относятся:

— доля публикаций российских исследователей в журналах, индексируемых «WEB of Science»;

— заработная плата научных работников;
 — рейтинговая оценка университетов.

Отметим, что статистика по числу научных публикаций действительно улучшилась. К 2017 г. показатель вырос до 2,65 %. Однако на фоне введения в качестве одного из основных оценочных критериев деятельности научных учреждений и организаций высшего образования как получателей государственных средств показателя количества статей

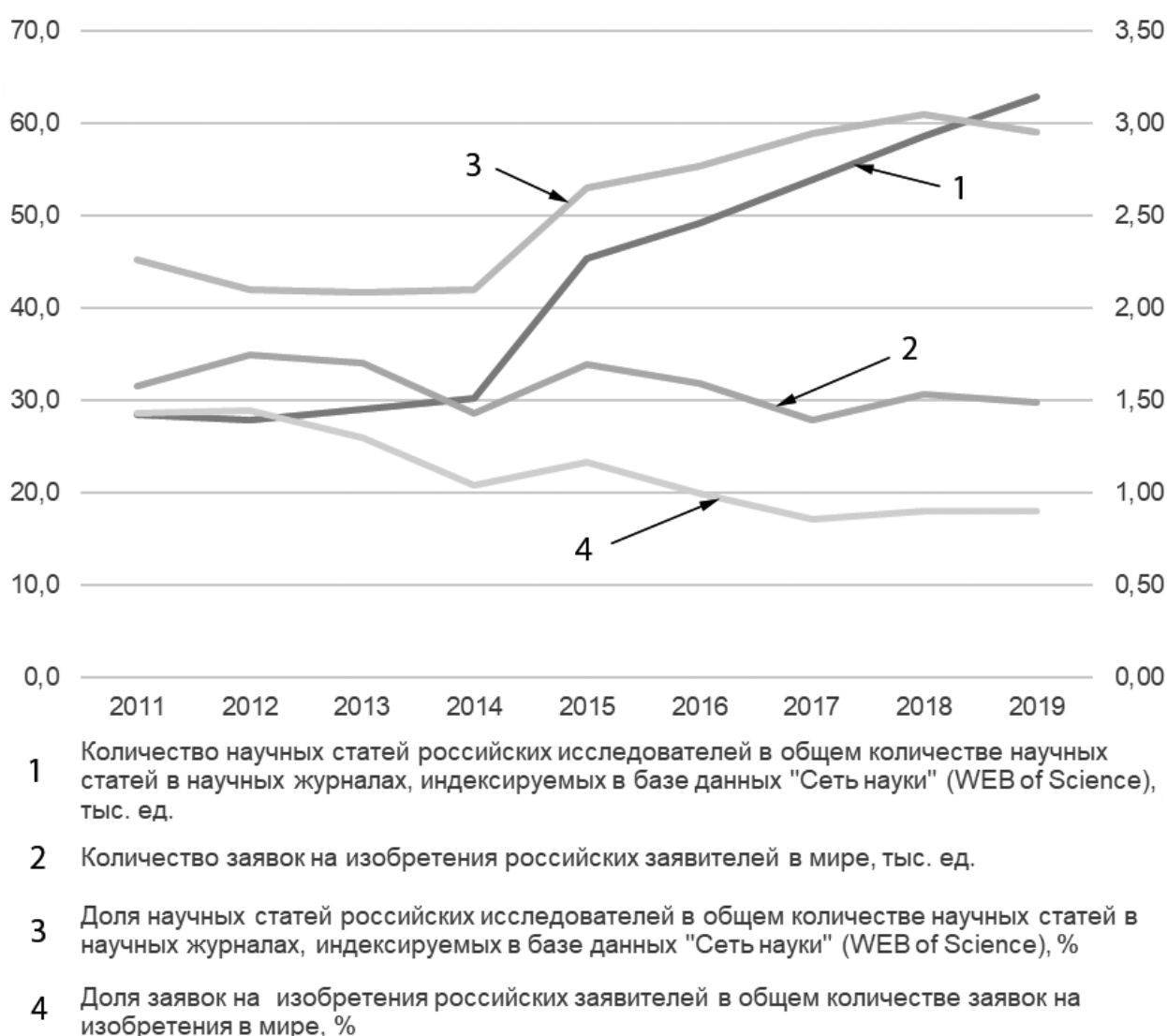

Рис. 1. Динамика публикационной и патентной активности российских авторов в 2011–2019 гг.⁸

Fig. 1. Dynamics of publication and patent activity of Russian authors in 2011–2019

⁸ Источник: Расчеты авторов на основе исследований РИЭПП и данных World Intellectual Property Organization (WIPO).

в журналах «WEB of Science»⁹, существенно упала патентная активность российских исследователей и разработчиков. Если 2015 г. число патентных заявок на изобретения в России увеличилось на 12,9%, то в 2016 г. оно снизилось на 8,6%, а в 2017 г. — ещё на 11,3%. Начиная с 2015 г. отмечаются определенно разнонаправленные тренды по научным публикациям и заявкам на изобретения в России. При росте публикационной активности российских авторов произошло снижение (либо стагнация) их изобретательской активности (рис. 1). В отдельных странах-лидерах инновационного развития отмечается устойчивая положительная динамика патентов (Китай, США, европейские страны).

Майские указы 2012 г. существенно повлияли на политику распределения государственных средств российским вузам и НИИ, поскольку в основу оценки результатов их работы легли именно научные публикации. Оценка результативности ученых и их заработная плата стали напрямую зависеть от количества опубликованных статей. Однако рост числа статей, как и ссылок на них, не обязательно повышает общее качество научных исследований. При всем этом именно патент дает исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности с возможностью получения материального вознаграждения и в родной стране разработчика, и за рубежом. Достаточно вовремя запустить процедуру международной заявки.

Однако если первоначально опубликовать научную работу, то подать заявку на получение патента в России можно не позднее, чем в течение 6 месяцев, а на получение патента в Европе уже нельзя¹⁰. Притом компании из-за рубежа после знакомства с публикациями российских ученых могут первыми подать заявку на описанные в статьях разработки не только в Европе, но и в других ре-

гионах мира. Таким образом, публикуя научные работы раньше времени и не патентуя их, российские учёные лишают собственные изобретения коммерциализации и теряют не только российский, но и зарубежный рынок. Более того, мы хотели бы особо подчеркнуть в этой статье, что вывешивание на всеобщее обозрение диссертаций по разным дисциплинам не только обеспечивает проигрыш России в институциональной конкуренции на рынке патентов и этот проигрыш подобные установленные в России правила пролонгируют на будущее, но и облегчает работу разведывательных служб. Они, как известно, используют свой доступ к общедоступной информации в качестве базового источника, предпочитая часто именно его вместо использования агентуры¹¹.

В серии исследований отмечается, что в части прогнозирования и планирования по отдельным технологическим направлениям необходимо изучение временных интервалов между первыми упоминаниями в научных статьях и патентах, которое позволяет выявить обоснованные тенденции научного и инновационного развития, поскольку темы, впервые представленные в публикациях, отражаются в патентах только спустя несколько лет [23].

Важнейшим целевым параметром майских указов относительно сферы науки выступает заработная плата научных работников. Её повышение, как и обеспечение жильём работников науки и высшей школы, можно считать далёким от целевого ориентира. Здесь имеется такой парадокс. Зарплаты ученых выросли и формально доведены до уровня 200% от средней по региону. Однако во многих случаях произошло это путем дробления ставок. То есть по факту в научных и образовательных организациях люди работают на 0,25–0,5 ставки и получают такую же зарплату, как и раньше. Не удалось осуществить

9 Приказ ФАНО России от 16 июня 2015 г. №19н «Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных государственных бюджетных учреждений, подведомственных Федеральному агентству научных организаций, и критериев оценки эффективности работы их руководителей, условий осуществления выплат стимулирующего характера руководителям федеральных государственных бюджетных учреждений, подведомственных Федеральному агентству научных организаций». Примерный перечень критериев общероссийской системы оценки эффективности деятельности высших учебных заведений, утвержденный Минобрнауки России 19.06.2012 г.

10 Патентовать или публиковать результаты исследований и разработок? [Электронный ресурс] // Роспатент. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/News/molsec>.

11 Об этой проблеме активно говорит проф. С. Ф. Викулов, являясь членом академии военных наук и призывая академию рассмотреть этот вопрос на отдельном совещании.

и развитие особых условий выдачи банковских займов для научно-исследовательского персонала с целью покупки жилья. На фоне экономической нестабильности и девальвации рубля в конце 2014 г. программы льготного ипотечного кредитования молодых ученых были закрыты в рекордно короткие сроки.

Доказательная база по формальности исполнения показателя по доведению средней заработной платы научных работников до уровня 200% от средней по региону и недостаточности государственных мер по обеспечению жильем ученых, а также налоговых льгот для технологических предпринимателей и необходимости развития модели «квалифицированного заказчика» была представлена в работе [7].

Другой важной задачей для науки в последние годы, исходя из майских указов 2012 г., стало вхождение российских университетов в международные рейтинги. По состоянию на 2020 г. лучшие показатели — у МГУ им. В.М. Ломоносова, при этом только один российский вуз вошел в топ-100 университетов в международных рейтингах.

Однако вопрос не в том, что российские вузы якобы далеки от высоких позиций в мировых рейтингах университетов, а в том, что содержательно представляют собой рейтинги. Примечательно, что в рейтинге Великобритании на первом месте стоит британский вуз, а в рейтинге США — американский. И рейтинговые агентства, сотрудничая с базами данным Clarivates Analytics и Scopus, помогают им развивать свой бизнес и привлекают потенциальных университетских авторов публиковаться именно в журналах, включенных в указанные базы данных. Затем оценка рейтинга привязывается только к этим базам индексирования, которые принадлежат акционерным обществам, имеющим прибыль от своей деятельности. Это сугубо коммерческий проект. Следовательно, вытекающие рейтинги также не могут не оказаться параметром, имеющим коммерческий ореол.

Однако основная проблема заключается в критериях (табл. 1)¹², по которым вузы США

и Великобритании занимают в данных рейтингах лучшие места, и в том, насколько российские вузы готовы соответствовать данным критериям. Анализ данных таблицы 1 показывает, что в основу оценки вуза рейтинговые агентства закладывают престиж и репутацию учебного заведения в мировой научно-образовательной среде с его способностью удовлетворять требования студентов и работодателей, а также публикационную активность вуза и международное сотрудничество. При этом высокие баллы университетам дает именно востребованность научных публикаций, выраженная в их цитируемости в ведущих журналах и в целом в мире. Однако, чтобы добиться успехов по данным критериям, как правило, требуется весьма длительное время кропотливой работы, ориентированной на повышение качества научной и преподавательской деятельности, проведение комплексных научно-исследовательских работ, а этого невозможно достичь только через повышение количества научных статей в ведущих мировых журналах. Репутация, как её точно ни измеряй, является во многом условным показателем, удовлетворение требований студентам в принципе противоречит научному развитию, ибо студенты ещё не знают всех нюансов научного творчества, связи с работодателями определяются устойчивостью и эффективной работой экономики, как и международное сотрудничество. В связи с этим цель ввести российские вузы в некие Топы является по большей части бессмысленной.

При всем этом, продолжая подстраиваться под требования международных рейтингов, российская образовательная система теряет ресурсы, которые можно задействовать на решение реальных задач науки и образования: подготовку высококвалифицированных кадров, необходимых российской промышленности и сектору НИОКР, развитие механизмов трансфера результатов интеллектуальной деятельности в экономику, повышение качества проводимых научных исследований и их востребованности. Эти задачи специфичны и только частично отражаются

¹² Составлено авторами на основе данных Best Global Universities Rankings [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usnews.com/education/best-global-universities/articles/methodology>; QS World University Rankings [Электронный ресурс]. URL: <https://www.qs.com/rankings/>; The World University Rankings [Электронный ресурс]. URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings>.

Таблица 1
 Table 1

Критерии оценки университетов согласно мировым рейтингам
Criteria for evaluating universities according to world rankings

Наименование рейтинга	Оцениваемые критерии	Партнеры в оценках по критериям
Рейтинг лучших мировых университетов	глобальная исследовательская репутация (на основе опросов удовлетворенности университетской деятельностью) — 12,5%;	Clarivate Analytics
	региональная исследовательская репутация (опросы удовлетворенности университетской деятельностью) — 12,5%;	
	количество статей, которые относятся к 10% наиболее цитируемым в мире работам — 12,5%;	
	доля наиболее цитируемых статей в общем объеме статей университета — 10%;	
	влияние нормализованных цитирований — 10%;	
	общее количество публикаций университета в журналах Web of Science) — 10%;	
	общее количество цитирований) — 7,5%;	
	подготовка книг и участие в конференциях — по 2,5%;	
	международные коллаборации и статьи с зарубежными авторами — по 5%;	
	количество наиболее цитируемых работ, которые находятся в топе 1% самых цитируемых работ в данной области и доля таких работ в общем объеме работ — по 5%	
Глобальный рейтинг университетов, составляемый Quacquarelli Symonds	опросы академического сообщества) — 40%;	Elsevier's Scopus database
	оценка успешности университета в подготовке студентов для рынка труда) — 10%;	
	оценка студентов преподавателями) — 20%;	
	количество ссылок на работы преподавателей в Elsevier's Scopus database — 20%;	
	соотношение иностранных студентов и иностранных преподавателей) — по 5% каждый	
Глобальный рейтинг университетов, ежегодно публикуемый журналом Times Higher Education	среда обучения — опросы престижа заведения, доля учащихся в аспирантуре, доходы университета — 30%;	Elsevier's Scopus database
	оценка мнения экспертов в научной среде о репутации университета в выдающихся достижениях науки, доходы от научных исследований, т.е. гранты, количество публикаций в базе данных Elsevier Scopus в расчете на одного ученого) — 30%;	
	исследовательское влияние — среднее число цитирований на общее число научных работ университета;	
	международное сотрудничество — доля преподавателей и студентов из-за рубежа, коллаборации с исследователями из зарубежных стран — 7,5%;	
	доход от трансфера знаний в промышленное производство) 2,5%	

в применяемых критериях оценки (табл. 1). Однако игнорирование данных критериев, в конце концов, может привести к тому, что российская система высшего образования, следуя за Болонским процессом и западной наукометрией, окончательно потеряет свою идентичность и уникальность [16].

Насколько обоснована самоцель закрепить российские вузы на передовых позициях международных рейтингов, и что это дает российской науке вообще? Возможно, следует задуматься о разработке собственного рейтинга университетов, учитывающего национальные особенности. Актуальность такого подхода на Заседании Совета по науке и образованию в ноябре 2018 г. озвучил В. Садовничий, который считает необходимым продвижение российского рейтинга мировых вузов «Три миссии университета», в основу которого, по его мнению, следует заложить не только наукометрические показатели, но и показатели так называемой «социальной ответственности вузов»¹³.

По нашему мнению, с учетом текущих задач научного развития России и руководствуясь моделью стратегического управления в основу российского рейтинга вузов мира могут быть заложены следующие критерии: оценка квалификационного и научного продукта вуза [17]. Первый продукт необходимо оценивать по выпуску годных специалистов с параметрами качества подготовки на базе фундаментального высшего образования и второй ступени — компетенций (именно двухуровневая подготовка позволит такой богатой стране, как Россия, создать своё уникальное образование и конкурентное внутри страны и за рубежом). Второй продукт вуза — по числу патентов, конечных разработок, научным школам, созданным технологиям и конкретным фундаментальным результатам содержательного свойства. Именно такое построение нового рейтинга позволит адекватно оценивать вузы. Детализация входящих показателей выходит за рамки обозначенной статьи. Единственное, отметим, что первый продукт для вуза важнее — это его главная функция. Второй продукт и его создание не должен подменять Российскую академию наук, должен замыкаться для многих вузов на отраслевые научные задачи, направ-

ленные по восстановлению «мёртвого поля» российской экономики по А. М. Сергееву [20].

Заключение. Подводя итог исследованию, отметим наиболее важные выводы, вытекающего из него.

Во-первых, при неработающей системе стратегического планирования в России реализация стратегических решений, касающихся, в частности, развития науки с опорой на целеполагание по «майским указам», с учётом измерительных проблем будет испытывать трудности и приводить к конкурентному поражению России в институциональной плоскости с дальнейшим отставанием в научно-технологическом и образовательном развитии.

Во-вторых, требуется развернуть процедуры стратегического планирования и управления, изменяя подходы в области развития науки с акцентом на проактивную стратегию, обращённую к повышению влияния исполнительского звена — конкретного учёного, понимающего возможности и перспективы развития науки по необходимым правилам, а не в силу их бессистемного и перманентного изменения.

В-третьих, требуется изменение роли РАН с восстановлением координационной функции, а также изменение подходов в области оценки научного труда, эффективной работы университетов и научных институтов. С этой целью будет полезна доктрина «научного продукта» и «квалификационного продукта» [17]. Их применение и развитие позволят отойти от необоснованных агрегированных рейтингов, формализующих научный труд в силу искажения оценки существа этого труда. Также требуется изменение метода измерения технологических инноваций, влияния НИОКР и высокопроизводительных рабочих мест, используемого для оценки научно-технологического развития.

Следовательно, помимо организационной, ресурсной (финансовое обеспечение, кадровой, фондовой и других проблем), развитие науки требует изменить целеполагание на уровне критериев и их измерения. Иначе — ошибочное целеполагание подрывает

¹³ Заседание Совета по науке и образованию. 27 ноября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/6/59203>. Однако на сегодня такие предложения являются уже не актуальными.

возможность эффективного использования
иных факторов развития науки.

Список источников

1. Анцупов А.Я. Стратегическое управление. 4-е издание. Монография. М.: Издательство «Проспект», 2020. 344 с.
2. Братченко С.А. Качество государственного управления: содержание понятия // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. №6. С. 80–94.
3. Винслав Ю.Б. Инновационная сфера: общесистемные и отраслевые аспекты, стратегические ориентиры управления // Российский экономический журнал. 2017. №6. С. 21–38.
4. Дементьев В.В. Проектное управление в системе стратегического планирования // Бюджет. 2012. №9. С. 32–35.
5. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Указы Президента Российской Федерации как инструмент стратегического целеполагания в российской экономике // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. №3. С. 7–24.
6. Каткало В.С. Исходные концепции стратегического управления и их современная оценка [Электронный ресурс] // Российский журнал менеджмента. 2003. №1(1). С. 7–30. URL: <https://tjm.spbu.ru/article/view/820>.
7. Клыпин А.В. О создании «мощной научно-технологической базы» и необходимости усиления государственной поддержки ученых и инновационного бизнеса в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2019. Т. 21. №3. С. 143–157.
8. Князева Е. Системный подход как основа стратегического управления // Форум. 2020. Т. 14. №4. С. 6–8.
9. Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Совершенствование методологических подходов к формированию системы стратегического планирования в России // Вестник института экономики Российской академии наук. 2020. №4. С. 9–26.
10. Митяев Д.А. Система стратегического планирования: попытка политэкономического подхода // Вопросы политической экономики. 2016. №1. С. 64–77.
11. Обыденков А.Ю. Основания параметрического стратегического управления: институциональный анализ // Вопросы экономики. 2016. №8. С. 120–136.
12. Петров А.А. «Майские указы» и проблемы их исполнения // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2017. №10. С. 15–23.
13. Петров А.Н., Куракова Н.Г. Проблемы гармонизации задач и целевых показателей национального проекта «Наука» // Инновации. 2019. №4(246). С. 8–16.
14. Ракуль Е. Интервью у Георгия Клейнера. Каждая стратегия как душа — она индивидуальна [Электронный ресурс] // Эксперт Юг. 2018. URL: <https://expertsouth.ru/interview/georgiy-kleyner-ran-kazhdaya-strategiya-kak-dusha-ona-individualna/> (дата обращения: 19.12.2021).
15. Соколов А.В., Зубков А.Д. Реализация национальных идей через государственные программы // Экономические науки. 2021. №198. С. 158–161.
16. Сухарев О.С., Спасенников В.В. Трансформация высшего образования: преодоление конфликта компетенций и фундаментальности // Эргодизайн. 2020. №3(9). С. 107–119.
17. Сухарев О.С. Научный продукт: решение проблемы оценки результативности науки // Эргодизайн. 2021. №2. С. 110–117.
18. Усманова Т.Х. Обеспечение безопасности сложных систем в рамках согласованности регулирующих актов // Статья в сборнике трудов конференции «Проблемы управления безопасностью сложных систем». М., 2020. С. 496–503.
19. Чичканов В.П., Сухарев О.С. Рейтинги в управлении экономикой: информативность и целесообразность // Научный вестник ОПК России. 2021. №3. С. 72–82.
20. Чичканов В.П., Сухарев О.С. Развитие Российской академии наук: решение организационных задач // Экономические стратегии. 2021. №3. С. 120–129.
21. Carl Barth. Slide Rules for the Machine Shop as a Part of the Taylor System of Management [Electronic resource]. ASME, 1903. URL: <https://www.worldcat.org/title/slide-rules-for-the-machine-shop-as-a-part-of-the-taylor-system-of-management/oclc/46411256>.
22. Чернов К.А. Организационные особенности разработки и реализации стратегий социально-экономического развития регио-

нов РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3, Экономика. Экология. 2018. Т. 20. №4. С. 47–54.

23. Daim T., Bukhari E., Bakry D., VanHuis J., Yalcin H., Wang X. Forecasting Technology Trends through the Gap Between Science and Technology: The Case of Software as an E-Commerce Service // Foresight and STI Governance. 2021. №15(2). P. 12–24.

24. OECD/Eurostat. Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation (4th Edition) [Electronic resource] // The Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities. OECD Publishing, Paris/Eurostat, Luxembourg. 2018. URL: https://ictt.by/Docs/News/2018/10/2018-10-26_01/Oslo_Manual_2018_4th_Edition_EN.pdf/.

25. Steen V.E. A formal theory of strategy // Management Science, 2017. №63(8). P. 2616–2636.

26. Taylor F.W. The Principles of Scientific Management. Harper & Brothers Publishing [Electronic resource]. NY and London. 1919. URL: <https://archive.org/details/principlesofscience00taylrich/mode/2up?q=60+per+cent+more+than+the+ruling+rate+of+wages&view=theater/>.

27. Whitston K. The Reception of Scientific Management by British Engineers, 1890–1914 // The Business History Review. 1997. №1(2). P. 207–229.

References

1. Ancupov A. Ja. Strategicheskoe upravlenie. 4-e izdanie. Monografiya [Strategic management. 4th edition. Monograph]. Moscow: Izdatel'stvo «Prospekt», 2020. 344 p. (In Russ.).

2. Bratchenko S.A. Kachestvo gosudarstvennogo upravleniya: sodержanie ponjatiya [The quality of public administration: the content of the concept]. Vestnik Instituta jekonomiki Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2020; (6): 80–94. (In Russ.).

3. Vinslav Ju. B. Innovacionnaja sfera: obshhesistemnye i otraslevye aspekty, strategicheskie orientiry upravleniya [Innovation sphere: system-wide and sectoral aspects, strategic management guidelines]. Rossijskij jekonomicheskij zhurnal [Russian economic journal]. 2017; (6): 21–38. (In Russ.).

4. Dement'ev V.V. Proektnoe upravlenie v sisteme strategicheskogo planirovaniya [Project

management in the system of strategic planning]. Bjudzhet [Budget]. 2012; (9): 32–35. (In Russ.).

5. Ivanov O.B., Buhval'd E.M. Ukazy Prezidenta Rossijskoj Federacii kak instrument strategicheskogo celepolaganija v rossijskoj jekonomike [Decrees of the President of the Russian Federation as an instrument of strategic goal-setting in the Russian economy]. JeTAP: jekonomicheskaja teorija, analiz, praktika [STAGE: economic theory, analysis, practice]. 2019; (3): 7–24. (In Russ.).

6. Kat'kalo V.S. Ishodnye koncepcii strategicheskogo upravleniya i ih sovremennaja ocenka [Initial concepts of strategic management and their modern assessment] [Elektronnyj resurs]. Rossijskij zhurnal menedzhmenta [Russian Management Journal]. 2003; 1 (1): 7–30. URL: <https://rjm.spbu.ru/article/view/820>. (In Russ.).

7. Klypin A.V. O sozdanii «moshchnoj nauchno-tehnologicheskoi bazy» i neobходимosti usileniya gosudarstvennoj podderzhki uchenyh i innovacionnogo biznesa v Rossii [On the creation of a «powerful scientific and technological base» and the need to strengthen state support for scientists and innovative business in Russia]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika [Bulletin of the Volgograd State University. Economy]. 2019; 21(3): 143–157. (In Russ.).

8. Knjazeva E. Sistemnyj podhod kak osnova strategicheskogo upravleniya [System approach as the basis of strategic management]. Forsajt [Foresight]. 2020; 14(4): 6–8. (In Russ.).

9. Lenchuk E.B., Filatov V.I. Sovershenstvovanie metodologicheskikh podhodov k formirovaniyu sistemy strategicheskogo planirovaniya v Rossii [Improvement of methodological approaches to the formation of a strategic planning system in Russia]. Vestnik instituta jekonomiki Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2020; (4): 9–26. (In Russ.).

10. Mitjaev D.A. Sistema strategicheskogo planirovaniya: popytka politjekonomicheskogo podhoda [The system of strategic planning: an attempt at a political economic approach]. Voprosy politicheskoy jekonomii [Questions of political economy]. 2016; (1): 64–77. (In Russ.).

11. Obydenov A. Ju. Osnovaniya parametricheskogo strategicheskogo upravleniya: institucional'nyj analiz [Foundations of parametric strategic management: an institutional

analysis]. *Voprosy jekonomiki* [Economic issues]. 2016; (8): 120–136. (In Russ.).

12. Petrov A.A. «Majskie ukazy» i problemy ih ispolnenija [«May decrees» and problems of their implementation]. *Aktual'nye problemy i perspektivy razvitija jekonomiki: rossijskij i zarubezhnyj opyt* [Actual problems and prospects of economic development: Russian and foreign experience]. 2017; (10): 15–23. (In Russ.).

13. Petrov A.N., Kurakova N.G. Problemy garmonizacii zadach i celevyh pokazatelej nacional'nogo proekta «Nauka» [Problems of harmonization of tasks and target indicators of the national project «Science»]. *Innovacii* [Innovation]. 2019; 4(246): 8–16. (In Russ.).

14. Rakul' E. Inter'v'ju u Georgija Klejnera. Kazhdaja strategija kak dusha — ona individual'na [Georgy Kleiner, RAS: Each strategy is like a soul — it is individual] [Elektronnyj resurs]. *Jekspert Jug*. 2018. URL: <https://expertsouth.ru/interview/georgiy-kleyner-ran-kazhdaya-strategiya-kak-dusha-ona-individualna/> (date accessed: 19.12.2021). (In Russ.).

15. Sokolov A.V., Zubkov A.D. Realizacija nacional'nyh idej cherez gosudarstvennye programmy [Implementation of national ideas through state programs]. *Jekonomicheskie nauki* [Economic Sciences]. 2021; (198): 158–161. (In Russ.).

16. Suharev O.S., Spasennikov V.V. Transformacija vysshego obrazovaniya: preodolenie konflikta kompetencij i fundamental'nosti [Transformation of higher education: overcoming the conflict of competencies and fundamentality]. *Jergodizajn* [Ergodesign]. 2020; 3(9): 107–119. (In Russ.).

17. Suharev O.S. Nauchnyj produkt: reshenie problemy ocenki rezul'tativnosti nauki [Scientific product: solving the problem of assessing the effectiveness of science]. *Jergodizajn* [Ergodesign]. 2021; (2): 110–117. (In Russ.).

18. Usmanova T.H. Obespechenie bezopasnosti slozhnyh sistem v ramkah soglasovanosti regulirujushhijh aktov [Ensuring the safety of complex systems within the framework of the consistency of regulatory acts]. *Stat'ja v sbornike trudov konferencii «Problemy upravlenija bezopasnost'ju slozhnyh sistem»* [Article in the proceedings of the conference «Problems of safety management of complex systems»]. Moscow, 2020. P. 496–503. (In Russ.).

19. Chichkanov V.P., Suharev O.S. Rejtingi v upravlennii jekonomikoj: informativnost' i celesobraznost' [Ratings in economic management: information

content and expediency]. *Nauchnyj vestnik OPK Rossii* [Scientific bulletin of the Russian defense industry complex]. 2021; (3): 72–82. (In Russ.).

20. Chichkanov V.P., Suharev O.S. Razvitie Rossijskoj akademii nauk: reshenie organizacionnyh zadach [Development of the Russian Academy of Sciences: solving organizational problems]. *Jekonomicheskie strategii* [Economic strategies]. 2021; (3): 120–129. (In Russ.).

21. Carl Barth. Slide Rules for the Machine Shop as a Part of the Taylor System of Management [Electronic resource]. ASME, 1903. URL: <https://www.worldcat.org/title/slide-rules-for-the-machine-shop-as-a-part-of-the-taylor-system-of-management/oclc/46411256>.

22. Chernov K.A. Organizacionnye osobennosti razrabotki i realizacii strategij social'no-jekonomicheskogo razvitija regionov RF [Organizational Changes in the Regional Management System through the Development and Implementation of Strategies for Socio-Economic Development of Regions of the Russian Federation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3, Jekonomika. Jekologija* [Bulletin of Volgograd State University. Series 3, Economics. Ecology]. 2018; 20(4): 47–54. (In Russ.).

23. Daim T., Bukhari E., Bakry D., VanHuis J., Yalcin H., Wang X. Forecasting Technology Trends through the Gap Between Science and Technology: The Case of Software as an E-Commerce Service // *Foresight and STI Governance*. 2021. №15(2). P. 12–24.

24. OECD/Eurostat. Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation (4th Edition) [Electronic resource] // *The Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities*. OECD Publishing, Paris/Eurostat, Luxembourg. 2018. URL: https://ictp.by/Docs/News/2018/10/2018-10-26_01/Oslo_Manual_2018_4th_Edition_EN.pdf/.

25. Steen V.E. A formal theory of strategy // *Management Science*, 2017. №63(8). P. 2616–2636.

26. Taylor F.W. The Principles of Scientific Management. Harper & Brothers Publishing [Electronic resource]. NY and London. 1919. URL: <https://archive.org/details/principlesofscience00taylrich/mode/2up?q=60+per+cent+more+than+the+ruling+rate+of+wages&view=theater/>.

27. Whitston K. The Reception of Scientific Management by British Engineers, 1890–1914 // *The Business History Review*. 19977. №1(2). P. 207–229.

Статья поступила в редакцию 28.01.2022; одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 18.02.2022.
The article was submitted on 28.01.2022; approved after reviewing on 02.02.2022; accepted for publication on 18.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сухарев Олег Сергеевич — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук.

Россия, г. Москва, Нахимовский пр., 32

Oleg S. Sukharev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.

32 Nakhimovskiy ln., Moscow, Russia

Клыпин Андрей Владимирович — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансовый учет», Московский университет имени С.Ю. Витте.

Россия, г. Москва, 2-й Кожуховский пр-д, 12, стр. 1

Andrey V. Klypin — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Financial Accounting, Moscow University named after S. Yu. Witte.

122nd Kozhukhovskiy p., bld. 1, Moscow, Russia

Вклад авторов:

Сухарев О. С. — научное руководство; концепция и развитие методологии исследования; структура работы; постановка цели, задач; написание текста; получение выводов.

Клыпин А. В. — подготовка эмпирических данных; написание текста; выверка документальной базы исследования (законы, нормативные акты); подготовка литературы, графических материалов; проведение сопоставительного анализа.

Contribution of the authors:

Sukharev O. S. — scientific guidance; concept and development of research methodology; work structure; setting goals, tasks; writing text; drawing conclusions.

Klypin A. V. — preparation of empirical data; writing of the text; reconciliation of the documentary base of the study (laws, regulations); preparation of literature, graphic materials; comparative analysis.

Научная статья

УДК 330.3

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-192-198

ПРОТИВОРЕЧИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО РЫНКА: ОСНОВНАЯ СУТЬ И РАЗВИТИЕ

Виктория Ивановна Тимонина

*Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
timonina.vika96@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-2344-6497*

Аннотация. Цель исследования. За последнее время на мировых энергетических рынках произошли противоречивые трансформации, в которых существуют новые риски и новые возможности. Трансформация придала особый характер процессу глобализации. Появилась возможность реализации производственных процессов с использованием экономических преимуществ по всему миру. Несмотря на развитие альтернативных источников энергии, традиционные виды топлива остаются главными составляющими мирового энергопотребления, ведь неслучайно нефтяная и газовая отрасли оказались в эпицентре геополитического противостояния, стали объектом санкций и ограничений. В статье обсуждаются противоречия энергетического рынка. Также автором проведен анализ причинно-следственных связей.

Методология исследования. В процессе написания статьи были использованы источники, имеющие прямое отношение к этой теме.

Результат исследования. Каждый этап развития энергетики — это особый период возникновения противоречий в энергетике. При этом на её развитие влияют не только социально-экономические и политические факторы, но и внедрение качественно новых технологий. Иными словами, целесообразно рассматривать развитие энергетики через смену технологических укладов.

Перспективы исследования. В статье анализируются технологические уклады с вытекающими из них противоречиями, которые заставляют нас рассмотреть четвёртый технологический уклад как основной в современной парадигме, и в силу последних событий есть предположение, что общество не перейдёт к «пятому» технологическому укладу в ближайшие 20 лет.

Ключевые слова: противоречия энергетики, социально-экономическое развитие, технологические уклады, этапы развития, трансформация

Для цитирования: Тимонина В.И. Противоречия энергетического рынка: основная суть и развитие // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 192–198. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-192-198>.

Original article

CONTRADICTIONS IN THE ENERGY MARKET: CORE ISSUES AND DEVELOPMENT

Victoria I. Timonina

*Financial University under the Government of Russia, Moscow, Russia
timonina.vika96@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-2344-6497*

Abstract. *The purpose of the study.* Recently, contradictory transformations have taken place in the global energy markets, in which there are new risks and new opportunities. Transformation has given a special character to the process of globalization. It became possible to implement production processes using economic advantages around the world. Despite the development of alternative energy sources, traditional fuels remain the main components of global energy consumption, because it is no coincidence that the oil and gas industry found themselves in the epicenter of the geopolitical confrontation, became the object of sanctions and restrictions. The article discusses the contradictions of the energy market. The author also conducted an analysis of cause-and-effect relationships.

Research methodology. *In the process of writing the article, sources directly related to this topic were used.*

The result of the study. *Each stage of energy development is a special period of contradictions in the energy sector. At the same time, its development is influenced not only by purely socio-economic and political factors, but also by the introduction of qualitatively new technologies. In other words, it is advisable to consider the development of energy through the change of technological patterns.*

Research prospects. *The article analyzes technological structures with the contradictions that follow from them, which force us to consider the fourth technological structure as the main one in the modern paradigm, and due to recent events, there is an assumption that society will not move to the «fifth» technological structure in the next 20 years.*

Keywords: *energy contradictions, socio-economic development, technological systems, stages of development, transformation*

For citation: *Timonina V.I. Contradictions in the energy market: core issues and development // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 192–198. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-192-198>.*

Введение. В процессе трансформации непрерывно изменяется структура энергетики, это происходит в силу развития научно-технического прогресса, усовершенствования социально- и организационно-экономических отношений. Социально-экономическое развитие общества, основанное на совокупности технологий, характерных для определённого уровня развития производства, образует систему технологически сопряжённых производств и определяет создание основного объёма благ в обществе.

Это и есть технологический уклад, поэтому изменения в энергетике стоит рассматривать через призму укладов.

Энергетика — не просто составная часть цивилизации, на развитие которой влияют такие факторы, как социально-экономические, геополитические и экологические. Это система, находящаяся в периоде неопределённости. И так как динамика развития рассматривается в рамках единого энерго- и социо-экономического подхода, то на каждом этапе развития энергетики возникают «противоречия»

(ресурсные, финансовые, технологические и экологические), которые в свою очередь оказывают влияние на «парадигму» развития экономики в общем [8].

Результаты исследования. В начале исследования автором были рассмотрены этапы развития энергетики, всего их выделяют четыре.

На первом этапе развития (1860–1930 гг.) произошёл рост мировой энергетики примерно в 4,3 раза. На смену дровам пришёл уголь и работающие на данном виде топлива паровые машины. На протяжении 10 лет показатели энергетической отрасли выросли на 150% [3]. Стоит учесть, что никто не отрицал географическую составляющую в развитии энергетической отрасли, поэтому для одних регионов характерно было использовать дрова и другие подобные материалы, а для других регионов — уголь. Второе событие, произошедшее на первом этапе — освоение технологий преобразования механической энергии в электрическую. Это оказало огромное влияние на энергетическую отрасль, поскольку страны стали искать способ распространения энергии, и через некоторое время была освоена технология, способствующая внедрению средств передачи электроэнергии на большие расстояния. Уголь стал тем ресурсом, который был удобен для сжигания на крупных электрических станциях. Таким образом, была заложена энергетическая база как для индустриального, так и для постиндустриального общества¹.

В течение второго этапа развития доля угля стала снижаться в пользу нефти. Нефть по показателям потребления выросла в два раза, поскольку стали развиваться автомобильная и авиационная промышленность [6]. Затем последовал нефтяной кризис, который ускорил развитие атомной энергетической отрасли, привёл к увеличению спроса на газ как на топливо, применяемое в малом и среднем бизнесе².

Третий этап развития известен циклической перестройкой производственной струк-

туры энергетики, уменьшилась доля нефти в пользу, как тогда казалось, экологически благоприятного ресурса — природного газа (сжиженного). Многие развитые страны стали вкладывать денежные средства в развитие своих энергетических баз [7].

Затем наступил четвёртый этап развития, при котором произошло снижение темпов роста, резкий рост цен на ресурсы, сокращение доли импорта нефти многими странами. В отличие от предыдущих этапов, для четвёртого стала важна не экономическая привлекательность новых источников, а качество, т.е. декарбонизация и борьба с глобальным изменением климата.

Такова история этапов энергетического развития, описанная во многих работах энергетиков и экономистов. По мнению автора, история развития энергетики — сложная динамическая система, состоящая из сменяющих друг друга событий, в которых можно найти противоречия в отличие от того, что трактуют обществу.

Противоречие первое — дрова не были вытеснены с рынка. До промышленных революций человечество полностью зависело от древесины как основного источника энергии, и согласно истории, они исчезли при переходе на второй этап. Однако, древесина продолжает широко использоваться в настоящее время в качестве топлива во многих развитых и развивающихся странах, в том числе и в России, особенно в сельской местности. Известный эксперт по биотопливу Сергей Передерий, представитель компании ЕКО Holz und Pellethandel GbR (Дюссельдорф, Германия), писал: «В ФРГ ежегодно используется более 55 млн. плотн. куб. м. энергетической древесины. 46% этого объема используется в частном секторе, 36% — в котельных установках и мини-ТЭС (до 1 мВт) и 9% — в коммунальной энергетике (больше 1 мВт)» [5]. В России дровяные котельные до сих пор применяются в частном секторе.

Противоречие второе — уголь не был смещён на втором этапе развития. Уголь доминировал на рынке в XIX в. и первой по-

1 Новак А. Угольная промышленность России: история на века [Электронный ресурс] // Энергетическая политика. URL: <https://energypolicy.ru/a-novak-ugolnaya-promyshlennost-ross/business/2020/13/17/> (дата обращения: 15.09.2021).

2 Этапы развития энергетики [Электронный ресурс] // Новости энергетики. URL: <https://novostienergetiki.ru/etapy-razvitiya-energetiki/> (дата обращения: 15.09.2021).

ловине XX в. и до сих пор занимает небольшую долю в мировом энергобалансе из-за роста энергопотребления. С 1994–2001 гг. произошла реструктуризация угольной промышленности. За этот период процесс повышения технического и экономического уровня угольного производства, а также перемещение основного объёма добычи на новые мощности обеспечили выход на высококачественную и экспортно-ориентированную конечную продукцию. Экономическая стабильность в целом и была достигнута за счёт реструктуризации отрасли, что подтверждается высокими финансово-экономическими результатами компаний, добывающих уголь. На стабильность не повлияли ни кризис 2007–2009 гг., ни обвал мировых цен на энергоресурсы в 2014–2015 гг. на производство угля. Другим моментом, не менее существенным, является то, что в металлургической промышленности, добыча коксующего угля — это элемент, соответствующий современному уровню развития промышленности, который наши современники пытаются использовать в производстве.

Противоречие третье — нефть не вытесняла уголь с рынка, вместо этого нефть начала создавать собственные рынки, где она оказалась вне конкуренции.

Противоречие четвёртое — газ и атом на третьем этапе не являлись новыми энергоресурсами, а уже полноценно генерировали на рынке. В 1970-х гг. 50% мирового спроса на энергоресурсы обеспечивала нефть, но это не обратило рынок нефти в источник особого влияния на экономику. При растущем потреблении в мире добыча нефти достигла пика в 1970 г., затем начала снижаться. Влияние на мировые нефтяные рынки в основном оказывал ОПЕК. Эмбарго на поставки нефти в страны, поддержавшие Израиль в арабо-израильской войне в 1973 г., привели к росту цен на нефть. Это привело к следующим событиям: к снижению экономической активности в развитых странах, к запуску энергосберегающих программ, к сокращению потребления нефти. Мощный импульс к развитию получили атом и газ, поскольку не были завязаны на жидких углеводородах³.

Противоречие пятое — как утверждается во многих источниках, при переходе со второго на третий этап газовый рынок был наравне с нефтяным. Однако в конце 1980-х — начале 1990-х гг. впервые потребление природного газа для внутренних нужд превысило потребление нефти, т.е. газ не являлся на этом этапе новым энергоресурсом, а уже представлял собой практически развитый энергетический ресурс. С этого момента природный газ как двигатель экономики и прогресса стал применяться в огромных количествах. При этом произошёл быстрый рост использования природного газа в электроэнергетике за счёт массового строительства высокоэффективных парогазовых электростанций. В течение этого периода 30% природного газа потреблялось за пределами страны-производителя, поэтому возросли объёмы производства в 4,5 раз, доказанные запасы выросли в 1,5 раза, добыча и потребление — в 2 раза, а трансграничная торговля газом — более чем втрое. Стоит отметить, что 10% добываемого от этого количества экспортировалось в сжиженном виде [1].

Противоречие шестое — ВИЭ не стали основным энергоресурсом на рынке. Стоит повторить уже всем известные причины: во-первых, затраты на доставку энергии от ВИЭ намного выше, чем у других видов электроэнергии; во-вторых, необходимы постоянные инвестиции в инфраструктуру; в-третьих, в условиях недостатка резервных мощностей прерывистая подача энергии удорожает материальное производство. В таком случае автор полагает, что даже атомная энергетика может стать наиболее эффективным направлением развития, нежели ВИЭ, поскольку она может стать заменителем ископаемого топлива, способным обеспечивать население и транспорт чистым электричеством.

Если данных утверждений недостаточно для доказательства наличия противоречий в истории энергетики, то в таком случае противоречия можно обнаружить даже при анализе смены технологических укладов, поскольку на каждый этап развития энергетики влияют не только сугубо социально-экономические и политические факторы, но и внедрение качественно новых технологий.

3 Natural Gas Research [Electronic resource]. URL: <http://www.dolgikh.com> (date accessed: 15.09. 2021).

Большинство источников выделяет шесть технологических укладов:

1) первый уклад начался в конце XVIII в. и связан с развитием текстильной промышленности. Это первая механизированная отрасль в экономике, которая была основана на энергии воды и ветра, на дереве и камне как на конструктивных материалах;

2) второй уклад активно развивался с 1830-х гг. В период, когда началась механизация основных отраслей экономики, стали осваиваться паровые машины, послужившие активному социально-экономическому развитию. Каменный уголь в это время являлся основным энергоносителем, а паровой двигатель — основным двигателем⁴;

3) третий уклад вступил в своё развитие с конца XIX в., точнее, с 1880-х гг. Электрический двигатель становится транспортной системы. При этом электричество добывается двумя вариантами: путём сжигания органического топлива, где тепловая энергия преобразуется в механическую, а затем в электрическую, и с помощью ГЭС механическая энергия движения водных масс преобразуется в электрическую. Основным энергоносителем на данном этапе являются вода и уголь [4];

4) четвёртый уклад начал проявлять себя в 1930–1940-х гг. и основывался на применении технологий двигателя внутреннего сгорания и органической химии. При этом основными отраслями промышленности стало автомобилестроение и всё, что связано с ним, включая конвейерное производство. В результате произошёл рост потребления нефти и нефтехимии;

5) пятый уклад относится к концу XX в. Развитие микроэлектротехники и других смежных отраслей кажется абсолютно недосягаемой отраслью, но тем не менее, так описывают уклад многие учёные;

6) шестой уклад, основанный на нанотехнологиях, а также ВИЭ, по факту должен был уже начаться и занять лидирующую позицию в 2030-х гг. По мнению автора, это уклад является «призрачным». Объяснение заключается в следующем.

Противоречия очевидны: это касается первых четырёх технологических укладов,

они имеют определённый источник энергии, а также основу транспортной системы (основной двигатель) и базовый материал. Таким образом, вся структура индустриальной экономики определяется тремя пунктами: энергетической основой, транспортными технологиями и основным материалом. Поэтому первый технологический уклад — это «вода — ветер — дерево», второй технологический уклад — «уголь — паровой двигатель — чугун», третий — «электричество — электрифицированные железные дороги — сплавы», четвёртый — это «нефть — двигатель внутреннего сгорания — пластмассы». В каждом укладе наблюдается не просто набор отдельных технологий, а внутренне взаимосвязанный технологический комплекс [9].

С пятым и шестым технологическим укладом все происходит наоборот. Для пятого и тем более шестого технологических укладов выявить комплекс, показывающий взаимосвязь технологий, невозможно. Развитие микроэлектроники никак не повлияло на транспортную систему и энергетическую первооснову цивилизации.

То же самое можно сказать о других второстепенных направлениях: каждый технологический уклад означал шаг вперёд в развитии. Максимальное достижение первого технологического уклада — монгольфьеры, второго — дирижабли, третьего — поршневая авиация, четвёртого — реактивная авиация и первые космические полёты (химические ракеты-носители). На пятом укладе данный элемент отсутствует.

В данном случае вполне очевидно, что переход к пятому технологическому укладу не произошёл.

Заключение. Учитывая вышеперечисленные факты, можно сказать, что энергетический рынок — это действительно сложная система, состоящая из энергетических противоречий капитализма (поскольку она возникла в недрах капиталистического хозяйства). Каждый этап характеризуется производственной необходимостью, но развитие не приводило к смене ресурсов, они как бы «накладывались» друг на друга и продолжа-

⁴ Этапы развития энергетики [Электронный ресурс] // Новости энергетики. URL: <https://novostienergetiki.ru/etapy-razvitiya-energetiki/> (дата обращения: 15.09. 2021).

ли занимать определённую долю в энергобалансе. Что касается современной ситуации, то невозможно добиться «идеализации машины» в том смысле, что механизма как такового нет, а все делается само по себе. Машина есть, однако её «не видно» по выбросам теплоты, отходов и т.п., поэтому появились критики этой модели (как Шваб, например) и разговоры об экологии, пытающиеся навязать миру интересы глобальных ТНК. Это и есть противоречие той системе, которая была и создана и до сих пор показывает эффективные результаты.

Список источников

1. Вишневер В.Я. Сущность и основные тенденции развития мирового газового рынка // Экономические науки. 2010. №10(71). С. 279–282.
2. Львов Д.С. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного управления / Д.С. Львов, С.Ю. Глазьев, Г.Г. Фетисов. М.: Наука, 1992. 207 с.
3. Макаров А.А. Методология и результаты прогнозирования перспектив развития мировых энергетических рынков на период до 2040 года / А.А. Макаров, А.А. Галкина, Д.А. Грушевенко и др. // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №1. С. 3–20.
4. Мендельсон Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов. М.: Соцэкгиз, 1959–1964. Т. 1. 691 с.
5. Никольская В. Дрова — устаревший товар или современное биотопливо? [Электронный ресурс] // ЛесПромИнформ. 2019. №5(143). URL: <https://lesprominform.ru/jarticles.html?id=5392> (дата обращения: 15.09. 2021).
6. Grushevcnko E., Grushevenko D. Unconventional Oil Potential Tends to Change the World Oil Market // CS Canada Energy Science and Technology. 2012. Vol. 4. №1. P. 68–74.
7. Issawi C. The 1973 oil crisis and after // Journal of Post Keynesian Economics. 1978. Vol. 1. №2.
8. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. 50th anniversary. Ian Hacking. 4th ed. University of Chicago Press, 2012. 264 p.
9. Techno-Economic Paradigms: Essays in Honour of Carlota Perez / Ed. by W. Drechsler.

London: Anthem Press, The Other Canon Foundation, 2011. 442 p.

References

1. Vishnever V. Ja. Sushhnost' i osnovnye tendencii razvitija mirovogo gazovogo rynka [Essence and main trends of the world gas market]. *Jekonomicheskie nauki* [Economic sciences]. 2010; 10(71): 279–282. (In Russ.).
2. L'vov D.S. Jevoljucija tehniko-jekonomicheskikh sistem: vozmozhnosti i granicy centralizovannogo upravlenija [Evolution of techno-economic systems: possibilities and boundaries of centralized control]. D.S. L'vov, S. Ju. Glaz'ev, G.G. Fetisov. Moscow: Nauka, 1992. 207 p. (In Russ.).
3. Makarov A.A. Metodologija i rezul'taty prognozirovaniya perspektiv razvitija mirovyh jenergeticheskikh rynkov na period do 2040 goda [Methodology and results of forecasting of world energy market prospects until 2040]. A.A. Makarov, A.A. Galkina, D.A. Grushevenko et al. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [The world economy and international relations]. 2014; (1): 3–20. (In Russ.).
4. Mendel'son L.A. Teorija i istorija jekonomicheskikh krizisov i ciklov [Theory and History of Economic Crises and Cycles]. Moscow: Socjkgiz, 1959–1964. Vol. 1. 691 p. (In Russ.).
5. Nikol'skaja V. Drova — ustarevshij tovar ili sovremennoe biotoplivo? [Firewood — obsolete commodity or modern biofuels?] [Elektronnyj resurs]. *LesPromInform*. 2019; 5(143). URL: <https://lesprominform.ru/jarticles.html?id=5392> (data obrashhenija: 15.09. 2021). (In Russ.).
6. Grushevcnko E., Grushevenko D. Unconventional Oil Potential Tends to Change the World Oil Market // *CS Canada Energy Science and Technology*. 2012. Vol. 4. №1. P. 68–74.
7. Issawi C. The 1973 oil crisis and after // *Journal of Post Keynesian Economics*. 1978. Vol. 1. №2.
8. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. 50th anniversary. Ian Hacking. 4th ed. University of Chicago Press, 2012. 264 p.
9. Techno-Economic Paradigms: Essays in Honour of Carlota Perez / Ed. by W. Drechsler. London: Anthem Press, The Other Canon Foundation, 2011. 442 p.

Статья поступила в редакцию 22.03.2022; одобрена после рецензирования 02.04.2022; принята к публикации 18.04.2022.

The article was submitted on 22.03.2022; approved after reviewing on 02.04.2022; accepted for publication on 18.04.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тимонина Виктория Ивановна — аспирант департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ.

Россия, г. Москва, Ленинградский пр., 49

Victoria I. Timonina — Postgraduate Student of the Department the economic theory, Financial University under the Government of the Russian Federation.

49 Leningradsky av., Moscow, Russia

Научная статья

УДК 331.21

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-199-211

МОТИВАЦИЯ И СТИМУЛИРОВАНИЕ ТРУДА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ НА ПРЕДПРИЯТИИ

Елена Николаевна Шумская¹✉, Сергей Викторович Филиппов²,
Олег Александрович Терновский³

^{1, 2, 3}Каменский технологический институт (филиал)
Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Каменск-Шахтинский, Россия

¹shumskaya_e@mail.ru✉, AuthorID Scopus: 0000-0002-4581-0045

²filipps@bk.ru, AuthorID Scopus: 0000-0002-7154-1862

³terol2005@mail.ru, AuthorID Scopus 0000-0001-6088-6112,

WoS Research ID: AAB-1617-2021

Аннотация. Целью исследования является изучение взаимосвязи между мотивацией и стимулированием труда управленческих кадров, оценка работы управленческого персонала для формирования эффективной системы мотивации и стимулирования труда.

Методология основывается на использовании методов логического и сравнительного анализа, изучении классификации функций управленческого труда. Изучение мотивационных механизмов является мощным инструментом управления и совершенствования стимулирования управленческого персонала.

Результаты исследования. Систематизированы базовые понятия мотивации и стимулирования труда. Доказано, что между стилем управления руководителя и мотивацией существует выраженная взаимосвязь, имеют место динамические изменения мотивации трудовой деятельности в зависимости от возраста и стадии трудового пути. Предложена методика оценки эффективности управленческого труда.

Перспективы исследования. Дальнейшее исследование мотивации поведения руководителя и механизма стимулирования управленческого труда открывает новые возможности в повышении эффективности управленческой деятельности.

Ключевые слова: мотивация, стимулирование, управленческие кадры, оценка работы управленческих кадров

Для цитирования: Шумская Е. Н., Филиппов С. В., Терновский О. А. Мотивация и стимулирование труда управленческих кадров на предприятии // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 199–211. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-199-211>.

Original article

MOTIVATION AND STIMULATION OF MANAGEMENT PERSONNEL IN THE ENTERPRISE

Elena N. Shumskaya¹✉, Sergei V. Filippov², Oleg A. Ternovsky³

^{1, 2, 3}Kamensk Technological Institute (branch),

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Kamensk-Shakhtinsky, Russia

¹shumskaya_e@mail.ru✉, AuthorID Scopus: 0000-0002-4581-0045

²filipps@bk.ru, AuthorID Scopus: 0000-0002-7154-1862

³terol2005@mail.ru, AuthorID Scopus 0000-0001-6088-6112,

WoS Research ID: AAB-1617-2021

Abstract. *The aim of the study is to study the relationship between motivation and stimulation of labor of management personnel, assessment of the work of management personnel to form an effective system of motivation and incentives for labor.*

The methodology *is based on the use of methods of logical and comparative analysis, the study of the classification of the functions of managerial labor. The study of motivational mechanisms is a powerful tool for managing and improving incentives for management personnel.*

Research results. *The basic concepts of motivation and stimulation of labor are systematized. It is proved that there is a pronounced relationship between the manager's management style and motivation, there are dynamic changes in the motivation of labor activity depending on the age and stage of the work path. A methodology for assessing the effectiveness of managerial work is proposed.*

Research prospects. *Further study of the motivation of the leader's behavior and the mechanism for stimulating managerial labor opens up new opportunities for increasing the efficiency of managerial activity.*

Keywords: *motivation, stimulation, management personnel, assessment of the work of management personnel*

For citation: *Shumskaya E.N., Filippov S.V., Ternovsky O.A. Motivation and stimulation of management personnel in the enterprise // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 199–211. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-199-211>.*

Введение. Экономическое развитие России характеризуется увеличением ВВП в 1 полугодии 2021 года по сравнению с 1 полугодием 2020 года на 4,8%. По сравнению с 1 полугодием 2019 года произошло снижение данного показателя на 3,4%¹. В данных условиях повышается значимость стимулирования труда управленческих кадров, так как именно от них зависит улучшение деятельности руководимых ими организаций или структурных

подразделений. Производство конкурентоспособной продукции и эффективность производственной деятельности возможны при условии применения действенной мотивации и стимулов к труду управленческих работников. Вызванный научно-техническим прогрессом рост числа управленцев говорит об увеличивающейся роли управленческих кадров.

Роль управленческих кадров является решающей и следует из осуществляемых ими

¹ Социально-экономическое положение России: январь-сентябрь 2021 [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>.

функций. Классический подход функций управленческого труда делит их на восемь групп:

- 1) планирование;
- 2) финансирование;
- 3) организация;
- 4) мотивация и стимулирование;
- 5) информационное обеспечение и учет;
- 6) маркетингование;
- 7) безопасность;

8) контроль, регулирование и оценка деятельности.

На ряде предприятий вообще используется типовой набор функций: набор и отбор персонала, адаптация, аттестация, повышение квалификации, ротация кадров.

В современных условиях перехода предприятий от стратегии выживания к стратегии развития представляет интерес классификация, предложенная Е. Ю. Юргановой (рис. 1).

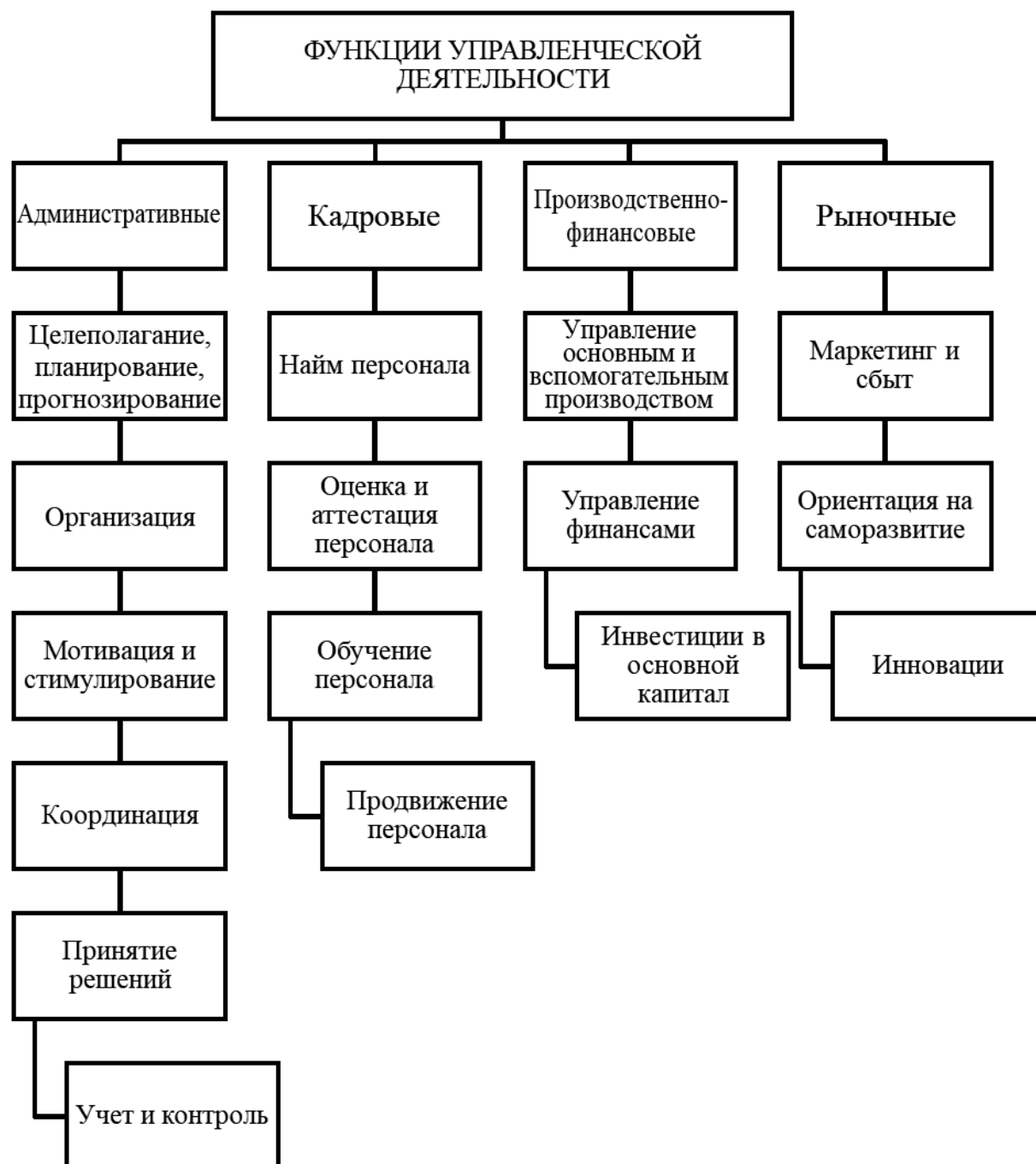

Рис. 1. Классификация функций управленческой деятельности [13]

Fig. 1. Classification of management functions [13]

Четкое структурирование функций управления дает возможность создать эффективную систему мотивации и стимулирования управленческих кадров.

По нашему мнению, значение трудовой мотивации руководителя нельзя переоценить, ведь его роль в системе управления производственной деятельностью, включая социальные, экономические и технические подсистемы, является решающей. Обеспечение устойчивого развития предприятия и поддержание конкурентоспособности на рынке является ключевой задачей руководителя. Именно руководитель в конечном счете отвечает за формирование благоприятного психологического климата и командного духа (англ. team spirit) внутри организации, мотивируя сотрудников на скоординированную работу по достижению общей цели за счет организационных и экономических механизмов. В связи с этим современные условия предъявляют к руководителю повышенные требования к подготовке, как в области экономики, финансов, технологии и организации производственной деятельности, так и в области социологии и психологии.

Анализ работ по теме исследования и обсуждение. На основе анализа ряда работ Л. А. Карпенко, А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского, Е. С. Ладыгиной, Т. С. Краснова и А. А. Куприна нами систематизированы базовые понятия мотивации и стимулирования труда [6; 7; 9].

Мотив представляет собой инициативное намерение, направленное на удовлетворение потребности субъекта. В свою очередь мотивация — это побуждения индивида к совершению активных действий, направленных на определённую цель. При этом стимул, под которым понимается воздействие на индивида, обуславливающее динамику его состояний, также представляет собой их причину.

Стимул является желаемой целью, вознаграждением, удовлетворяющим испытываемую нужду (потребность) в необходимых для функционирования индивида духовных, материальных или социальных благах, а мотив выступает в качестве связующего звена между потребностью и стимулом.

Мотивация к труду предусматривает создание условий для регулирования способности работника удовлетворять собственные

потребности посредством трудовых отношений. То есть цели работника и цели компании должны быть совпадающими, в этом случае будет наблюдаться повышение производительности труда — ключевая задача управления предприятием.

Традиционно принято выделять два направления мотивации работников: материальная мотивация, связанная с заработной платой, премиями, надбавками, и нематериальная, направленная на создание для работников различных привилегий.

Отметим, что привилегии различного рода являются важным элементом корпоративной культуры предприятия, повышающим степень заинтересованности работника в конечных результатах труда. Анализируя особенности мотивации менеджеров высшего и среднего звена, О. В. Куликова и О. В. Бубнова выделили следующие базовые факторы удовлетворённости сотрудников:

- понимание, что от них ожидают руководители;
- соответствие работника выполняемым им заданиям;
- справедливое признание руководством заслуг работника;
- высказывание со стороны руководства заслуженной похвалы;
- забота со стороны непосредственного руководителя [8].

Для наёмного работника важное значение играет не только непосредственный размер материального вознаграждения, но и возможность личного саморазвития, а также условия труда. Следовательно, высокомотивированные работники способны стать прочной основой устойчивого развития предприятия, что необходимо учитывать при реализации управленческой стратегии.

Ряд авторов выделяет типы мотивации в зависимости от вида активности: внешнюю (extrinsic), для которой характерно видимое мотивационное поведение, и внутреннюю (intrinsic) — скрытое мотивационное поведение. Иными словами, внешняя мотивация описывает детерминированное поведение на основе иницирующих и регулирующих факторов, находящихся вне индивидуума, а внутренняя — в самом индивиде [4].

Практические возможности различных типов мотивации открывают максимально

широкие возможности для повышения эффективности функционирования предприятия, так как осознание поставленных целей, возможных поощрений и санкций за невыполнение трудовых обязанностей служат хорошим стимулом как для рядовых сотрудников, так и для руководителей.

Изучение движущих поведенческих факторов, лежащих в основе поступков индивида, позволяет сформировать комплекс форм и методов управления и найти пути повышения эффективности трудовой деятельности.

Представляется очевидным, что только понимание лежащих в основе действий руководителя побудительных мотивов позволяет сформировать эффективную комплексную систему целенаправленного воздействия и стратегического управления. Стил управления руководителя определяется мотивационными факторами при принятии управленческого решения. Если формальный руководитель склонен к авторитарным методам управления, направленным на максимальный контроль подчинённых с использованием формальной власти в качестве ключевого метода воздействия на подчинённых, то управленческий лидер-руководитель в большей степени ориентируется на социально-психологические воздействующие механизмы и личный авторитет среди сотрудников.

При этом следует отметить, что мотивы управленческих решений могут трансформироваться в зависимости от внутреннего состояния организации и этапа её развития. Так, при работе в экстремальных условиях нестабильности, кризиса, отрицательной динамики финансово-экономических показателей руководитель в большей степени склонен к творческой активности, принятию нестандартных решений, а также диалогу и принятию коллективных компромиссов, нежели при стабильном долговременном устойчивом развитии организации.

Можно утверждать, что между стилем управления руководителя и мотивацией существует выраженная взаимосвязь. Так, для управленца с повышенной склонностью к лидерскому поведению характерен повышенный уровень проявления потребности в получении властных полномочий при выраженном контроле, при этом наблюдается низкий уровень потребности в требуемом

контроле и страх отвержения. Вместе с тем при пониженной склонности к лидерскому поведению наблюдается значительный уровень страха отвержения и тяготение к требуемому контролю при низком уровне потребности достижения власти и выраженного контроля. Отметим также, что мотивация руководителя, выражающаяся в стиле управления, оказывает прямое влияние на мотивации подчинённых.

Как показало наше исследование, мотивационное воздействие посредством лидерского поведения оказывает существенное влияние на подчинённых, что детерминирует наличие прямой взаимосвязи между стилем управления и ведущими мотивами. Комплексное формирование стиля управления происходит под воздействием внутренних и внешних мотивов и зависит от внутренних психологических особенностей индивидуума. В свою очередь, система ценностей предопределяет набор и соотношение целей и задач в процессе принятия руководителем управленческого решения.

Ряд исследователей отмечают различие мотивационного профиля руководителя в зависимости от половой принадлежности. Так, по мнению М.В. Прохоровой, у женщин доминирует мотив избегания возможных неудач при высокой детерминированности потребности в безопасности, в то время как для мужчин характерно наличие противоположных тенденций и большая склонность к постановке амбициозных задач при повышенном уровне риска.

Высокая выраженность у мужчин таких внешних положительных мотивов, как размер вознаграждения, достижение высокого статуса и карьерное продвижение, отражаются в доминировании внешней положительной мотивации. В свою очередь, мотивационный профиль женщин детерминирован потребностью самореализации в процессе осуществления трудовой деятельности. Помимо этого, внешний негативный мотивационный комплекс, проявляющийся в избегании неудач и критики, обусловлен потребностью безопасности [11].

Следует также отметить наличие динамических изменений мотивации трудовой деятельности в зависимости от возраста и стадии трудового пути:

— на начальном этапе трудовой деятельности (до 30 лет) наблюдается преобладание внешних положительных мотивов над отрицательными и внутренней мотивации над внешней;

— в середине трудового пути (30–40 лет) повышается роль внешней мотивации и внешних положительных факторов;

— на завершающем этапе трудового пути (старше 40 лет) ключевую роль начинают играть внешние отрицательные мотивы при значительном уменьшении влияния внутренних факторов.

Внешние положительные мотивы менее чувствительны к возрастным различиям, при этом для руководителя по мере накопления опыта растёт выраженность внутренней мотивации при одновременном снижении внешней.

Для руководителя наибольшее значение имеет непосредственно сам процесс трудовой деятельности и доминирование мотива достижения над мотивами, связанными с избеганием возможных неудач. Положительный результат управления квалифицирует руководителя как инициативного, уверенного в своих силах, ответственного работника, ориентированного на успех организации. В структуре его мотивации преобладает результирующая ориентация над процессуальной, то есть наблюдается доминирующая установка на получение в процессе труда целевого результата. При этом для руководителя особое значение приобретает потребность в самодетерминации (автономии), предполагающая независимую инициативу и наличие возможности самостоятельного контроля собственных действий.

Воля руководителя проявляется в сознательном выборе варианта решения проблемы, а в качестве её основы выступает внутренняя мотивация, выраженная в потребности быть компетентным, то есть способным эффективно достигать как внешних, так и внутренних целевых результатов. При помощи фактора воли решаются конфликты между различными потребностями и их подчинение. Ещё один важный элемент внутренней мотивации руководителя выражается в установлении взаимосвязи с вышестоящими и подчиненными сотрудниками и проявляется в чувстве принадлежности к единой команде.

Исследование мотивации поведения руководителя в рамках теории самодетерминации открывает новые возможности в изучении трудовой мотивации. Инициативное поведение, в результате которого удовлетворяются потребности в автономии, компетентности и взаимосвязанности, способствует стимулированию внутренней мотивации, что создаёт необходимые условия для эффективной продуктивной работы.

Доминирование внешней мотивации, предполагающей ключевую роль внешних атрибутов социального статуса и материального вознаграждения, нередко приводит к снижению ценностных ориентаций, что может приводить к повышенной текучести кадров. В то же время при развитости внутренней мотивации, предполагающей наличие индивидуального подхода к развитию сотрудников, инициативность и заинтересованность в конечном результате, работники демонстрируют более высокую заинтересованность в устойчивой работе организации в целом.

Вместе с тем не следует игнорировать тот факт, что внешние мотивационные факторы способны оказывать положительное воздействие на работников и без них продуктивная работа будет весьма затруднена. Внешние поощрения со стороны руководителя оказывают положительное воздействие на подчиненных и на их отношение к выполняемой работе. При этом внешние факторы мотивации должны максимально учитывать индивидуальные особенности сотрудников, что может выражаться в особых привилегиях и индивидуальных поощрениях.

Анализ работ В.А. Антропова, О.С. Виханского, В.В. Гончарова, А.Я. Кибанова, А.И. Наумова, Ю.В. Тихонравова, Л.С. Шаховской и других авторов показывает необходимость дальнейшей разработки методики мотивации и стимулирования труда управленческих кадров.

Причиной малоэффективной системы стимулирования труда управленческих кадров на предприятии является низкая мотивация труда управленческого персонала. Система мотивации и стимулирования управленческих кадров подразумевает повышение трудовой активности управленцев, повышение эффективности их труда [15].

Стимулирование управленческого труда условно можно разбить на четыре блока (рис. 2). Наибольшая эффективность достигается при использовании данных форм стимулирования в совокупности, которые дополняют друг друга [3].

Самым действенным для многих предприятий с экономической точки зрения является материальное стимулирование, удовлетворяющее максимальное количество потребностей [1].

В механизме стимулирования управленческих работников нужно учитывать как экономический аспект, так и социальный. Социальный аспект предусматривает рост эффективности кадровой политики, использование социальных технологий во взаимодействии руководителей и подчиненных, предусматривающий инновационные подходы, совершенствование корпоративной культуры.

Управленческий труд — это в основном умственный труд, что определяет специфику его работы, которая выражается в совокупном труде всех работников. Особенностью управленческого труда является то, что он не может быть напрямую оценен количественно, а только через результаты труда подчиненных работников. Соответственно от правильности принятых решений управленца зависят результаты работы всего коллектива.

Анализ мотивации и стимулирования труда управленческих кадров выявил следующие недостатки:

1) уровень оплаты труда управленческих кадров не учитывает индивидуальных

особенностей руководителей и степень их квалификации;

2) не имеется четкой процедуры оценки результатов управленческих кадров;

3) отсутствует личное участие управленческих кадров в разработке мотивов и стимулов своей работы;

4) используется краткосрочный подход к мотивации и стимулированию труда.

Опрос, проведенный среди руководителей разных уровней управления одной из российских компаний, показал, что только половина работников удовлетворены своей работой, треть управленцев считает, что для эффективной работы нет необходимых условий, больше половины отмечают неэффективность системы стимулирования [2].

При выборе мотивирующих факторов наибольший интерес вызвали творческие задачи, соответствующая оценка результатов работы, возможность карьерного роста, прозрачная система поощрения, хорошие отношения в коллективе.

Анкетирование топ-менеджеров на курсах МВА, проведенное среди 64 руководителей, показало, что наиболее действенные для них мотивирующие факторы следующие [3]:

- самовыражение;
- уважение в коллективе;
- оплата труда;
- возможность карьерного роста;
- представляющая интерес работа;
- надежность и статусность компании.

Оценочные критерии деятельности управленческих кадров высшего уровня управления на предприятии должны основываться

Материальное денежное	Материальное неденежное	Моральное	Административное
• оклады • надбавки • вознаграждения • премии и т.д.	• санаторные путевки • предоставление жилья • предоставление транспорта и т.д.	• медали • грамоты • благодарности и т.д.	• творческие командировки • участие в конференциях • участие в научных семинарах и т.д.

Рис. 2. Виды стимулирования управленческого труда
 Fig. 2. Types of incentive management work

на целеполагании и целедостижении [12]. Это говорит о том, что деятельность руководителей должна быть направлена на стратегию развития предприятия.

Сегодня уже необходимо ориентироваться не на краткосрочный подход к мотивации, а использовать критерии оценки решений, направленных на долгосрочную перспективу. Это создаст эффективную систему вознаграждения руководителей с целью достижения ими производительного развития компании. При этом наибольший доход в виде бонусов должен быть ориентирован именно на долгосрочные достижения, что позволит дополнительно снизить текучесть кадров [14].

Оценка эффективности управленческого труда. Методика оценки эффективности управленческого труда составляет основу системы стимулирования управленцев. Соответственно, для совершенствования мотивации и стимулирования труда управленческих кадров необходимо совершенствовать методику оценки их труда. С этой целью целесообразно использовать как количественные, так и качественные показатели (рис. 3).

Оценка работы управленческих кадров должна начинаться с соответствия их работы стратегии развития предприятия и сформированной кадровой политики, ориентированных не только на краткосрочный период, но и с учетом долгосрочного вклада в стратегическое развитие предприятия.

В качестве количественных показателей для оценки результатов управленческого труда руководителей предприятия необходимо использовать не только показатель выручки, но и прибыли предприятия. Это позволит увеличить заинтересованность руководителей в показателях рентабельности предприятия [12]. Необходимо должностной оклад руководителя умножать на коэффициент, разработанный экспертным советом предприятия, который зависит от полученной прибыли и ежемесячных денежных поступлений не только в общей сумме, но и в расчете на одного работника предприятия.

Для руководителей функциональных и структурных подразделений коэффициент стимулирующих выплат должен составлять определенный процент от выплаты руководителю в зависимости от меры ответственности.

Оценка качества управленческого труда направлена на соотношение деятельности предприятия целям, а также предполагает использование социальной деятельности. Сегодня уже недостаточно работать просто эффективно. Управление персоналом предполагает социальную ответственность коллектива, учет уровня и качества жизни работников. Социальная ответственность в рамках оценки качества управленческого труда предусматривает улучшение экологии, сохранение здоровья работников, организация санаторно-курортного лечения и отдыха, повышение квалификации.

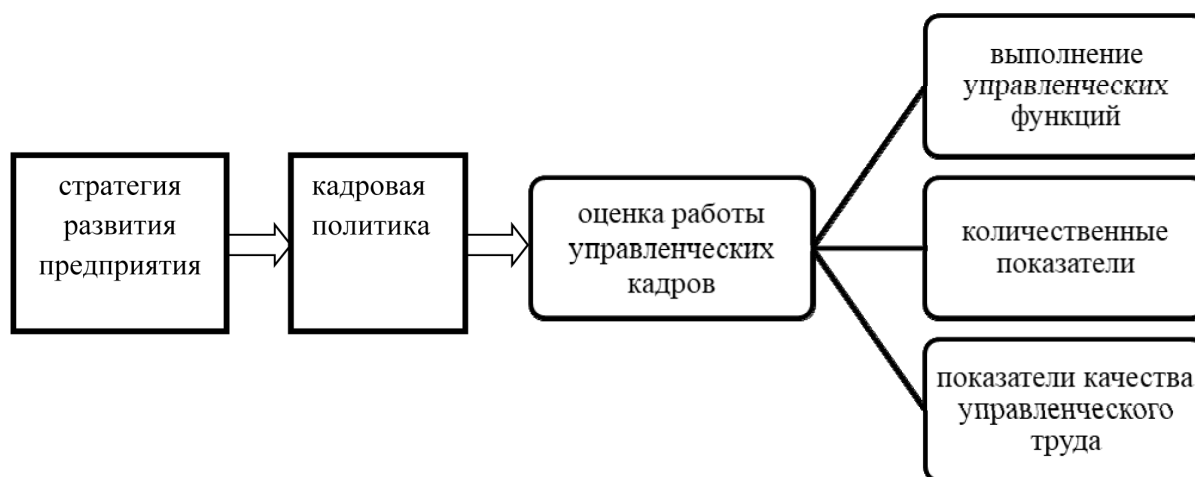

Рис. 3. Алгоритм формирования оценки работы управленческих кадров для стимулирования труда
Fig. 3. Algorithm for forming an assessment of the work of managerial personnel to stimulate labor

К показателям качества управленческого труда отнесем:

- 1) организацию труда;
- 2) корпоративную культуру;
- 3) уровень квалификации;
- 4) обучение персонала;
- 5) трудовую дисциплину;
- 6) инновационную активность;
- 7) экономическую ответственность персонала;
- 8) систему контроля.

Данные показатели направлены на дифференциацию целей для разных исполнителей, разработку отдельных специфических задач, взаимосвязанную работу всех структурных подразделений, комплексный подход в развитии инновационного процесса, что в итоге ведет к повышению качества управленческого труда.

Формирование высоких показателей качества управленческого труда требует от управленческих кадров творческого подхода, высоких профессиональных компетенций, уверенности в принятых решениях, хорошего здоровья, отличного искусства делового и личностного общения, стремления к самосовершенствованию.

Структура вознаграждения управленческих кадров сегодня должна формироваться из фиксированной части, зависящей от квалификации, опыта работы, углубленности знаний, а также переменной части, включающей выплаты за краткосрочный период и долгосрочные результаты.

Заключение. Таким образом, мотивация представляет собой стремление работника удовлетворить свои потребности в определенных благах посредством труда, а стимулирование выражает внешнее воздействие, направленное на мотивы работника.

Результаты проведенных исследований показывают, что система мотивации труда управленческих кадров имеет комплексную схему, в которую входят факторы мотивации труда, методы усиления трудовой активности и цели мотивации. Самым эффективным способом вознаграждения выступает использование прогрессивных форм оплаты труда. Чтобы сформировать эффективную систему мотивации, необходимо сначала определить ее со стратегией развития организации, основанной на миссии.

Система мотивации и стимулирования труда управленческих кадров — это динамическая структура, которая должна постоянно развиваться и совершенствоваться с учетом изменяющихся условий и приоритетного выявления факторов, актуальных в данный конкретный момент времени.

Предложенная оценка эффективности управленческих кадров позволит совершенствовать систему мотивации и стимулирования труда на предприятии. Гибкое использование мотивационных механизмов, которые являются мощным инструментом управления, дадут возможность руководителю обеспечить длительное устойчивое развитие предприятия, создать эффективную систему стимулирования управленческого персонала.

Список источников

1. Бойко Ю.И., Коробкина М.А. Мотивация и стимулирование труда как объективный фактор повышения конкурентоспособности предприятия в условиях становления и развития рыночных отношений [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 2. С. 236–240. URL: <http://e-koncept.ru/2016/46061.htm>.
2. Борисенко А.О. Мотивация труда управленческого персонала в сельскохозяйственных организациях: теоретические и практические аспекты / под ред. В.Г. Гусакова. Минск: Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2015. 185 с.
3. Ветлужских Е. Мотивация и оплата труда: Инструменты. Методики. Практика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 133 с.
4. Елфимов Е.А. Внешняя и внутренняя мотивация как основа профессионального развития и самореализации в труде // Человеческий капитал. М., 2013. Вып. 11(59). С. 102–103.
5. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации [Электронный ресурс]. URL: <http://econom-lib.ru/4.php>.
6. Краснов Т.С., Куприн А.А. Нематериальное стимулирование труда работников в контексте мотивации трудовой деятельности [Электронный ресурс] // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. Опел, 2016. №5. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28118538_65601479.pdf.

7. Краткий психологический словарь [Электронный ресурс] // Л.А. Карпенко, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. Ростов-на-Дону: «ФЕНИКС», 1998. URL: <https://psychology.academic.ru>.

8. Куликова О.В., Бубнова О.В. Особенности мотивации менеджеров высшего и среднего звена в современных организационных условиях [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. Пенза: Издательский Дом «Академия Естествознания», 2015. №1-1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25325283>.

9. Ладыгина Е.С. Мотивация работников в организации [Электронный ресурс] // Наука и мир. Волгоград, 2014. №12. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22676719_42482125.pdf.

10. Петрушин А.В. Особенности построения системы мотивации деятельности топ-менеджмента корпораций в России [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>.

11. Прохорова М.В. Особенности мотивации труда женщин и мужчин: ее направленность и смыслообразующая ориентация // Материалы Международной научно-практической конференции в рамках III Всероссийского научного форума «Наука будущего — наука молодых». В 2-х т. Под общ. ред. Саралиевой З.Х. Нижний Новгород: ООО «Научно-исследовательский социологический центр», 2017. С. 813–816.

12. Соколова Л.Г. Методические подходы к формированию оценки производительности труда управленческого персонала производственной и непроизводственной сфер деятельности // Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции: в 2-х частях. Под науч. ред. Н.Н. Даниленко, О.Н. Бaeвой. 2018. С.311–316.

13. Юрганова Е.Ю. Мотивация труда управленческого персонала // Приоритеты социально-экономического развития регионов: вопросы теории, методологии, практики / Под ред. чл.-корр. РАН А.И. Татаркина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2000. С. 363–371.

14. Korobkina M. Technological approach to development training of business managers in Southern Russia // Czech Journal of Social Sciences, Business and Economics. 2014. №2(2). P.48–55.

15. Социокультурные основания для модели «сити-менеджмента» в системе российского муниципального управления / Дятлов А.В., Чигрин В.А. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4(70). №1. С. 3–9.

References

1. Bojko Ju. I., Korobkina M.A. Motivacija i stimulirovanie truda kak ob'ektivnyj faktor povyshenija konkurentosposobnosti predprijatija v uslovijah stanovlenija i razvitija rynochnyh otnoshenij [Motivation and stimulation of labor as an objective factor of increasing the competitiveness of an enterprise in the conditions of formation and development of market relations] [Elektronnyj resurs]. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept»* [Scientific and methodological electronic journal «Concept»]. 2016; 2: 236–240. URL: <http://e-koncept.ru/2016/46061.htm>. (In Russ.).

2. Borisenko A. O. Motivacija truda upravlencheskogo personala v sel'skohochozjajstvennyh organizacijah: teoreticheskie i prakticheskie aspekty; pod red. V.G. Gusakova [Motivation of managerial personnel in agricultural organizations: theoretical and practical aspects. In V.G. Gusakov (eds.)]. Minsk: Institut sistemnyh issledovanij v APK NAN Belarusi, 2015. 185 p. (In Russ.).

3. Vetluzhskih E. Motivacija i oplata truda: Instrumenty. Metodiki. Praktika [Motivation and remuneration: Tools. Methods. Practice]. Moscow: Al'pina Biznes Buks, 2007. 133 p. (In Russ.).

4. Elfimov E.A. Vneshnjaja i vnutrennjaja motivacija kak osnova professional'nogo razvitija i samorealizacii v trude [External and internal motivation as the basis of professional development and self-realization in work]. *Chelovecheskij kapital* [Human capital]. Moscow, 2013; 11(59): 102–103. (In Russ.).

5. Kibanov A. Ja. Upravlenie personalom organizacii [Personnel management of the organization] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://econom-lib.ru/4.php>. (In Russ.).

6. Krasnov T.S., Kuprin A.A. Nematerial'noe stimulirovanie truda rabotnikov v kontekste motivacii trudovoj dejatel'nosti [Intangible stimulation of workers' labor in the context of motivation of labor activity] [Elektronnyj resurs].

Obrazovanie i nauka bez granic: social'no-gumanitarnye nauki [Education and science without borders: social and humanitarian sciences]. Orel, 2016; (5). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28118538_65601479.pdf. (In Russ.).

7. Kratkij psihologicheskij slovar' [Brief psychological dictionary] [Elektronnyj resurs]. L.A. Karpenko, A.V. Petrovskij, M.G. Jaroshevskij. Rostov-on-Don: «FENIKS», 1998. URL: <https://psychology.academic.ru>. (In Russ.).

8. Kulikova O.V., Bubnova O.V. Osobennosti motivacii menedzherov vysshego i srednego zvena v sovremennyh organizacionnyh usloviyah [Features of motivation of senior and middle managers in modern organizational conditions] [Elektronnyj resurs]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [Modern problems of science and education]. Penza: Izdatel'skij Dom «Akademija Estestvoznaniya», 2015; (1-1). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25325283>. (In Russ.).

9. Ladygina E.S. Motivacija rabotnikov v organizacii [Motivation of employees in the organization] [Elektronnyj resurs]. *Nauka i mir* [Science and peace]. Volgograd, 2014; (12). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22676719_42482125.pdf. (In Russ.).

10. Petrushin A.V. Osobennosti postroenija sistemy motivacii dejatel'nosti top-menedzhmenta korporacij v Rossii [Features of building a motivation system for top management of corporations in Russia] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>. (In Russ.).

11. Prohorova M.V. Osobennosti motivacii truda zhenshhin i muzhchin: ee napravlenost' i smysloobrazujushhaja orientacija [Features of the motivation of women and men's work: its orientation and meaning-forming orientation]. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii v ramkah III Vserossijskogo nauchnogo foruma «Nauka budushhego — nauka molodyh». V 2-h t. Pod obshh. red. Saraliev Z.H. [Materials of the International scientific and practical conference within the framework of the III All-Russian Scientific Forum «Science of the future — the science

of the young». In 2 vols. In Saraliev Z.H. (eds.). Nizhnij Novgorod: OOO «Nauchno-issledovatel'skij sociologicheskij centr», 2017. P. 813–816. (In Russ.).

12. Sokolova L.G. Metodicheskie podhody k formirovaniju ocenki proizvoditel'nosti truda upravlencheskogo personala proizvodstvennoj i neproizvodstvennoj sfer dejatel'nosti [Methodological approaches to the formation of labor productivity assessment of managerial personnel in production and non-production spheres of activity]. Aktivizacija intellektual'nogo i resursnogo potenciala regionov. Materialy IV Vserossijskoy nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2-h chastjah. Pod nauch. red. N.N. Danilenko, O.N. Baevoj [Activation of the intellectual and resource potential of the regions. Materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference: in 2 parts. In N.N. Danilenko, O.N. Baeva (eds.)]. 2018. P. 311–316. (In Russ.).

13. Jurganova E. Ju. Motivacija truda upravlencheskogo personala [Motivation of managerial personnel]. Prioritety social'no-jekonomicheskogo razvitiya regionov: voprosy teorii, metodologii, praktiki / Pod red. chl.-korr. RAN A.I. Tatarkina [Priorities of socio-economic development of regions: issues of theory, methodology, practice. In A.I. Tatarkin (eds.)]. Ekaterinburg: Institut jekonomiki UrO RAN, 2000. P. 363–371. (In Russ.).

14. Korobkina M. Technological approach to development training of business managers in Southern Russia // Czech Journal of Social Sciences, Business and Economics. 2014. №2(2). P. 48–55.

15. Sociokul'turnye osnovanija dlja modeli «siti-menedzhmenta» v sisteme rossijskogo municipal'nogo upravlenija [Sociocultural foundations for the model of «city management» in the system of Russian municipal administration]. Djatlov A.V., Chigrin V.A. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sociologija. Pedagogika. Psihologija [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology]. 2018; 4(70)(1): 3–9. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.01.2022; одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 18.02.2022.

The article was submitted on 28.01.2022; approved after reviewing on 02.02.2022; accepted for publication on 18.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шумская Елена Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Естественнонаучные дисциплины, информационные технологии и управление», Каменский технологический институт (филиал), Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Каменск-Шахтинский, пр. К. Маркса, 23

Elena N. Shumskaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Natural Sciences, Information Technologies and Management, Kamensk Technological Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

23 K. Marx av., Kamensk-Shakhtinsky, Russia

Филиппов Сергей Викторович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Естественнонаучные дисциплины, информационные технологии и управление», Каменский технологический институт (филиал), Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Каменск-Шахтинский, пр. К. Маркса, 23

Sergei V. Filippov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Natural Sciences, Information Technologies and Management, Kamensk Technological Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

23 K. Marx av., Kamensk-Shakhtinsky, Russia

Терновский Олег Александрович — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Естественнонаучные дисциплины, информационные технологии и управление», Каменский технологический институт (филиал), Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Каменск-Шахтинский, пр. К. Маркса, 23

Oleg A. Ternovsky — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head. Department of Natural Sciences, Information Technologies and Management, Kamensk Technological Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

23 K. Marx av., Kamensk-Shakhtinsky, Russia

Вклад авторов:

Шумская Е. Н. — развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Филиппов С. В. — развитие методологии; написание исходного текста.

Терновский О. А. — научное руководство; концепция исследования.

Contribution of the authors:

Shumskaya E. N. — development of methodology; writing of the source text; final conclusions.

Filippov S. V. — development of methodology; writing the source text.

Ternovsky O. A. — scientific leadership4 research concept.

Научная статья

УДК 338.1

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-212-224

АРКТИЧЕСКИЕ НЕФТЕГАЗОВЫЕ ПРОЕКТЫ: БУДУЩЕЕ В УСЛОВИЯХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Алина Александровна Череповицына

*Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра
Российской академии наук (ИЭП КНЦ РАН), Анапты, Россия
iljinovaaa@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5168-0518, AuthorID РИНЦ: 648808*

Аннотация. *Целью исследования* является анализ будущего нефтегазовых арктических проектов в условиях четвёртого энергетического перехода, а также стратегических ответов нефтегазовых компаний на низкоуглеродную повестку и усложняющихся интересов стейкхолдеров.

Методологическую базу исследования представляют метод мета-синтеза и кейс-стади, а также методы систематизации и декомпозиции, сравнительного и ситуационного анализа. Основными источниками данных выступали данные International Energy Agency, British Petroleum, BloombergNEF, McKinsey&Company и других организаций.

Результаты исследования. *Определены стратегические ответы нефтегазовых компаний на низкоуглеродную повестку, проанализированы особенности их стратегического поведения. Представлено видение трансформации стратегических интересов стейкхолдеров нефтегазовых проектов. Проведён анализ перспектив реализации нефтегазовых проектов в Арктике в условиях энергетического перехода и эры устойчивости.*

Перспективы исследования заключаются в более углубленном исследовании стратегического поведения нефтегазовых компаний в условиях энергетического перехода, оценке стратегических альтернатив нефтегазовых компаний в рамках выстраивания низкоуглеродной стратегии, а также в разработке подходов к управлению усложняющимися интересами стейкхолдеров нефтегазовых проектов.

Ключевые слова: энергетика, нефть, Арктика, арктические проекты, нефтегазовые проекты, энергетический переход, стратегические ответы, пандемия, будущее, стейкхолдеры

Для цитирования: Череповицына А. А. Арктические нефтегазовые проекты: будущее в условиях энергетического перехода // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 212–224. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-212-224>.

Original article

ARCTIC OIL AND GAS PROJECTS: FUTURE IN THE ERA OF ENERGY TRANSITION

Alina A. Cherepovitsyna

*Luzin Institute for Economic Studies — Subdivision of the Federal Research Centre
«Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences» (IES KSC RAS), Apatity, Russia
iljinovaaa@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5168-0518, AuthorID RSCI: 648808*

Abstract. *The purpose of the research is to analyze the future of oil and gas projects in the context of the fourth energy transition, as well as the strategic responses of oil and gas companies to the low-carbon agenda and the increasing complexity of stakeholder interests.*

The methodological basis of the research is represented by meta-synthesis and case study, as well as methods of systematization and decomposition, comparative and situational analysis. The main data sources were data from the International Energy Agency, British Petroleum, BloombergNEF, McKinsey&Company and other organizations.

Research result. *The strategic responses of oil and gas companies to the low-carbon agenda are defined; the features of their strategic behavior are analyzed. The vision of transformation of strategic interests of oil and gas projects' stakeholders is presented. The analysis of the prospects of implementation of oil and gas projects in the Arctic in the context of the energy transition and the era of sustainability is carried out.*

The prospects of the research include a more in-depth study of the strategic behavior of oil and gas companies in the energy transition, assessment of strategic alternatives for oil and gas companies in the framework of a low-carbon strategy, as well as the development of approaches to managing the increasingly complex interests of stakeholders in oil and gas projects.

Keywords: *energy sector, oil, Arctic, Arctic projects, oil and gas projects, energy transition, strategic responses, pandemic, future, stakeholders*

For citation: *Cherepovitsyna A. A. Arctic oil and gas projects: future in the era of energy transition // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 212–224. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-212-224>.*

Введение. Глобальный энергетический сектор стоит на пороге больших и вместе с тем труднопредсказуемых перемен¹. Волатильность цен на нефть, усиливающиеся интересы стейкхолдеров, озабоченность экологическими проблемами, возрастающая роль социальной ответственности бизнеса, новые технологии и инновации — все это наряду

с пандемией и постпандемийными последствиями² [10] усложнило понимание дальнейшего развития энергетики. Более «чистая» энергия и достижение провозглашённых в мировом масштабе Целей устойчивого развития (ЦУР; Sustainable Development Goals — SDGs) становятся ориентиром для стратегического развития энергетических компаний³. Недавно

1 Larson A. Oil and Gas Majors Focus on Renewable Energy, Hydrogen, and Carbon Capture [Electronic resource] // Power. 2021. URL: <https://www.powermag.com/oil-and-gas-majors-focus-on-renewable-energy-hydrogen-and-carbon-capture/> (date accessed: 17.10.2021).

2 Global Energy Review 2020 [Electronic resource] // International Energy Agency. 2020. URL: <https://www.iea.org/reports/global-energy-review-2020> (date accessed: 20.10.2021).

3 Take Action for the Sustainable Development Goals [Electronic resource] // United Nations. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/> (date accessed: 25.10.2021).

опубликованный отчёт World Energy Outlook 2021⁴ утверждает, что «зарождается новая энергетическая экономика», однако, согласно отчёту, скорость «низкоуглеродного прогресса» (low-carbon progress) все еще слишком медленная, чтобы достичь нулевых выбросов к 2050 году.

Спрос на энергию растёт в мировом масштабе. Согласно сценарию экономического перехода (Economic Transition Scenario — ETS)⁵, ожидается, что к 2050 году конечное потребление энергии вырастет на 24% по сравнению с 2019 годом (примерно на 0,8% в год).

Вышесказанное указывает на то, что, с одной стороны, энергетический сектор должен быть готов к удовлетворению такого значительного спроса; с другой стороны, необходимо делать это максимально эффективно и экологично. Более того, достижение стратегических целей энергетических компаний будет происходить в условиях высокой турбулентности и непредсказуемости, что еще больше усложнит устойчивое развитие энергетики.

Проблема изменения климата является ключевым мегатрендом [7]. Энергетический сектор уже рассматривает различные пути глубокой декарбонизации⁶. Энергетические компании начинают предпринимать действия по разработке и реализации программ по снижению выбросов CO₂, в частности пересматривают политику и стратегии, а также методы

ведения бизнеса, делая акцент на «зелёную» политику, активно инвестируя в декарбонизацию, проекты с низким и нулевым содержанием углерода, разрабатывая «зеленые» инновации и технологии и т.д.⁷ Все это получило название четвёртого энергетического перехода, который, по мнению большинства экспертов, является самым сложным и неоднозначным. Можно сказать, что компании развиваются в условиях «новой реальности», где степень неопределённости очень высока.

Как известно, нефть доминирует в структуре энергетического баланса⁸, как следствие, нефтегазовая отрасль является основополагающей отраслью энергетики. Согласно статистике, в 2020 году в энергобалансе на нефть приходилось 31,2%, а на природный газ — 24,7% (по сравнению с 33,1% и 24,2% в 2019 году соответственно)⁹. Эксперты прогнозируют снижение доли нефти и замещение ее более «чистыми» видами топлива¹⁰ в рамках четвёртого энергетического перехода, однако пока эти предположения носят лишь прогнозный характер.

Нефтегазовые компании в условиях начинающегося энергоперехода находятся на пути больших изменений, в частности — стратегического переосмысления. Многие из них серьёзно трансформируют свои стратегические портфели, активно занимаются диверсификацией, ищут способы снижения степени зависимости от волатильного нефтя-

4 World Energy Outlook 2021 [Electronic resource] // International Energy Agency. 2021. URL: <https://www.iea.org/news/world-energy-outlook-2021-shows-a-new-energy-economy-is-emerging-but-not-yet-quickly-enough-to-reach-net-zero-by-2050> (date accessed: 20.10.2021).

5 New Energy Outlook 2020 [Electronic resource] // BloombergNEF. 2020. URL: <https://about.bnef.com/new-energy-outlook-2020/> (date accessed: 20.10.2021).

6 The big choices for oil and gas in navigating the energy transition [Electronic resource] / Beck Ch., Bellone D., Hall S. et al. // McKinsey&Company. 2021. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/oil-and-gas/our-insights/the-big-choices-for-oil-and-gas-in-navigating-the-energy-transition> (date accessed: 01.11.2021).

7 From International Oil Company to Integrated Energy Company: BP sets out strategy for decade of delivery towards net zero ambition 2020 [Electronic resource] // BP. 04.08.20. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/from-international-oil-company-to-integrated-energy-company-bp-sets-out-strategy-for-decade-of-delivery-towards-net-zero-ambition.html> (date accessed: 25.10.2021); Our climate target [Electronic resource] // Shell. URL: <https://www.shell.com/energy-and-innovation/the-energy-future/our-climate-target.html#vanity-%20aHR0cHM6Ly93d3cuc2hlbGwuY29tL2VuZXRJneS1hbmQtaW5ub3ZhdGlvi90aGUtZW5lcmd5LWZ1dHVyZS9zaGVsbHMtYW1iaXRpb24tdG8tYmUtYS1uZXQtemVyby1lbWlzc2lvbnMtZW5lcmd5LWJ1c2luZXNzLmh0bWw=true&iframel=L3dlYmFwcHMvY2xpbWF0ZV9hbWJpdGlvi8> (date accessed: 25.10.2021).

8 Statistical Review of World Energy 2021. 70th edition [Electronic resource] // BP. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (date accessed: 25.10.2021).

9 Ibid.

10 Dale S., Fattouh B. Peak oil demand and long-run oil prices [Electronic resource] // BP PLC. 2018. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/spencer-dale-group-chief-economist/peak-oil-demand-and-long-run-oil-prices.html> (date accessed: 26.10.2021); Randall T., Warren H. Peak oil is suddenly up on us 2020 [Electronic resource] // Bloomberg Green. 2020. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2020-peak-oil-era-is-suddenly-upon-us/> (date accessed: 29.10.2021).

ного рынка, оцифровывают свой бизнес (как технологии, так и управление), улучшают конкурентные положения в экосистеме устойчивого развития и т.д. [10]. Компании меняют свое стратегическое поведение, а перспективы реализации сложных нефтегазовых проектов, зависящих от цен на нефть, остаются под вопросом. Это касается в том числе нефтегазовых проектов на шельфе Арктики, которые были дискуссионными до пандемии, а сейчас являются еще более спорными.

Вместе с большим спектром неопределённости в энергетике различные группы стейкхолдеров увеличивают давление на нефтегазовые компании, что повышает вероятность следования низкоуглеродной стратегии развития бизнеса [1]. Очевидно, что при такой стратегии «дорогие» и сложные нефтегазовые проекты не будут являться приоритетными для нефтегазовых компаний. У бизнеса уже сегодня есть осознание, что для совместного достижения устойчивого будущего необходимо сохранение баланса интересов стейкхолдеров, а также общей направленности на достижение климатических целей [12].

Данная статья предпринимает попытки исследовать следующие вопросы:

1) как нефтегазовые компании выстраивают свое стратегическое поведение в условиях четвёртого энергетического перехода?

2) как трансформируются интересы стейкхолдеров арктических нефтегазовых проектов?

3) что сложившаяся ситуация значит для будущего арктических нефтегазовых проектов?

Все вышеперечисленное исследуется в фокусе эры устойчивости и энергетического перехода.

В качестве основного исследовательского подхода использован метод мета-синтеза [8], а также метод кейс-стади для изучения вопроса в условиях современной постпандемийной ситуации. Кроме того, использовались методы систематизации и декомпозиции, а также методы сравнительного и ситуационного анализа. Для поиска научной литературы использовались базы данных Science Direct и Scopus (полный доступ).

Основными источниками данных выступали данные, предоставленные такими компаниями и организациями, как International Energy Agency, British Petroleum, BloombergNEF, McKinsey&Company и другими.

Результаты

1. Глобальные тренды и вызовы в энергетике в пандемийный период и стратегические ответы нефтегазовых компаний

Скорость изменений во внешней среде значительно возросла. Энергетический сектор развивается под влиянием ряда глобальных трендов и вызовов [4], главным из которых является недавно ускорившееся движение в сторону декарбонизации.

Нефтегазовые компании по всему миру испытывают давление со стороны различных групп стейкхолдеров (регулирующих органов, инвесторов, общества, покупателей), требующих снижения углеродного следа их деятельности и продукции [6]. По данным Международного агентства по возобновляемой энергетике (International Renewable Energy Agency), в энергетическом секторе преобладает «повышенный интерес инвесторов к устойчивым и резистентным активам (sustainable and resilient assets), включая возобновляемые источники энергии (ВИЭ)» [13]. Инициатива Climate Action 100+, направленная на поддержку компаний в решении проблем, связанных с изменением климата, объединяет более 600 инвесторов, которые в совокупности отвечают за управление активами на сумму более 60 триллионов долларов¹¹. Предполагается, что растущее влияние этой инициативы в мировом масштабе внесёт значительный вклад в достижение целей по борьбе с изменением климата, в том числе в нефтегазовом комплексе.

Предыдущий 2020 год стал стресс-тестом для нефтегазовых компаний. Очевидно, что компании стали объявлять о сокращении своих инвестиций. Так, в 2020 году инвестиции в традиционный нефтегазовый сектор сократились примерно на треть, в то время как в ВИЭ оставались относительно стабильными, увеличившись примерно на 3 %¹².

¹¹ About Climate Action 100+ [Electronic resource]. URL: <https://www.climateaction100.org/about/> (date accessed: 09.11.2021).

¹² World Energy Investment 2021 [Electronic resource] // International Energy Agency. 2021. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2021> (date accessed: 09.11.2021).

Компании уже сейчас прикладывают значительные усилия, направленные на декарбонизацию. Например, американская энергетическая корпорация Chevron объявила о своих планах по увеличению инвестиций в низкоуглеродные проекты в 3 раза до 10 миллиардов долларов до 2028 года¹³. В июне 2021 года компания PetroChina (Китай) получила свой первый углеродно-нейтральный сжиженный природный газ (СПГ) после подписания первого в отрасли контракта на такую поставку с компанией Shell¹⁴. В конце 2021 года компания Sinopec (Китай) планирует запустить первый проект CO₂-EOR проект — Qilu Petrochemical CCS Project с годовой мощностью около 1 млн. тонн¹⁵.

Бизнес-модель крупных нефтегазовых компаний много лет основывается на идее вертикальной интеграции. Еще 20 лет назад ученые отмечали, что нефтегазовая отрасль является одной из самых вертикально-интегрированных [3]. Эта бизнес-модель обеспечивала стабильность нефтегазового бизнеса в течение довольно долгого времени, однако некоторые исследователи подчёркивали уже тогда, что «вертикальная интеграция снижает уровень эффективности компаний, а также уменьшает ее изменчивость (variability)» [3]. Настало время, когда компании должны быть гибкими и адаптируемыми, а именно — резистентными¹⁶. По мнению экспертов, именно резистентность (resilience) сейчас стоит за тем, что «одни компании терпят крах, а другие внедряют инновации, развиваются и даже процветают»¹⁷.

В таких условиях традиционные подходы к ведению бизнеса и устойчивому развитию компаний должны быть изменены. Однако разные игроки нефтегазового бизнеса самостоятельно выбирают, как действовать и реагировать на текущие условия, как поддерживать устойчивость, где и как конкурировать. Это во многом определяется страной их принадлежности, видом собственности (государственная или частная), степенью вертикальной интеграции, наличием доступа к углеводородному сырью, текущим портфелем активов, ролью и местом в цепочке создания стоимости и т.д.

В недавно проведенном исследовании McKinsey&Company представила «три широких архетипа», которые демонстрируют стратегические ответы нефтегазовых компаний на низкоуглеродную повестку¹⁸. В зависимости от выбранного компаниями общего направления деятельности, они классифицируются как «Специалист по ресурсам» (Resource specialist), «Интегрированный энергетический игрок» (Integrated energy player) и ««Чистая» низкоуглеродная игра» (Low-carbon pure play)¹⁹.

С ориентацией на исследование McKinsey&Company в таблице 1 (составлена на основе [9] и др.²⁰) авторами сформулировано описание трёх основных архетипов, определён фокус их стратегии, обоснована мотивация компаний с практическими примерами.

Как видно из таблицы, компании используют различные стратегии для ответа низкоуг-

13 Ramon S. Chevron Accelerates Lower Carbon Ambitions [Electronic resource] // Chevron. 14.09.2021. URL: <https://www.chevron.com/stories/chevron-accelerates-lower-carbon-ambitions> (date accessed: 11.10.2021).

14 Shell and PetroChina sign world's first term contract for carbon-neutral LNG [Electronic resource] // Shell. 12.17.21. URL: <https://www.shell.com/business-customers/trading-and-supply/trading/news-and-media-releases/shell-and-petrochina-sign-world-s-first-term-contract-for-carbon.html> (date accessed: 21.10.2021).

15 The Global Status of CCS: 2021 [Electronic resource] // Global CCS Institute. 2021. URL: <https://www.globalccsinstitute.com/resources/global-status-report/> (date accessed: 21.10.2021).

16 Business Resilience [Electronic resource] // McKinsey&Company. 2021. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/business-resilience> (date accessed: 15.11.2021).

17 Ibid.

18 The big choices for oil and gas in navigating the energy transition [Electronic resource] / Beck Ch., Bellone D., Hall S. et al. // McKinsey&Company. 2021. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/oil-and-gas/our-insights/the-big-choices-for-oil-and-gas-in-navigating-the-energy-transition> (date accessed: 01.11.2021).

19 Ibid.

20 Domonoske C. Big Oil (Probably) Isn't Going Away Anytime Soon. But It's Definitely Changing [Electronic resource] // NPR. 2021. URL: <https://www.npr.org/2021/06/08/1002448099/big-oils-transition-3-takeaways-on-how-the-industry-is-and-isnt-going-green> (date accessed: 12.11.2021); Positioning for green: Oil and gas business in a low-carbon world [Electronic resource] / Chronis A., Pavlovsky K., Hardin K., Mittal A. // Deloitte Insights. 2021. URL: <https://www2.deloitte.com/xe/en/insights/industry/oil-and-gas/low-carbon-energy-transition.html/> (date accessed: 11.11.2021); The big choices for oil and gas in navigating the energy transition [Electronic resource] / Beck Ch., Bellone D., Hall S. et al. // McKinsey&Company. 2021. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/oil-and-gas/our-insights/the-big-choices-for-oil-and-gas-in-navigating-the-energy-transition> (date accessed: 01.11.2021).

Таблица 1
 Table 1

**Стратегические ответы нефтегазовых компаний на низкоуглеродную повестку:
 три архетипа и особенности стратегического поведения**
**Strategic responses of oil and gas companies to the low-carbon agenda:
 three archetypes and features of strategic behavior**

Описание архетипа	Фокус стратегии компаний	Мотивация к развитию в рамках архетипа	Примеры
<i>Специалист по ресурсам / Resource specialist</i>			
Компании активно работают над сохранением традиционного нефтегазового портфеля и повышением его операционной эффективности	— на достижение высоких результатов нефтегазовой деятельности; — на достижение конкурентоспособной безубыточности; — на возможностях консолидации	— прогнозы, обещающие сохранение доминирующих позиций нефти и газа в энергобалансе в ближайшие 30-50 лет, даже при тенденции к снижению их доли; — жизненный цикл нефтегазовой отрасли, который указывает на то, что сильные игроки получают хорошие экономические результаты на стадии зрелости; — сохранение инвестиционных предложений, не осложнённых новыми видами высоко рискованного бизнеса	— большинство национальных нефтегазовых компаний (например, компании Ближнего Востока, России); — подавляющее большинство независимых нефтегазовых компаний (например, ConocoPhillips); — некоторые средние нефтегазовые компании (например, Lundin Energy); — международные компании, базирующиеся в США (Chevron, ExxonMobil и Occidental Petroleum)
<i>Интегрированный энергетический игрок / Integrated energy player</i>			
Компании ориентируются на стратегический переход от игроков, специализирующихся на добыче традиционных углеводородов, к интегрированным энергетическим компаниям	— на сохранение прибыльных традиционных видов деятельности; — на развитие новых перспективных видов низкоуглеродного бизнеса	— прогнозы, обещающие большие перспективы ВИЭ, водороду и биоэнергетике; — наличие основного бизнеса, обеспечивающего прибыльность компаний; — наличие стабильных позиций на нефтегазовом рынке, позволяющих стать сильными игроками на рынке энергетики; — формирование новых «модных» низкоуглеродных инвестиционных предложений	— международные компании (в основном европейские, например, BP, Total, Shell и Eni); — некоторые национальные нефтегазовые компании (например, Equinor, норвежская энергетическая компания)

Окончание таблицы 1
 End of Table 1

«Чистая» низкоуглеродная игра / Low-carbon pure play			
Компании предпочитают сосредоточиться на создании преимущественно нового энергетического портфеля вместе с закрытием (продажей) высокоуглеродных активов	— на достижение высоких результатов на новом развивающемся рынке «зеленой» энергетики; — на закрепление позиций первопроходца и лидера на рынке «зеленой» энергетики	— прогнозы, обещающие блестящее будущее «зеленой» энергетике; — жизненный цикл отрасли «зеленой» энергетики, в котором первые сильные игроки должны получить хорошие экономические результаты на этапе становления; — формирование новых «модных» низкоуглеродных инвестиционных предложений	В основном средние компании, например: — Ørsted (датская энергетическая компания) — находится на пути к тому, чтобы стать «первым крупным производителем оффшорного ветра»; — Neste (финская энергетическая компания) — сместила свой стратегический фокус с переработки и маркетинга нефти на переработку биотоплива

леродной повестке, вектор которых меняется от приверженности традиционным видам углеводородного бизнеса («Специалист по ресурсам») до практически полного перехода на «чистые» активы — биотопливо, возобновляемые источники энергии («Чистая» низкоуглеродная игра). Компании в рамках каждого архетипа имеют свою мотивацию к действию и предпосылки для реализации стратегии. Например, «Специалисты по ресурсам» чаще всего ведут свою деятельность в нефтегазодобывающих странах, где доходы от нефти и газа составляют значительную часть ВВП. Такие компании поддерживаются государством и более активно работают над опциями снижения выбросов углекислого газа в рамках существующей технологической цепочки (утилизация ПНГ, проекты CC (U) S и др.) вместо отказа от добычи нефти. Однако следование такой стратегии возможно лишь для тех компаний, которые работают в регионах и на рынках с более низкими экологическими требованиями. Для «Интегрированных энергетических игроков» и ««Чистой» низкоуглеродной игры» характерна работа в регионах и на рынках с более жесткими экологическими требованиями, что является одним из стимулов к декарбонизации. «Интегрированные энергетические игроки» более активно используют свои преимущества, компетенции, технологии и персонал для расширения низ-

коуглеродных активов, а компании — представители ««Чистой» низкоуглеродной игры» вывели это в фокус своего стратегического развития. Разные стратегические ответы нефтегазовых компаний на низкоуглеродную повестку корректируют общие стратегии развития бизнеса и, несомненно, оказывают влияние на традиционные «сложные» нефтегазовые проекты, какими являются арктические. В этих условиях будущее нефтегазовых проектов в Арктике остаётся неясным.

2. Статус нефтегазовых проектов в Арктике

Арктический регион интересен, прежде всего, с точки зрения углеводородного сырья. Последняя масштабная оценка потенциальных запасов углеводородов в Арктике была выполнена U.S. Geological Survey в 2008 году [5]. Согласно оценке, примерно 16% неразведанных запасов нефти и 30% неразведанных запасов газа залегают в Арктике. Арктика есть и будет областью значительного интереса и беспокойства в мировом масштабе. Растущий спрос на энергию и истощение традиционных месторождений по всему миру делают добычу нефти и газа, а также других полезных ископаемых в Арктике привлекательной, несмотря на тренды энергетического перехода и повышенные сложности реализации промышленных проектов на арктических территориях.

Наиболее интенсивная арктическая шельфовая деятельность (добыча и разведка) ведётся на шельфах Норвегии, России и США. По данным Рабочей группы по защите морской среды Арктики (РАМЕ) [11] и ее последнего доклада «Состояние морской нефтегазодобычи и нормативно-правовое регулирование в Арктике» (2021), можно сделать вывод о том, что страны разделились в вопросах своей арктической политики, что в свою очередь определяет статус арктических проектов. В странах, приверженных традиционным источникам энергии и демонстрирующих стабильную энергетическую политику (Норвегия и Россия), инвестиции в арктические нефтегазовые проекты продолжают. Ситуация в США остаётся труднопредсказуемой.

Единственным действующим шельфовым проектом в российской Арктике является платформа «Приразломная» с суммарными извлекаемыми запасами более 70 млн. тонн нефти²¹. Ряд других российских проектов находится на разных стадиях реализации, и их перспективы на сегодняшний день остаются неясными.

Норвежские компании уже сегодня добились больших успехов в декарбонизации. Так, в 2020 году месторождение Edvard Grieg (Lundin Energy) было сертифицировано как низкоуглеродное, в 2021 году была продана первая нефть, сертифицированная как углеродно-нейтральная. Кроме того, Lundin Energy планирует сделать каждый добытый баррель нефти углеродно-нейтральным к 2025 году²².

Equinor сообщает, что месторождение Johan Sverdrup «имеет один из самых низких уровней выбросов CO₂ при добыче нефти». Средний уровень выбросов составляет всего 0,67 килограмма CO₂ на баррель по сравнению с 9 килограммами CO₂ на баррель на норвежском континентальном шельфе²³. Конкретные технологические решения

на проектах в Норвегии уже сейчас говорят о том, что добыча нефти и газа на шельфе Арктики тоже может быть низкоуглеродной.

3. Стейкхолдеры нефтегазовых арктических проектов: что меняется?

Как было отмечено выше, нефтегазовые компании в условиях эры устойчивости и усиливающегося энергетического перехода испытывают все большее давление со стороны различных групп стейкхолдеров. Интересы стейкхолдеров усложняются, трансформируются и в конечном счёте влияют на стратегии развития нефтегазовых компаний, в том числе в Арктике.

Базовые стратегические интересы любого государства в целом направлены на достижение целей национальной безопасности, обеспечение налоговых платежей в бюджет, обеспечение энергетической безопасности, а также на социально-экономическое развитие северных территорий. Это определено и в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года²⁴. Главными базовыми интересами инвесторов и акционеров являются долгосрочный рост стоимости компании, информационная открытость компании, высокий уровень дивидендной доходности. Общественность интересуется устойчивое промышленное и социально-экономическое развитие региона, в частности доступность рабочих мест, развитая инфраструктура (характерно для российских нефтегазодобывающих северных регионов), а также корпоративная социальная ответственность компании. Базовым интересом поставщиков и подрядчиков, работающих в Арктике, является стабильный спрос на услуги со стороны нефтегазовых компаний.

В «новой реальности» стратегические интересы стейкхолдеров трансформируются и становятся более сложными (таблица 2).

Сейчас интересы государства (помимо базовых) фокусируются на необходимости

21 Приразломное месторождение [Электронный ресурс] // Газпром нефть шельф. URL: https://shelf.gazprom-neft.ru/business/prirazlomnoe_field/ (дата обращения: 08.11.2021).

22 World's first certified, carbon neutrally produced oil sold [Electronic resource] // Lundin Energy. 26.04.21. URL: <https://www.lundin-energy.com/worlds-first-certified-carbon-neutrally-produced-oil-sold/> (date accessed: 11.11.2021).

23 A breakthrough in emissions reductions [Electronic resource] // Equinor. URL: <https://www.equinor.com/en/what-we-do/johan-sverdrup/climate.html> (date accessed: 11.11.2021).

24 Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. №645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года».

исполнения обязательств по сокращению выбросов CO₂ и декарбонизации промышленного сектора, что определяет набор требований к нефтегазовому бизнесу и даже может приостановить деятельность по арктическим проектам. Опыт США говорит о том, что сейчас роль государства может быть определяющей, обеспокоенность экологическими проблемами побудила США приостановить работу в Арктике по новым нефтегазовым инициативам [11].

Акционеры и инвесторы также подвержены влиянию глобальных трендов, и фокус их стратегических интересов в современных условиях направлен на экологически и социально ответственную политику компаний. Инвесторы ориентируются на ответственные и прозрачные методы ведения бизнеса, инновационные возможности компании (технологические и управленческие), а также на наличие у компаний чётких планов по достижению «устойчивого будущего» [2].

Таблица 2
 Table 2

Стратегические интересы стейкхолдеров нефтегазовых проектов в Арктике²⁵
Strategic interests of stakeholders of oil and gas projects in the Arctic

Стейкхолдер	Фокус стратегических интересов в «новой реальности»
Государство (федеральный и региональный уровень)	Технологическое развитие производств с целью: — минимизации ручного труда, повышения степени автоматизации и, как следствие, безопасности производств (безлюдные и малолюдные технологии); — снижения негативного воздействия на окружающую среду; — повышения ресурсо- и энергоэффективности производств (циркулярные производственные цепочки, новые технологии с минимальным уровнем потребления ресурсов и т.д.) при сохранении и наращивании объёмов добычи углеводородов
	Исполнение обязательств по сокращению выбросов CO ₂
	Развитие и популяризация социально и экологически ответственного инвестирования
Акционеры и инвесторы	Экологически и социально ответственная политика компании
	Ответственные и прозрачные методы ведения бизнеса
	Высокий инновационный потенциал компании
	Резистентность компании
	Стратегическая направленность компании на «устойчивое будущее»
Общество	Ответственность бизнеса в интересах устойчивого развития регионов
	Учёт интересов и раскрытие потенциала жителей и сообществ
	Минимизация негативного воздействия на окружающую среду
	Стратегическое партнерство и выраженный социальный эффект
Поставщики и подрядчики	Операционная эффективность бизнеса для обеспечения финансовой устойчивости
	Экологизация деятельности для соответствия возрастающим требованиям
	Развитие безлюдных и малолюдных технологий для повышения безопасности деятельности

²⁵ Источник: составлено автором.

Общество становится все более проявленным стейкхолдером, его все больше интересуют вопросы устойчивого развития нефтегазовых компаний, прежде всего, экологическая «чистота» бизнеса, ответственность перед обществом. Однако в различных странах степень интереса к экологическим вопросам разная. Фокус развития успешных взаимоотношений общества с бизнесом сводится к стратегическому партнёрству и выраженному социальному эффекту. Можно сказать, что общество как стейкхолдер в «новой реальности» выдаёт «социальную лицензию на деятельность».

Стратегические интересы поставщиков и подрядчиков сводятся, как и прежде, к коммерческим интересам. Вместе с тем сейчас в фокусе внимания экологичность, безопасность и устойчивость.

Весь комплекс интересов стейкхолдеров выдвигает новые требования к стратегическому развитию нефтегазовых компаний в Арктике. Увеличение давления на нефтегазовые компании как операторов арктических проектов выражается в том, что на компании по ведению деятельности в Арктике возлагается серьёзная ответственность как по отношению к работникам, так и к обществу и окружающей среде. Компаниям необходимо активное развитие технологий и компетенций для того, чтобы быть конкурентоспособными в Арктике. Соответствие стратегическим приоритетам в области экологии — один из главных вызовов для нефтегазовых компаний.

Чтобы управлять сложными интересами ключевых заинтересованных сторон и избежать предполагаемого конфликта интересов в арктических инициативах, нефтегазовым компаниям необходимо мыслить по-другому, стратегически и многосторонне. Это касается не только деятельности на шельфе, но и всей деятельности нефтегазовых компаний в «новой реальности».

Обсуждение. Энергетический и нефтегазовый сектор стоят на пороге больших перемен. Пандемия COVID-19 усилила понимание того, что энергетика должна быть изменена. Более того, предполагается, что пандемия, которую мы сейчас переживаем, сделает декарбонизацию реальностью. В целом необходимость перехода энергетического сектора

от углеводородов как доминирующего источника энергии к низкоуглеродным источникам ощущалась задолго до пандемии, которая только подчеркнула актуальность проблемы, усилила давление на энергетическую отрасль и, как ожидается, увеличит скорость энергетического перехода.

Увеличивающаяся актуальность низкоуглеродной повестки в мировом масштабе влияет на стратегическое развитие нефтегазовых компаний уже сегодня и будет влиять еще больше в будущем. Однако необходимо понимать, что несмотря на рост амбиций по декарбонизации и вложения в разные низкоуглеродные инициативы, нефтегазовый сектор в ближайшее время не сможет осуществить быстрый энергетический переход и стать влиятельным игроком на рынке низкоуглеродной энергетики. Наступает время, когда нефтегазовым компаниям необходимо выстраивать свой бизнес так, чтобы он был адаптивным к внешним глобальным изменениям, требованиям стейкхолдеров, эффективным, экологичным и устойчивым, в то же время большинство компаний, особенно крупных игроков, останется приверженным традиционным углеводородам. Единственная заранее проигранный стратегия — игнорирование требований низкоуглеродной политики, в остальном каждая нефтегазовая компания выбирает свой путь к более «чистой» энергии и устойчивости.

Пример Норвегии, рассмотренный в статье, подтверждает, что нефтегазовые проекты (даже на шельфе) могут быть «чистыми». Это позволяет сделать вывод, что внедрение и масштабирование таких технологий, которые способны минимизировать воздействие производственной деятельности нефтегазовых компаний на окружающую среду, открывают новые возможности для работы компаний на шельфе даже в условиях ориентации на «зелёную» экономику. В перспективе все будет зависеть от того, как осуществляется добыча, с использованием каких технологий, а не где. Уже сегодня проекты на шельфе Норвегии достигли значительных положительных результатов в декарбонизации.

Будущее промышленно-сырьевых проектов в Арктике будет зависеть от того, насколько успешно в них будут реализованы принципы устойчивого развития. На практике это

выражается в конкретных производственных решениях и технологиях, а также организационно-управленческих инновациях. В этом вопросе нефтегазовые компании получают «в поддержку» новые возможности цифровизации и искусственного интеллекта, которые могут сделать путь к устойчивости более мягким. Мы полагаем, что повышение экологической привлекательности проектов в Арктике будет в фокусе развития промышленных компаний с более высокой вероятностью, чем полный отказ от арктических инициатив.

Заключение. Энергетический переход связан с неминуемым развитием низкоуглеродной и «зелёной» энергетики, цифровых технологий и искусственного интеллекта, трансформацией интересов стейкхолдеров, целевых установок нефтегазового бизнеса и изменением бизнес-моделей. В этих условиях компании меняют и будут менять свое стратегическое поведение, определяя вектора устойчивости, гибкости и экологичности как ключевые.

Суть стратегического управления сводится к достижению устойчивости и резистентности (resilience). Система стратегического управления должна работать так, чтобы деятельность компании была нацелена на достижение операционной, технологической, финансовой, организационной, репутационной резистентности. Именно система стратегического управления и менеджмента нефтегазовых компаний стоит за ее достижением. В большей степени резистентность нефтегазовых компаний сейчас сводится к формированию диверсифицированного сбалансированного портфеля, отвечающего требованиям климатической политики. Однако каждая компания выбирает свой путь к достижению этой цели.

Дальнейшие исследования авторов будут направлены на формирование и оценку стратегических альтернатив нефтегазовых компаний в рамках выстраивания низкоуглеродной стратегии.

Список источников

1. Abreu M. C. S. de, Webb K., Araújo F. S. M., Cavalcante J. P. L. From «Business as Usual» to Tackling Climate Change: Exploring Factors

Affecting Low-Carbon Decision-Making in the Canadian Oil and Gas Sector // Energy Policy. 2021. Vol. 148. №111932. P. 10.

2. Arctic Connectivity Working Group 2021 [Electronic resource] // Arctic Economic Council. 2021. 28 p. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/wp-content/uploads/2021/05/aec-cwg-report-050721-6.pdf> (date accessed: 08.10.2021).

3. Barrera-Rey F. The Effects of Vertical Integration on Oil Company Performance [Electronic resource]. Oxford: Oxford Univ Press, 1995. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2010/11/WPM21-TheEffectsOfVerticalIntegrationOnOilCompanyPerformance-FBarreraRey-1995.pdf> (date accessed: 15.11.2021).

4. Carayannis E. G., Ilinova A., Cherepovitsyn A. The Future of Energy and the Case of the Arctic Offshore: The Role of Strategic Management // Journal of Marine Science and Engineering. 2021. Vol. 9. №134. P. 20.

5. Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle [Electronic resource] / Bird K. J., Charpentier R. R., Gautier D. L. et al. // U. S. Department of the Interior, U. S. Geological Survey. 2008. URL: <https://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/fs2008-3049.pdf> (date accessed: 14.11.2021).

6. Decarbonization of oil and gas: international experience and Russian priorities [Electronic resource] / Grushevenko E., Kapitonov S., Melnikov Y. et al. // Skolkovo School of Management. URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_Decarbonization_of_oil_and_gas_EN_22032021.pdf (date accessed: 09.11.2021).

7. Global Energy Transformation: A roadmap to 2050 [Electronic resource] // International Renewable Energy Agency. 2018. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2018/Apr/IRENA_Report_GET_2018.pdf (date accessed: 20.10.2021).

8. Hoon C. Meta-Synthesis of Qualitative Case Studies: An Approach to Theory Building // Organizational Research Methods. 2013. Vol. 16. №4. P. 522–556.

9. International oil companies and the energy transition [Electronic resource] // International Renewable Energy Agency. 2021. URL: <https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/>

Publication/2021/Feb/IRENA_Oil_Companies_Energy_Transition_2021.pdf (date accessed: 01.11.2021).

10. Madsen H.L., Ulhøi J.P. Sustainable Visioning: Re-Framing Strategic Vision to Enable a Sustainable Corporate Transformation // Journal of Cleaner Production. 2021. Vol. 288. №125602. P. 12.

11. Status of Offshore Oil and Gas Activities and Regulatory Frameworks in the Arctic [Electronic resource] // Protection of the Arctic Marine Environment. 2021. URL: <https://www.pame.is/document-library/pame-reports-new/pame-ministerial-deliverables/2021-12th-arctic-council-ministerial-meeting-reykjavik-iceland/797-status-report-on-offshore-oil-and-gas-activities-and-regulatory-frameworks-in-the-arctic/file> (date accessed: 08.11.2021).

12. Tensions in the Energy Transition: Swedish and Finnish Company Perspectives on Bioenergy with Carbon Capture and Storage / Rodriguez E., Lefvert A., Fridahl M. et al. // Journal of Cleaner Production. 2021. Vol. 280. №124527. P. 12.

13. The post-COVID recovery: An agenda for resilience, development and equality [Electronic resource] // International Renewable Energy Agency. 2020. URL: https://irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2020/Jun/IRENA_Post-COVID_Recovery_2020.pdf (date accessed: 09.11.2021).

References

1. Abreu M.C. S. de, Webb K., Araújo F.S. M., Cavalcante J.P.L. From «Business as Usual» to Tackling Climate Change: Exploring Factors Affecting Low-Carbon Decision-Making in the Canadian Oil and Gas Sector // Energy Policy. 2021. Vol. 148. №111932. P. 10.

2. Arctic Connectivity Working Group 2021 [Electronic resource] // Arctic Economic Council. 2021. 28 p. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/wp-content/uploads/2021/05/aec-cwg-report-050721-6.pdf> (date accessed: 08.10.2021).

3. Barrera-Rey F. The Effects of Vertical Integration on Oil Company Performance [Electronic resource]. Oxford: Oxford Univ Press, 1995. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2010/11/WPM21-TheEffectsofVerticalIntegrationonOilCompan>

yPerformance-FBarreraRey-1995.pdf (date accessed: 15.11.2021).

4. Carayannis E. G., Ilinova A., Cherepovitsyn A. The Future of Energy and the Case of the Arctic Offshore: The Role of Strategic Management // Journal of Marine Science and Engineering. 2021. Vol. 9. №134. P. 20.

5. Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle [Electronic resource] / Bird K.J., Charpentier R. R., Gautier D. L. et al. // U. S. Department of the Interior, U. S. Geological Survey. 2008. URL: <https://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/fs2008-3049.pdf> (date accessed: 14.11.2021).

6. Decarbonization of oil and gas: international experience and Russian priorities [Electronic resource] / Grushevenko E., Kapitov S., Melnikov Y. et al. // Skolkovo School of Management. URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_Decarbonization_of_oil_and_gas_EN_22032021.pdf (date accessed: 09.11.2021).

7. Global Energy Transformation: A roadmap to 2050 [Electronic resource] // International Renewable Energy Agency. 2018. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2018/Apr/IRENA_Report_GET_2018.pdf (date accessed: 20.10.2021).

8. Hoon C. Meta-Synthesis of Qualitative Case Studies: An Approach to Theory Building // Organizational Research Methods. 2013. Vol. 16. №4. P. 522–556.

9. International oil companies and the energy transition [Electronic resource] // International Renewable Energy Agency. 2021. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2021/Feb/IRENA_Oil_Companies_Energy_Transition_2021.pdf (date accessed: 01.11.2021).

10. Madsen H.L., Ulhøi J.P. Sustainable Visioning: Re-Framing Strategic Vision to Enable a Sustainable Corporate Transformation // Journal of Cleaner Production. 2021. Vol. 288. №125602. P. 12.

11. Status of Offshore Oil and Gas Activities and Regulatory Frameworks in the Arctic [Electronic resource] // Protection of the Arctic Marine Environment. 2021. URL: <https://www.pame.is/document-library/pame-reports-new/pame-ministerial-deliverables/2021-12th-arctic-council-ministerial-meeting-reykjavik-iceland/797-status-report-on-offshore-oil-and-gas-activities-and-regulatory-frameworks-in-the-arctic/file>

status-report-on-offshore-oil-and-gas-activities-and-regulatory-frameworks-in-the-arctic/file (date accessed: 08.11.2021).

12. Tensions in the Energy Transition: Swedish and Finnish Company Perspectives on Bioenergy with Carbon Capture and Storage/ Rodriguez E., Lefvert A., Fridahl M. et al. // Journal of Cleaner Production. 2021. Vol. 280. №124527. P. 12.

13. The post-COVID recovery: An agenda for resilience, development and equality [Electronic resource] // International Renewable Energy Agency. 2020. URL: https://irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2020/Jun/IRENA_Post-COVID_Recovery_2020.pdf (date accessed: 09.11.2021).

Статья поступила в редакцию 28.01.2022; одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 18.02.2022.

The article was submitted on 28.01.2022; approved after reviewing on 02.02.2022; accepted for publication on 18.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Череповицына Алина Александровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук (ИЭП КНЦ РАН).

Россия, г. Апатиты, ул. Ферсмана, 24а

Alina A. Cherepovitsyna — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Luzin Institute for Economic Studies — Subdivision of the Federal Research Centre «Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences» (IES KSC RAS).

24a Fersmana st., Apatity, Russia

ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА PHILOSOPHICAL INNOVATION

Научная статья

УДК 338.48

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-225-232

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ПАТРИОТИЗМА

Елена Валерьевна Дашкова

Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова, Грозный, Россия
dashkova@mail.ru, ORCID: 12689863, AuthorID РИНЦ: 619408

Аннотация. Цель статьи заключается в исследовании этнокультурного туризма в контексте формирования и развития патриотизма в российском обществе.

Результаты исследования. В работе делается вывод о том, что историческая Россия по своим географическим, климатическим, геополитическим и культурным показателям является «идеальной» страной для преимущественного развития именно внутреннего туризма, и данный вид досуговых практик может предоставить людям самые разнообразные программы отдыха, связанные с историко-культурным наследием страны и ее обитателей. Вместе с тем ядро практически любой этнической культуры содержит в себе довольно устойчивые представления, связанные с любовью к собственной Родине, которые далеко не всегда носят политический характер, а обусловлены, например, повышенным вниманием к природе и людям родного края. Этнокультурный туризм занимает существенную роль в процессе патриотического воспитания граждан современной России, что связано с тем, что в его рамках возможно полноценное межэтническое взаимодействие.

Перспективы дальнейшего использования результатов. Актуальность имплементации этнокультурного туризма в процессы патриотического воспитания и его отдельные преимущества заключаются в восприятии окружающего мира в позитивном ключе. При этом с точки зрения философии речь идет о расширении опыта так называемого «своего собственного» на просторы страны (в том числе локации в сельской местности), находящиеся за пределами крупных городов и городских агломераций.

Ключевые слова: патриотизм, туризм, внутренний туризм, патриотическое воспитание, историко-культурное наследие

Для цитирования: Дашкова Е. В. Этнокультурный туризм в контексте формирования и развития патриотизма // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 225–232. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-225-232>.

Original article

ETHNO-CULTURAL TOURISM IN THE CONTEXT OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF PATRIOTISM

Elena V. Dashkova

Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia
dashkova@mail.ru, ORCID: 12689863, AuthorID RSCI: 619408

Abstract. *The purpose of the article is to study ethno-cultural tourism in the context of the formation and development of patriotism in Russian society.*

The results of the study. *The paper concludes that historical Russia, according to its geographical, climatic, geopolitical and cultural indicators, is an «ideal» country for the predominant development of domestic tourism, and this type of leisure practices can provide people with a wide variety of recreation programs related to the historical and cultural heritage of the country and its inhabitants. At the same time, the core of almost any ethnic culture contains fairly stable ideas related to the love of one's own Homeland, which are not always of a political nature, but are due, for example, to increased attention to nature and people of the native land. Ethno-cultural tourism plays an essential role in the process of patriotic education of citizens of modern Russia, which is due to the fact that full-fledged interethnic interaction is possible within its framework.*

Prospects for further use of the results. *The relevance of the implementation of ethno-cultural tourism in the processes of patriotic education and its individual advantages lie in the perception of the surrounding world in a positive way. At the same time, from the point of view of philosophy, we are talking about expanding the experience of the so-called «own» to the expanses of the country (including locations in rural areas) located outside large cities and urban agglomerations.*

Keywords: *patriotism, tourism, domestic tourism, patriotic education, historical and cultural heritage*

For citation: *Dashkova E. V. Ethnocultural tourism in the context of the formation and development of patriotism // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 225–232. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-225-232>.*

Введение. В последнее время в России остается востребованной политика в сфере воспитания гражданского патриотизма, напрямую связанного с уважением к многообразию исторических традиций и культурному наследию народов страны. Специфика советского и российского национального строительства всегда включала и включает в себя особое внимание к разнообразным этническим группам, населяющим нашу страну. При этом государство продолжает оставаться полиэтническим объединением, включающим в себя множество народов, представители которых относятся к одной из трех мировых религий.

Начиная с эпохи Нового времени в мире обострились этнические конфликты, не в последнюю очередь связанные с различными формами проявления национализма. Поэтому интеграция этнических компонентов культуры в общую систему патриотического воспитания представляет интерес для органов государственной власти. В данной связи этнокультурный туризм является инструментом этнического взаимодействия и остается важным интегратором представлений народов о собственной традиционной культуре и об обычаях и традициях, характерных для других этнических групп.

Применительно к российской действительности патриотизм остается одним из важнейших средств консолидации страны, не являясь идеологией в классическом смысле, что в свою очередь оставляет достаточный простор для культурно-интеллектуального маневра. При этом будет справедливым полагать, что отсутствие государственной идеологии во многом обусловлено сохранением на территории России довольно самобытных этнокультурных укладов, развивающихся по собственной программе, существенно отличной от так называемых этнических меньшинств (недавно переехавших в Европу), населяющих страны коллективного Запада. Так, например, президент России В.В. Путин заявил о том, что национальная идея России — это патриотизм. Таким образом, руководитель государства признал, что «у нас нет никакой и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма... Никакой другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо»¹. Поэтому стоит ожидать, что патриотизм будет распространяться на самые разнообразные сферы российского общества, являясь органичным элементом национальной культуры.

Патриотические аспекты современного туризма. Мы уже отмечали, что патриотизм во многом определяется непрекращающимися связями и общением с другими людьми. При этом необходимо учитывать, что те или иные (выставляемые в качестве патриотических) ценности могут быть довольно быстро дискредитированы в случае изменения, например, политической конъюнктуры и государственной политики, к тому же и сам человек может быть подвергнут остракизму за непатриотические высказывания. Именно поэтому патриотизм выступает «элементом как общественного, так и индивидуального сознания. На уровне общественного сознания под патриотизмом подразумевается национальная и государственная идея единства и неповторимости данного народа, которая формируется на основе традиций, стереотипов, нравов, истории и культуры каждой конкретной нации» [3, с.

312]. Но бывают и обратные ситуации, когда презируется и подвергается нападкам именно патриотическая позиция, а сам носитель подобных взглядов испытывает на себе проявления соответствующей дискриминации. Например, в определенных кругах уже стало нормой всячески ругать (а не просто критиковать) собственно государство, придумывая ему и его жителям унижительные прозвища. Поэтому необходимо патриотически настроенным гражданам предоставлять соответствующую защиту со стороны государства, всячески способствуя ликвидации чувства страха за свои взгляды и образ мыслей.

Игнорирование патриотизма на протяжении многих лет может привести к кризису основополагающих механизмов ценностной регуляции общества, что уже в России происходило в период 90-х годов прошлого столетия. «Патриотизм является одной из важнейших составляющих общественного сознания, а его недооценка может привести к разложению социально-экономических, духовных и культурных основ развития общества и государства. На уровне индивидуального сознания патриотизм переживается как любовь к Родине, гордость за свою страну, стремление узнать, понять и улучшить ее. Следовательно, патриотизм представляет собой одну из составных элементов структуры общественного сознания, в которой отражено отношение личности к Отечеству, к Родине, к народу» [3, с. 312]. Таким образом, нельзя игнорировать роль досуга в формировании ключевых патриотических установок, ведь не секрет, что могут быть патриоты по должности и патриоты по зову сердца, хотя первое совсем не исключает второе.

Многие из уже имеющихся форм внутреннего туризма (если не все) в той или иной степени могут носить патриотический характер, что становится особенно очевидно в контексте беспрецедентных санкций, введенных против России со стороны стран коллективного Запада. При этом в рамках развития этнокультурного туризма могут быть открыты совершенно новые маршруты, включающие в себя патриотическую специфику, причем туристы смогут убедиться в том, что патри-

¹ Встреча с активом Клуба лидеров [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51263> (дата обращения: 20.02.2021).

отизм является универсальным феноменом, характерным для всех культур и общностей. Вполне возможно, что отечественная культура будет существенно милитаризироваться, для чего самому государству и армии потребуются дополнительные военно-патриотические маршруты. Нельзя также забывать, что развитие патриотического туризма будет опираться на наследие победы в Великой Отечественной войне. Таким образом, военно-патриотический туризм в силу содержащихся в нем игровых моделей оказывается востребованным в среде ценителей активного отдыха, но при этом он особенно применим в сообществах молодежи.

По мере возрастных изменений, происходящих с человеком, существенно могут трансформироваться и его патриотические установки. То, на что раньше не обращалось внимания, со временем было подвергнуто новой переоценке. «На сегодняшний день наиболее востребованными среди туристов считают следующие направления: воссоздание жизни и бытовых условий, относящиеся к определенному периоду жизни людей на выбранной территории. Другое направление — реконструкция военных сражений или битв. Подобные реконструкции детально прорабатываются, используются подлинные объекты, уцелевшие или воссозданные до мелочей. Целью всех этих подготовок можно считать полное погружение участников в специфические условия, отвечающие особенностям того времени» [3, с. 312]. В данной связи можно констатировать, что военно-патриотический туризм теснейшим образом связан с исторической реконструкцией прошедших героических сражений.

Вместе с тем в отечественной культуре и в социуме по-прежнему сохраняется запрос на формирование отечественной модели патриотизма, которая будет учитывать и включать в себя множество локальных традиций и форм исторического мышления. В данной связи этнокультурный туризм может стать важным инструментом государственной политики в сфере воспитания патриотизма в среде граждан современной России, причем сама реальность патриотического воспитания не исчерпывается юношеским возрастом, а представляет собой перманентный процесс «освоения» окружающей действительности.

Очевидно, что патриотизм как культурно-исторический феномен подвергался на протяжении веков сильным изменениям, а иногда и вовсе отвергался на уровне общественного сознания. В советскую эпоху, например, патриотизм практически полностью идентифицировался с коммунистической идеологией. «Патриотизм, как социальный и психологический феномен, в разные времена интерпретировался по-разному, в зависимости от доминирующих в российском обществе философских и мировоззренческих концепций, политического строя, субъективных представлений ученых» [2, с. 81]. Можно сказать, что процесс патриотического воспитания и социализации продолжается в течение всей жизни и может только усиливаться в зрелом возрасте.

Воспитание патриотизма в гражданской среде невозможно без формирования единомыслия в отношении ключевых вопросов развития собственной страны. Однако, когда мы рассуждаем об этнокультурном туризме, речь идет фактически о процессе имплементации патриотизма в соответствующие досуговые практики, а не о политическом действии. Солидарность становится коллективной силой, которая обеспечивает стабильность всего социума, воспринимающего собственную культуру как необходимую ценность.

Этнокультурный туризм как фактор формирования патриотических практик. В результате проведения соответствующей культурной политики патриотические (как, впрочем, или иные) эмоции могут возникнуть и устойчивым образом поддерживаться в отношении общей Родины на значительном физическом удалении друг от друга. Обитая в различных странах, люди посредством сети Интернет способны постоянно общаться с представителями своего народа или носителями одного языка, что в принципе формирует образцы «дистанционного» («удаленного») патриотизма. Это в свою очередь создает дополнительные условия для развития патриотического туризма именно в части совместного предварительного вживания и планирования посещения значимых с точки зрения общей культуры локаций.

В рамках практик этнокультурного туризма может быть не только стимулирована

историческая (коллективная) память жителей страны, но и происходить «оживление» тех идей и представлений, которые имеются почти у каждого человека о собственной Родине. При этом этнокультурный туризм может способствовать «освежению» патриотических чувств и впечатлений, связанных с той или иной местностью, в результате и патриотические мероприятия могут приобретать характер познавательного досуга. В данной связи можно снова обратиться к классикам британского эмпиризма: «если вера заставляет идею подражать действиям впечатлений, она должна делать ее сходной с последними в указанных качествах, и, значит, она не что иное, как более живое и интенсивное представление любой идеи» [6, с. 174]. Таким образом, оказывается, что вера необходима человеку в его повседневных практиках, причем она выходит далеко за пределы традиционной религии и является необходимым компонентом формирования паттернов устойчивого патриотизма.

Патриотизм, переживаемый при благополучном стечении обстоятельств, в той или иной степени ввергает человека в приподнятое настроение чувств, в эйфорию. Вместе с тем поиск патриотических корней в истории часто связывался со способностью человека открывать для себя священное (сакральное) измерение вещей и других объектов. Таким образом, и сам патриотизм оказывается формой духовного освоения социокультурной реальности и повседневности. Это в свою очередь указывает на религиозные корни рассматриваемого феномена, в котором переживание родной земли приобретало возвышенный характер.

При этом патриотизм рассматривался как некий акт коллективного духовного творчества, что во многом способствовало дальнейшей идеализации рассматриваемого феномена, поэтому в случае патриотизма речь идет об экзистенциальных переживаниях, напрямую связанных с аутентичным для человека бытием-в-мире. В данной связи можно также говорить о преодолении отчуждения окружающего мира в патриотическом акте. Собственно, такая способность — способность преодолевать отчужденность (чуждость) внешней среды обитания — обеспечивает востребованность патриотизма в дискурсе государственных медиа.

В процессе реализации этнокультурного туризма на практике должно возникнуть внутригрупповое и внешнегрупповое взаимодействие между всеми участниками общения, эффективность которого будет во многом зависеть от выработки общего для всех участников процесса мировоззрения. При этом, однако, важно учитывать, что все участники вышеописанного взаимодействия, несмотря на различия, являются гражданами одной стороны, что уже должно обеспечивать уровень солидарности. «В настоящее время нет универсального, общепринятого определения патриотизма. На основаниях сложившихся в российском обществе и науке представлений патриотизм можно понимать как общественную и индивидуальную ценность, содержанием которой является любовь к своей Родине, народу, культуре и традициям своей страны и которая проявляется в стремлении и готовности действовать во имя ее благополучия, а при необходимости выступить на защиту своего Отечества» [2, с. 81]. В контексте патриотической компоненты этнокультурного туризма важно не только получать непосредственное удовольствие от путешествия, но и формировать собственные взгляды в отношении страны и ее стратегических перспектив на будущее. Таким образом, речь идет о необходимости единомыслия в вопросах отношения к собственной стране и ее жителям, причем невзирая на их возможные этнические и конфессиональные различия.

Наличие культурного многообразия внутри страны откладывает своеобразный отпечаток на существование и дальнейшее развитие национальной модели патриотизма. В сложившейся ситуации необходимо учитывать требования мультикультурности, которая в России имеет собственный укорененный вариант, существенно отличный от так называемого мультикультурализма западных стран, что особенно наглядно проявляется в сельской местности. «Патриотические чувства проявляются в обычных поступках, в отношении людей друг к другу, в любви к своей “малой Родине”, к своей улице, селу, городу. Патриотизм, пройдя через ряд определенных этапов на пути к своей зрелости, поднимается до общегосударственного патриотического самосознания, до осознанной и искренней любви к своей независимой Рес-

публике» [5, с. 62]. Вместе с тем можно с достоверностью сказать, что размеры страны существенно влияют на формы патриотизма и его конкретное наполнение определенными образами и культурными смыслами.

Не секрет, что в отечественной культуре превалирующим является государственный (державный) патриотизм, который зачастую интерпретировался в терминах гегелевской философии. Особое отношение к государству, которое часто кодифицируется в отечественной культуре как государственный патернализм, во многом определяется историческим прошлым России и ее уникальным географическим положением (не в последнюю очередь детерминированным «властью пространств»). Просторы России, причем зачастую обладающие суровым климатом, таят в себе как несомненные плюсы, так и минусы для развития цивилизации. Однако в рамках конструирования патриотического нарратива размеры страны, несомненно, оказывают позитивное воздействие на патриотический дискурс, который зачастую выстраивается вокруг величия России. Значительность территории, однако, создает сложности в их управлении, которые также связаны с необходимостью формировать локальные идентичности, согласованные с векторами общенационального развития.

Вместе с тем государство в России по-прежнему остается главным оператором патриотической повестки в стране. Успехи государства, особенно на внешнеполитической арене, значительным образом стимулируют патриотические чувства граждан, и, наоборот, неудачи государства крайне негативно сказываются на переживании патриотических эмоций. «Патриотизм основывается на сознании абсолютного государства. Такое умонастроение, готовность отдать свое достоинство и жизнь ради целого в народе тем больше, чем больше отдельный человек может ради общего дела действовать по собственной воле и самостоятельно, и чем больше доверия испытывает он к государству» [1, с. 70]. Тем не менее, данный вариант патриотизма, образующий ядро системы ценностей страны, может быть дополнен позитивным отношением к ближайшему окружению и природе собственной страны.

Патриотический дискурс должен строиться на правде в отношении собственной

страны и ее народов, а также не допускать клеветы на другие соседние страны и их представителей. Важно понимать, что успешность патриотизма во многом зависит от его правды в отношении как «своих», так и «чужих», которые могут рассматриваться в качестве врагов (противников) страны и ее народа. Даже с врагами необходимо поступать справедливым образом, говоря о том, что они тоже имеют «свою» правду, поэтому необходимо, чтобы патриотизм носил законный характер, а представляющие патриотическую позицию люди всячески избегали экстремизма. Так, например, согласно философии Платона, в основе закона лежит идея справедливости, помогающая преодолеть внутренние распри, а сам «закон ставит своей целью не благоденствие одного какого-нибудь слоя населения, но благо всего государства. То убеждением, то силой обеспечивает он сплоченность всех граждан, делая так, чтобы они были друг другу взаимно полезны в той мере, в какой они вообще могут быть полезны для всего общества» [4, с. 301]. Следовательно, сама идея справедливости играет ключевую роль в поддержании патриотических установок на высоком моральном уровне.

Таким образом, можно констатировать, что для развития изучаемого нами типа туризма в качестве ресурса воспитания патриотизма имеются все предпосылки, связанные в первую очередь с наличием разнообразных этнических групп и значительными географическими масштабами страны. Причем многие представители различных этнических групп, населяющие Россию, в существенной степени укоренены в местном природном ландшафте и составляют значительную часть сельских районов, находящихся в удалении от крупных городских агломераций и промышленных центров. При этом далеко не все коренные народы страны располагают развитой туристической инфраструктурой и нуждаются в поддержке традиционного образа жизни со стороны государства. Кроме этого, многие этнические регионы России в силу своей удаленности от условного центра довольно плохо известны жителям европейской части страны. Более того, последние даже не собираются или просто не имеют возможности посещать данные области в туристических или иных целях.

Заключение. В заключении статьи делается вывод, что историческая Россия по своим географическим, климатическим, геополитическим и культурным показателям является «идеальной» страной для преимущественного развития именно внутреннего туризма. К тому же данный вид досуговых практик может предоставить людям самые разнообразные программы отдыха, связанные с историко-культурным наследием страны и ее обитателей. Вместе с тем ядро практически любой этнической культуры содержит в себе довольно устойчивые представления, связанные с любовью к собственной Родине, которые далеко не всегда носят политический характер, а обусловлены, например, повышенным вниманием к природе и людям родного края. Можно даже сказать, что порой чрезмерное культивирование преимуществ собственной территории приводит к провинциализму и одностороннему взгляду на окружающую действительность. Тем не менее, возрождение любви к своему региону всегда сопровождается национальным подъемом возвращения к собственным корням. Следовательно, чтобы по-новому оценить родной край, необходимо уже что-то потерять из прошлого культурного опыта.

Пожалуй, этнокультурный туризм занимает существенную роль в процессе патриотического воспитания граждан современной России, это связано с тем, что в его рамках возможно полноценное межэтническое взаимодействие. Таким образом, актуальность имплементации этнокультурного туризма в процессы патриотического воспитания и его отдельные преимущества заключаются в восприятии окружающего мира в позитивном ключе. При этом с точки зрения философии речь идет о расширении опыта так называемого «своего собственного» на просторы страны (в том числе локации в сельской местности), находящиеся за пределами крупных городов и городских агломераций.

Список источников

1. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 2. 355 с.
2. Заставченко В.А. Патриотическое воспитание студенческой молодежи средства-

ми туризма // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2016. №1(131). С. 81–86.

3. Козловская Д.И., Козловский С.Н. Патриотический туризм как средство воспитания и образования молодежи // ЦИТИСЭ. 2021. №4(30). С. 309–324.

4. Платон. Государство // Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 344 с.

5. Сорокина Г.А. Об актуальности развития военно-патриотического туризма в Луганской народной республике // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогические науки. Образование. 2020. Т. 47. №3. С. 61–65.

6. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Мн.: «Попурри», 1998. 264 с.

References

1. Gegel' G. V.F. Raboty raznyh let: v 2 t. [Works of different years: in 2 volumes]. Moscow: Mysl', 1971. Vol. 2. 355 p. (In Russ.).

2. Zastavchenko V.A. Patrioticheskoe vospitanie studencheskoj molodezhi sredstvami turizma [Patriotic education of student youth by means of tourism]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [Scientific notes of the P.F. Lesgaft University]. 2016; 1(131): 81–86. (In Russ.).

3. Kozlovskaja D.I., Kozlovskij S.N. Patrioticheskij turizm kak sredstvo vospitaniya i obrazovaniya molodezhi [Patriotic tourism as a means of upbringing and education of youth]. *CITISJe*. 2021; 4(30): 309–324. (In Russ.).

4. Platon. Gosudarstvo [State]. *Sobranie sochinenij: v 4 t.* [Collected works: in 4 volumes]. Moscow: Mysl', 1994. Vol. 3. 344 p. (In Russ.).

5. Sorokina G.A. Ob aktual'nosti razvitija voenno-patrioticheskogo turizma v Luganskoj narodnoj respublike [On the relevance of the development of military-patriotic tourism in the Luhansk People's Republic]. *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1. Pedagogicheskie nauki. Obrazovanie* [Bulletin of the Lugansk State Pedagogical University. Series 1. Pedagogical sciences. Education]. 2020; 47(3); 61–65. (In Russ.).

6. Jum D. Traktat o chelovecheskoj prirode [Treatise on human nature]. Minsk: «Popurri», 1998. 264 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.04.2022; одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted on 05.04.2022; approved after reviewing on 12.04.2022; accepted for publication on 22.04.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дашкова Елена Валерьевна — кандидат философских наук, декан факультета географии и геоэкологии, и.о. заведующего кафедрой «Туризм и индустрия гостеприимства», Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова.

Россия, г. Грозный, ул. А Шерипова, 32

Elena V. Dashkova — Candidate of Philosophical Sciences, Dean of the Faculty of Geography and Geoecology, Acting Head of the Department of Tourism and Hospitality Industry, Kadyrov Chechen State University.

32 A. Sheripova st., Grozny, Russia

Научная статья

УДК 101.1:316

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-233-246

НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ЦИФРОВОЙ ЗЕМЛИ

Елена Александровна Дергачева¹, Таисия Александровна Колесник^{2✉}

^{1,2}Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия

¹Eadergacheva2013@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4562-2914, AuthorID РИНЦ: 310421

²00077767475@mail.ru ✉, AuthorID РИНЦ: 930725

Аннотация. Целью исследования является анализ стратегических ограничений образования в области Цифровой Земли, не позволяющих эффективно решать проблемы вытеснения естественного природного мира миром техногенным.

Методологической базой исследования является системный социоприродный подход, дополненный междисциплинарными исследованиями теории философии социально-техногенного развития мира, социотехноприродных процессов и смены эволюции жизни.

Результаты исследования. Выявлено, что на современном этапе общественного развития идет глобальное вытеснение естественной природной среды расширяющейся техносферой. Формируется во многом искусственная постбиосферная система жизни и соответствующая ей картина мира. Становление новой социотехноприродной системы жизни порождает множество глобальных проблем. Для решения этих проблем необходима виртуальная модель эволюционирующей Земли, адекватно отражающая ее природные, техногенные и социальные процессы. Предполагается, что данная модель будет применяться в обучении для воссоздания в сознании обучающихся целостного представления о мире и происходящих в нем процессах. Однако в настоящее время образование в области Цифровой Земли сосредоточено на подготовке специалистов, обладающих навыками проектирования и работы с геопространственными информационными системами. Это свидетельствует о недостаточно полной научно-философской методологической основе проектирования виртуальной реальности, не позволяющей понять вектор эволюционных процессов, связанных с замещением естественного природного мира миром техногенным, проанализировать и скорректировать негативные социотехноприродные трансформации, ведущие к деградации биосферной системы жизни. Не учитываются образование в области Цифровой Земли и проблемы человека, усложнение его адаптации и социализации в техногенно измененной реальности. Все это создает стратегические ограничения образования в системе Цифровой Земли и не позволяет применить ее потенциал для сохранения биосферной жизни и мира, а также проблем адаптации и социализации человека.

Перспективы исследования заключаются в формировании новой научно-философской методологической основы образования в области Цифровой Земли, учитывающей в том числе и эволюционные процессы, связанные с заменой естественного природного мира миром техногенным, что позволило бы скорректировать негативные социотехноприродные трансформации, ведущие к деградации биосферной системы жизни, и сформировать программу безопасного развития техносферы.

Ключевые слова: «Цифровая Земля», постбиосферная картина мира, техносфера, образование, социальная педагогика

Для цитирования: Дергачева Е.А., Колесник Т.А. Научно-философские проблемы образования в системе Цифровой Земли // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 233–246. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-233-246>.

Original article

SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF EDUCATION IN THE DIGITAL EARTH SYSTEM

Elena A. Dergacheva¹, Taisiya A. Kolesnik²

^{1,2}*Bryansk State Technical University, Bryansk, Russia*

¹*Eadergacheva2013@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4562-2914, AuthorID RSCI: 310421*

²*077767475@mail.ru, AuthorID RSCI: 930725*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the strategic limitations of education in the field of Digital Earth, which do not allow to effectively solve the problems of displacement of the natural world by the technogenic world.*

The methodological basis *of the research is a systematic socio-natural approach, supplemented by studies of the socio-technological development of the world, socio-technological processes and changes in the evolution of life, as well as an interdisciplinary approach.*

The results of the study. *It is revealed that at the present stage of social development there is a global displacement of the natural environment, an expanding technosphere. A postbiospheric picture of the world is being formed, the formation of which generates many global problems. To solve these problems, a virtual model of the evolving Earth of its natural and social processes is needed. It is assumed that these models will be used in training to recreate in the minds of students a holistic view of the world and the processes taking place in it. However, at present, education in the field of Digital Earth is focused on training specialists who have the skills to design and work with geospatial information systems. This indicates an insufficiently complete philosophical methodological basis that allows us to understand the vector of evolutionary processes associated with the replacement of the natural world by the technogenic world, analyze and correct negative sociotechnological transformations leading to the degradation of the biospheric worldview. Education in the field of Digital Earth and human problems, the complication of his adaptation and socialization in a technogenically altered reality are not taken into account. All this creates strategic restrictions on the formation of a digital Earth and does not allow its potential to be used to preserve biosphere life and the world, as well as problems of adaptation and socialization of a person.*

The prospects of the research *lie in the formation of a new philosophical methodological basis for education in the field of Digital Earth, taking into account, among other things, the evolutionary processes associated with the replacement of the natural world with a man-made world, which would allow correcting negative sociotechnological transformations leading to the degradation of the biosphere picture of the world.*

Keywords: *«Digital Earth», postbiospheric picture of the world, technosphere, education, social pedagogy*

For citation: Dergacheva E. A., Kolesnik T. A. Scientific and philosophical problems of education in the Digital Earth system // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 233–246. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-233-246>.

Введение. На современном этапе общественного развития научные знания и информация являются ключевыми факторами, под воздействием которых трансформируются не только все сферы жизни общества, но и изменяется сама сущность понимания жизни. Жизнь как явление выходит за рамки биосферы и начинает создаваться научно-технологическим путем. Искусственные формы жизни конструируются как на основе биологических форм жизни путем манипулирования с комбинациями генов (генно-модифицированные организмы), так и с использованием небактериальных материалов — различные формы искусственного интеллекта. Коренным образом изменяется и среда, в которой протекают все естественные жизненные процессы, что неизбежно ведет к деградации эволюционно выработанных качеств живых организмов. Замыкание жизни в техносфере (индустриальной городской среде жизни) делает неизбежной необходимость ее искусственной поддержки за счет ресурсов урбанизированной среды и ее информационного пространства, активно расширяемого посредством информатизации и цифровизации. Инфосфера — система обработки, передачи, потребления информации — становится глобальной информационной оболочкой техносферы — инфотехносферой (по классификации Н.Н. Лапченко), обеспечивающей ее ускоренное развитие, а вместе с ним и движение к во многом искусственной постбиосферной картине мира с иным представлением о жизни [14]. По сути, в настоящий период времени мы наблюдаем, как отмечают исследователи признанной РАН Междисциплинарной научно-философской школы социально-техногенного развития мира, глобальный переход жизни на нашей планете от ее биосферно-биологических форм к жизни без биосферы, формирование в условиях городской техносферы постбиосферной картины мира [8]. Достаточно отметить, что площадь посевов биотехнологических ГМО культур увеличилась за двадцать лет стократ-

но в мире с момента начала их коммерческого использования (со второй половины 1990-х гг.) и достигла порядка 12% пахотнопригодных земель мира.

С одной стороны, втягивание человека в виртуальную цифровую реальность способствует обособлению от реальной наличной действительности, разрыву связей с биосферным миром, непониманию его ценности для жизни. С другой стороны, применение междисциплинарного подхода, развиваемого на фундаменте научно-философских исследований в сочетании с цифровыми технологиями, позволяет в перспективе спроектировать в виртуальном пространстве целостную многомерную модель эволюционирующей Земли, ее социальных, техногенных и природных объектов. Эта модель может быть использована для решения острых глобальных и локальных проблем становящегося социотехноприродного мира.

В настоящее время ведется активная научно-исследовательская работа по расширению возможностей проекта «Цифровая Земля», идейным вдохновителем которого является американский ученый и Нобелевский лауреат по исследованию изменений климата А. Гор. Данный проект находится на стадии разработки, об этом свидетельствует тот факт, что до настоящего времени нет даже четко сформулированного определения «Цифровая Земля». Первоначальный вариант понятия «Цифровая Земля» был дан А. Гором в 1998 г. Суть «Цифровой Земли» в его интерпретации заключается в построении многомерного трехмерного представления нашей планеты на основе огромного количества данных с географической привязкой [21]. Данная формулировка была дополнена в 2012 г. советом ISDE (International Society for Digital Earth). По мнению ученых, технологии Цифровой Земли должны быть нацелены на моделирование в цифровом пространстве всех систем Земли, включая культурные и социальные аспекты. В связи с этим можно заключить,

что Цифровая Земля — это проект, реализация которого позволит создать многомасштабную, многомерную, многоуровневую информационную систему, позволяющую моделировать сценарии управления процессами, происходящими на нашей планете, и выбирать наилучший для общества, человека и природы вариант развития с целью недопущения катастрофы. Можно предположить, что глобальным информационным пространством техносферы, позволяющим обеспечить информационно-коммуникативную поддержку искусственной оболочки будущей жизни, является формируемая посредством цифровизации инфотехносфера. Проект «Цифровая Земля» является этапом глобальной информатизации нашей планеты (т.е. построения глобальной инфотехносферы). Этот проект как дает новые возможности, так и таит в себе угрозы, связанные с необдуманном применением технологий.

Созданные на основе Цифровой Земли модели также могут быть использованы в системе образования с целью воссоздания в сознании обучающихся интегрированного образа мира и взаимосвязанности происходящих в нем социотехноприродных процессов, а также научно-философского осмысления последствий его эволюции в сторону замещения биосферного мира предельно искусственным техносферным, прогнозирования трансформационных последствий такого развития. В связи с этим выработка эффективной образовательной стратегии Цифровой Земли зависит от качества моделирования в ней социальных, техногенных и природных процессов, а также поставленных в ходе наполнения контента Цифровой Земли целей.

В настоящее время стратегия развития образования в области Цифровой Земли направлена на решение задач формирования у обучающихся и педагогов навыков работы с геопространственными информационными системами и освоение элементарных навыков в области геопространственной информатики [17]. Действительно, эти навыки необходимы для построения проблемно-ориентированного процесса обучения, в основе которого должны лежать реальные явления и проблемы социоприродного развития. Между тем мир в результате научно-технического про-

гресса стремительно меняется, поэтому простое перенесение процессов биофизического мира в виртуальный, отражение их неизменного облика в цифровом геопространстве, т.е., по сути, представление контента как есть без научно-философского осмысления и понимания того, что происходит в картине мира, в том числе научной, не соответствует эволюционно меняющимся характеристикам современного биофизического облика реальной Земли. Это приводит к усеченному (узкому) пониманию обучающимися процессов, происходящих в реальном мире, и как следствие — ограничивает возможности цифрового образования.

Только на обучении работы с геопространственными информационными системами невозможно создать глобальную стратегию развития образования, способную активизировать потенциальные возможности человека в решении проблем, вызванных трансформационным техногенным прогрессом, а также оказать помощь самому человеку в процессе его социализации и адаптации к быстро изменяющимся условиям среды городской техносферы.

Между тем коррекция процессов адаптации и социализации индивида в процессе образования на современном этапе просто необходима. Данная необходимость обусловлена нарастанием стресса, вызванного давлением искусственной мегареальности, вследствие которого человек утрачивает свое природное физическое и психическое здоровье. Об этом свидетельствует рост числа так называемых «болезней цивилизации»: сердечно-сосудистых, онкологических, аллергических, опорно-двигательной системы, психических и др. В контексте этих трансформаций изменяются требования к социальной педагогике как науке, непосредственно изучающей процессы социализации и адаптации человека в среде. Поэтому виртуальное пространство планеты должно не просто наполняться геопространственными данными, а на основе этих данных должна воссоздаваться эволюционирующая биосфера во взаимосвязи антропосоциальных, природных и воздействующих на изменение картины мира техногенных процессов. Описанные выше изменения должны стать основой для расширения

проблематики образования. Эти изменения следует учитывать специалистам в области информационных технологий при моделировании стратегии развития образования в системе Цифровой Земли.

Методология. В своих исследованиях мы опираемся на системный социоприродный подход, основоположником которого является В.И. Вернадский, создавший целостную концепцию биосферы (1926 г.) и обосновавший свое представление о трансформации биосферы в ноосферу. Развитие общества, по исследованиям В.И. Вернадского, привело к тому, что эволюция биосферы, особенно в индустриальную эпоху, стала определяться не всей совокупностью составляющих ее живых организмов, а коллективным человеческим разумом — наукой и трудом людей, опирающихся на крупную машинную технику и искусственные технологии [3]. Однако если ученый считал, что человечество в процессе своего общественного развития должно улучшить состояние природного мира, а ноосфера стать высшим и последним состоянием биосферы, то на современном этапе общественного развития посредством человеческого разума и труда идет глобальное замещение (вытеснение) техносферой биосферного мира и жизни. Так, по расчетам израильских ученых, к 2020 г. общая масса биосферы и техносферы сравнялись и составляют приблизительно по 1,1 триллиону тонн. При этом антропотехногенная масса удваивается каждые 20 лет, что говорит о том, что в скором времени она существенно превзойдет массу биосферы. Между тем данные свидетельствуют о том, что биосфера является более гармоничной системой по сравнению с техносферой. Энергоемкость техносферы в 15 раз выше, чем этот же показатель в биосфере, водоемкость — в два раза выше. Однако продуктивность техносферы в три раза меньше продуктивности биосферы [16; 13].

И хотя мы говорим о «разумной деятельности человечества», в основе ее лежит далеко не гуманное отношение к биосферной

жизни, по сути, ее разрушение. Все это свидетельствует о невозможности употребления термина «ноосфера» в данной В.И. Вернадским интерпретации, так как ни о каком улучшении биосферы и речи быть не может на современном этапе стихийного и непродуманного развития техногенного общества. Взамен ноосферы идет глобальное формирование техно-ноосферы (по классификации профессора Э.С. Демиденко) [5].

Все это свидетельствует о том, что техногенно развивающееся современное общество, совершенствуя науку и технику, качественным образом изменяется само и глубоко трансформирует всю область жизни на планете. Более того, оно переводит на основе биотехнологических производств жизненные естественные процессы воспроизводства биосферных организмов и человека в искусственную оболочку — техносферу. Крупнейшие ученые и мыслители говорят практически о гибели биосферы и эволюционном изменении жизни в направлении замещения естественного мира искусственным, утверждении на планете интегрированных социотехноприродных процессов, генетически модифицированных организмов [8]. О нарастающем губительном разрушении биосферной жизни достаточно ярко свидетельствует исчезновение на планете за последние пять десятилетий (с 1970 г.) более двух третьих популяций живых организмов, в том числе в пресных водах — три четверти, что фиксируется биологами и экологами в индексе «живой планеты»¹.

Анализируя процессы деградации и трансформации биосферной жизни под воздействием техносферы на рубеже XX–XXI вв., видный исследователь Э.С. Демиденко приходит к выводу о совершающемся вследствие техногенного развития социума новом эволюционном прогрессе на планете, который претендует на замещение естественного мира, созданного биосферой, иным эволюционным процессом. С опорой на В.И. Вернадского он развивает в философии и науке новый социоприродный подход, который (в отличие от широко рас-

¹ Новый выпуск доклада WWF «Живая планета» — не для малодушных [Электронный ресурс]. URL: <https://wwf.ru/resources/news/arkhiv/novyy-vypusk-doklada-wwf-zhivaya-planeta-ne-dlya-malodushnykh/> (дата обращения: 01.10.2020).

пространенных теорий общественного развития) позволяет исследователям рассматривать закономерности современных социальных и природных процессов в их взаимосвязи и направленности, определяемой техногенным социумом [6; 7; 8; 9]. Данный подход получает развитие в трудах ученых и философов научно-философской школы социально-техногенного развития мира, социотехноприродных процессов и смены эволюции жизни, функционирующей при Брянском государственном техническом университете уже два десятка лет [20], а также поддерживающих и развивающих их взгляды исследователей [15]. Именно такая научно-философская методологическая основа анализа данных должна лежать в основе междисциплинарных исследований при разработке и совершенствовании проекта «Цифровая Земля» и определять его основополагающие цели и задачи. Это позволит скорректировать и дополнить образовательную стратегию Цифровой Земли, сориентировать ее потенциал на решение проблем сохранения биосферного мира и жизни, а также проблем социализации и адаптации человека в условиях изменяющегося техногенного развития мира.

Результаты обсуждения. Несмотря на тот факт, что на протяжении всей истории биосфера многократно подвергалась катастрофам, особенно вымиранию жизни в периоды сильного охлаждения планеты в процессах геологических и космических катастроф, жизнь возрождалась и продолжала активно развиваться. Такое прерывистое, но поступательное развитие биосферы в философии и науке называют обычно эволюционным развитием, отмечая особые крупные периоды в эволюции биосферы эрами. В связи с этим мы можем говорить о картине мира как о биосферной картине мира. В процессе исторического развития общества биосферная картина мира претерпевает ряд трансформаций, связанных с изменениями исторически глобальных и качественно различных моделей жизни. Первая, биосферно-биологическая, начинается с зарождения биосферной жизни в ней до появления разумного человека. Вторая, социально-биосферная, складывается в виде отдельных

элементов в биосфере под воздействием общественного развития собирательного общества. Третья, социотехнобиосферная, начинает складываться под воздействием общественного развития с использованием орудий производства и технологий земледельческого социума на естественную биосферную природу. Четвертая, социотехнобиологическая модель формируется в условиях техногенного (индустриального и постиндустриального) общественного развития и выходит за пределы биосферной жизни, то есть жизни на пространствах гибнущей биосферы (приведенная классификация разработана проф. Э.С. Демиденко) [7].

Толчком к формированию четвертой модели жизни стала промышленная революция конца XVIII — первой половины XIX вв. В этот период на основе научно-технических производительных сил общество вступает в новую индустриальную фазу своего развития. Этот переход привел к тому, что с середины XX в. в социально-природной системе искусственный компонент «техно» становится доминирующим. В связи с этим мы можем говорить уже не об эволюционном развитии биосферы, а революционном ее преобразовании, по сути, смене эволюции жизни с естественной на искусственную [8]. Такая замена (подмена) модели жизни породила ряд глобальных проблем цивилизационного развития и бессчетное количество негативных трансформаций, ведущих к деградации биосферного мира.

Активное применение научных знаний практически во всех сферах жизни общества коренным образом меняет цели развития науки. К концу XX — началу XXI вв. наука вступает в новую постнеклассическую фазу своего развития (по классификации академика РАН В.С. Степина). За счет достижений в развитии науки активно реализуются цели как экономического, так и политического характера. Новая постановка задач требует привлечения специалистов из разных областей научного знания, что способствует выходу исследований за рамки исследуемой области, сращиванию теоретических, экспериментальных, прикладных и фундаментальных знаний. Возникает во многом ложное представление о всеисильности научно-технического прогресса.

На сегодняшний день можно с уверенностью утверждать, что внедрение в жизнь инноваций может одновременно как иметь позитивное значение, так и вести к неблагоприятным последствиям. Это свидетельствует о том, что на основе науки и техники выстроить гармоничную систему развития общества и природы до настоящего периода времени не удалось. Непредсказуемые негативные последствия техногенных инноваций ставят перед наукой новые задачи, заключающиеся в моделировании и прогнозировании сценариев будущего мира. Этот аспект особенно важен, поскольку, по мнению В.С. Степина, исследуемые на современном этапе системы характеризуются открытостью и саморазвитием, поэтому при взаимодействии и работе с такого рода системами человек имеет возможность выбора направлений развития системы из ряда путей ее потенциальной эволюции [15]. Опираясь на мнение ученого и анализируя современную социотехноприродную реальность жизни, мы пришли к выводу, что это открытая развивающаяся система, направление и развитие которой задается глобализирующимся техногенным обществом.

В.Г. Горохов также указывает на невозможность предсказания всего спектра последствий и поведения системы после контакта с ней. По мнению ученого, последствия могут быть столь масштабными, что кардинальным образом изменят ход развития всей человеческой цивилизации без шанса на возврат к исходным позициям [4]. До настоящего времени нет однозначного ответа, смогут ли научно-технические инновации помочь преодолеть противоречия в развитии естественного и искусственного миров, сохранив биосферные основы жизни. Однозначно на современном этапе назрела необходимость определения границ вмешательства онаученного разума глобализирующегося социума в трансформируемые им объекты с целью сохранения баланса в социоприродной системе. Для этого необходима переориентация рациональных основ развития общества, включение в смысловое поле рациональности помимо экономических, научных и технических аспектов социально-экологических и этических компонентов [10].

Социально-философский анализ изменяющейся реальности жизни позволяет нам утверждать тот факт, что необходим пересмотр научной картины мира с учетом современного социотехноприродного развития. Так, доминирующие на современном этапе теории общественно-экономического развития — формационная (К. Маркса) и теория постиндустриального общества (Д. Белла) — не учитывают весь спектр социальных и природных закономерностей в их взаимосвязи, на что обращают внимание исследователи социально-техногенного развития мира.

Все это свидетельствует о том, что новая научная парадигма должна быть направлена на преодоление противоречий социально-техногенного развития мира с целью сохранения его биосферных основ. Процессы интеграции научного знания особенно важны при гуманитарной оценке последствий внедрения в жизнь генно-инженерных разработок и вмешательстве в социальные и природные процессы. Это требует формирования интегрированной картины мира, основывающейся на междисциплинарных научно-философских исследованиях.

Остро встает вопрос об ориентирах развития самой науки. Будет ли она способствовать сохранению естественного биосферного мира или пойдет по пути его вытеснения искусственным? Пока преобладающей остается вторая тенденция, которая выражается в деактуализации гуманитарно-ценностного знания, отвечающего за формирование мировоззренческих ориентиров, необходимых для сохранения биосферного мира и жизни. Если в современном образовании и дальше будут преобладать подобные тенденции, то остается мало надежд на преодоление негативных техногенных трансформаций мира и жизни, ведущих к смене ее эволюции на искусственную.

Эти тенденции при сохранении существующих рациональных основ развития общества, на наш взгляд, останутся неизменными. Сочетание технократизма как основной идеологической основы современного общества и капитализма как преобладающей экономической системы является фундаментом для интеграции трех рациональностей: экономики, науки и техники, причем именно экономическая рациональность задает ориентиры развития двум остальным. Данный

феномен в научной литературе получил название интегрированной техногенной рациональности [11]. Именно эта рациональность приводит к противоречиям в развитии социальных и природных систем, трансформационным процессам развития жизни, а также качественным изменениям естественных эволюционных процессов. Основные тенденции в современном образовании свидетельствуют о стремлении к еще большему увеличению технической прикладной его компоненты. Это способствует закреплению технократического вектора социоприродной эволюции, а, следовательно, и тотальной замены (подмены) естественного мира искусственным. Технологии Цифровой Земли позволяют внедрять в образовательный процесс интегрированные знания о мире и жизни. Это может позитивно повлиять на компетенции будущих специалистов в области решения проблем трансформационного развития. Однако это выполнимо только при условии, если при формировании основных целей данного проекта будет учитываться необходимость сохранения биосферных основ жизни, необходимых для полноценного существования человека.

Основной провозглашаемой целью Цифровой Земли является поддержание национального и международного сотрудничества в интересах глобального устойчивого развития. По сути, Цифровая земля — это новая научная парадигма, которая призвана гармонизировать развитие человечества во всех его аспектах. Между тем основной нерешенной задачей Цифровой Земли до настоящего времени является интеграция чрезвычайно сложных данных об естественных физических явлениях и социально-экономических процессах. Чем сложнее система, как пишет Е. Еремченко, тем сложнее отобразить ее с помощью цифровой модели. Ученый указывает на то, что невозможно создать даже модель живого существа, а тем более полноценную модель социальных систем. В связи с этим он делает вывод, что создание цифрового двойника Земли в виде ее цифровой копии выходит за рамки современной реальности [11]. Между тем разработки в этом направлении продолжают вестись. Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том,

что провозглашаемые цели и задачи в современных условиях трудновыполнимы.

Основной целью Цифровой Земли является осуществление проекта глобального управления и преодоления на этой основе глобальных проблем человечества. И тут возникает множество вопросов. Первым является вопрос о том, что же собственно такое глобальное управление? В чьих интересах оно должно осуществляться? И действительно ли оно нацелено исключительно на решение глобальных проблем? Выбор аналитических парадигм к пониманию сути глобального управления столь обширен, что не позволяет выделить даже основные его принципы. На это указывает и множество вариантов глобального управления, начиная с формирования единого мирового правительства и реформы ООН и заканчивая гегемонией США. Анализируя термин «глобальное управление», эксперт в области политических отношений О. Н. Баранов пришел к выводу, что для понимания его сути необходимо разграничить это понятие с понятием «глобальное правительство». Под правительством подразумевается определенная структура, в то время как под управлением понимаются прежде всего социальные функции и процессы. Правительство осуществляет свою деятельность, опираясь на формализованные конституционные нормы, приказы, указы, распоряжения и другие документы. Вследствие этого правительство является гарантом обеспечения процесса регулирования и выполнения взятых на себя обязательств. В случае процесса управления гаранта выполнения обязательств, как правило, нет [2]. Именно такой вариант глобального управления без выполнения обязательств и навязывается современному миру ведущей капиталистической державой — США. Неудивительно, что США выступают как инициаторами проекта «Цифровая Земля», так и ведущими разработчиками виртуальных глобусов геобраузеров: Google Earth, World Wind NASA и ArcGIS Explorer ESRI (ведомства, относящиеся к федеральному правительству США (НАСА) и крупные транснациональные корпорации со штаб-квартирами в США). США не скрывают, что разработки в области Цифровой Земли позволили им добиться существенных результатов в реализации космических программ, гонке вооруже-

ний и экономически эффективных коммерческих инноваций, по сути, сыграли важную роль в реализации глобального управления. Недаром некоторые страны рассматривают в частности Google Earth как угрозу своим национальным интересам в области безопасности, что привело к запрету использования данной программы в ряде государств мира. Активно занимаются внедрением и разработкой технологий Цифровой Земли в Китае, России и др. странах. Все это больше похоже на гонку технологий, дающих преимущество стране в реализации задач своей национальной политики. Анализируя ситуацию в современном мире, в частности кризис на Украине (спецоперацию вооруженных сил РФ по демилитаризации и денацификации Украины), можно с уверенностью сказать, что нет возможности эффективного диалога между странами даже по ключевым вопросам безопасности, не говоря уже о совместной эффективной работе по преодолению негативных трансформаций жизни, возникших вследствие техногенного развития общества.

Цифровая Земля обладает множеством возможностей по моделированию климата, анализу процессов урбанизации, отслеживанию процессов загрязнения окружающей среды, анализу социальных процессов и т.д., что позволяет говорить о ней как о перспективной научной парадигме, которая может быть использована для анализа процессов трансформационного развития жизни и выработки решений для сохранения ее биосферных основ. Однако эта же парадигма в условиях расширения техногенного общества, рациональными основами которого является интеграция научной, технико-технологической и рыночной рациональностей, позволяет сформировать эффективную глобальную систему управления социумом посредством контроля над его глобальной информационной оболочкой. Сохранение биосферной жизни в сложившихся условиях является не ключевой задачей, скорее, речь идет о моделировании экономически выгодных вариантов искусственной эволюции. Именно поэтому образование в области Цифровой Земли до настоящего времени не подразумевает формирование ментальной карты, в центре которой была бы идея о необходимости сохранения биосферной жизни, нет в нем

и понимания необходимости адаптации человека к стремительному нарастанию ответственности мира. Цифровая Земля, цифровой человек (уже не биосферный — биоробот, выполняющий обозначенный круг задач), — вот составляющие виртуальной реальности инфотехносферы.

Между тем в условиях расширения техносферы и деградации биосферы для биосферного человека наиболее актуальными становятся вопросы адаптации и социализации к условиям изменяющегося развития. Это ставит уже новые цели и задачи перед образованием, в том числе и образованием Цифровой Земли, если бы оно было нацелено на преодоление негативных трансформаций техногенного развития. В новом свете в связи с этим видится и роль социальной педагогики, которая позволяет не только адаптировать и социализировать человека в быстро меняющемся мире, но и выработать социализационные ориентиры, направленные на сохранение биосферного мира и жизни. Особенно актуальным становится внедрение социальной педагогики в связи с тем, что образование больше не является гарантом стабильного существования на протяжении всей жизни, как это было еще полстолетия назад. Срок жизни современной технологии составляет всего 5 лет. В связи с этим возникает необходимость в образовании на протяжении всей жизни. Растет и стресс, связанный с неустойчивостью социально-экономического положения, необходимостью постоянно осваивать новые знания, умения, навыки, поскольку под угрозой — потенциальная потеря рабочего места. Напряжение, связанное с необходимостью соответствовать параметрам развития техносферы, влечет за собой потерю естественного природного здоровья, различные виды деформации личности, асоциальное поведение. Для человека важно, чтобы процессы интенсификации образования были соразмерны с его психоэмоциональными и адаптивными возможностями, иначе он не сможет справиться с перегрузками в процессе обучения. Все это делает необходимым усиление роли социальной педагогики в образовательном процессе.

Заключение. Перспективы по внедрению в образовательный процесс интегрированных знаний о мире и жизни ряд ученых

связывают с проектом образования в системе Цифровой Земли. Образовательная стратегия, предполагаемая «Цифровой Землей», подразумевает междисциплинарный подход к развитию образования. Однако пока что разработчики данного проекта узко понимают задачи образования в современном техногенно развивающемся мире, поэтому главной целью данного проекта является подготовка специалистов, обладающих компетентностью в области геоинформатики, а также навыками работы с геоинформационными системами. Такая ориентация свидетельствует о закреплении технократической ориентации образования, направлении его потенциала на подготовку специалистов, обслуживающих проект «Цифровая Земля», который по сути является логичным отражением глобальной техносферизации всех жизненных процессов в биосфере [12]. В рамках данного проекта не учитывается потребность в коррекции эволюционных процессов с целью сохранения биосферного мира и жизни, а также проблемы адаптации и социализации самого человека в условиях изменяющейся действительности. К примеру, разработчики глобального проекта управления здравоохранением «Цифровое здоровье Земли» говорят о необходимости оздоровления окружающей среды как основы здоровья человека, а также необходимости разработки программ профилактики болезней [19; 18].

Между тем ими упускается из виду тот факт, что без опоры в образовании на социальную педагогику невозможно в полной мере решить поставленные ими задачи. Так, в задачи социальной педагогики входит не просто описание факторов среды, влияющих на становление личности в социуме, но и изучение действующих в них закономерностей, вскрывающих механизмы влияния их на человека. Такой подход, по мнению М.П. Гурьяновой, не только делает социальную педагогику направленной на адаптацию и социализацию человека к условиям изменяющейся среды, но и предполагает перестройку и оздоровление самой окружающей среды в соответствии с задачами полноценного формирования личности [1]. Здоровье человека напрямую зависит от его образа жизни в техногенно измененных условиях. Грамотность в построении образа жизни также должна прививаться

программами социально ориентированного образования. Все это свидетельствует о пока еще несформировавшихся связях между отдельными проектами Цифровой Земли, а также о том, что при наполнении виртуального образовательного пространства Цифровой Земли данными не учтено еще множество факторов. Вследствие этого необходимо расширить круг задач образования «Цифровой Земли» с учетом проблем трансформационного социально-техногенного развития мира.

Образовательный проект Цифровой Земли пока еще находится на стадии своей разработки и совершенствования. На это указывает отсутствие стандартизированной методологической педагогической основы его реализации. В настоящее время сам проект «Цифровая земля» сосредоточен в основном на технических проблемах, таких как необходимость согласования данных, найденных в различных информационных системах, друг с другом, разработке общей системы стандартов преобразования данных, создании нового поколения информационных платформ для виртуальной реальности и др. [17; 22]. По-прежнему остается неопределенной научно-философская методологическая основа, задающая основополагающие цели при реализации проекта. Все это свидетельствует о недопонимании угрозы перехода биосферного мира в искусственную, постбиосферную фазу своего развития и проблемы человека в условиях техногенно измененной среды обитания. Это в свою очередь не позволяет создать в рамках «Цифровой Земли» необходимой для преодоления дисбаланса в социоприродной системе модели образования. Потенциал «Цифровой Земли» позволяет решить ряд задач, стоящих перед образованием в условиях социально-техногенного развития, а также внедрить в образовательный процесс социальную педагогику на высоком качественном уровне, что в перспективе позволит выстроить принципиально иную, чем нынешняя, модель образования. Данная модель должна быть ориентирована не только на обслуживание и создание объектов техносферы, но и тестирование их на безопасность для биосферного мира и жизни, решение проблем социализации и адаптации человека в условиях быстро изменяющегося развития.

Список источников

1. Арнольдов А.И., Григорьев С.И., Гурьянова М.П., Гусякова Л.Г., Дергачева Е.А., Демиденко Э.С., Морозова Н.С., Силласте Г.Г., Сорочинская Е.Н. Социальная педагогика в России: на острие времени / Под ред. М.П. Гурьяновой / ФГНУ «Институт социальной педагогики» РАО. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 190 с.
2. Барабанов О.Н. Определение теоретических подходов. Проблемы глобального управления: выбор аналитической парадигмы // Вестник международных организаций. 2009. №2(24). С. 5–6.
3. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2004. 576 с.
4. Горохов В.Г. Вводная статья к книге // Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2010. С. 8.
5. Демиденко Э.С. Методологические подходы В.И. Вернадского к пониманию социально-технологического развития мира // Философские идеи В.И. Вернадского и современность. Вып. 51. «Ценологические исследования». М., 2013. С. 84–91.
6. Демиденко Э.С. О методологии прогнозирования социоприродного развития // Проблемы современного антропоциального познания. Вып. 3. Брянск: БГТУ, 2005. С. 12–20.
7. Демиденко Э.С. Проблемы научно-философского моделирования развития жизни // Проблемы современного антропоциального познания. Вып. 8. Брянск: БГТУ, 2010. С. 104.
8. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. От глобальной деградации биосферы к смене эволюции жизни: научный доклад [Электронный ресурс]. М.: Изд-во РАН, 2017. 28 с. URL: <http://www.ras.ru/publishingactivity/issues/collections.aspx> (дата обращения: 27.04.2018).
9. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Социально-философский анализ становления и развития концепции техногенного общества [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. №2. URL: <http://www.science-education.ru/131-23481> (дата обращения: 20.11. 2021).
10. Дергачева Е.А. От техногенной рациональности к рациональности социоприродного развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия. 2008. №1. С. 12–16.
11. Дергачева Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности. Брянск: БГТУ, 2005. 219 с.
12. Дергачева Е.А. Цифровая Земля: от идей к воссозданию виртуальной копии планеты // GeoContext. 2020. Vol. 8. №1. P. 5–16.
13. Захаров Е.И. Подход к оценке взаимодействия биосферы с техносферой и их последствиям // Известия ТулГУ. Науки о Земле. 2014. С. 3–10.
14. Лапченко Н.Н. Информатизация общества в условиях техногенного социоприродного развития: философский и правовой аспекты. Брянск: «Десяточка», 2009. 221 с.
15. Степин В.С. Философия природы и постнеклассическая рациональность // Философия природы сегодня / Под. ред. И.К. Лисеева, В. Луговского. М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2009. С. 23–24.
16. Эльхачам Э., Бен-УриЛ., Грозовски Дж. и др. Глобальная антропогенная масса превышает всю живую биомассу [Электронный ресурс] // Nature. 2020. С. 442–444. URL: <https://doi.org/10.1038/s41586-020-3010-5> (дата обращения: 24.04.2021).
17. Wang C., Kantor C.M., Mitchell J.T., Bacastow T.S. Digital Earth Education // Manual of Digital Earth. P. 755–782.
18. Del Mastro A., Monaco F., Eremchenko E., Nelson A. «Digital Health Earth»: towards a global healthcare management geolocating human health condition by means of space technology // GeoContext. 2020. Vol. 8. №1. P. 5–16.
19. Dergachev K.V., Trifankov Yu. T. Modern Philosophy in the Context of Interdisciplinary Studies of Human and Nature // Smart Technologies and Innovations in Design for Control of Technological Processes and Objects: Economy and Production. Springer, 2019. Vol. 139. Pp. 228–233.
20. Eremchenko E. Digital Earth: Prism of 2020 // GraphiCon 2021: 31st International Conference on Computer Graphics and Vision. Nizhny Novgorod, Russia (September 27–30, 2021).
21. Gore A. The Digital Earth: Understanding our planet in the 21st Century // Al Gore speech at California Science Center, Los Angeles, California (January 31, 1998).
22. Genderen van J., Goodchild M.F., Huadong Guo, Chaowei Yang, Nativi S., Lizhe

Wang, and Cuizhen Wang. Chapter 26 Digital Earth Challenges and Future Trends. P. 828.

References

1. Arnol'dov A. I., Grigor'ev S. I., Gur'janova M. P., Gusljakova L. G., Dergacheva E. A., Demidenko Je. S., Morova N. S., Sillaste G. G., Sorochinskaja E. N. Social'naja pedagogika v Rossii: na ostrie vremeni [Social pedagogy in Russia: on the edge of time]. Pod red. M. P. Gur'janovoj In M. P. Guryanova (eds.). FGNU «Institut social'noj pedagogiki» RAO. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istorija, 2014. 190 p. (In Russ.).
2. Barabanov O. N. Opredelenie teoreticheskikh podhodo. Problemy global'nogo upravlenija: vybor analiticheskoy paradigmy [Definition of theoretical approaches. Problems of global governance: choosing an analytical paradigm]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij* [Bulletin of International Organizations]. 2009; 2(24): 5–6. (In Russ.).
3. Vernadskij V. I. Biosfera i noosfera [Biosphere and noosphere]. Moscow, 2004. 576 p. (In Russ.).
4. Gorohov V. G. Vvodnaja stat'ja k knige [Introductory article to the book]. Behmann G. Sovremennoe obshhestvo: obshhestvo riska, informacionnoe obshhestvo, obshhestvo znaniy [Behmann G. Modern society: risk society, information society, knowledge society]. Moscow: Logos, 2010. P. 8. (In Russ.).
5. Demidenko Je. S. Metodologicheskie podhody V. I. Vernadskogo k ponimaniju social'no-tehnologicheskogo razvitiya mira [Vernadsky's methodological approaches to understanding the socio-technological development of the world]. *Filosofskie idei V. I. Vernadskogo i sovremenost'*. Vyp. 51. «Cenologicheskie issledovaniya» [V. I. Vernadsky's philosophical ideas and modernity. Issue 51. «Cenological research»]. Moscow, 2013. P. 84–91. (In Russ.).
6. Demidenko Je. S. O metodologii prognozirovaniya socioprirodnogo razvitiya [On the methodology of forecasting socio-natural development]. *Problemy sovremennogo antroposocial'nogo poznanija*. Vyp. 3 [Problems of modern anthroposocial cognition. Issue 3]. Brjansk: BGTU, 2005. P. 12–20. (In Russ.).
7. Demidenko Je. S. Problemy nauchno-filosofskogo modelirovaniya razvitiya zhizni [Problems of scientific and philosophical modeling of life development]. *Problemy sovremennogo antroposocial'nogo poznanija*. Vyp. 8 [Problems of modern anthroposocial cognition. Issue 8]. Brjansk: BGTU, 2010. P. 104. (In Russ.).
8. Demidenko Je. S., Dergacheva E. A. Ot global'noj degradacii biosfery k smene jevoljucii zhizni: nauchnyj doklad [From global degradation of the biosphere to a change in the evolution of life: scientific report] [Elektronnyj resurs]. Moscow: Izd-vo RAN, 2017. 28 p. URL: <http://www.ras.ru/publishingactivity/issues/collections.aspx> (data obrashhenija: 27.04.2018). (In Russ.).
9. Demidenko Je. S., Dergacheva E. A. Social'no-filosofskij analiz stanovlenija i razvitiya koncepcii tehnogenogo obshhestva [Sociophilosophical analysis of the formation and development of the concept of technogenic society] [Elektronnyj resurs]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [Modern problems of science and education]. 2015; (2). URL: <http://www.science-education.ru/131-23481> (data obrashhenija: 20.11. 2021). (In Russ.).
10. Dergacheva E. A. Ot tehnogennoj racional'nosti k racional'nosti socioprirodnogo razvitiya [From technogenic rationality to rationality of socio-natural development]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija Filosofija* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. The series Philosophy]. 2008; (1): 12–16. (In Russ.).
11. Dergacheva E. A. Tehnogennoe obshhestvo i protivorechivaja priroda ego racional'nosti [Technogenic society and the contradictory nature of its rationality]. Brjansk: BGTU, 2005. 219 p. (In Russ.).
12. Dergacheva E. A. Cifrovaja Zemlja: ot idej k vossozdaniju virtual'noj kopii planety [Digital Earth: from ideas to recreating a virtual copy of the planet]. *GeoContext*. 2020; 8(1): 5–16. (In Russ.).
13. Zaharov E. I. Podhod k ocenke vzaimodejstviya biosfery s tehnosferoj i ih posledstvijam [Approach to assessing the interaction of the biosphere with the technosphere and their consequences]. *Izvestija TulGU. Nauki o Zemle* [News of TulSU. Earth sciences]. 2014. P. 3–10. (In Russ.).
14. Lapchenko N. N. Informatizacija obshhestva v uslovijah tehnogenogo socioprirodnogo razvitiya: filosofskij i pravovoj aspekty

[Informatization of society in the conditions of technogenic socio-natural development: philosophical and legal aspects]. Brjansk: «Desjatochka», 2009. 221 p. (In Russ.).

15. Stepin V.S. *Filosofija prirody i postneklassicheskaja racional'nost'* [Philosophy of nature and postnonclassical rationality]. *Filosofija prirody segodnja* [Philosophy of nature today]. Pod. red. I.K. Liseeva, V. Lugovskogo [In I.K. Liseev, V. Lugovsky (eds.)]. Moscow: Kanon+, ROOI Reabilitacija, 2009. P. 23–24. (In Russ.).

16. Jel'hacham Je., Ben-Uri L., Grozovski Dzh. et al. Global'naja antropogennaja massa prevyshaet vsju zhivuju biomassu [The global anthropogenic mass exceeds the entire living biomass] [Jelektronnyj resurs]. *Nature*. 2020. P. 442–444. URL: <https://doi.org/10.1038/s41586-020-3010-5> (data obrashhenija: 24.04.2021). (In Russ.).

17. Wang C., Kantor C.M., Mitchell J.T., Bacastow T.S. Digital Earth Education // *Manual of Digital Earth*. P. 755–782.

18. Del Mastro A., Monaco F., Eremchenko E., Nelson A. «Digital Health Earth»:

towards a global healthcare management geolocating human health condition by means of space technology // *GeoContext*. 2020. Vol. 8. №1. P. 5–16.

19. Dergachev K.V., Trifankov Yu. T. Modern Philosophy in the Context of Interdisciplinary Studies of Human and Nature // *Smart Technologies and Innovations in Design for Control of Technological Processes and Objects: Economy and Production*. Springer, 2019. Vol. 139. Pp. 228–233.

20. Eremchenko E. Digital Earth: Prism of 2020 // *GraphiCon 2021: 31st International Conference on Computer Graphics and Vision*. Nizhny Novgorod, Russia (September 27–30, 2021).

21. Gore A. The Digital Earth: Understanding our planet in the 21st Century // Al Gore speech at California Science Center, Los Angeles, California (January 31, 1998).

22. Genderen van J., Goodchild M.F., Huadong Guo, Chaowei Yang, Nativi S., Lizhe Wang, and Cuizhen Wang. Chapter 26 Digital Earth Challenges and Future Trends. P. 828.

Статья поступила в редакцию 22.03.2022; одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 12.04.2022.

The article was submitted on 22.03.2022; approved after reviewing on 28.03.2022; accepted for publication on 12.04.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дергачева Елена Александровна — доктор философских наук, профессор РАН, профессор кафедры «Гуманитарные и социальные дисциплины», Брянский государственный технический университет.

Россия, г. Брянск, Бульвар 50 лет Октября, 7

Elena A. Dergacheva — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Bryansk State Technical University.

Russia, Bryansk, Av. 50 let of Ocyabrya, 7

Колесник Таисия Александровна — аспирант, Брянский государственный технический университет.
Россия, г. Брянск, Бульвар 50 лет Октября, 7

Taisiya A. Kolesnik — Postgraduate Student, Bryansk State Technical University.
Russia, Bryansk, Av. 50 let of Octyabrya, 7

Вклад авторов:

Дергачева Е. А. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; обоснование актуальности, целей и задач исследования; финальная корректировка текста.

Колесник Т. А. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Dergacheva E.A. — scientific guidance; research concept; development of methodology; substantiation of relevance, goals and objectives of the study; final correction of the text.

Kolesnik T.A. — writing the source text; final conclusions.

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-247-254

КОНЦЕПЦИЯ ЕВРАЗИЙСТВА: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО УЧЕНИЯ

Эмилбек Каримович Дуйшеев

Баткенский государственный университет, Баткен, Кыргызстан
duyshoyev1980@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2919-4497, WoS Research ID: AAE-6635-2022

Аннотация. Целью исследования является обобщение специфики становление и развитие социального учения в рамках концепции евразийства.

Источники информации и методология исследования. Работа базируется на идеях таких классиков социально-философской мысли, как Н. А. Бердяев, Л. Н. Гумилев, Н. Я. Данилевский, В. И. Иванов, К. Н. Леонтьев, Г. В. Флоровский и др. Методология исследования представлена междисциплинарной социально-философской методологией.

Результаты исследования. Делается вывод о том, что становление и развитие евразийства является результатом интеллектуальной деятельности русских философов, пришедших к выводу о дихотомии «Россия-Европа» не только по географическому, но и по культурно-интеллектуальному маркеру, главное — понимание России как евразийского пространства, как континента «Евразия». Евразийство можно охарактеризовать как протоидею в дискурсе русской философской мысли, вобравшую положения о культурно-исторических типах, общинности, коллективном духе, духовном суверенитете и др.

Ключевые слова: евразийство, протоидея, русская философия, общество, модернизация

Для цитирования: Дуйшеев Э. К. Концепция евразийства: становление и развитие социального учения // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 247–254. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-247-254>.

Original article

THE CONCEPT OF EURASIANISM: FORMATION AND DEVELOPMENT OF SOCIAL TEACHING

Emilbek K. Duishoev

Batken State University, Batken, Kyrgyzstan
duyshoyev1980@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2919-4497, WoS Research ID: AAE-6635-2022

Annotation. The purpose of the study is to generalize the specifics of the formation and development of social teaching within the framework of the concept of Eurasianism.

Sources of information and research methodology. The work is based on the ideas of such classics of social and philosophical thought as N. A. Berdyaev, L. N. Gumilev, N. Y. Danilevsky,

V.I. Ivanov, K.N. Leontiev, G.V. Florovsky, etc. *The research methodology is represented by an interdisciplinary socio-philosophical methodology.*

The results of the study. *The conclusion is made that the formation and development of Eurasianism is the result of the intellectual activity of Russian philosophers who came to the conclusion about the «Russia-Europe» dichotomy not only by geographical, but also by cultural and intellectual marker, the main thing is the understanding of Russia as a Eurasian space, as the continent of «Eurasia». Eurasianism can be characterized as a proto-idea in the discourse of Russian philosophical thought, which has incorporated provisions on cultural and historical types, community, collective spirit, spiritual sovereignty, etc.*

Keywords: Eurasianism, proto-idea, Russian philosophy, society, modernization

For citation: Duishoev E. K. *The concept of eurasianism: the formation and development of social teaching // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 247–254. (In Russ.).* <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-247-254>.

Введение. Есть необходимость охарактеризовать, отразить, оценить реальность евразийства не столько как политико-идеологического проекта (что свойственно в современных геополитических вариантах евразийства не рассматривать его сугубо как явление культурно-интеллектуальной жизни, соответствующей кризисному состоянию российского зарубежья) и нацелиться на определение ключевых идей и смыслообразующих позиций в евразийской мысли.

По эскизному изображению евразийства, чем грешат многие исследования, выводящие его генезис из смены политико-мировоззренческих координат русскими философами, которые пытались найти искомое, но соответствующее принципам русской философии место в современном политическом процессе, возникают две концептуальные сложности. Одна состоит в том, что евразийство по существу «сборки» характеризуют течением, вобравшим в себя уже провозглашенные идеи общности, имперскости, пограничной цивилизации. Таким образом, самоучение представляется наспех «слепленным» во многом подчиненными политической конъюнктуре и субъективным намерениям мыслителей, примыкающими к левому и правому лагерю. Если первая сложность страдает подозрением в неоригинальности и эклектичности, другая являет собой перфоманс «второй жизни», реконструкцию, ревизию принципа евразийства, исходя из глобализации, из предложения альтернативы глобализму (мондиализму) в формировании конструкта евразийской цивилизации, опи-

раясь при этом на концепцию Л. Н. Гумилева [4], для которого евразийство есть траектория движения Руси к России и геополитическим идеям А. Г. Дугина [6], воплотившего в евразийстве определение законов «большого пространства» и в этом смысле ставящего целью развитие евразийского пространства как шанса создания самодостаточной геополитической конструкции, способной не только вынести, но и определить законы развития современного мира. Согласно А. Г. Дугину, постсоветская Россия не может являться самодостаточным государственно-территориальным и политическим образованием вне евразийского проекта. Варианты национально-государственной программы, как показал постсоветский опыт, порождают проблемы сепаратизма и регионализма. Не менее спорными А. Г. Дугин называет попытки в создании евразийской империи, современного аналога Советского Союза.

Методологические ориентиры исследования. В целях выяснения объекта исследования того, чем реально является евразийство — конъюнктурным проектом или функциональным, нацеленным на геополитические реальности, требуется как минимум соблюдение два методологических условия. Первое связано с тем, что становление евразийства является исторически-логической традицией русской философской мысли, для которой сам смысл русской философии есть нахождение правды. Евразийство не является событием начала XX в., а восходит к русской идее, к размышлению о России как много-

национальном, многокультурном государстве, сложившемся по уникальным качествам цивилизации. Здесь не нужно погружаться в полемику о неосуществимости проекта славянского единства, на что обычно ссылается в качестве авторитета на К. Н. Леонтьева [8].

Если определять евразийство исторически, оно «витают» в мыслях Н. Я. Данилевского в его учении о культурно-исторических типах, хотя Н. Я. Данилевский и не концептуализирует евразийскую цивилизацию и исторически, и логически. Евразийство есть эссенциальность, восполняющая два важных параметра: уникальность российской цивилизации, связанной с собиранием земель и народов, и содержащий импульс к осмыслению исторического процесса с точки зрения движения к цели, что являлось нереализованным в концепции третьего Рима, на котором строилась российская культурно-цивилизационная парадигма [5]. По существу, Н. Я. Данилевский сформулировал концепцию культурно-исторического типа как воплощающую вариативность и самостоятельность русского пути развития в культуре «мирной экспансии», налаживание сотрудничества с народами, которые под влиянием природно-климатических, территориальных и культурно-исторических условий обрели движение к единству в российском государстве, и предстояла немалая работа, чтобы сформировать целостный культурно-исторический тип. Ядро по Н. Я. Данилевскому есть Русь, в ходе исторического развития в большую историю вступают соседние народы, становятся ее субъектами. Подобно как Русь стала субъектом истории и принятием православия, так и для народов евразийского пространства целью становится участие в реальном наполнении большого пространства социально- и культурно-созидающими силами, как результат — переход от формально-правовых государственных форм к строительству новых форм «человеческого общежития».

Протоидея евразийства. Очевидно, что учение Н. Я. Данилевского получило поддержку в работах Н. Н. Страхова, К. Н. Леонтьева, Л. И. Шестова, нацеливая на собирание народов подобно апостольской миссии, собирание верующих вокруг вселенской церкви [11]. Сразу оговоримся, что в этом не про-

являлся узконационалистический смысл, не встраивались теологические аргументы, евразийство являлось традицией культурно-интеллектуальной, что, само собой разумеется, основывалось не на частностях, присущих конкретным культурам наборов качеств и свойств, не укладывающихся в логику колонизации и постколонизации: если вдуматься глубоко и осмысленно, евразийство как культурно-интеллектуальная традиция обращена к приглашению «мечтать и действовать». Важный момент состоит в том, что «в смутной идее евразийства», можно сказать, протоидея, содержался смысл единства. Как отмечали критики европейских тенденций российской мысли, ограниченность выражалась в том, что русские мыслители ввязывались в чуждый по принципиальным основаниям дискурс, вынуждены были постоянно ориентироваться на критику механицизма и легализма, но аргументы в пользу интуитивности, озарения делали русскую философию заложником «ориенталистских» изысканий, представлявших интересное, но не актуальное для интеллектуальной мысли.

Протоидея евразийства, которая могла не приниматься по историческим основаниям отторжения наследия «Чингисхана» и апологии варварства, являлась альтернативой интеллектуальному снобизму, обрекающему русскую философскую мысль на вторичность. Основание евразийства как идеального задания, не определяемого логикой территориальной экспансии и создания империи, являлось достаточно трудным делом, потому что в отмеченный период евразийство могло рассматриваться в качестве гениальной догадки, нацеленности на будущее, воплощение мечты о большой семье народов, свободных от форм политического военного и правового принуждения.

Было понятно, что Россия, пережившая период европеизации, не могла стать образцовой европейской страной: слишком велики ее масштабы, события, люди, чтобы уместиться в формулу стандартного европейского государства. На этом пути обидно ясным становился вопрос о догоняющей модернизации России, о том, что Россия обречена быть учеником Европы. Обращение к истории России — свидетельство, наоборот, об уникальном геополитическом подвиге, освоении

новых земель при жизни в суровых природно-климатических условиях, разнообразии культур, имеющих парадоксальное представление об абсолютном, и создании сильного централизованного государства.

Космичность православия заключалась в том, что можно охарактеризовать как интуицию единства, но здесь сложность определялась признанием равенства культурных народов, при том что были свидетельства мирной миссии православия, запрета на прозелитство и упор на формы хозяйственного и культурного сотрудничества вне разделительных маркеров. Русские философы И.А. Ильин, Е.Н. Трубецкой, В.И. Иванов, Н.А. Бердяев [2; 7], по существу, определяли евразийство в качестве цели ориентира, смысла большого дела, не страдающего односторонностью государственной казенщины или мессианизма [11]. Так, Н.А. Бердяев, считал, например, что душа России есть следствие ее великих мировых задач, того, что не присуще европейским народам, разделяющим собственную жизнь и колониальные сообщества, так как Россия не может занять позицию культурного и политического превосходства, живет с управляемыми российским государством народами, она не является колониальной державой, и ее мировые задачи определяются тем, что она находится в авангарде движения на Восток и именно через эту цель становится связующим звеном с Западом.

Таким образом, протоидея евразийства становилась эссенциальностью, сущностью социального проекта, в котором ясность и прозрачность получила мысль о неизбежности мирного существования народов на большом пространстве. Война 1914–1918 гг. прямо поставила вопрос о принадлежности России не только к семье европейских народов, но и ее миссии защиты большого пространства. Что являлось важным — так это опыт имперской России, где толерантность как терпимость и уважение к другим народам имела не только политические, но и социокультурные основания.

Сторонники евразийства признавали мирный опыт существования народов в процессе территориальной экспансии российского государства. Можно сказать, согласно позиции Е.Н. Трубецкого и Н.А. Бердяева, несмотря на то, что Россия является самой

государственной и самой бюрократической страной, русский народ создал могущественное государство, величайшую империю. В этом проявлялась сила народа, который вступал на новые земли не как завоеватель, а как имеющий намерения жить вместе, разделять общую судьбу. То, что можно отнести к национальным эксцессам, можно интерпретировать в качестве свидетельства агрессивности бюрократической машины, стремления привести народы к повиновению, выполнению государственных обязанностей путем административного и военного принуждения. Но, что характерно (и это будущее видел К.Н. Леонтьев) — развал империи не означал бы наступления великого счастья для народов России, интересы созидания, поддержания российского государства являлись тем моментом, который определял различия между русской стихией и государственностью. Душа России состояла в том, что она могла жить как большое пространство. Почему в таком контексте идея евразийства не стала ведущей смысловой доминантой в предреволюционный период? Почему русская идея является все-таки идеей по месту в России европейской цивилизации? Здесь есть и историческое обстоятельство, связанное с тем, что Россия оказалась в сфере влияния европейских событий и европейской политики, а Восток оставался пространством «невовлеченности», и возможно, не было деления на метрополию и зависимые земли. Внутренним существенным фактором можно назвать то, что при описании русского народа, русского национального самосознания, русской идеи и обращении к евразийству говорилось о культурном потенциале, но не о выражении определенности, связанной с судьбой большой страны и большого пространства.

Подводя итог вышесказанному, логически завершенным моментом можно считать следующее: протоидея евразийства выражалась в том, что русские мыслители, обсуждая духовную ситуацию в российском обществе того периода в контексте русской идеи, приходили, несмотря на определенную конфликтность позиций, к выводу о том, что, являясь включенной в мировой исторический процесс, Россия как духовный организм нуждается в обновлении, в изменении смыслов жизнедеятельности, подходов к оценке общества,

государства и народа, и осознавали ограниченность и в какой-то степени бесплодность дискуссии с Западом, хотя был силен накал критики европейско-мещанской цивилизации, было подозрение в нечестной игре Европы с Россией. Ощущая предчувствие больших испытаний, видные деятели «постсеребряного» века вынесли суждение о перемещении рефлексивной деятельности в сферу достаточно неизведанного большого пространства.

Итак, объективный анализ концепции евразийства показывает, что, исходя из противопоставления «Европы и Евразии» утверждалась мысль о вовлечении в данный процесс некоторых народов Азии (П.Н. Савицкий). Это, по нашему предположению, было связано с тем, что для российской интеллигенции народы как подданные Российской империи имели различный уровень политического и социально-экономического развития, были в разной степени вовлечены в процесс политико-государственной и хозяйственно-экономической деятельности. Здесь следует отметить, что в условиях распада Российской империи и установления власти большевиков Россия реально обрела контуры евразийского государства с получением независимости Польши, Финляндии, стран Прибалтики.

Евразийство в социальном пространстве европейской цивилизации. В этом геополитическом контексте поворот на «Восток» являлся логическим с точки зрения сохранения российского государства, консолидации народов России в рамках Евразийского проекта, который не был принят большевиками. Как пишет историк Л. Люкс, между царским самодержавием и советской властью было решающее различие — речь шла об отклонении идеи самодержавия и невозможности абсолютизма и неограниченности в государственном устройстве: намечался проект новой политико-конституционной реальности, который несмотря на декоративность советской «демократии» уходил от идеи державности [9], и, как показало становление советской государственности, стал решающим моментом. Это было связано с победой линии И. Сталина и являлось созданием мощного бюрократического аппарата, нацеленного именно на управление страной при отказе от идеи перманентной революции Л. Троцкого [3].

На наш взгляд, евразийский проект реализовался в этот период в модифицированном под влиянием большевистской идеологии виде. Для большевиков фундаментальной идеей являлось формирование советского многонационального государства. Как отмечает Т. Мартин, большевики взяли на вооружение радикальную стратегию, не оставляя никаких подозрений в стремлении создать мононациональное государство. Здесь следует принимать во внимание, что тезис «Россия — тюрьма народов» был принят большевиками как доказательство того, что новая власть является носителем идеологии интернационализма, и это стало привлекательным ориентиром для вовлечения в позитивную деятельность народов России тех, кто представлял «национальные» окраины [10] и в будущем стал частью советского народа.

Конкретизируя эту мысль, мы должны определиться с тем, что евразийцы как идейно-политическое течение не представили программу строительства новой государственности, которая, по их мнению, не могла быть воспроизведением монархии, но что важно отметить, как писал Н. Алексеев (а Н. Алексеев, по мнению А. Дугина, являлся радикальным восточником), стимул обретала консервативная революция на основе создания органицистского подхода к государственному строительству. Для Н. Алексеева большевистский план строительства государства был неприемлем по той причине, что ориентировался на идеологию «произвольного объединения в группы атомарных личностей, каковой являлась и партия большевиков». В этом контексте вне государственного строительства оставались народы как органические целостности [1].

Этот момент выявляет траекторию евразийства для выбора государственных и правовых институтов как авторитарных структур, способных воплотить волю и силу в рамках достижения евразийского единства, где решающим критерием является приверженность идее евразийства, формированию пространства по принципу холизма как по отношению к европейской части, так и к Азии. В этом смысле Н. Алексеев являлся противником «положительной» деятельности, которую осуществляли большевики по отношению к народам России, исходя из позитивной дискриминации русского народа. Чтобы

не впасть в критику ленинской теории национального строительства и разделять аргументы националистов, мы обязаны определиться с тем, что деятельность большевиков в русле политики «национализации» принесла положительные результаты во всех сферах общественной жизни, но одновременно заложила «мины» под будущее советского государства.

Большевистская концепция применительно к евразийскому проекту была идеологизирована и прагматизирована — содержала движение к развитию народов Советского Союза в пределах реализации политико-идеологических и военно-политических задач. Характерный пример — свертывание программ национальной автономии и национального районирования в начале 30-х гг. XX в. в целях ускорения процессов индустриализации и коллективизации, строительство новой советской интеллигенции и последовательное наступление и искоренение буржуазных классов. Под видом борьбы с буржуазным национализмом массовыми репрессиями национальной интеллигенции был осуществлен поворот к воспитанию нового советского человека, где национальная составляющая являлась декорацией на фоне коммунистической идеологии.

В этом отношении евразийство не могло быть союзником большевиков, так как идея евразийства, связанная с формированием духовной элиты, независимо от национальности и сословности являлась воплощением мечты о переводе чисто географического названия «Евразия» на язык политики: большевики как носители социальной революции нуждались, по мнению П. Н. Савицкого, понимания Евразии как культурно-исторической характеристики. Социальная революция имела европейское происхождение, основывалась на единстве пролетариата и не могла быть актуализирована для того, чтобы выполнить задачи, связанные с принятием того факта, что культурно-историческое своеобразие России выводит на концепцию справедливости как высшего блага народов России.

Таким образом, идея евразийства являлась завершением исканий русской философской мысли в контексте Русской Идеи, решением дихотомии «Восток-Запад» в пользу того, что в новых условиях, в реальности, возникшей после Первой мировой войны,

Октябрьской революции, Гражданской войны в России и прихода к власти большевиков, Россия осваивает евразийское пространство как единственно возможный способ и сохранения, и усиления российской государственности, в которой при признании решающей роли русского народа важным становилось утверждение факта многонациональности и многокультурности России, ее обретения союзников в лице народов Востока.

В отличие от большевиков с формулой классовой борьбы евразийцы основывались на идее сословного и национального мира, который достигается в результате справедливости как экзистенциального аргумента, не восходящего к идее социального уравниательства, объективно ведущего рано или поздно к разрушению государственного единства и отвлекающего ресурсы и усилия общества по реализации евразийского проекта как целостного политического и культурно-духовного пространства. Для евразийцев как представителей интеллигенции движущей силой являлась культура объединения: большевики на позициях социальной революции, переустройства экономики и социальной жизни в контексте уже отмеченных процессов коллективизации, индустриализации, которую можно определить и как ускоренную мобилизацию, могли достичь успехов в преобразовании жизни народов России, но дорогой ценой репрессий, подавления протестов населения, материальной нужды и испытаний. Этот вывод не принадлежит евразийцам, но, как отмечал П. Н. Савицкий, социалистическая революция являлась обобщением и обострением традиционно-русского централизма и этатизма, огосударствления и введения контроля над всеми сферами общественной жизни под задачи мощного бюрократического аппарата.

В совокупности с опытом «ускоренной модернизации» евразийский проект не оценивался положительно новой властью, которая внешне забыла о евразийцах как исторически переходящем течении, и идеи евразийства в Советском Союзе находились под запретом. Главное же состоит в том, что реализация евразийского проекта (его достоинства и недостатки мы рассмотрим позже) могла предотвратить деформацию национальной политики, то, что могло признаваться как «перегибы», но не приводило к пересмотру содержания и целей

государственной политики в советский период. Опыт евразийства и евразийского проекта состоит в том, что в выборе формы государственного строительства, особенно в уникально-сложных условиях того периода, ориентир на формирование политического и культурного пространства Евразии не обещал грандиозных рывков и свершений, но в нем критика механического этатизма основывалась на служении делу, на возобладании идеи смены правящего класса и перехода от абстрактных лозунгов интернационализма к самоутверждению особого мира Евразии (П. Н. Савицкий).

Необходимо подчеркнуть, что становление и развитие евразийства является результатом интеллектуальной деятельности русских философов, пришедших к выводу о дихотомии «Россия-Европа» не только по географическому, но и по культурно-интеллектуальному маркеру, и главное — понимание России как евразийского пространства, как континента «Евразия».

Выводы. Итак, напрашиваются следующие выводы. Во-первых, евразийство можно охарактеризовать как протоидею в дискурсе русской философской мысли, вобравшую положения о культурно-исторических типах, общинности, коллективном духе, духовном суверенитете, имевшие разрозненный характер в размышлениях о Русской идее, но получивших идейно-смысловую конфигурацию в оценке будущего России и российского государства, выводе о том, что Россия как многонациональное государство может развиваться в освоении евразийского пространства, принятии формулы единства народа и государства.

Во-вторых, в евразийстве как интеллектуальном и политическом движении 20-х гг. XX в. возникла потребность в поиске формулы развития России, основываясь на опыте Российской империи, катаклизмов войн и революций и включения эмиграции в процесс формирования нового российского государства с приходом к власти большевиков. Не принимая во внимание оценки конъюнктуры евразийского движения, расколы, приведшие к исчезновению из интеллектуальной жизни уже в конце 20-х гг. XX в., можно отметить непреходящее значение в положении евразийства о холизме (целостности) евразийского пространства, о формировании власти вне сословных, национальных и религиозных различий, уст-

ремленной к собиранию многонационального народа и развития культурно-духовной сферы, способствующей единению народов России на основании идеологии всеобщего блага.

В советский период идеи евразийства были преданы забвению в силу политико-идеологических и мировоззренческих обстоятельств, утверждающих идеологию интернационализма, классовой борьбы, проведение национальной политики, направленной на централизацию государственной жизни и государственного управления. Это являлось причиной двоякого эффекта. С одной стороны, в историческое состояние пришли народы России, создавшие современный экономический, социальный и духовный уклады. С другой — процесс ускоренной модернизации в рамках ориентиров на коллективизацию и индустриализацию характеризовался принудительной и часто репрессивной политикой по отношению к так называемым буржуазным слоям и националистам, что в реальности было связано с сопротивлением политики диктата, разрушающей традиции и уклад наработанной веками жизни, создавал проблемы социальной экологии и сохранения национальной культуры. Позитивным моментом являлось то, что несмотря на ориентиры ускоренной модернизации, были достигнуты положительные результаты в развитии экономики, культурной и научной жизни, определившей в качестве сценария будущее формирование евразийского пространства.

Список источников

1. Алексеев Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 640 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Правда, 1990. 396 с.
3. Боффа Дж. От СССР к России. М.: Международные отношения, 1996. 320 с.
4. Гумилев Л. От Руси до России. М.: Айрис Пресс, 2000. 320 с.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 556 с.
6. Дугин А. Основы геополитики. М.: Арктоген центр, 1991. 928 с.
7. Ильин И. А. О грядущей России: избр. ст. / Под ред. Н. П. Полторацкого. Джорданвилль (Н. Й.): Свято-Троиц. монастырь: Корпорация «Телекс», 1991. 367 с.

8. Леонтьев К. Поздняя осень России. М.: Аграф, 2000. 336 с.

9. Люкс Л. История России и Советского Союза. М.: РОССПЭН. 2000, 527 с.

10. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.

11. Русская идея. М.: Республика, 1992. 496 с.

12. Савицкий П. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997, 464 с.

13. Черкасов Т., Чернышевский Д. История императорской России. М.: Международные отношения, 1994. 448 с.

References

1. Alekseev N. Russkij narod i gosudarstvo [The Russian people and the state]. Moscow: Agraf, 1998. 640 p. (In Russ.).

2. Berdjaev N.A. Smysl istorii [The meaning of history]. Moscow: Pravda, 1990. 396 p. (In Russ.).

3. Boffa Dzh. Ot SSSR k Rossii [From the USSR to Russia]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1996. 320 p. (In Russ.).

4. Gumilev L. Ot Rusi do Rossii [From Russia to Russia]. Moscow: Ajris Press, 2000. 320 p. (In Russ.).

5. Danilevskij N. Ja. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow: Kniga, 1991. 556 p. (In Russ.).

6. Dugin A. Osnovy geopolitiki [Fundamentals of Geopolitics]. Moscow: Arktozen centr, 1991. 928 p. (In Russ.).

7. Il'in I. A. O grjadushhej Rossii: izbr. st. [About the coming Russia: elected art.]. Pod red. N.P. Poltorackogo [In N.P. Poltoratsky (eds.)]. Dzhordanvill' (N. J.): Svjato-Troic. monastyr': Korporacija «Teleks», 1991. 367 p. (In Russ.).

8. Leont'ev K. Pozdnaja osen' Rossii [Late autumn of Russia]. Moscow: Agraf, 2000. 336 p. (In Russ.).

9. Ljuks L. Istorija Rossii i Sovetskogo Sojuza [The History of Russia and the Soviet Union]. Moscow: ROSSPJeN. 2000, 527 p. (In Russ.).

10. Martin T. Imperija «polozhitel'noj dejatel'nosti» [The empire of «positive activity»]. Moscow: ROSSPJeN, 2011. 855 p. (In Russ.).

11. Russkaja ideja [Russian idea]. Moscow: Respublika, 1992. 496 p. (In Russ.).

12. Savickij P. Kontinent Evrazija [Continent Eurasia]. Moscow: Agraf, 1997, 464 p. (In Russ.).

13. Cherkasov T., Chernyshevskij D. Istorija imperatorskoj Rossii [History of Imperial Russia]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1994. 448 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.11.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 10.12.2021.

The article was submitted on 26.11.2021; approved after reviewing on 30.11.2021; accepted for publication on 10.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дуйшоев Эмилбек Каримович — аспирант Баткенского государственного университета.

Кыргызстан, г. Баткен, ул. И. Жусупова, 21

Emilbek K. Duishoev — graduate student of the Batken State University.

21 I. Zhusupov st., Batken, Kyrgyzstan

Научная статья

УДК 3.304.4

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-255-262

БИОЦЕНТРИЗМ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Татьяна Николаевна Майснер

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

designtatyana@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8654-0881,

AuthorID РИНЦ: 345191, SPIN-код: 2057-0869

Аннотация. Цель исследования заключается в рассмотрении биоцентризма как новой мировоззренческой модели устойчивого развития современного города.

Методологической основой исследования являются аксиологический подход, концепции биоэтики, глубинной экологии, теории коэволюции, теории устойчивого развития города как урбоэкосистемы.

Результаты исследования. Решение экологических проблем современного города возможно только на основе формирования новой мировоззренческой парадигмы, которая бы утверждала гуманистическое отношение к природе. Кризисная ситуация, сложившаяся в последние десятилетия в экологии городской среды, отчасти является следствием доминирования антропоцентрического мировоззрения и потребительской психологии, которые длительное время определяли отношения в системе «человек — природа». Мировоззренческой парадигмой, способной изменить антропоцентристские установки и потребительскую модель отношения человека к природе, может стать осознанный биоцентризм.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования ценностных оснований для устойчивого развития урбанистической цивилизации.

Ключевые слова: биоцентризм, коэволюция, биоэтика, глубинная экология, устойчивое развитие города, экологизация сознания, экологическая культура

Для цитирования: Майснер Т. Н. Биоцентризм как мировоззренческая модель устойчивого развития современного города // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 255–262. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-255-262>.

Original article

BIOCENTRISIS AS A WORLD OUTLOOK MODEL OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF A MODERN CITY

Tatyana N. Meisner

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

*designtatyana@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8654-0881,
AuthorID RSCI: 345191, SPIN: 2057-0869*

Abstract. *The aim of the research is to consider biocentrism as a new ideological model of sustainable development of a modern city.*

The methodological basis of the research *is the axiological approach, the concepts of bioethics, deep ecology, the theory of co-evolution of man, society and nature, the theory of sustainable development of the city as an urban ecosystem.*

Research results. *The solution of the environmental problems of a modern city is possible only on the basis of the formation of a new ideological paradigm, which would assert a humanistic attitude towards nature. The crisis situation that has developed in the ecology of the urban environment in recent decades is partly a consequence of the dominance of the anthropocentric worldview and consumer psychology, which for a long time determined the relationship in the «man — nature» system. Conscious biocentrism can become a worldview paradigm that can change anthropocentric attitudes and the consumer model of a person's relationship to nature.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research on the value foundations for sustainable development of urban civilization.*

Keywords: *biocentrism, coevolution, bioethics, deep ecology, sustainable development of the city, greening of consciousness, ecological culture*

For citation: *Meisner T. N. Biocentrism as a world outlook model of sustainable development of a modern city // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 255–262. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-255-262>.*

Введение. Город является урбоэкосистемой, элементы которой взаимозависимы друг от друга, но эта взаимозависимость не является равнозначной. Если экологическая составляющая этой системы представлена естественной средой, которая может существовать без человека, то социальная подсистема есть искусственное образование, появившееся в результате экономической, политической и культурной деятельности человека, жизненно нуждающейся в ресурсах и напрямую детерминирована природными условиями и их состоянием. Осознание этого влечет необходимость поиска оптимальной модели взаимодействия человека и природы в условиях дальнейшего урбанистического развития социума.

Кризисная ситуация, сложившаяся в последние десятилетия в экологии городской среды, отчасти является следствием доминирования антропоцентрического мировоззрения и потребительской психологии, которые длительное время определяли отношения в системе «человек — природа». Легитимация утилитарного отношения человека к естественной среде своего жиз-

ненного пространства в совокупности с распространением установок общества потребления привела к экологическому коллапсу, выход из которого лежит в плоскости смены мировоззренческой парадигмы, которая бы утверждала гуманистическое отношение к природе.

Очевидно, что современный город представляет собой неравновесную урбоэкосистему, функционирование которой определяется не законами природы, а созидательной и разрушительной деятельностью человека, нарушающей экологический баланс в городской системе. Анализируя причины экологического кризиса современной урбанистической цивилизации, можно сказать, что становится очевидно: без изменения мировоззренческих принципов современного общества решение проблем экологического характера не представляется возможным. В качестве новой мировоззренческой парадигмы можно предложить биоцентризм или экоцентризм, который способен кардинально изменить потребительскую модель отношения человека к природе и сформировать экологическое сознание.

Методология и методы исследования.

В статье использован обосновывающий влияние ценностных установок на социальное поведение человека аксиологический подход, разрабатываемый в трудах М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса [1; 6; 12]. В российской научной традиции данный подход развивается в работах М. С. Кагана, Д. А. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и др. [9; 10; 15].

Концептуальной для исследования новой мировоззренческой парадигмы, меняющей отношения в системе «человек — природа», выступает концепция философской биоэтики, основоположниками которой считаются Г. Йонас, А. Швейцер, А. Леопольд, А. Несс [8; 18; 21; 22]. Научное исследование биоцентризма как новой модели отношения человека и природы опирается на положения теории коэволюции, представленной в трудах отечественных ученых В. И. Вернадского, Н. Н. Моисеева и др. [2; 3; 11].

В рамках исследования использовались идеи концепции устойчивого развития А. Печчеи, А. Д. Урсула, В. И. Данилова-Данильяна и др. [14; 16; 5].

Обозначенные подходы выступают теоретико-методологической основой исследования специфики биоцентризма как новой мировоззренческой модели устойчивого развития современного города.

Биоцентризм как предмет этико-философского дискурса. Первоначально проблематика биоцентризма начала анализироваться в контексте философского осмысления вопросов биоэтики. Основоположниками философской биоэтики считаются Г. Йонас, А. Швейцер, А. Леопольд, А. Несс, которые одними из первых подняли проблему этического отношения к природе, формирования ответственности человека за последствия своего вмешательства в естественные процессы биосферы. По мнению Г. Йонаса, масштабы деятельности человека должны сопровождаться и ростом ответственности. Причем в сегодняшнем мире объектом этой ответственности должна стать природа, поскольку от ее состояния зависит жизнь будущих поколений. Немецкий ученый вводит понятие «эвристика страха», которое предполагает необходимость предвидения отдаленных последствий антропогенной деятельности,

их прогнозирования и моделирования для того, чтобы по возможности избегать негативного сценария, как в отношении человека и общества, так и природы [8]. Тем самым в данном подходе значительно расширяется сфера ответственности современного человечества. Если, как пишут исследователи, «в традиционной этике этически значимая область была ограничена сугубо сферой общения между людьми, то новая этика предполагает ответственность человека за само существование природы и ее целостность» [4, с. 164]. Онтологической предпосылкой переоценки ценностей должен стать страх человечества за настоящее и будущее.

С точки зрения Г. Йонаса именно понимание глобальной опасности, нависшей над человечеством, должно лечь в основу формирования новой этики, основным принципом которой является принцип «поступай так, чтобы последствия твоих действий не были разрушительны для будущей возможности жизни как таковой» [20, с. 145]. По сути, немецкий мыслитель воспроизводит категорический императив И. Канта, выступающий основой его этики долга. Однако, если последняя обращена к сфере сугубо человеческих отношений, то новая этика ответственности Г. Йонаса включает отношения человека и природы.

Аналогичная позиция имеет место в философии культуры А. Швейцера, который, анализируя современную ситуацию, пришел к выводу об ограниченности сфер, на которые традиционно распространяются принципы этики. «Современная этика, — пишет мыслитель, — занимается нашим отношением к людям вместо того, чтобы иметь предметом наши отношения ко всему сущему» [18, с. 117]. В этом смысле сфера этической ответственности распространяется на все живое на земле, что позволяет А. Швейцеру главным принципом своей этики провозгласить «благоговение перед жизнью», посредством последнего «мы достигаем духовной связи со Вселенной» [17, с. 217]. Современные экологические вызовы, по мнению ученого, обусловлены узким пониманием этики как системы норм, ценностей и принципов, регулирующих исключительно отношения между людьми. В силу этого современная европейская философия «не может решиться сделать главный шаг, признав нравственное

отношение к живым существам требованием этики, точно таким же, как и к человеку» [23, с. 99]. Поэтому сегодня принцип «благоговение перед жизнью» относится не только к человеку и обществу, но и к природной среде.

Американский ученый-эколог А. Леопольд называет свою этическую доктрину «этикой Земли». Ее суть сводится к тому, что в условиях нынешнего экологического кризиса традиционная этика не способна изменить потребительскую модель отношения человека и природы, поскольку в этой модели природа никогда не включалась в сферу действия этических принципов. Критическая экологическая ситуация, сложившаяся в мире, заставляет расширять границы традиционной этики и распространять ее на биосферу, которая включает в себя воду, почву и всех представителей биологического мира. Данный подход меняет место человека в мировой системе, он из завоевателя природы переходит в ранг обычного представителя земного сообщества наряду с другими живыми существами. Тем самым ученый расширяет сферу «социальной совести от человека до Земли», что, по его мнению, должно способствовать выработке механизма ответственного землепользования и природоохранной деятельности.

В то же время А. Леопольд отдает себе отчет в том, что «никакая этика не в состоянии предотвратить переделку и использование биосферных ресурсов», но этика Земли «утверждает их права на продолжение существования и, по крайней мере, продолжение их существования в исходном состоянии» [21].

Следует подчеркнуть, что существующие сегодня программы, выдвигающие определенные требования к хозяйственной деятельности человека и ограничивающие ее негативное влияние на экосистему, не способны решить экологические проблемы урбанистической цивилизации, поскольку в этих программах в сферу ответственности попадают только те объекты, которые обладают экономической ценностью и практической выгодой для человека (например, водоемы, полезные ископаемые и пр.). В то же время, как отмечает А. Леопольд, «большинство членов земного сообщества не имеют экономической ценности», но имеют право на существование, поскольку они являются частью биологической системы Земли, и ущерб,

который им наносится, — это ущерб для всей биосферы [21].

Биоцентризм в качестве новой мировоззренческой парадигмы предлагается и норвежским философом А. Нессом, автором концепции «глубинной экологии». Основная идея последней сводится к тому, что биосфера — это единое пространство жизни, это сеть взаимодействий, в которой все участники взаимозависимы. В понимании А. Несса человек является лишь одним из элементов системы биосферных взаимодействий, зависимым от других ее составляющих, поэтому «попытка игнорировать нашу зависимость (от нечеловеческих форм жизни) и утверждать позицию господин — раб влечет за собой отчуждение человека от самого себя» [22].

Концепция «глубинной экологии» ориентирует на осознание жизни как планетарного явления. Современный человек, по мнению ученого, является крайне невежественным в понимании сложности биосферы, ее структуры и связей, а также в понимании своего места в этой системе в качестве одного из ее элементов. Единственный способ не разрушить окончательно эту систему связан с ограничениями человеческой деятельности, которые являются условием существования самого человека.

Данные подходы демонстрируют уход от антропоцентризма и значительно расширяют сферу этических отношений, включая в нее экосистему, остро нуждающуюся сегодня в гуманистическом отношении, которое позволит сохранить ее для будущих поколений.

По своей сути вышеназванные концепции являются продолжением развития теории коэволюции человека, общества и природы, представленной в трудах отечественных ученых В.И. Вернадского, Н.Н. Моисеева и др. Рассматривая человека как ступень эволюции, В.И. Вернадский утверждает, что человек как часть природного мира продолжил естественную эволюцию в своих специфических (социальных) формах, в которых сложились особые формы деятельности, «связанные с его мозгом, с его разумом и направленным этим разумом трудом» [3, с. 53]. Именно эта форма жизнедеятельности способствовала созданию искусственной среды, которая стала дополнять естественную. Поскольку естественная и искусственная среда — это звенья универсального эволю-

ционного процесса, деятельность человечества должна согласовываться с законами и ритмами планетарного развития, а завершающим этапом эволюции должен стать переход на уровень ноосферы как разумного и гармоничного взаимодействия человека и природы. Развивая идеи В.И. Вернадского, академик Н.Н. Моисеев считает, что решение экологических проблем современного общества лежит в плоскости изменения сознания людей [11].

Экологизация сознания как фактор устойчивого развития современного города. Научно-технический прогресс и господство антропоцентрического мировоззрения привели к тому, что человек перестал ощущать себя частью природного мира, бережно относиться к разнообразным биологическим видам, населяющим планету. Поэтому восстановление равновесия в системе «человек — природа» возможно только на основе коэволюции, которая, по мнению ученого, «означает такое поведение человека, которое имело своим результатом не деградацию биосферы, а ее развитие, то есть усложнение самой системы за счет роста числа ее элементов, развития связей и разнообразия организационных форм существования живого вещества» [11, с. 43].

Переход на вектор коэволюции возможен только на основе изменения мировоззренческих оснований общества, поскольку ни политические программы, ни технологические инновации не способны решить экологические проблемы современной урбанизированной цивилизации.

В то же время очевидно, что единственный выход из критической экологической ситуации, сложившейся во многих российских городах, лежит в плоскости формирования «новых ценностных ориентиров и моральных установок, призванных сформировать человека с экологическим сознанием. В противовес человеку-потребителю эпохи господства экономической парадигмы общественного сознания должен появиться человек эпохи новой парадигмы экологического сознания, по-настоящему разумный и гуманный как к самому себе, так и к природе» [7, с. 112]. Реализация стратегии устойчивого развития современного города возможна только через экологизацию сознания общества и отдельного человека.

Экологизация сознания представляет собой процесс формирования у людей норм и ценностей, ориентирующих на бережное отношение к природной среде и определяющих рациональную практику природопользования. Данная задача является достаточно сложной, поскольку она связана с кардинальной переоценкой ценностей, перестройкой общественного сознания, ограничением материальных потребностей людей, формированием новой институциональной среды, регулирующей взаимодействия человека и общества с природной средой.

Исследователи справедливо обращают внимание на то, что в решении экологических проблем необходим системный подход, интегрирующий два вектора — «духовный и материально-практический. Первый связан с формированием экологически ориентированного сознания и культуры, второй — с интеграцией новых ценностно-мировоззренческих установок в политику, экономику, социальную сферу» [19, с. 245].

Очевидно, что обеспечение устойчивого развития современного города возможно только на основе ухода от практик чрезмерного и демонстративного потребления. Решение этой задачи лежит в плоскости формирования новой мировоззренческой парадигмы, ключевым вектором которой является экологизация сознания современного человека. Поскольку человек выступает ключевым субъектом всех преобразований в обществе, то его деятельность детерминирована установками его сознания. Исследователи утверждают, что «существенная реорганизация сознания и деятельности людей, формирование экологической культуры в отношении к естественно-природным условиям социального развития является одним из важнейших условий сохранения целостности биосферы и ее способности к саморегуляции» [13, с. 92].

На наш взгляд, дальнейшее устойчивое развитие цивилизации по вектору урбанизации, возможно только на основе перехода от антропоцентризма и ценностей общества потребления к биоцентризму как новой мировоззренческой парадигмы современного общества.

В то же время в научном дискурсе в понимании биоцентризма как модели экологического развития социума отсутствует единый

подход. Это позволяет выделить следующие виды биоцентризма:

1) «наивный» биоцентризм, который преимущественно является характеристикой первобытного сознания и опирается на сакрализацию природы, ее одухотворение, веру в наличие кровного родства между человеком и миром природы;

2) радикальный биоцентризм, представляющий собой бескомпромиссную позицию, которая распространяет идеи антитехнизма, отрицает достижения научно-технического прогресса, требует крайнего ограничения потребностей людей и отказа от благ цивилизации;

3) осознанный биоцентризм, который является своего рода ответом на экологические вызовы, связанные с длительным господством антропоцентризма, легитимирующего идею превосходства человека над природой, потребительские практики, и предлагает расширить действия этических принципов на сферу природы, принять ответственность за результаты антропогенной деятельности и условия жизни будущих поколений.

Представляется, что именно осознанный биоцентризм способен трансформировать сознание людей в направлении экогуманизации отношения человека и природы, рационализации потребностей людей и внедрения инновационных технологий в организацию хозяйственной деятельности и повседневной жизни. Осознанный биоцентризм опирается на идеи коэволюции, которые моделируют возможный вектор дальнейшего развития цивилизации.

Заключение. Современный город является неравновесной социозкосистемой, баланс в которой определяется не природными законами, а сознательной деятельностью человека. Именно поэтому только формирование нового мировоззрения, предполагающего экологизацию сознания современного человека, способно обеспечить экологическую безопасность всем компонентам города как социозкосистеме. Дальнейшее безопасное развитие цивилизации по вектору урбанизации возможно только при условии ухода от антропоцентристских и потребительских установок, определяющих в настоящее время жизнедеятельность большинства людей.

Экологизация сознания представляет собой процесс формирования у людей норм

и ценностей, ориентирующих на бережное отношение к природной среде и определяющих рациональную практику природопользования. Данная задача является достаточно сложной, поскольку она связана с кардинальной переоценкой ценностей, перестройкой общественного сознания, ограничением материальных потребностей людей, формированием новой институциональной среды, регулирующей взаимодействия человека и общества с природной средой.

Безусловно, экологизация сознания, имплементация экологических норм в сознание и повседневные практики человека — это процесс длительный и в настоящее время далекий от своего завершения. Но экологизация сознания является не стихийным, а вполне управляемым процессом, в котором задействованы политико-правовые и образовательные институты общества.

В целом устойчивое развитие современного города возможно только на основе реализации системного подхода к проблемам экологии, включающего технологическую перестройку экономической сферы, применения энергосберегающих технологий в практике градостроительства и организации повседневной жизни горожан, формирование новой биоцентристской парадигмы, способствующей формированию экологического сознания современного человека и экологической культуры в обществе.

Список источников

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 261 с.
3. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
4. Гаджикурбанова П. А. Страх и ответственность: этика технологической цивилизации Ганса Йонаса // Этическая мысль. 2003. №4. С. 161–178.
5. Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Экологический вызов и устойчивое развитие. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 416 с.
6. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
7. Ивлев В. Ю., Ивлева М. И., Ивлева М. Л. Экологическое регулирование экономики как

понятие социальной философии // Вопросы философии. 2019. №7. С. 111–121.

8. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004. 472 с.

9. Каган М.С. Философская теория ценностей. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.

10. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1996. №4. С. 35–44.

11. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Языки русской культуры, 2000. 224 с.

12. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2002. 880 с.

13. Пахомов Ю.Н. Формирование экочеловека: методологические принципы и программные установки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 122 с.

14. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. 312 с.

15. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. 224 с.

16. Урсул А.Д. Устойчивое развитие и проблема безопасности // Безопасность. 1996. №9. С. 81–88.

17. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. 576 с.

18. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. 343 с.

19. Шевченко О.М., Штофер Л.Л. Экологическое сознание и экологическая культура в решении проблем устойчивого развития современного социума // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9(43). №3. С. 232–247.

20. Jonas H. Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation. Zürich, 1987. 431 p.

21. Leopold A. The Land Ethic [Electronic resource] URL: <http://home.btconnect.com/tipiglen/landethic.html> (date accessed: 21.06.2021).

22. Ness A. The shallow and the deep, long-range ecology movement. A summary [Electronic resource] // Inquiry. 1973. №16. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1632648918&tld> (date accessed: 21.06.2021).

23. Schweitzer A. Philosophie und Tier-schutzbewegung // Die Ehrfurcht vor dem Leb-

en. Grundtexte aus fünf Jahrzehnten. München: C.H. Beck, 2013. 167 p.

References

1. Veber M. Izbrannye proizvedenija [Selected works]. Moscow: Progress, 1990. 808 p. (In Russ.).

2. Vernadskij V.I. Biosfera i noosfera [Biosphere and noosphere]. Moscow: Nauka, 1989. 261 p. (In Russ.).

3. Vernadskij V.I. Nauchnaja mysl' kak planetnoe javlenie [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moscow: Nauka, 1991. 271 p. (In Russ.).

4. Gadzhikurbanova P.A. Strah i otvetstvennost': jetika tehnologicheskoy civilizacii Gansa Jonasa [Fear and responsibility: ethics of technological civilization by Hans Jonas]. *Jeticheskaja mysl'* [Ethical thought]. 2003; (4): 161–178. (In Russ.).

5. Danilov-Danil'jan V. I., Losev K. S. Jekologicheskij vyzov i ustojchivoe razvitie [Ecological challenge and sustainable development]. Moscow: Progress-Tradicija, 2000. 416 p. (In Russ.).

6. Djurkgejm Je. Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology. Its subject, method, purpose]. Moscow: Kanon, 1995. 352 p. (In Russ.).

7. Ivlev V. Ju., Ivleva M. I., Ivleva M. L. Jekologicheskoe regulirovanie jekonomiki kak ponjatie social'noj filosofii [Ecological regulation of the economy as a concept of social philosophy]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2019; (7): 111–121. (In Russ.).

8. Jonas G. Princip otvetstvennosti. Opyt jetiki dlja tehnologicheskoy civilizacii [The principle of responsibility. The experience of ethics for technological civilization]. Moscow: Ajris-press, 2004. 472 p. (In Russ.).

9. Kagan M. S. Filosofskaja teorija cennostej [Philosophical theory of values]. Saint Petersburg: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 p. (In Russ.).

10. Leont'ev D. A. Ot social'nyh cennostej k lichnostnym: sociogenez i fenomenologija cennostnoj reguljacii dejatel'nosti [From social values to personal values: sociogenesis and phenomenology of value regulation of activity]. *Vestnik MGU. Ser. 14. Psihologija* [Bulletin of Moscow State University. Ser. 14. Psychology]. 1996; (4): 35–44. (In Russ.).

11. Moiseev N.N. Sud'ba civilizacii. Put' Razuma [The fate of civilization. The Path of Reason]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 2000. 224 p. (In Russ.).
12. Parsons T. O strukture social'nogo dejstviya [On the structure of social action]. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2002. 880 p. (In Russ.).
13. Pahomov Ju. N. Formirovanie jekocheloveka: metodologicheskie principy i programnye ustanovki [Formation of an eco-man: methodological principles and software installations]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2002. 122 p. (In Russ.).
14. Pechchei A. Chelovecheskie kachestva [Human qualities]. Moscow: Progress, 1980. 312 p. (In Russ.).
15. Rubinshtejn S.L. Chelovek i mir [Man and the world]. Moscow: Nauka, 1997. 224 p. (In Russ.).
16. Ursul A.D. Ustojchivoe razvitie i problema bezopasnosti [Sustainable development and the problem of security]. *Bezopasnost' [Security]*. 1996; (9): 81–88. (In Russ.).
17. Shvejcer A. Blagovenie pered zhizn'ju [Reverence for life]. Moscow: Progress, 1992. 576 p. (In Russ.).
18. Shvejcer A. Kul'tura i jetika [Culture and ethics]. Moscow: Progress, 1973. 343 p. (In Russ.).
19. Shevchenko O.M., Shtofer L.L. Jekologicheskoe soznanie i jekologicheskaja kul'tura v reshenii problem ustojchivogo razvitiya sovremennogo sociuma [Ecological consciousness and ecological culture in solving the problems of sustainable development of modern society]. *Gumanitarnij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]*. 2020; 9(43) (3): 232–247. (In Russ.).
20. Jonas H. Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik frdie technologische Zivilisation. Zrich, 1987. 431 p.
21. Leopold A. The Land Ethic [Electronic resource] URL: <http://home.btconnect.com/tipiglen/landethic.html> (date accessed: 21.06.2021).
22. Ness A. The shallow and the deep, long-range ecology movement. A summary [Electronic resource] // *Inquiry*. 1973. №16. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1632648918&tld> (date accessed: 21.06.2021).
23. Schweitzer A. Philosophie und Tier-shutzbewegung // Die Ehrfurcht vor dem Leben. Grundtexte aus fünf Jahrzeiten. München: C.H. Beck, 2013. 167 p.

Статья поступила в редакцию 06.02.2022; одобрена после рецензирования 22.02.2022; принята к публикации 18.03.2022.

The article was submitted on 06.02.2022; approved after reviewing on 22.02.2022; accepted for publication on 18.03.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Майснер Татьяна Николаевна — кандидат философских наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Tatyana N. Meisner — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-263-272

ПРАВО И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Алексей Викторович Римский¹, Василий Сергеевич Любченко^{2✉}

¹Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина, Белгород, Россия

²Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹rimskiy87@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 1041649, SPIN-код: 3030-0325

²v.s.lyubchenko@gmail.com✉, ORCID: 0000-00010583302479, AuthorID РИНЦ: 372408

Аннотация. Цель исследования состоит в рефлексии права и социальной справедливости, обнаруживающих парадоксальность в российском обществе, расхождение между декларируемыми целями и реалиями социальной жизни, в том, что развитие социальной жизни и формулируемые правовые принципы находятся в состоянии смысловой и функциональной асимметрии.

Методология исследования базируется на сформированных российскими исследователями идеях социокультурных расколов хорошего общества, несправедливого социального порядка.

Результаты исследования состоят в следующем: выявлена определенная концептуальная незавершенность несоответствия понятий права и социальная справедливость в контексте того, что социальная справедливость является эпистемологической пустотой и может быть инкорпорирована в систему актуального права как мера, определяющая равенство возможностей граждан, исключая тем самым введение моральных императивов в систему права, которое в этом случае становится логикой долженствования. Важным моментом является сближение «несовершенного» права с социальной справедливостью как социальной меритократией на основе совершенствования процедурного равенства.

Перспективы исследования заключаются в том, что требуется концептуальная проработка условий соответствия права и социальной справедливости по критерию рациональности, а также выявлении реальных тенденций в оценке понимания справедливости в различных слоях российского общества, чтобы прогнозировать правовые инновации.

Ключевые слова: право, социальная справедливость, российское общество, социальная поляризация, парадоксы, соответствие, элиты

Для цитирования: Римский А. В., Любченко В. С. Право и социальная справедливость: парадоксы современного общества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 263–272. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-263-272>.

Original article

LAW AND SOCIAL JUSTICE: PARADOXES OF MODERN SOCIETY

Alexey V. Rimskiy¹, Vasiliy S. Lyubchenko²✉

¹*Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
named after I. D. Putlin, Belgorod, Russia*

²*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia*

¹*rimskiy87@mail.ru, AuthorID RSCI: 1041649, SPIN: 3030-0325*

²*v.s.lyubchenko@gmail.com✉, ORCID: 0000-00010583302479, AuthorID RSCI: 372408*

Abstract. *The purpose of the study is to reflect on law and social justice, which reveal a paradox in Russian society, a discrepancy between the declared goals and the realities of social life, that the development of social life and the formulated legal principles are in a state of semantic and functional asymmetry.*

The research methodology is based on the ideas of sociocultural splits of a good society and an unfair social order formed by Russian researchers.

The results of the study are as follows: a certain conceptual incompleteness of the discrepancy between the concepts of law and social justice is revealed in the context of the fact that social justice is an epistemological void and can be incorporated into the system of actual law as a measure determining equality of opportunities for citizens, thereby excluding the introduction of moral imperatives into the system of law, which in this case becomes the logic of duty. An important point is the convergence of «imperfect» law with social justice as a social meritocracy based on the improvement of procedural equality.

The prospects of the study lie in the fact that a conceptual study of the conditions for the conformity of law and social justice according to the criterion of rationality is required, as well as the identification of real trends in assessing the understanding of justice in various layers of Russian society in order to predict legal innovations.

Keywords: *law, social justice, Russian society, social polarization, paradoxes, conformity, elites*

For citation: *Rimskiy A. V., Lyubchenko V. S. Law and social justice: paradoxes of modern society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 263–272. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-263-272>.*

Актуальность темы исследования. Бывший Министр юстиции ЮАР, видный деятель АНК Б. Мабандла пришла к парадоксальному выводу, что Южно-Африканская конституция, принятая при всеобщем энтузиазме и поддержке «иконы» национально-освободительного движения в Африке Н. Манделы, по существу воспроизводит систему социального апартеида и не продвинула южноафриканское общество к социальной справедливости. Если сформировалось богатое африканское меньшинство, так же, как и появились «бедные белые», это не оз-

начает, что в обществе растет уверенность в социальной справедливости. По ее мнению, конституция ЮАР на три четверти скопирована из системы англо-саксонского права, в котором понятия «собственности» и прав человека являются неразделимыми. Иными словами, личность обладает правами, если является собственником. По отношению к «не собственникам» не действует принцип «правового равенства»: «не собственники» не обладают всей полнотой прав. Если обратиться к истории Британии и США, феномен расизма определяется социальными проти-

воречиями, но опять же, политика «обратной дискриминации» ни в ЮАР, ни в США не стала возможностью достижения социальной справедливости.

Какое мы в России имеем отношение к тому, что происходит на африканском континенте? Что не имеет аналогов в России в связи с «другой» историей, что Россия не переживает постколониальный дискурс? Хотя тезис «оккупации» и «деоккупации» охотно используется на постсоветском пространстве, но эта ситуация если и имеет отношение к социальной справедливости, то определяется судьбой миллионов русских и русскоязычных, прошедших горнило этнических преследований, отъема имущества, лишения работы и морально-психологического пресинга. В современном российском обществе есть запрос на социальную справедливость, так как мы являемся обществом социальной поляризации, монополии экономических, финансовых и политических элит, которые не без основания обвиняют в правовом неравенстве, в дефиците ответственности перед обществом и законом, в имплементации права как инструмента манипулирования общественным мнением и воспроизводства социального неравенства.

Обозначенные критические замечания, несмотря на их очевидность в массовом сознании, нуждаются в рефлексии, определении того, как социальная справедливость, утвердившаяся в качестве универсальной общественной меры, расходится или сходится с принципами права, о чем пишет известный немецкий исследователь О. Хеффе в эссе «Справедливость» [14]. Полагая, что при межкультурном сходстве различных культур и эпох справедливость понимается в качестве равенства «каждому по его ценности человека как такового» или в элементарном смысле «каждому по потребности».

Но межкультурный дискурс справедливости «работает» в оценке культурного наследия, принимая формы парадоксальности противоречия между реальным и декларируемым в современном обществе. Францию, страну «классической» социальной справедливости, с развитыми традициями борьбы за социальные права, характеризует принятие самых жестких ограничений проведения политики «вакцинации», что означает исполне-

ния пророчества философа С. Жижека о том, что современное западное общество подвергается «тоталитаризму» под видом заботы о здоровье человека: Жижек писал о наступлении эпохи «паноптизма» с началом борьбы за утверждение здорового образа жизни, ограничения курения в общественных местах и обязательной сертификации здоровья в вопросах трудоустройства. В этом он видел стремление современного капитализма переложить заботу о здоровье на самих трудящихся, и логика изоляции и вакцинации в современный период не противоречит мыслям С. Жижека [3].

В таком смысловом контексте высказывался немецкий философ У. Бек: «другой» модерн означает и другую социально политическую форму, когда государство осуществляет интервенционизм в священную для либерализма приватную сферу в рамках экспертной политики, обязательных советов по поведению и настроениям, одобрения запретов и ограничений на основании общественной безопасности [2]. Резюмируя данные высказывания, мы подчеркиваем актуальность реализуемой темы для современного российского общества, где россиян волнует не навязываемый западом дискурс о нарушении прав человека и возрождения практик преследования инакомыслящих, а объем их реальных социальных возможностей к допуску к удовлетворению базовых социальных потребностей в сфере социального быта, образования, здравоохранения, безопасности. Общественное настроение фиксирует углубление кризисных настроений, апатии и неуверенности в будущем, что вместе с тем не определяет повышенный интерес к правовым инновациям, связанным с социальной справедливостью.

Здесь сразу же следует оговориться, что ультралиберальные обвинения россиян в стремлении к социальному уравнительству, социальному иждивенчеству, социальной безынициативности пахнут «нафталином»: подавляющее большинство россиян сформировались в период социальной транзиции, имеющей результатом перестройку базовых социальных и правовых институтов — российское конституционное право содержит ссылки на социальное и правовое государство, но данное положение не подвергается критическому осмыслению. Вероятно, здесь

причина не только в незыблемости конституционных принципов, а в том, что конституционное право выступает по отношению к действующей социальной и правовой реальности в абстрактно всеобщем виде и в позиции россиян с конституцией связываются высшие политические начала, обнаруживается минимальный интерес к социальному влиянию конституционных норм общества в целом. Прошел период правового анархизма, но общество не достигло состояния правовой компетентности, понимания того, что правовая система регулирует общественные отношения, основываясь на взаимной ответственности и солидарности, что справедливость является результатом социальных и правовых изменений и что внушаемая обществу идея об избыточных социальных неравенствах концентрирует внимание на частностях, но не определяет существо проблемы [14].

Методология исследования. Продолжая эту мысль, следует говорить о «неслучайности», поскольку «социальная справедливость», несмотря на долгую историю и аргумент межкультурного сходства как универсального принципа человеческого общежития, является парадоксальной, включает то, что можно анализировать как эпистемологическую «пустоту» [10], не содержащую возможности сформулировать принципы отношений личности и общества, общества и государства [6]. Либеральная традиция, возникшая в эпоху Просвещения, считалась тем, что юристы имели различные мнения о соотношении рациональных принципов и обычаев в обосновании правовой системы. Но если обсуждать проблемы естественного права, самозащиты и самосохранения человека, нужно принять феноменальность, сотворенность права в общественных отношениях и дискриминировать иные, нерациональные, аргументы происхождения и воздействия права [7]. Иными словами, право стало результатом деонтологизации, детеологизации общества и человека, вошло в дискурс эпохи Просвещения и определялось как мера перехода от нецивилизованности к цивилизованности. В интеллектуальном плане была обоснована гоббсовская традиция права как основа для упорядочения гражданского (правового) общества и локковский принцип конвенционализма. Но в обоих случаях

речь шла о выходе из естественного состояния и взгляд на право как возможность объективного выражения рациональных устремлений человеческой природы. Здесь следует определиться с тем, что в правовых рассуждениях эпохи Просвещения есть место цивилизованности человека, разумности, но при этом царит скептицизм относительно того, как человек может быть разумным в своих обязанностях по отношению друг к другу, собственности и государству [12].

Опыт о человеческом вразумлении эпохи Просвещения, с одной стороны, говорит о том, что не существуют врожденные идеи справедливости и разумности, это есть результат воспитания, с другой — сам процесс воспитания нельзя предопределять добровольно, обращаясь к правовой системе как к тому, что является ограничительно моральным действием, выводит человека из естественного состояния баланса «страданий» и «удовольствий» и делает необходимым установление ограничений, связанных с поддержанием договорных отношений по поводу прав и обязанностей, озабоченности богатством, идентичностью, здоровьем, что имеет логическое завершение современной версии политики заботы о здоровье современных западных государств. Но речь идет о том, что важное обстоятельство для развития правовых взглядов эпохи Просвещения состоит в том, что личность является субстанцией, что право начинается и заканчивается в рамках индивидуальности, неразделимости прав и свобод личности [8].

И это является самым существенным свойством либеральной версии права, постоянно испытывающей когнитивную напряженность между «позитивизмом» и «негативизмом». И. Берлин характеризовал это очень точным выражением борьбы метафизических оснований, утверждающих следующее: позитивное понимание свободы как процесса беспрепятственной реализации духа и негативной, в которой речь идет о том, что нет возможности делать все, что хочешь, и что в своем индивидуалистическом виде нужно отождествлять себя с разумными критическими состояниями, контролировать не потому, что важны мотивы, а потому, что важны правовые принципы [1]. Другими словами, либеральная теория, ставшая источником

современных версий современного права, является обоснованием правового индивидуализма, в котором соображения безопасности, самоотречения личности, самоограничения во имя высших интересов не являются убедительными аргументами, а напротив, ведут к вымиранию права, к диктатуре и поощряют авторитаристские устремления личности.

В целом современный либерализм, о чем свидетельствует дискуссия либералов и коммуитаристов, с которой российский читатель был ознакомлен в конце 90-х гг., осознает уязвимость либеральной концепции в условиях не столько глобализации и утилитаризма, обосновывающих индивидуальные права и свободы вне их фундаментального значения и приводит к императивности высказываний относительно того, что если мы отступим от морального обоснования либеральных принципов, не исчезнет возможность отстаивать основные человеческие права как вполне конкретно обоснованные интересы и свободы индивидов. Для современных либеральных теоретиков наступила эпоха модификации принципа толерантности, принятия равенства различных представлений о социальном благе, что в определенной степени способствует эрозии правовых норм в контексте альтернатив различных мигрантских сообществ. Здесь ясно проявляется парадокс того, что сама политика миграции основывается на защите права личности на безопасность и благополучия, и вместе с тем принцип толерантности обязывает быть нейтральным к различным формам тех явлений, которые могут явно противоречить концепции правового индивидуализма, легитимировать патриархальную модель семейных отношений с доминированием идеологии мускулизма, воспроизводить схемы насилия и диктата в приватной сфере, и как печальный итог — ни коим образом не стимулирует лояльность к либеральным правовым принципам, в которых ведётся слабость государства и безволие общества. В большей степени можно говорить «о следах» постмодерна, наступления эпохи бессубъектной и дивидности индивида, трансформации большого нарратива о праве в малые повествования о релевантности правовых норм, действующих контекстуально и ситуативно вне критерия универсальности [4]. Здесь

удивительно проявляется зависимость российской элиты от западного дискурса о правах человека в реальности там, где эти права в классическом просвещенческом измерении исчезли и в реальности превратились в эффекты прав меньшинств обратной дискриминации, диктата культурных различий как способа новой социальной сегрегации. Принцип нейтральности современных либералов выводит соотношения между правом и социальной справедливостью вне системы справедливого сотрудничества, действует по принципу приблизительного соответствия. Таким образом, есть необходимость рассмотреть парадоксы права и социальной справедливости в современном российском обществе, исходя, во-первых, из объективного фактора, связанного с двойственной природой права, в соответствии бюрократии и государства, и субъективного фактора, определяемого тем, как понимается право, его назначение в массовом сознании россиян, определяемым образом «хорошего общества» и социальной справедливости как равенства возможностей личности.

Данная позиция нацеливает на выбор теоретико-методологического инструментария исследования, руководствуясь «бритвой Оккама», то есть определиться с методологическими принципами и процедурами, характеризующими противоречивость права и социальной справедливости в российском обществе как фактор, исторически и логически обусловленный. Данное заключение нацеливает нас на актуализацию в исследовании теории хорошего общества В.Г. Федотовой, социологии неравенства О.И. Шкаратана, власти собственности и частного пространства в России М. Трудолобова, а также в качестве сохраняющего объяснительную силу концепта социокультурных расколов А.С. Ахиезера [16].

Практически российская социогуманитарная мысль характеризуется воспроизводством рецессивности, так как явно обнаруживает склонность к выработке конфликтных позиций, спору между почвенниками и западниками, либералами и патриотами, ссылаясь при этом либо на аргумент запаздывающей рецидивирующей модернизации, либо на приоритетность социальной справедливости, имеющей корни в русской православной традиции, начиная с молчаливчества и нестяжа-

тельства. Самое «неприятное» состоит в том, что, как показывает логика развития правовой мысли в России, право воспринималось интеллигентским рефлексующим сознанием в принципе по-европейски, но не в качестве мягких переходов от архаизированных форм общественной жизни к ускоренной модернизации, а на уровне критики и ниспровержения самодержавия, регрессирующей монархии, что дало ответ в непрерывности Февральской и Октябрьской революций как перехода инициативы к радикалам, нацеленным на диктатуру пролетариата. При всем том, что современные российские марксисты (Б.И. Славин) утверждают логику перехода диктатуры пролетариата во власть трудящихся и для трудящихся, современная история России являет опыт тоталитаризма, доминанты государства над личностью и движение бюрократии к созданию системы собственной монополии [9].

Правовая система в этом контексте перестает быть пространством социальной свободы, как это мыслилось марксистской утопией, и нынешние объяснения по поводу того, что мы пережили период государственного социализма, не допускающего разнообразия собственности, культуры, самоорганизации, не является сильным аргументом в пользу того, что речь шла об устранении и преодолении эффектов бюрократизации. Поэтому, приступая к материалам исследования, мы посчитали важным определение того, в какой точке находится соотношение права и социальной справедливости в современном обществе, как отношение социальной справедливости в общественном сознании влияет на ценность права и каким образом позиция социальной справедливости может воздействовать на крепление правового равенства как условие социальной свободы.

Материалы исследования. Обратимся к такому факту, как маргинализация права в российском обществе. Кто-то удивится: в констатации данного факта не содержится принципиально нового, что подвигло бы к пониманию реальных горизонтов соотношения права и социальной справедливости в российском обществе. То есть право и социальная справедливость находятся в параллельных сферах, в общественном сознании право иг-

рает роль социального должностования, закрепления мечты о том, что для хорошего общества свойственен справедливый правовой порядок. Однако в рамках монополии правящей элиты право является реализацией идеи неконкурентной экономики, логики рантье, живущего на приватизации природных ресурсов, и как конечная цель — сохранение властных рычагов, потому что в России, как пишет О.И. Шкаратан, собственность и власть — неразделимые понятия [16].

Но в понимании маргинализации права есть определенный момент, связанный с динамикой общественных отношений, с тем, что в ранний постсоветский период возникло чувство веры в право как в переход России в цивилизованное состояние, хотя бы на уровне повторения восточно-европейского пути, что существующая анархия и хаос, расщепленность правового пространства в параде суверенитетов являются болезненными, но неизбежно уступающими место правовым процессам, в которых в одинаковой степени заинтересованы базовые социальные слои российского общества и новые социальные группы [5].

Но позиции права в современном российском обществе являются крайне неустойчивыми и уязвимыми даже не в контексте критики правоприменения, связанного с нарушениями процессуального равенства, а на более глубоких основаниях, определяемых тем, что правовые нормы используются в качестве «амальгамы» неправовых решений, с тем, что институт права «вязнет» в отношениях, в лучшем случае, характеризующих частные правовые порядки, которые могут замещать дефицит права в общественном взаимодействии, но иметь риск превращаться в доминанту, направленную на ненужность универсальных правовых норм. В этом смысле запрос на социальную справедливость форматируется через ожидания равных возможностей, то, что можно назвать стратегией обеспечения прав граждан.

Как отмечает М. Трудюлюбов, какие бы ни выдвигались претензии к частному пространству в России, оно, являясь «забором», формирует понимание «собственного дома как крепости» и в этом смысле, являясь архаичным индивидуализмом, соответствует авторитету права.

М. Трудолобов намеренно или непреднамеренно упускает один любопытный момент, связанный с тем, что социальная справедливость в предшествующий период воспринималась в официальном дискурсе, ассоциировалась с коллективным владением, коллективными ценностями, в то время как приватное пространство являлось «стихий», порождающей буржуазные «частнособственнические» пережитки [13]. Это несколько упрощенная схема тем не менее дает возможность понять, что оценка социальной справедливости в массовом сознании современного российского общества индивидуализировалась, воспринимается как благо большинства, но при этом те, кто могут оцениваться как «нелегитимные» собственники, не заинтересованы в меритократическом измерении социальной справедливости и насаждении новой социальной сословности, не являются объектом социальной зависти, в какой-то степени вызывая поддержку экспансии приватного пространства. Если речь идет о влиянии данной позиции на правовое поле, то праву приписывается охранительная функция, «застолбление» того, что было достигнуто в годы приватизационных реформ, и в этом смысле нельзя ожидать введения в правовую систему дискурса ренационализации собственности. В таком случае социальная справедливость может восприниматься как моральная декларация, как маркер того, что личность не вовлечена в «крысиные гонки обогащения», не имеет целью власть как способ коррумпирования и дистанцируется от контактов с правовой системой в качестве алгоритма обыденной жизнедеятельности [11].

Ценность права в российском обществе инструментальна, то есть признается ее значимость в качестве способа реализации жизненных целей, но если говорить о сдвигах в общественном сознании, то для российского общества не является определяющей дискурс права человека, правового государства гражданского общества. Если понимать, что подобная формула испытывает немалые потрясения на коллективном западе, связанные с тем, что характеризуется как испытание культурой, как сужение сферы воздействия права в контексте институционализации культурных групп, отрицании права как формы принятия идентичности и ссылки на традиции как обоснования изначальной причис-

ленности человека к группе. Для российского общества эти вопросы не привязываются к особенностям личности, не являются защитой справедливости и не актуальны в качестве сохранения «этнической» культуры.

Таким образом, изменения в системе права ожидаемы в контексте справедливого права, согласования с утверждением, что в обществе необходимо гарантировать «право на право» [11], то есть на утверждение права личности или группы определять границы своих прав на основании представлений о социальной справедливости. Здесь проявляется парадокс расхождения между претензией правовых норм на универсальность и ожидание действенности правовых норм в границах социальной справедливости, дифференцированной в общественном сознании. Основанием для негативной солидарности большинства россиян является то, что в сложившейся правовой системе социальная справедливость оценивается архаизмом, замещается паллиативами социальной поддержки и компенсации, которые могут восприниматься как практика зависимости населения от государственной бюрократии.

Реально речь идет о постсоветской перспективе социальной справедливости, и нынешний информационный фон, создающий образы прекрасного прошлого, в реальности ограничивает адекватную оценку социальной справедливости современности, что является результатом предыдущего катастрофизма, и правовая система сложилась из разделения общества и права, институциональной системы, ориентированной на недееспособность права в обосновании социальной справедливости, тем более, в идеале прошлого, но определенной логикой усиления значимости безопасности и сохранительства.

Резюме. Рассмотрение представленной проблематики права и социальной справедливости является достаточно актуальной в концептуальном и социально-практических аспектах, так как дискуссия либеральных теоретиков относительно неоднозначного положения западного либерализма, где традиционно сильной стороной является расширение индивидуальных прав, испытывает затруднения, связанные с претворением в жизнь либеральных принципов в сфере дистрибутив-

ной справедливости, так как под вопросом оказывается справедливость как первая добродетель общественных институтов: исходная позиция определяется тем, что действует принцип нулевой — неведение того, что человек выбирает принципы социального устройства, не предопределённые идеей социального блага, какой она может быть принята в качестве универсальной, «единообразной».

В этом смысле, как следствие, наиболее адаптивной является понимание социальной справедливости как меры, имеющей количественные показатели доступности к социальным благам, но парадокс ситуации в российском обществе заключается в том, что доминирующее в массовом сознании понимание социальной справедливости как равенства возможностей опирается на амбивалентную правовую базу, реально определяется расхождением декларативных принципов и тем, что право моралистически истолковывается, ему вменяется вина в культ формализации и веры в процедуральное равенство.

В обществе, где не обнаруживается общность судьбы под влиянием значимых социокультурных расколов, соответствие права и социальной справедливости предопределённым образом не достигнуто, так как социальная справедливость связывается с идеей всеобщего социального блага, но симптоматично право задается как идея организованности, порядка, ориентированного на ограничения «зла» в силу того, что «добро», всеобщее благо относится к высшим ценностям. Принятые в российском обществе оценки права как «несправедливого» являют собой отражение негативных стереотипов массового сознания о праве как подержании законного порядка, но не заботы об общественном благе. В таком контексте парадоксы социальной справедливости и права в современном российском обществе нуждаются в переходе на позиции симметрии несовершенной справедливости и диктата права как результата и корпорирования на всех уровнях общественной жизни правовых норм.

Список источников

1. Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое Литературное Обозрение, 2011. 448 с.

2. Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

3. Жижек С. Год невозможного. М.: Европа, 2012. 272 с.

4. Лиотар Ж. Ф. Состояние модерна. СПб.: Аллитея, 1998. 160 с.

5. На перепутье. М.: Издательская корпорация «Логос», 1999. 340 с.

6. Самосознание культуры и искусства XX в. М., СПб.: Университетская книга Культурная инициатива, 2000. 640 с.

7. Смит Р. История гуманитарных наук. М.: ГУ ВШЭ, 2008. 392 с.

8. Современный либерализм. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 248 с.

9. Социализм 21. М.: Культурная революция, 2009. 720 с.

10. Социальная эпистемология. Идеи, методы, программы. М.: «Канон+ РООН» «Реабилитация», 2010. 712 с.

11. Социальное неравенство и публичная политика. М.: Культурная Революция, 2007. 336 с.

12. Тернер Ф. М. Европейская интеллектуальная история от Руссо до Ницше. М.: Кучково поле, 2016. 384 с.

13. Трудовлюбов М. Люди за забором. Власть, собственность и частное пространство в России. М.: Новое издательство, 2015. 246 с.

14. Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.

15. Хеффе О. Справедливость. Философское введение. М.: Праксис, 2007. 192 с.

16. Шкаратан О. И. Социология неравенства теория и реальность. М.: Высшей школы экономики, 2012. 526 с.

References

1. Berlin I. *Filosofija svobody. Evropa* [Philosophy of Freedom. Europe]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2011. 448 p. (In Russ.).

2. Bek U. *Obshhestvo riska na puti k drugomu modernu* [The risk society is on the way to another modernity]. Moscow: Progress-Tradicija, 2000. 384 p. (In Russ.).

3. Zhizhek S. *God nevozmozhnogo* [The year of the impossible]. Moscow: Evropa, 2012. 272 p. (In Russ.).

4. Liotar Zh. F. *Sostojanie moderna* [The state of Art Nouveau]. Saint Petersburg: Alliteja, 1998. 160 p. (In Russ.).

5. Na pereput'e [At the crossroads]. Moscow: Izdatel'skaja korporacija «Logos», 1999. 340 p. (In Russ.).
6. Samosoznanie kul'tury i iskusstva XX v. [Self-consciousness of culture and art of the XX century]. Moscow, Saint Petersburg: Universitetskaja kniga Kul'turnaja iniciativa, 2000. 640 p. (In Russ.).
7. Smit R. Istorija gumanitarnyh nauk [History of the Humanities]. Moscow: GU VShJe, 2008. 392 p. (In Russ.).
8. Sovremennyj liberalizm [Modern liberalism]. Moscow: Dom intellektual'noj knigi, 1998. 248 p. (In Russ.).
9. Socializm 21 [Socialism 21]. Moscow: Kul'turnaja revoljucija, 2009. 720 p. (In Russ.).
10. Social'naja jepistemologija. Idei, metody, programmy [Social epistemology. Ideas, methods, programs]. Moscow: «Kanon+ROON» «Reabilitacija», 2010. 712 p. (In Russ.).
11. Social'noe neravenstvo i publichnaja politika [Social inequality and public policy]. Moscow: Kul'turnaja Revoljucija, 2007. 336 p. (In Russ.).
12. Terner F.M. Evropejskaja intellektual'naja istorija ot Russo do Nicshe [European intellectual history from Rousseau to Nietzsche]. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 384 p. (In Russ.).
13. Trudoljubov M. Ljudi za zaborom. Vlast', sobstvennost' i chastnoe prostranstvo v Rossii [People behind the fence. Power, property and private space in Russia]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2015. 246 p. (In Russ.).
14. Fedotova V.G. Horoshee obshhestvo [Good society]. Moscow: Progress-Tradicija, 2005. 544 p. (In Russ.).
15. Hefte O. Spravedlivost'. Filosofskoe vvedenie [Philosophical introduction]. Moscow: Praksis, 2007. 192 p. (In Russ.).
16. Shkaratan O.I. Sociologija neravenstva teorija i real'nost' [Sociology of inequality theory and reality]. Moscow: Vysshej shkoly je-konomiki, 2012. 526 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.01.2022; одобрена после рецензирования 28.01.2022; принята к публикации 08.02.2022.
The article was submitted on 26.01.2022; approved after reviewing on 28.01.2022; accepted for publication on 08.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

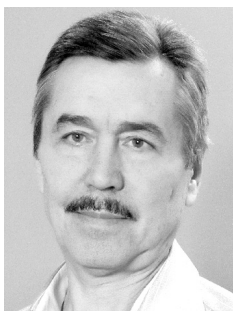

Римский Алексей Викторович — кандидат философских наук, лейтенант полиции, преподаватель кафедры «Государственно-правовые дисциплины», Белгородский юридический институт МВД РФ им. И. Д. Путилина.

Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71

Alexey V. Rimskiy — Candidate of Philosophical Sciences, Lieutenant of Police, Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putilin.

71 Gorkogo st., Belgorod, Russia

Любченко Василий Сергеевич — доктор философских наук, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Vasiliy S. Lyubchenko — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, «Social Sciences and Humanities» Department, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Римский А. В. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Любченко В. С. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Rimskiy A. V. — scientific leadership; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Lyubchenko V. S. — revision of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 130.3

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-273-280

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА: СПЕЦИФИКА И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мария Петровна Тихоновскова

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
tikhonovskova.maria@yandex.ru, ORCID: 000-0001-8616-5532, AuthorID РИНЦ: 1096051*

Аннотация. Цель исследования заключается в философском осмыслении специфики антропологического кризиса и тенденций его проявления в обществе.

Методологической основой исследования выступают идеи представителей неклассической философии, положения теории деструктивной деятельности, концепции духовного отчуждения и массового человека.

Результаты исследования. Деструктивные процессы, идущие в современном мире, обусловлены антропологическим кризисом и связаны с глубокими структурными трансформациями общества, влекущими смену мировоззренческих парадигм и соответственно переоценку ценностей. Отказ от гуманистических ориентиров в развитии общества, девальвация традиционных ценностей ставят под угрозу существование человека и культуры.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования современного антропологического кризиса и его влияния на мировоззрение и природу человека.

Ключевые слова: антропологический кризис, дегуманизация, деструктивная деятельность, духовное отчуждение, массовая культура, общество потребления, гедонизм, односторонний человек

Для цитирования: Тихоновскова М.П. Антропологический кризис как предмет философского дискурса: специфика и основные тенденции // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 273–280. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-273-280>.

Original article

ANTHROPOLOGICAL CRISIS AS A SUBJECT OF PHILOSOPHICAL DISCOURSE: SPECIFICITY AND MAIN TRENDS

Maria P. Tikhonovskova

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
tikhonovskova.maria@yandex.ru, ORCID: 000-0001-8616-5532, AuthorID RSCI: 1096051*

Abstract. *The purpose of the study is to philosophically comprehend the specifics of the anthropological crisis and the tendencies of its manifestation in society.*

The methodological basis of the study is the ideas of representatives of non-classical philosophy, the provisions of the theory of destructive activity, the concept of spiritual alienation and mass man.

Research results. *The destructive processes taking place in the modern world are caused by the anthropological crisis and are associated with deep structural transformations of society, which entail a change in worldview paradigms and, accordingly, a reassessment of values. The rejection of humanistic guidelines in the development of society, the devaluation of traditional values endanger the existence of man and culture.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research of the modern anthropological crisis and its impact on the worldview and human nature.*

Keywords: *anthropological crisis, dehumanization, destructive activity, spiritual alienation, mass culture, consumer society, hedonism, one-dimensional man*

For citation: *Tikhonovskova M. P. Anthropological crisis as a subject of philosophical discourse: specificity and main trends // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 273–280. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-273-280>.*

Введение. Современная мировая ситуация характеризуется тотальным духовным кризисом, связанным с девальвацией прежних традиционных ценностей, ростом деструктивных явлений, отсутствием идей, способных интегрировать общество для решения важных социальных проблем, мотивирующих на созидательную деятельность. Причем такая ситуация сложилась не только в нашей стране, а практически во всем мире.

Несмотря на значительные достижения в технологической сфере, появление новых информационных технологий, принципиально изменивших организацию социальных отношений, налицо развитие духовного кризиса, основной тенденцией которого является дегуманизация человека и общества.

Дегуманизация современного мира проявляется в ужесточении геополитического соперничества, росте военных конфликтов, распространении экстремистской идеологии (как религиозной, так и светской направленности), появлении различных социальных девиаций и пр. Все это несет угрозу духовной безопасности человека и социума, которая, как отмечают ученые, «означает не только и не столько неизбежность структур общества, сколько некую (всегда относительную) степень его защищенности от различных форм насилия» [2, с. 37]. Более того, дегуманизация есть результат домини-

рования в мире идеологии потребления с ее установкой на материальные блага, вещизм, распространение информационного насилия, делающее человека объектом манипуляции, преследующей экономические или политические интересы. Основной целью информационного воздействия является трансформация мировоззрения человека, обесценивание значимости его культурного мира, реформирование его сознания. Все эти тенденции нуждаются в философском осмыслении причин и проявлений духовного кризиса, охватившего человечество.

Методология и методы исследования. Начало глубокого философского осмысления проблемы антропологического кризиса связано с работами С. Кьеркегора, Ф. Ницше, О. Шпенглера, Э. Фромма, Г. Маркузе и др. [13; 17; 26; 22; 15]. Авторы остро чувствовали нарастание кризисных явлений в обществе, что определило специфику размышлений о природе человека, его мироощущении в период конца XIX — XX веков. Различные аспекты духовного кризиса человека XX века рассматриваются в работах философов-экзистенциалистов М. Бубера, А. Камю, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера [3; 9; 20; 24].

Методологической основой исследования антропологического кризиса выступают положения теории деструктивности Э. Фром-

ма [22], духовного отчуждения Г. Маркузе [14], концепция массового человека Х. Ортега-и-Гассета, А. Н. Ильина [18; 7].

Данные подходы выступают методологической основой для исследования специфики антропологического кризиса и тенденций его проявления.

Результаты. Философское осмысление проблематики антропологического кризиса представляет собой предельно обостренную рефлексию относительно положения человека в мире и перспектив его дальнейшего существования. Такая рефлексия начинается на рубеже XIX–XX веков. Так, в философии С. Кьеркегора поднимаются вопросы одиночества человека, трагизма его пребывания в мире, абсурдности человеческого существования. По мнению датского мыслителя, человек скорее иррациональное, чем рациональное существо, поскольку его поступки в большей степени обусловлены не разумом, а отчаянием. Именно последнее определяет отношение человека к миру, которое характеризуется такими эмоциями, как страх, тревога, ужас. В этом подходе отражается потерянности человека в мире, осознание бессмысленности его существования, что свидетельствует о серьезном аксиологическом кризисе конца XIX века, потере духовной опоры в жизни.

В свою очередь Ф. Ницше видит антропологический кризис в вырождении человечества, которое проявляется в сведении всего разнообразия жизненных проявлений человека к усреднённым нормам, которые препятствуют естественному течению жизни. Тем самым философ фиксирует формирование безликого человека, не способного на самостоятельные поступки, на победы, на создание нового. Эту ситуацию Ф. Ницше метафорично описывает так: «Горе! Приближается время, когда человек не родит больше звезды. Горе! Приближается время самого презренного человека, который уже не может презирать самого себя...» [17, с. 13].

В начале XX века О. Шпенглер связывает духовный кризис с закатом западной культуры, ключевыми ценностями которой становятся «неумная страсть к обладанию», территориальная экспансия и стремление к господству над другими народами. Рассматривая

западный мир как воплощение фаустовской культуры, мыслитель указывает на то, что именно последняя «была в сильнейшей степени направлена на расширение, будь то политического, хозяйственного или духовного характера; она преодолевала все географически-материальные преграды; <...> наконец, она превратила земную поверхность в одну колониальную область и хозяйственную систему» [26, с. 522].

Анализируя общественные тенденции начала XX века, О. Шпенглер уверен в том, что западная цивилизация несет миру ложные ценности, в основе которых лежит как ницшеанская идея «воли к власти», объясняющая экспансионистские практики западного мира, так и либеральная идеология, ориентирующая исключительно на получение прибыли. Очевидно, что эти идеологические установки тесно связаны между собой и определяют духовные ценности и политическую практику западной цивилизации. Именно это, по мнению философа, свидетельствует об исчерпании возможностей дальнейшего развития западной культуры. Высоко оценивая взгляды мыслителя, исследователи указывают на то, что О. Шпенглер уже в начале XX века обратил внимание на такие деструктивные процессы, как ««машинизация» жизни, отчуждение человека, скрывающее за формальной демократией господство денег над людьми», которые в дальнейшем усугубили кризисное состояние современного мира [5, с. 53].

Экзистенциальные философы описывают бытие современного человека посредством таких терминов, как «бездомность» (М. Бубер), «абсурдность» (А. Камю), «обреченность на выбор» (Ж.-П. Сартр), «бытие-к-смерти» (М. Хайдеггер). Основная проблема, которая волнует философов, это проблема одиночества человека в мире. Причем, это одиночество не является результатом воздействия внешних условий, это имманентное состояние человека XX века. Существование человека протекает в состояниях тревоги, заброшенности, страха. Подлинный смысл своего бытия открывается человеку только в пограничных ситуациях, открывающих ему весь ужас и трагизм мира. Такого рода размышления свидетельствуют о духовном кризисе человека, об утрате им смысло-жиз-

ненных ориентиров, выступающих в качестве аксиологических оснований, которые способны обеспечивать ему определенность и относительную безопасность.

В философии Э. Фромма антропологический кризис XX века проявляется в двух основных тенденциях — росте насилия и распространении гедонизма в современном мире. Причем эти тенденции тесно связаны между собой, поскольку именно в обществе потребления значительно усиливается деструктивная деятельность человека. Последнее обусловлено тем обстоятельством, что «массовое общество трансформирует и разрушает традиционную иерархию ценностей, размывает как идентичность человека, так и нормативность в сфере морали» [21, с. 112].

По мнению Э. Фромма, сегодняшний духовный кризис связан с тем, что современный человек находится в «состоянии постоянного и неизбежного дисбаланса» [22, с. 13]. Причину этого состояния мыслитель связывает с пониманием человека своей конечности, осознанием собственной беспомощности и отчужденности своего бытия, поиском духовных опор в этом мире, стремлением обрести безопасность и стабильность в условиях стремительных социальных трансформаций. Ценностный вакуум, в котором находится человек, сопровождается развитием духовного отчуждения, суть которого заключается в том, что у людей атрофируется потребность в творчестве, саморазвитии, поиске ответов на смысложизненные вопросы. В результате современный человек погружается в мир потребления и конформизма, который ориентирует его исключительно на обладание. Поэтому главным смыслом жизни человека становится стремление «иметь», что по сути определяет его идентификацию: «я есть то, чем я обладаю» [19, с. 39].

Сегодня в обществе доминирует новый тип человека — массовый человек. Уже Х. Ортега-и-Гассет фиксирует появление этого нового типа человека, основными качествами которого являются бесконечно растущие потребности, отсутствие социальных ограничений и самодовольство. Массовый человек ориентирован только на потребление, он ничего не создает, «ни с кем не считается, думая, что мир принадлежит ему и создан для него, и считая себя самодостаточным» [18, с. 100].

Проблема духовного отчуждения современного человека глубоко исследуется в философии Г. Маркузе. Осмысляя социокультурную ситуацию своего времени, ученый отмечает, что сегодняшнее общество формирует «одномерного человека», которому чуждо критическое мышление, потребность в социальных связях и творчестве. В современном обществе человек из субъекта истории превращается в объект манипуляции и включается в потребительскую гонку. Аморфность современного человека приводит к тому, что он воспринимает как норму создание и совершенствование оружия массового уничтожения, наращивание потребительских практик, систему образования, деформирующую личность и направленную на формирование человека-потребителя. Последний ориентирован исключительно на «ложные» потребности, к которым Г. Маркузе относит стремление владеть вещами и получать от этого удовольствие: «...большинство преобладающих потребностей (расслабляться, развлекаться, потреблять и вести себя в соответствии с рекламными образцами, любить и ненавидеть то, что любят и ненавидят другие) принадлежат именно к этой категории ложных потребностей» [15, с. 268].

В результате навязывания человеку ложных потребностей идет процесс стандартизации мышления, формирования одномерного человека. Постоянное стремление человека удовлетворять свои преимущественно биологические и материальные потребности ведет к духовному отчуждению, проявляющемуся в том, что люди оказываются в плену «общества потребления», полагая, что делают самостоятельный выбор, они лишь являются объектом манипулирования социальной системой. Причем такой одномерный человек, обладающий иллюзорным сознанием и ориентированный на ложные ценности, не может вырваться из этой реальности и противостоять системе. Данный подход открывает понимание того, что в условиях доминирования в обществе сугубо материальных ценностей идет процесс трансформации личности, связанный с утратой ее способностей к эмпатии, саморефлексии, созидательной деятельности.

В современном научном дискурсе к проблеме антропологического кризиса обращаются такие российские авторы, как М. Н. Бе-

рулава, П.С. Гуревич, Д.И. Дубровский, А.Н. Ильин, С.В. Калабекова, В.А. Кутырев, С.С. Хоружий, Б.Г. Юдин и др. [1; 4; 6; 7; 8; 10; 25; 27]. Авторы обращают внимание на существенные изменения в образе жизни современного человека, его ценностных ориентациях, меняющих его природу. В связи с этим ученые говорят о «конце» человека традиционного, формы социального поведения которого определялись культурными традициями, религиозными и моральными нормами, правовыми системами. По мнению исследователей, традиционный человек — это человек, имеющий сложный внутренний мир, обусловленный тем, «...что принято называть душой, ее стремлением к высшему, “сверхопытному” — духом. Именно этот тип человека создал всю ту совокупность явлений, которую мы привыкли называть “культурой”» [12, с. 9].

Очевидно, что сложившаяся в мире модель культуры не может формировать творческую, гуманистически ориентированную личность, способную в свою очередь создавать тип социальности, функционирующий на основе морального и юридического закона. Ученые справедливо указывают на то, что сегодняшнюю культурную ситуацию можно характеризовать как антикультуру, поскольку в ней доминируют «культы насилия, похоти, звериной стаи, наркокайфа в противовес культуре “подлинной”, основанной на признанных всеми мировыми религиями базовых ценностях и культах милосердия, любви, семьи, разума, добра» [1, с. 26].

Анализируя современную модель культуры как постмодернистскую, исследователи отмечают, что в ней исчезает человек традиционный, поскольку из него уже «вытравлено не только божественное начало, но элиминируется и автономность индивидуальности. Завершается эпоха прославления человека — гуманизма. Растворяется и человек как творец истории. Нарождается новый антропологический образ — человек-потребитель, человек-консьюмер» [4, с. 24].

Новый тип человека — это человек-эгоист, смысл жизни которого «состоит в сосредоточенности на себе и своих желаниях, удовлетворении собственных радостей, в противовес так называемому универсальному, выраженному в обретении счастья всем

обществом или наибольшему числу индивидов» [8, с. 21].

Данная позиция разделяется и другими авторами, полагающими, что современное общество ведет к разрушению «традиционного вида Homo vitae sapiens», <...> к отрицанию условий продолжения бытия человека как естественного социально-исторического существа, превращая его в “уходящую натуру”» [11]. На место человеку традиционному приходит массовый человек, активность которого направлена не на творчество, а сводится сугубо к удовлетворению потребностей, навязанных ему в обществе и принимаемых им за норму. В этом плане человек становится исключительно объектом манипулятивных практик, пиар-технологий, что дает основание говорить о том, что это «человек без ценностей» [12, с. 10].

Анализируя специфику массового человека, А.Н. Ильин полагает, что «омассовление, которое характерно для нашего времени, во многом вызвано новыми технологиями. То есть неуклонно протекающий технический прогресс имеет свой эрзац, побочный эффект, который выражен в антропном кризисе, переоценке ценностей и т.д.» [7, с. 57]. Формирование массового человека обусловлено внешними и внутренними факторами. К первым исследователь относит развитие массовой культуры, связанной со стандартизацией продукции, рекламой, навязываемой модой, политическим мифотворчеством. Вторые связаны с личными качествами человека, в частности конформизмом, приобретательством, отсутствием устойчивой жизненной позиции, что является благоприятной основой для манипулирования его сознанием.

Очевидно, что современный антропологический кризис проявляется не только в утрате человеком способности поднимать и решать смысложизненные вопросы, в отсутствии стремления к созидательной деятельности и гуманистическим идеалам, в ориентации на ценности общества потребления, но и в процессе деидеологизации общества, который по сути определяет вышеперечисленные тенденции.

Заключение. Деструктивные процессы, идущие в современном мире, обусловлены антропологическим кризисом и связаны

с глубокими структурными трансформациями общества, влекущими смену мировоззренческих парадигм и соответственно переоценку ценностей. Отказ от гуманистических ориентиров в развитии общества, девальвация традиционных ценностей ставят под угрозу существование не только человека и культуры, но и окружающей среды. Человек, отвернувшийся от гуманистических ценностей, лишается своей человечности, своей привязанности к людям, к своей истории и культуре, к природе, и следовательно, он легко пожертвует всем в угоду своим эгоистическим интересам. В этом аспекте исследователи правомерно связывают антропологический кризис с «торжеством деструктивной природы человека» [21, с. 110]. Очевидно, что антропологический кризис проявляется в росте деструктивной деятельности человека, которая интенсифицируется в ситуации нестабильности, непредсказуемости его дальнейшей судьбы, озабоченности своим настоящим и отсутствием образа будущего.

Философское осмысление антропологических проблем позволяет сделать вывод о том, что в основе общественного развития лежат не столько материальные и технологические достижения, сколько идеи и ценности, определяющие историческую динамику и выступающие для человека духовными опорами в условиях вызовов и угроз стабильности социума.

Список источников

1. Берулава М. Н. Антропологический кризис и перспективы человека // Вестник Университета Российской академии образования. 2006. №4. С. 26–34.
2. Борщов Н. А. Информационное насилие в современном обществе // Вестник СГТУ. 2010. №1. С. 282–290.
3. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 464 с.
4. Гуревич П. С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. 2009. №3. С. 19–31.
5. Гуревич П. С. Философия жизни: XX век // Философские науки. 1998. №2. С. 38–56.
6. Дубровский Д. И. Природа человека, массовое сознание и глобальное будущее // Философские науки. 2013. №9. С. 5–14.
7. Ильин А. Н. «Массовый» человек: его сущность и условия возникновения // Вестник Омского университета. 2009. №4. С. 51–57.
8. Калабекова С. В. Гедонизм и «принудительное счастье» общества потребления // Политика и Общество. 2018. №7. С. 17–24.
9. Камю А. Бунтующий человек. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1999. 415 с.
10. Кутырев В. А. Смерть человека и ее философское отражение в эпоху постмодерна // Социальное время. 2015. №1. С. 33–43.
11. Кутырев В. А. Философский образ нашего времени (безжизненные миры постчеловечества). Смоленск, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elcom.ru/~human/kutyrev/timeimage.html>.
12. Кутырев В. А. Человек XXI века: уходящая натура // Человек. 2001. №1. С. 9–16.
13. Кьеркегор С. Болезнь к смерти. М.: Изд-во Политической литературы, 1990. 160 с.
14. Маркузе Г. Одномерный человек // Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 251–515.
15. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 526.
16. Делёз Ж. Ницше / Пер. с франц., посл. и коммент. С. Л. Фокина. СПб.: Аxioma, 2001. 184 с.
17. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М.: Культурная Революция, 2007. 432 с.
18. Ортега и Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды. М.: Издательство «Весь Мир», 2000. 704 с.
19. Розанова А. А. Сущностные изменения современного человека как основная причина культурно-цивилизационного кризиса // Научный журнал Сервис Plus. 2013. №1. С. 38–43.
20. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
21. Сидоренко И. Н. Насилие как деструкция природы человека в философии Э. Фромма // Труды БГТУ. Сер. История, философия, филология. 2015. №5. С. 109–112.
22. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с англ. Э. М. Телятникова, Т. В. Панфилова. Минск: ООО Попурри, 1999. 635 с.

23. Фромм Э. Человеческая ситуация — ключ к гуманистическому психоанализу // Искусство любить. СПб.: Азбука, 2000. 221 с.

24. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: «Фолио», 2003. 503 с.

25. Хоружий С.С. Кризис европейского человека и ресурсы христианской антропологии // Церковь и время. 2006. №34. [Электронный ресурс]. URL: https://bogoslav.ru/journal_article/262351.

26. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. 667 с.

27. Юдин Б.Г. Еще раз о перспективах человека // Человек. 2004. №4. С. 46–49.

References

1. Berulava M.N. Antropologicheskij krizis i perspektivy cheloveka [Anthropological crisis and human prospects]. *Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovanija* [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education]. 2006; (4): 26–34. (In Russ.).

2. Borshhov N.A. Informacionnoe nasilie v sovremennom obshhestve [Informational violence in modern society]. *Vestnik SGTU*. 2010; (1): 282–290. (In Russ.).

3. Buber M. Dva obraza very [Two images of faith]. Moscow: Respublika, 1995. 464 p. (In Russ.).

4. Gurevich P.S. Fenomen deantropologizacii cheloveka [The phenomenon of human deanthropologization]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2009; (3): 19–31. (In Russ.).

5. Gurevich P.S. Filosofija zhizni: XX vek [Philosophy of life: XX century]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. 1998; (2): 38–56. (In Russ.).

6. Dubrovskij D.I. Priroda cheloveka, mass-ovoe soznanie i global'noe budushhee [Human nature, mass consciousness and the global future]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. 2013; (9): 5–14. (In Russ.).

7. Il'in A. N. «Massovyj» chelovek: ego sushhnost' i uslovija vznikovenija [«Mass» man: his essence and conditions of occurrence]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University]. 2009; (4): 51–57. (In Russ.).

8. Kalabekova S.V. Gedonizm i «prinuditel'noe schast'e» obshhestva potreblenija [Hedonism and «forced happiness» of consumer society]. *Politika i Obshhestvo* [Politics and Society]. 2018; (7): 17–24. (In Russ.).

9. Kamju A. Buntujushhij chelovek [The Rebellious man]. Moscow: TERRA — Knizhnyj klub, 1999. 415 p. (In Russ.).

10. Kutyrev V.A. Smert' cheloveka i ee filosofskoe otrazhenie v jepohu postmoderna [Human death and its philosophical reflection in the postmodern era]. *Social'noe vremja* [Social time]. 2015; (1): 33–43. (In Russ.).

11. Kutyrev V.A. Filosofskij obraz nashego vremeni (bezzhiznennye miry postchelovechestva) [The philosophical image of our time (lifeless worlds of posthumanism)]. Smolensk, 2006. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.elcom.ru/~human/kutyrev/timeimage.html>. (In Russ.).

12. Kutyrev V.A. Chelovek XXI veka: uhodjashhaja natura [Man of the XXI century: the outgoing nature]. *Chelovek* [Human]. 2001; (1): 9–16. (In Russ.).

13. K'erkegor S. Bolezn' k smerti [Illness to death]. Moscow: Izd-vo Politicheskoy literatury, 1990. 160 p. (In Russ.).

14. Markuze G. Odnomernyj chelovek [One-dimensional man]. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshhestva [Research of the ideology of a developed industrial society]. Moscow: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. P. 251–515. (In Russ.).

15. Markuze G. Jeros i civilizacija. Odnomernyj chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshhestva [Eros and civilization. One-dimensional man: A study of the ideology of a developed industrial society]. Moscow: OOO «Izdatel'stvo AST», 2002. P. 526. (In Russ.).

16. Deljoz Zh. Nicshe [Nietzsche]. Per. s franc., posl. i komment. S.L. Fokina. Saint Petersburg: Axioma, 2001. 184 p. (In Russ.).

17. Nicshe F. Tak govoril Zaratustra. Kniga dlja vseh i ni dlja kogo [Thus spoke Zarathustra. A book for everyone and for no one]. Moscow: Kul'turnaja Revoljucija, 2007. 432 p. (In Russ.).

18. Ortega i Gasset H. Vosstanie mass [The uprising of the masses]. Izbrannye trudy [Selected works]. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2000. 704 p. (In Russ.).

19. Rozanova A.A. Sushhnostnye izmenenija sovremennogo cheloveka kak osnovnaja pri-

china kul'turno-civilizacionogo krizisa [Essential changes of modern man as the main cause of the cultural and civilizational crisis]. *Nauchnyy zhurnal Servis Plus* [Scientific journal Service Plus]. 2013; (1): 38–43. (In Russ.).

20. Sartr Zh.-P. Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii [Being and nothingness: The experience of phenomenological ontology]. Moscow: Respublika, 2000. 639 p. (In Russ.).

21. Sidorenko I.N. Nasilie kak destrukcija prirody cheloveka v filosofii Je. Fromma [Violence as the destruction of human nature in the philosophy of E. Fromm]. *Trudy BGTU. Ser. Istoriya, filosofiya, filologiya* [Works of BSTU. Ser. History, philosophy, philology]. 2015; (5): 109–112. (In Russ.).

22. Fromm Je. Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti [Anatomy of human destructiveness]. Per. s angl. Je. M. Teljatnikova, T.V. Panfilova. Minsk: OOO Popurri, 1999. 635 p. (In Russ.).

23. Fromm Je. Chelovecheskaja situacija — kljuch k gumanisticheskomu psihoanalizu [The human situation is the key to humanistic psy-

choanalysis]. *Iskusstvo ljubiti* [The Art of loving]. Saint Petersburg: Azbuka, 2000. 221 p. (In Russ.).

24. Hajdegger M. Bytie i vremja [Being and time]. Per. s nem. V.V. Bibihina. Har'kov: «Folio», 2003. 503 p. (In Russ.).

25. Horuzhij S.S. Krizis evropejskogo cheloveka i resursy hristianskoj antropologii [The crisis of European man and the resources of Christian anthropology]. *Cerkov' i vremja* [Church and Time]. 2006; (34). [Elektronnyj resurs]. URL: https://bogoslav.ru/journal_article/262351. (In Russ.).

26. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. 1. Geshtal't i dejstvitel'nost' [The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. 1. Gestalt and reality]. Per. s nem., vstup. st. i primech. K.A. Svas'jana. Moscow: Mysl', 1993. 667 p. (In Russ.).

27. Judin B.G. Eshhe raz o perspektivah cheloveka [Once again about the prospects of man]. *Chelovek* [Human]. 2004; (4): 46–49. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.03.2022; одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 18.04.2022.

The article was submitted on 25.03.2022; approved after reviewing on 12.04.2022; accepted for publication on 18.04.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тихоновская Мария Петровна — младший научный сотрудник, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Maria P. Tikhonovskaya — Junior Researcher, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 3.304

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-281-290

ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ КАК ТРЕНДА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

Людмила Львовна Штофер¹, Ольга Михайловна Шевченко^{2✉}

¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹Filosophya327@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0205-7468, AuthorID РИНЦ: 928937

²olgashv2007@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0001-6726-7269, AuthorID РИНЦ: 479776

Аннотация. Цель исследования заключается в анализе процесса цифровизации и его влияния на культуру и образование.

Методологической основой исследования выступают положения теории информационного общества, концепции цифровой культуры и «общества риска».

Результаты исследования. Современное цифровое общество является результатом глубоких социокультурных трансформаций, затрагивающих в равной мере как материальные, так и духовные основы существования человека, его природу, структуру его идентичности, ценностно-мировоззренческие ориентации, а также наиболее фундаментальные социальные институты. Цифровизация общества связана не только с позитивными изменениями: оптимизацией различных процессов, новыми возможностями, связанными с организацией деятельности, но и с определенными рисками, релевантными уровню технологического развития общества.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования рисков цифровизации для сферы культуры и института образования.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, цифровая культура, цифровая среда, цифровые компетенции, цифровая идентичность, человек цифровой

Для цитирования: Штофер Л. Л., Шевченко О. М. Перспективы и риски цифровизации как тренда социального развития: культура и образование // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 281–290. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-281-290>.

Original article

PROSPECTS AND RISKS OF DIGITALIZATION AS A TREND OF SOCIAL DEVELOPMENT: CULTURE AND EDUCATION

Lyudmila L. Shtofer¹, Olga M. Shevchenko^{2✉}

¹Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹Filosophiya327@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0205-7468, AuthorID RSCI: 928937

²olgashv2007@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0001-6726-7269, AuthorID RSCI: 479776

Abstract. *The purpose of the study is to analyze digitalization as a trend in social development and its impact on culture and education.*

The methodological basis of the study is the provisions of the theory of the information society, the concept of digital culture and the «risk society».

Research results. *The modern digital society is the result of deep sociocultural transformations that equally affect both the material and spiritual foundations of human existence, its nature, the structure of its identity, value and worldview orientations, as well as the most fundamental social institutions. The digitalization of society is associated not only with positive changes: the optimization of various processes, new opportunities associated with the organization of activities, but also with certain risks that are relevant to the level of technological development of society.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research into the risks of digitalization for the sphere of culture and the institution of education.*

Keywords: *digitalization, digital technologies, digital culture, digital environment, digital competencies, digital identity, digital person*

For citation: *Shtofer L. L., Shevchenko O. M. Prospects and risks of digitalization as a trend of social development: culture and education // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 281–290. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-281-290>.*

Введение. Сегодня мир вступил в фазу информационного развития, связанного с тотальной цифровизацией всех сторон социальной жизни. Проявлением глобальности и необратимости данного процесса становятся качественные изменения всех видов контента (продающего, образовательного, развлекательного), которые обретают свойства мобильности, персонализации, управляемости. Закладываются основы цифровой культуры, базовыми компонентами которой выступают многообразные цифровые устройства и цифровые форматы традиционных средств вербальной и визуальной коммуникации. Уже сегодня цифровая среда задает параметры повседневных практик и профессиональной деятельности, кардинально меняя не только их формы, но и сознание людей.

Стремительное развитие цифровых технологий активизирует интерес исследователей к проблемам трансформации социальной реальности, её бытийным и нравственным основаниям, преимуществам и рискам виртуализации социальной жизни и т.п. [26]. Не меньший интерес вызывает самоопределение личности в новых условиях, её самоидентификация и ценностно-мировоззренчес-

кие ориентации. Все это формирует запрос на теоретическое осмысление происходящих изменений.

Методология и методы исследования.

Начало исследований цифровой культуры связано с работами зарубежных авторов, в частности, К. Гира, П. Левинсона, Дж. Маккарти, Дж. Харриса и П. Тейлора [22; 24; 25; 23]. Оценивая степень вхождения цифровых технологий в жизнь человека, ученые связывают цифровую культуру с развитием у него новых компетенций, позволяющих эффективно выполнять свои профессиональные функции. В этом аспекте цифровая культура отождествляется исследователями с наличием у человека опыта работы с компьютерной техникой, который «включает эмоциональные, интеллектуальные и чувственные аспекты человеческого взаимодействия с технологиями» [25, р. 67].

Различные аспекты цифровой культуры исследуются российскими учеными – Д. В. Галкиным, М. Ю. Захаровым, Е. Е. Елькиной, Г. У. Солдатовой и др. [4; 7; 6; 16]. По мнению ученых, являясь частью общей культуры, цифровая культура представляет

уровень развития культуры информационного общества, который призван обеспечить «современные информационные потребности человечества, прежде всего, наличие цифровой культурной среды» [7, с. 203]. Рассматривая процесс формирования новой цифровой культуры, ученые отмечают, что развитие цифровых технологий кардинально меняет образ жизни и деятельность людей.

Методологической основой для исследования рисков цифровизации выступает концепция «общества риска» У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана [1; 5; 12]. Данный подход представляется концептуальным для исследования рисков процесса цифровизации общества.

Результаты. Цифровизация радикально меняет характер общественных отношений, образ жизни людей, их потребности и способы социальной деятельности, затрагивая человеческое сознание.

Анализируя современный этап технологического развития общества, исследователи полагают, что процесс цифровизации формирует новый тип культуры – цифровую культуру, которая определяет специфику сегодняшнего общества [21]. Данная культура рассматривается как система, включающая различные социальные практики и артефакты, связанные с использованием цифровых технологий. Последние, во-первых, создают новую среду, во-вторых, пронизывая все сферы бытия, трансформируют материальные и духовно-мировоззренческие основы существования [16]. Под влиянием цифровых технологий человек по-новому начинает взаимодействовать с миром и организовывать социальную жизнь.

Цифровая культура представляет уровень развития культуры информационного общества, который призван обеспечить современные информационные потребности человечества, прежде всего наличие цифровой культурной среды [7].

Уже сегодня можно говорить о том, что цифровая культура охватывает все сферы социальной жизни: материальную (артефакты в виде цифровых устройств), символическую (языки программирования, цифровая символика), институциональную (цифровизация деятельности социальных институтов), ментальную (культурные архетипы), духовную

(совокупность определенных норм и ценностей цифровой среды) [4]. Сегодня цифровая культура — это уже не просто часть общей культуры, а способ существования и функционирования современного мира. Не случайно родоначальник исследования цифровой культуры Ч. Гир определяет «дигитальность» как атрибут культуры постиндустриального общества с учетом появления новых способов коммуникации, а также как маркер культуры, включающий соответствующие артефакты и означивания, принципиально отличающие современный образ жизни от предшествующего ему [22].

Особой областью цифровой культуры выступает её «инструментарий» – цифровые компетенции, позволяющие полноценно интегрироваться в «цифровую» среду. Во-первых, это способность находить, анализировать, интерпретировать и критически оценивать информацию и контент в цифровой среде. Во-вторых, это умение коммуницировать и сотрудничать в новой среде посредством цифровых технологий, включая навыки адаптации коммуникационных стратегий к конкретной аудитории, дифференцированной по критерию возрастных, культурных и иных различий. В-третьих, это способность к созданию и модифицированию, включая повышение качественного уровня, информации и контента. В-четвертых, это обладание навыками защиты персональных данных, цифровых устройств и цифрового контента, а также способность решать базовые технические проблемы, возникающие при работе с цифровыми устройствами.

Таким образом, цифровая культура — это, во-первых, характерное для современного общества цифровое кодирование информации и соответствующие технические системы, обеспечивающие их создание, накопление, передачу, обмен, включая коммуникативные механизмы; во-вторых, это система практик, применяемых в цифровом обществе; в-третьих, это совокупность устойчивых личностных качеств (социальных и психологических), определяющих поведение человека в цифровой среде, привычек сетевого общения, приемов работы с информацией.

Следует признать, что современные технологии изменяют не только различные сферы общественной жизни, но и самого челове-

ка. Несмотря на то, что, разрабатывая все информационно-коммуникативные инновации, человек создает новую виртуальную среду, он становится зависимым от нее: мы создаем инструменты, которые потом начинают создавать нас. Прежде всего речь идет о знаково-символическом мире, который не только формируется нами, но который формирует нас, способствуя смешению реального и виртуального, действительного и вымышленного в нашем повседневном существовании [14]. Очевидно, что синхронное пребывание человека в двух качественно различных мирах значительно трансформирует его сознание и способы самоидентификации, заставляет говорить о генезисе человека нового вида – «Homo digitalis» [11].

Неотъемлемой частью жизни, органичным «продолжением» функционала современного человека становятся высокотехнологичные гаджеты и их «бытийная» среда — интернет-пространство. Перманентная включенность индивида в виртуальную информационную среду ведет к серьезным трансформациям в структуре идентичности человека. Формируется новый, цифровой вид идентичности, далекий от её «классических» форм (этнической, национальной, религиозной, корпоративной и др.). Цифровая идентичность, одновременно и универсальная, и подчеркнута индивидуализированная, отражает переживание человеком своего нахождения в новой информационной реальности, осознание себя частью глобального виртуального пространства [17].

Разрушение традиционной идентичности в условиях интенсификации информационных потоков, вариативности средств коммуникации, виртуализации социального взаимодействия, сопровождается поиском новых форм, в которых идентичность конструируется посредством цифровых технологий, ведет к формированию принципиально новой системы ценностей.

Несмотря на то, что радикальная мировоззренческая трансформация отмечается всеми, универсальные представления относительно ценностей нового цифрового общества пока не сложились. Чаще всего речь идет о неограниченном доступе к информационно-коммуникационным технологиям и к цифровым ресурсам, цифровом равен-

стве, способности адаптироваться к виртуальной среде, уникальной возможности быть сопричастным происходящему в режиме реального времени [18]. Последнее становится для современного человека экзистенциальной ценностью [19].

Ядро новой системы ценностей — фетишизация Интернета в качестве источника абсолютного знания. Представленные контенты с разнообразным содержательным наполнением (новостные каналы, социальные сети, блоги и др.) создают открытое информационное пространство, а отсутствие внятных ценностных критериев и действенных контрольных механизмов за их функционированием способствуют формированию представлений о позитивности и ценностной равнозначности представленной информации.

Поисковые интернет-системы, позволяющие использовать множество одновременно действующих информационных источников, порождают особый тип восприятия информации, которому свойственно отсутствие единой картины исследуемого явления и её неизбежное следствие — поверхностность и фрагментарность. Вместе с тем удобство и простота использования интернет-ресурсов способствует экономии времени, до известной степени облегчает труд, прежде всего интеллектуальный, вносит разнообразие в досуговые формы времяпрепровождения.

Несмотря на то что цифровизация социальной бытия и прежде всего коммуникативная сфера затрагивает разновозрастные группы, наибольшее влияние она оказывает на молодое поколение, для которого процесс социализации неразрывно связан с цифровой средой. Коммуницирование молодежи преимущественно в социальных сетях впервые в человеческой истории начинает определяться не только характеристиками социальной группы, но и принципиально новыми, высокотехнологичными средствами общения. Данное обстоятельство позволяет прогнозировать пути дальнейшей социализации молодого поколения посредством креативных индивидуализированных видов и форм деятельности, связанных с виртуальной реальностью, и адекватных им ценностно-мировоззренческих установок, в основе которых индивидуализм, беспрепятственная сетевая коммуникация, социальная стабильность [9; 3].

Появление цифровой среды существенно изменило социокультурное пространство, в котором осуществляется социализация личности. Несмотря на то что данный процесс на протяжении последних десятилетий происходит в смешанном (оффлайн/онлайн) формате, современная молодежь (поколение Z) является «цифровыми аборигенами», для которых глобальная сеть — среда их повседневного существования. Новое поколение формируется и существует в цифровом формате, традиционная культура и её мировоззренческая основа воспринимаются им через призму цифровых форм презентации (клиповая, экранная культура, культура компьютерных игр).

Информационно-коммуникационные технологии определяют направление и характер, формы и пути развития молодого поколения, способы его поведения и виды деятельности. Готовность молодежи работать в режиме многозадачности, сетевой тип мышления способствует развитию новых видов коммуникации, личной независимости и творческого подхода.

По мнению ряда специалистов, цифровизация образования расширяет горизонты познания обучающихся, позволяет им включаться в самостоятельный поиск информации, создает условия для непрерывности образовательного процесса в течение жизни (lifelong-learning), его индивидуализации на основе технологий продвинутого обучения advanced-learning technologies [15]. Применение нового цифрового инструментария в образовании открывает широкие возможности для саморазвития личности, формирования необходимых для начала третьего тысячелетия общекультурных и профессиональных компетенций. Преимущества цифровизации образовательной сферы очевидны: движение к персонализации образовательного процесса, мобильность создания и использования онлайн-материалов, создание баз данных, аккумулирующих знания и обеспечивающих доступ к ним в том числе и для людей, проживающих в отдаленных местах, и т.д.

В связи с этим перед образовательной сферой возникают принципиально новые задачи, связанные с её системным обновлением. Более того, особая роль отводится использованию потенциала цифровых технологий для повышения эффективности образо-

вательного процесса и формирования цифровой компетенции преподавателей. Последнее сопряжено с определенными трудностями, связанными с необходимостью эффективного взаимодействия не просто разных поколений, но принципиально разных подходов к пониманию сути образовательного процесса, его целей, задач и способов реализации.

Объективно имеет место углубляющийся разрыв между поколенческой «динамичностью» студенчества и «статичностью» преподавательского корпуса (разные системы ценностей, картины мира, стили жизни, способы учения/обучения). В вузе педагоги представлены тремя поколениями: преподаватели в возрасте от 50 лет и старше (41,8%), отличающиеся высоким уровнем образования и низкой адаптивной способностью к цифровым инновациям; поколение «X» — возраст от 35 до 50 лет (50,9,6%), характерной чертой которого является высокий уровень образования и уникальная адаптивная способность к цифровым инновациям; поколение «Y» — возраст от 21 до 35 лет (7,3%), социализация которых связана с эпохой Интернета [8].

Ситуацию осложняет исторически сложившаяся «инертность» самого образовательного процесса, построенного на передаче знаний непосредственно от обучающего к обучаемому, консервативности как форм подачи учебного материала, так и контроля за его усвоением, минимальной креативности преподавателя и такой же минимальной самостоятельности учащегося.

Решение задач, связанных с цифровизацией образования, затрагивает качественно различные уровни: государственный, корпоративный, индивидуально-личностный. Государственный уровень предполагает трансформацию управления высшим образованием и формирование качественных коммуникаций и каналов обратной связи; финансовую (грантовую) поддержку вузов, внедряющих цифровые образовательные практики; программу массовой переподготовки преподавательских кадров по внедрению цифровизации в процесс обучения; систему адресного поощрения педагогов, продвигающих новые образовательные технологии. Корпоративный уровень включает обмен методико-методологическими наработками по внедрению цифрового формата в обучение, возможность

учитывать результаты прохождения онлайн-курсов других учебных заведений, реализацию практики применения единых инструментов онлайн-оценки (система прокторинга), оптимизацию расходов по созданию общей цифровой инфраструктуры путем выстраивания системы сотрудничества с другими учебными заведениями. Индивидуально-личностный уровень предполагает развитие навыков самоорганизации и самообучения, в т.ч. по совершенствованию навыков технического характера.

Цифровизация социального бытия приводит не только к позитивным изменениям (оптимизация различных процессов, новые возможности, связанные с содержанием и организацией деятельности), но и к определенным рискам, релевантным уровню технологического развития общества. Человек как субъект информационно-коммуникационных трансформаций, создатель знаково-символического мира, превращается в объект его воздействия [14]. Возникает феномен «электронного рабства», в результате которого человек утрачивает свободу, связанную в том числе с ограничением и даже управлением его духовным развитием [13].

Цифровая метаморфоза общества, о которой писал У. Бек, сопровождается социальной фрагментацией и её неизбежным следствием — атомизацией индивидов, не в последнюю очередь обусловленной все большей погруженностью человека в виртуальные миры профессиональной, досуговой, образовательной и иных сфер, поскольку реальная жизнь постепенно замещается виртуальной версией [1]. Результатом «раздвоения» реальности становится бинарная оппозиция с новыми коннотациями: реальная действительность интерпретируется не только как негативная, но и неподлинная, в то время как виртуальная, напротив, оценивается как позитивная и отвечающая потребностям современного человека [10].

Осмысливая процесс виртуализации современного общества в качестве сущностной черты происходящих изменений, Ж. Бодрийяр выделил замену реалий объективного мира их симулятивными формами и медийными мифологемами. Последние все активнее участвуют в социальном конструировании мира, что позволяет современ-

ным массмедиа создавать гиперреальность, в которой коммуникация представляет гигантский симулятивный процесс [2]. В связи с беспрецедентной ролью СМИ критерием успешности социализации индивида начинает выступать степень его восприимчивости к подобной информации.

Усиливаются позиции пассивных форм существования, не предполагающие участия в общественно значимых преобразованиях, наблюдается снижение гражданской активности. Одновременно нарастающая индивидуализация способствует росту проявлений асоциального поведения различной степени радикальности: от социофобии до социальной агрессии.

Цифровая коммуникация способствует вытеснению форм личного общения опосредованными удаленно-дистанционными, следствием которых становится увеличение объема коммуникации за счет снижения её качественного уровня, сведения на нет роли доверия и понимания её участников.

В результате цифровые технологии не способны избавить человека от серьезнейшей экзистенциальной проблемы — проблемы одиночества, лишь «завуалировав» её интенсификацией сетевого общения и имитативной задействованностью в социальных процессах.

Заключение. Вышеизложенное позволяет заключить, что цифровизация способствует радикальному изменению ценностно-мировоззренческих установок, актуализации гедонистических ориентаций, причиной которых является стремительное увеличение объемов и разнообразия информационного контента в отсутствие сформировавшегося личностного культурного ресурса. Цифровые технологии не способны выполнить гуманистические и воспитательные функции, необходимые в процессе социализации, результатом чего становится широкое распространение манипулятивных практик и их закономерное следствие — принятие объектами подобного воздействия субъективных мнений за истину, а пропагандистского медийного «продукта» — за реальный факт.

Риски, обусловленные тотальной цифровизацией системы образования, ведут к потере базовых когнитивных компетенций обучающихся, снижению общего культурно-

го уровня подготовки и утрате образованием такого значимого качества, как «фундаментальность». Картину дополняет изменение требований к квалификации специалистов, осуществляющих образовательный процесс («интеллектуальность» вытесняется технологическими компетенциями), и ориентация на образование как на услугу.

Ситуацию усугубляет возникновение нового вида неравенства, которое можно определить как неравенство цифровое, характерное и для общества внутри одной страны, и для обществ разных стран. Демаркационной линией выступает доступность передовых информационно-коммуникационных технологий, прежде всего Интернета, а также объективно существующая и усиливающаяся неравномерность технологического развития в различных регионах мира.

Таким образом, современное цифровое общество порождено глубокими социокультурными трансформациями, затрагивающими в равной мере как материальные, так и духовные основы существования человека, его ценностно-мировоззренческие ориентации, а также наиболее фундаментальные социальные институты. В связи с этим тренд современного развития — цифровая трансформация — амбивалентен, сопряжен не только с расширением возможностей, но и с серьезными рисками.

Список источников

1. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с франц. А. Качалова. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
3. Гаврилова А. В. Социально-психологические особенности ментальности «нового поколения» // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия, психология, педагогика. 2016. Т. 26. Вып. 2. С. 58–63.
4. Галкин Д. В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до технобио-тварей // Международный журнал исследований культуры. 2012. №3(8). С. 11–16.
5. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. №5. С. 107–134.
6. Елькина Е. Е. Цифровая культура: понятие, модели и практики // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2018. №2. С. 195–203.
7. Захаров М. Ю., Старовойтова И. Е., Шишкова А. В. Цифровая культура — исторический этап развития информационной культуры общества // Вестник университета. 2020. №5. С. 200–205.
8. Зеер Э. Ф., Ломовцева Н. В., Третьякова В. С. Готовность преподавателей вуза к онлайн-образованию: цифровая компетентность, опыт исследования // Педагогическое образование в России. 2020. №3. С. 26–32.
9. Кандыбович С. Л., Разина Т. В. Особенности социализации молодежи в условиях современной цифровой среды [Электронный ресурс] // Мировые цивилизации. 2019. №3–4. URL: <https://wcj.world/PDF/06PSMZ319.pdf> (дата обращения: 30.01.2022).
10. Касавина Н. А. Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. №4. С. 129–142.
11. Коломеец Т. В. Homo digitalis (человек цифровой) // Национальные приоритеты России. 2019. №2(33). С. 70–74.
12. Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. №5. С. 135–160.
13. Молчан Э. М. Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. №2. С. 55–66.
14. Некрасов А. С., Некрасов С. И., Некрасова Н. А., Клепацкий В. В. От «человека информационного» к «человеку цифровому» // Вестник университета Российской академии образования. 2019. №3. С. 4–10.
15. Никулина Т. В., Стариченко Е. Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование. 2018. №8. С. 107–113.
16. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Чигарькова С. В., Львова Е. Н. Цифровая культура: правила ответственности и регуляция // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 374–379.

17. Соловьева Л.Н. Цифровая идентичность как новый вид идентичности человека информационной эпохи // Общество: философия, история, культура. 2018. №12(56). С. 40–43.
18. Стоцкая Т.Г. Сетевое общество и виртуальная реальность // Научный взгляд в будущее. 2018. Т. 2. №11. С. 71–76.
19. Тимофеев А.В. Становление цифровой аксиологии: ключевые понятия и проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. №3. С. 73–78.
20. Труфанова О.В. Социально-философские и этические аспекты самоопределения в цифровую эпоху // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2020. Т. 10. №1(12). С. 32–37.
21. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства / пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 368 с.
22. Gere C. Digital Culture. London, Reaktion Books, 2002. 222 p.
23. Harris J. Ll., Taylor P.A. Digital Matters, Theory and culture of the matrix. London, Routledge. Xi, 2005. 210 p.
24. Levinson P. Digital McLuhan: a guide to the information society. London, Routledge. 1999. 240 p.
25. McCarthy J., ad Wright P. Technology as Experience. Cambridge, Mass. London, The MIT Press. X, 2004. 211 p.
4. Galkin D.V. Digital Culture: metodologicheskie voprosy issledovaniya kul'turnoj dinamiki ot cifrovyyh avtomatov do tehnobiotvarej [Digital Culture: methodological issues of the study of cultural dynamics from digital automata to techno-bio-creatures]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Studies]. 2012; 3(8): 11–16. (In Russ.).
5. Giddens Je. Sud'ba, risk i bezopasnost' [Fate, risk and security]. *Thesis*. 1994; (5): 107–134. (In Russ.).
6. El'kina E.E. Cifrovaja kul'tura: ponjatije, modeli i praktiki [Digital culture: concept, models and practices]. *Informacionnoe obshchestvo: obrazovanie, nauka, kul'tura i tehnologii budushhego* [Information society: education, science, culture and technologies of the future]. 2018; (2): 195–203. (In Russ.).
7. Zaharov M. Ju., Starovojtova I. E., Shishkova A. V. Cifrovaja kul'tura — istoricheskij etap razvitiya informacionnoj kul'tury obshchestva [Digital culture — the historical stage of the development of information culture of society]. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University]. 2020; (5): 200–205. (In Russ.).
8. Zeer Je. F., Lomovceva N. V., Tret'jakova V. S. Gotovnost' prepodavatelej vuza k onlain-obrazovaniju: cifrovaja kompetentnost', opyt issledovaniya [Readiness of university teachers for online education: digital competence, research experience]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia]. 2020; (3): 26–32. (In Russ.).
9. Kandybovich S. L., Razina T. V. Osobennosti socializacii molodezhi v uslovijah sovremennoj cifrovoj sredy [Features of socialization of youth in the conditions of modern digital environment] [Elektronnyj resurs]. *Mirovye civilizacii* [World civilizations]. 2019; (3-4). URL: <https://wcj.world/PDF/06PSMZ319.pdf> (data obrashhenija: 30.01.2022). (In Russ.).
10. Kasavina N.A. Chelovek i tehnika: ambivalentnost' jelektronnoj kul'tury [Man and technology: ambivalence of electronic culture]. *Jepistemologija i filosofija nauki* [Epistemology and philosophy of Science]. 2018; 55(4): 129–142. (In Russ.).
11. Kolomeec T. V. Homo digitalis (chelovek cifrovoj) [Homo digitalis (digital man)]. *Nacional'nye prioritety Rossii* [National Priorities of Russia]. 2019; 2(33): 70–74. (In Russ.).

References

12. Luman N. Ponjatie riska [The concept of risk]. *Thesis*. 1994; (5): 135–160. (In Russ.).
13. Molchan Je. M. Vlijanie cifrovizacii na formirovanie duhovno-nravstvennyh cennostej sub'ektov vzaimodejstvija v jepohu globalizacii [The influence of digitalization on the formation of spiritual and moral values of subjects of interaction in the era of globalization]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences]. 2019; (2): 55–66. (In Russ.).
14. Nekrasov A. S., Nekrasov S. I., Nekrasova N. A., Klepackij V. V. Ot «cheloveka informacionnogo» k «cheloveku cifrovomu» [From «information man» to «digital man»]. *Vestnik universiteta Rossijskoj akademii obrazovanija* [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education]. 2019; (3): 4–10. (In Russ.).
15. Nikulina T. V., Starichenko E. B. Informatizacija i cifrovizacija obrazovanija: ponjatija, tehnologii, upravlenie [Informatization and digitalization of education: concepts, technologies, management]. *Pedagogicheskoe obrazovanie* [Pedagogical education]. 2018; (8): 107–113. (In Russ.). (In Russ.).
16. Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Chigar'kova S. V., L'vova E. N. Cifrovaja kul'tura: pravila otvetstvennost' i reguljacija [Digital culture: rules, responsibility and regulation]. *Cifrovoe obshhestvo kak kul'turno-istoricheskij kontekst razvitija cheloveka: sbornik nauchnyh statej* [Digital society as a cultural and historical context of human development: a collection of scientific articles]. Kolomna: Gosudarstvennyj social'no-gumanitarnyj universitet, 2018. P. 374–379. (In Russ.).
17. Solov'eva L. N. Cifrovaja identichnost' kak novyj vid identichnosti cheloveka informacionnoj jepohi [Digital identity as a new kind of identity of a person of the information age]. *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. 2018; 12(56): 40–43. (In Russ.).
18. Stockaja T. G. Setevoe obshhestvo i virtual'naja real'nost' [Network society and virtual reality]. *Nauchnyj vzgljad v budushhee* [Scientific outlook into the future]. 2018; 2(11): 71–76. (In Russ.).
19. Timofeev A. V. Stanovlenie cifrovoj aksiologii: ključevye ponjatija i problemy [The formation of digital axiology: key concepts and problems]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences]. 2019; (3): 73–78. (In Russ.).
20. Trufanova O. V. Social'no-filosofskie i jeticheskie aspekty samoopredelenija v cifrovuju jepohu [Socio-philosophical and ethical aspects of self-determination in the digital age]. *Vestnik Novgorodskogo filiala RANHIGS* [Bulletin of the Novgorod branch of RANEPa]. 2020; 10(1(12)): 32–37. (In Russ.).
21. Shmidt Je., Kojen Dzh. Novyj cifrovoy mir. Kak tehnologii menjajut zhizn' ljudej, modeli biznesa i ponjatie gosudarstva [A new digital world. How technologies change people's lives, business models and the concept of the state]. Per. s angl. S. Filina. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2013. 368 p. (In Russ.).
22. Gere C. Digital Culture. London, Reaktion Books, 2002. 222 p.
23. Harris J. Ll., Taylor P. A. Digital Matters, Theory and culture of the matrix. London, Routledge. Xi, 2005. 210 p.
24. Levinson P. Digital McLuhan: a guide to the information society. London, Routledge. 1999. 240 p.
25. McCarthy J., ad Wright P. Technology as Experience. Cambridge, Mass. London, The MIT Press. X, 2004. 211 p.

Статья поступила в редакцию 18.02.2022; одобрена после рецензирования 02.03.2022; принята к публикации 18.03.2022.
The article was submitted on 18.02.2022; approved after reviewing on 02.03.2022; accepted for publication on 18.03.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Штофер Людмила Львовна — кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой «Философия и культурология», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). Специалист в области исследования геополитических процессов, военной, экономической и информационной безопасности, духовного отчуждения, экологической культуры. Стаж научной работы — 23 года.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

Lyudmila L. Shtofer — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Culturology, Rostov State Economic University (RINH). Specialist in the field of research of geopolitical processes, military and information security, spiritual alienation, ecological culture. Scientific work experience is 23 years.

69 Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia

Шевченко Ольга Михайловна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Конфликтология и национальная безопасность», Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет. Специалист в области исследования этнополитических процессов, межэтнических отношений, национальной и духовной безопасности общества, культуры гражданственности. Стаж научной работы — 25 лет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Olga M. Shevchenko — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University. A specialist in the field of research on ethnopolitical processes, interethnic relations, national and spiritual security of society, civil practices. Scientific work experience is 25 years.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Штофер Л.Л. — концепция исследования; написание исходного текста; итоговые выводы.

Шевченко О.М. — разработка методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Stofer L. L. — research concept; writing the source text; final conclusions.

Shevchenko O. M. — development of methodology; revision of the text; final conclusions.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

«ТЕРРА-ПОЛИТЕХ» — ИННОВАЦИИ В ОТКРЫТОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

TERRA-POLYTECH — INNOVATIONS AT THE OPEN UNIVERSITY

«Терра-Политех» — ландшафтно-дизайнерское оформление территории кампуса Южно-Российского государственного политехнического университета, символизирующее связь, взаимное дополнение и синергию его политехнических научных и образовательных направлений¹. «Терра-Политех» несет научно-образовательный и профориентационный функционал, а также служит для развития внешних и внутренних социальных связей ЮРГПУ. «Терра-Политех» поддерживает развитие трех ключевых миссий университета: образование, науку и взаимодействие с обществом.

Экспозиции «Терра-Политех» отражают направления научно-образовательной деятельности ЮРГПУ и представляют собой различные объекты, выполненные в технологиях «интернета-вещей» (Internet of Things, IoT), составляющих открытую (open) систему связанных данных (Linked Data, LD) с фиксацией уровня их развития (Level of Development, LOD).

Упорядоченные объекты, составляющие экспозицию «Терра-Политех», представляют многослойную знаковую систему дополненной реальности со сформированными отношениями «знак — означаемое», не сводимыми к причинно-следственным отношениям в сочетании с социальным окружением, которые должны стать системой, имеющей эффекты саморазвития.

Наука семиология, исследующая характерные особенности отношения «знак — означаемое», представляет термин «знак» в широком смысле как некоторый объект (в общем, произвольной природы), который при определённых условиях образует в совокупности знаковую ситуацию и может приобрести некоторое значение, могущее быть конкретным физическим предметом (явлением, процессом, ситуацией) или абстрактным понятием.

Анализ знаковых систем, например, таких как математические выражения, описывающие деятельность какого-либо объекта, приводит нас к пониманию возможностей повышения эффективности его функционирования.

Поскольку эффект саморазвития социально-экономических систем напрямую связан с термином «эффективность», следует уточнить, что мы в последующем будем под ним понимать. В научной литературе ведется достаточно широкая дискуссия о семантике понятия «эффективность». В этом номере журнала в статье «Исследование семантики термина «эффективность» мы проводим анализ англоязычных терминов «efficiency», «effectiveness» и связанных с ними интерпретаций русскоязычного термина «эффективность».

Первым объектом «Терра-Политех» является Гео-Парк, основной элемент которого — разомкнутый лабиринт, где элементы пород и минералов в качестве IoT располагаются в соответствии с петрографическим кодексом РФ. В следующем номере мы планируем опубликовать статью, посвященную эволюции научного и культурно-исторического дискурса понятия лабиринтов, который может быть положен в основу геологической экспозиции.

Бринк Иван Юрьевич, д.т.н., проф.

¹ «Терра-Политех»: инновации в открытом образовании [Электронный ресурс]. URL: <https://www.npi-tu.ru/press-center/news/glavnye/terra-politekh-innovatsii-v-otkrytom-obrazovanii/>.

Уважаемые авторы!
**Правильное оформление статьи значительно ускоряет процесс
ее обработки и передачи в работу для подготовки в печать**

Все статьи проверяются системой «Антиплагиат» (оригинальность текста не менее 85 %).

При оценке заимствований учитываются два параметра (если по одному из них выявляется превышение нормы, статья не принимается к публикации). Норма:

1-й параметр — отдельные фрагменты заимствований (в статье ни один фрагмент заимствований не должен быть выше 10 %);

2-й параметр — общая сумма заимствований (сумма всех фрагментов заимствований не должна превышать 20 %).

Статья представляется в текстовом формате, включает в себя сведения об авторе, аннотацию, текст статьи, список литературы. Все эти разделы подаются одним файлом.

Сведения об авторе

Необходимо в обязательном порядке представить:

1. ФИО автора (авторов) (на русском и англ. языках).
2. Название организации (на русском и англ. языках).
3. ORCID, Author ID РИНЦ авторов. При наличии могут быть представлены и дополнительные идентификаторы (Scopus ID и др.).
4. Указать автора, ответственного за переписку.
5. Информация об авторе: полная расшифровка имени и отчества, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, адрес, e-mail. Необходимо также указать адрес вуза (на русском и англ. языках).
6. Сведения о вкладе в работу над статьей каждого автора (на русском и англ. языках).
7. Фотография автора хорошего качества, на которой видно лицо. Фотографию можно присылать отдельным файлом.

Название и аннотация

1. Обязательно указывается тип статьи:

научная статья,

обзорная статья,

дискуссионная статья,

персоналии,

редакторская заметка,

рецензия на книгу,

рецензия на статью,

информационно-методическое сообщение,

краткое сообщение.

2. Перед названием необходимо указать УДК.

3. Название статьи (на русском и англ. языках). В названии не должно быть аббревиатур.

4. Аннотация (от 150 и не больше 250 слов) должна быть разделена на разделы:

Цель

Методология

Результаты

Перспективы исследования

Ключевые слова: 3–10 ключевых слов или словосочетаний

Благодарности

Финансирование

В аннотации не должно быть фамилий, ссылок и сокращений.

Текст

Требования к структуре статьи:

- постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;
- анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
- выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
- формулировка целей статьи (постановка задания);
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.
- в статье должна быть выделена структура. Для этого текст нужно разбить на части (Введение, Методика, Результаты, Обсуждение, Заключение). В качестве частей могут быть выделены смысловые блоки, но обязательными являются рубрики «Введение» и «Заключение».
- текст должен содержать 21–35 000 знаков (с пробелами). Сведения об авторе, аннотация и список литературы не учитываются. Минимально — 21 000 знаков с пробелами.

Оформление текста:

1. Основной текст располагается в 1 колонку.
2. Шрифт текста — Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.
3. В тексте не должно быть расставленных вручную переносов.
4. В тексте не должно быть автоматических нумерованных и маркированных списков.
5. В тексте не должно быть ссылок и гиперссылок.
6. Буквы, обозначающие переменные в формулах и размещенные в тексте статьи, не должны быть вставлены в текст в виде формул или картинок, только в виде латинских или греческих символов (пункт меню «Вставка → Символ...»).
7. Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation 3,0 или Math Type 5,0–6,0 Equation, располагаются в тексте в одну колонку.
8. Таблицы в текст должны быть вставлены в виде таблиц, а не картинок.
9. Иллюстрации только черно-белые (чтобы можно было оценить читаемость при ч/б печати), использование цвета и фона не допускается. Вместо выделения цветом на диаграммах (в Excel) делаются различные штриховки или используются оттенки черного цвета, графики выполняются пунктирными, штрихпунктирными и т.п. линиями.
10. Иллюстрации должны быть хорошего качества и размера: не стоит пытаться поставить несколько очень маленьких рисунков в ряд — они не будут читаться.
11. Все рисунки и таблицы должны иметь название.
12. Все иллюстрации, собранные из надписей в Word, необходимо сохранять и вставлять в текст в виде рисунков (.jpg, .tif, .png).
13. Рисунки могут пересылаться отдельными файлами, но в тексте нужно указать их место.
14. Абзац («красная строка») выставляется только автоматически, а не с помощью клавиш «пробел» или «табуляция».
15. Сокращения использовать не надо. Но если они и используются, то все сокращения должны быть при первом употреблении полностью расшифрованы.
16. Абзац не должен начинаться с фамилии автора.

Список источников

В тексте обязательны ссылки на источники:

- обычная ссылка — номер источника из списка литературы в квадратных скобках;

— ссылка при цитате — номер источника из списка литературы + номер страницы в квадратных скобках. В тексте в квадратных скобках указывается порядковый номер ссылки в соответствии со списком литературы.

Оформление списка источников:

- выполняется на русском языке
- строго в алфавитном порядке;
- английские источники в Списке пишутся по-английски и идут после русских (так же в алфавитном порядке); в текстовых ссылках номера страниц английских источников указываются как pages ([12, p. 5]);
- должно быть минимум 10 источников цитирования, обязательно 20 % на английском языке;
- в списке литературы под одним номером — один источник, а не список;
- самоцитирование не более 1–2 источников;
- обязательно указывать город и название издательства источника: М.: Наука, 2000;
- обязательно указывать общее количество страниц в источнике или номера страниц, которые занимает источник, если он является частью сборника, журнала и т.д.;
- транслитерация списка литературы и перевод на английский язык не нужна;
- электронные источники оформляются по ГОСТ Р 7.05-2008. Для электронных источников нужно указать те же данные, что и для журналов: автор, название статьи, название сайта (или раздела сайта) и адрес URL. В списке литературы в качестве электронных источников могут использоваться только электронные журналы.

В список литературы не включаются:

- нормативные и архивные документы;
- статистические сборники;
- справочные издания;
- газетные заметки без указания автора;
- ссылки на главные страницы сайтов.

Данные материалы оформляются в подстрочных библиографических ссылках (сносках внизу страницы). Для вставки сносок используется сквозная нумерация.

В принципе не допустимо использование в научных статьях:

- статей из внутривузовских сборников;
- авторефератов диссертаций и диссертаций;
- учебных пособий.

Для аспирантов очной формы обучения, статьи которых в порядке очереди публикуются бесплатно, необходимо представить справку с места учебы. Также для аспирантов необходима рекомендация от кафедры.

Только правильно оформленная статья с приложением всех необходимых сопроводительных документов будет рассматриваться редакцией.

При повторном обращении с неполным комплектом документов статья рассмотрена не будет.

16+

Свободная цена

Издатель и учредитель: Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Телефон: (8635) 25-51-54

Сайт: www.vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU

E-mail: vestnik-npi@yandex.ru

Отпечатано в типографии ИД «Политехник» Южно-Российского государственного
политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная

Усл. печ. л. 20,53. Уч.-изд. л. 37,0

Тираж 500 экз. Заказ №46-0329

© Составительство. Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, 2022